

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

*ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!*

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
XIII
Ч А С Т Ь I

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) 1936

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

**СТАТЬИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ,
ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

1864—1870

ПРЕДИСЛОВИЕ

В том XIII, часть 1-я, входят работы Маркса и Энгельса, написанные ими за время от основания I Интернационала до начала франко-прусской войны: с осени 1864 г. до лета 1870 г. Не входит сюда «Капитал», над рукописью которого Маркс как раз в этот период работал очень интенсивно. «Капитал» помещен в томах XVII — XIX.

Значительное место в томе занимают работы, популяризирующие экономическую теорию Маркса, в частности I том «Капитала». К этой категории относится большой доклад, прочитанный Марксом на двух заседаниях Генерального совета 20 и 27 июня 1865 г.¹, а также серия рецензий Энгельса на «Капитал». Всего в настоящем томе собрано девять рецензий; из них две остались ненапечатанными, а остальные семь появились в различных органах в Германии.

Главным же образом собранные здесь работы относятся к деятельности Маркса в Интернационале. В томе впервые собраны воедино относящиеся сюда документы Маркса и Энгельса, имеющиеся в нашем распоряжении. Необходимо отметить, что это собрание не является исчерпывающим. Собираание источников по истории I Интернационала далеко еще не закончено, не вполне еще изучена периодическая печать того времени. В дальнейшем нам несомненно удастся еще пополнить собрание документов, авторами которых являются Маркс и Энгельс.

Подробности о помещенных в настоящем томе работах, об обстановке, в которой они создавались, характеристики лиц, с которыми Марксу и Энгельсу приходилось вести борьбу, имеются в письмах Маркса и Энгельса, собранных в томах XXIII — XXVI

¹ Подробности об этом — см. письма Маркса Энгельсу от 20 мая и 24 июня 1865 г. Доклад этот был опубликован только после смерти Маркса под заглавием «Заработная плата, цена и прибыль».

настоящего издания. Так, например, подробности истории возникновения «Учредительного манифеста» I Интернационала, который помещен в начале настоящего тома, даны в письме Маркса Энгельсу от 4 ноября 1864 г.

В письмах за 1865 г. получает исчерпывающее освещение вопрос об отношении Маркса и Энгельса к лассальянскому Всеобщему германскому рабочему союзу и вождю его Швейцеру. Подробную оценку и характеристику Лассаля и организованного им движения можно найти в письмах Маркса и Энгельса друг другу и в письмах к другим лицам, в особенности же в письме Маркса Кугельману от 23 февраля 1865 г. (Соч., т. XXV).

Помещенная в настоящем томе большая работа Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» была задумана как серия статей для редактируемой Швейцером газеты «Социал-Демократ». Но статьи в газете не появились. Маркс посоветовал Энгельсу выпустить эту работу отдельной брошюрой: «Для «Социал-Демократа» эта вещь слишком велика и при нынешних условиях слишком «дерзка» (Маркс — Энгельсу 10 февраля 1865 г.). В письме от 11 февраля Маркс сделал две поправки к тексту и вполне одобрил брошюру: «Особенно мне нравится тот пункт, — писал Маркс, — где говорится, что на самом деле нынешнее движение существует только благодаря милости полиции».

В «Социал-Демократе» напечатан был «Учредительный манифест» и кроме того еще только две работы Маркса и Энгельса: статья Маркса о Прудоне и перевод датской народной песни о «барине Тидмане», сделанный Энгельсом. Песню эту Энгельс поместил потому, что она направлена «против феодального дворянства, против которого газета *должна выступить безусловно*» (Энгельс — Марксу 27 января 1865 г.). «Подло, — писал Энгельс, — в земледельческой стране, вроде Пруссии, нападать от имени промышленных рабочих только на буржуазию, не упоминая ни одним словом о патриархальной палочной эксплуатации крупным феодальным дворянством сельского пролетариата» (Энгельс — Марксу 5 февраля 1865 г.).

Маркс и Энгельс отказались от сотрудничества в «Социал-Демократе» ввиду того, что Швейцер продолжал вести курс на соглашение с Бисмарком; они напечатали заявление о своем выходе из числа сотрудников газеты с подробным разъяснением причин, почему они это делают.

В Генеральном совете I Интернационала Маркс был центральной фигурой, его руководителем. Он присутствовал почти на всех его заседаниях, составлял и редактировал манифесты, важнейшие воз-

звания, сообщения I Интернационала (письмо Линкольну — поздравление с его вторичным избранием, обращение к президенту США Джонсону и т. д.). Маркс выработывал порядок дня готовящихся конференций и конгрессов Интернационала (см., например, порядок дня конференции в Лондоне в 1865 г., порядок дня конгресса в Майнце, не состоявшегося из-за начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войны, и т. д.). Для делегатов Генерального совета на Женевском конгрессе 1866 г. Маркс написал инструкцию. Для Брюссельского конгресса в 1868 г. Маркс написал отчет Генерального совета, прочитанный на конгрессе. Для конгресса в Базеле 1869 г., где на смену старым противникам Маркса — прудонистам — выступил новый противник — Бакунин, Маркс написал не только «Отчет», но и доклад «О праве наследования», подвергший уничтожающей критике одну из догм, выдвигаемых Бакуниным против марксистской программы I Интернационала.

В томе помещен ряд документов, посвященных критике бакунизма, из которых важнейший — «Конфиденциальное сообщение». Здесь необходимо отметить, что резолюция Генерального совета от 1 января 1870 г., напечатанная как самостоятельный документ (стр. 343 — 350) на том месте, где она должна быть при расположении работ Маркса в хронологическом порядке, повторяется в «Конфиденциальном сообщении», написанном позднее, в марте 1870 г. Ввиду того, что «Конфиденциальное сообщение» — документ уже давно опубликованный (оно было опубликовано в 1902 г. в собрании писем Маркса Кугельману) и хорошо известный, мы не сочли возможным исключить из него текст резолюции от 1 января 1870 г., включенный в него Марксом; поэтому в настоящем томе текст этой резолюции повторяется дважды. В первом случае, когда резолюция напечатана как отдельный документ, в сносках даны некоторые из важнейших разночтений, имеющихсЯ в различных редакциях этого документа.

В приложениях к настоящему тому помещен ряд документов и статей, которые составлены были при ближайшем участии Маркса или редактировались им. Здесь же помещены маленькая заметка Маркса в «*Berliner Reform*» и статья Энгельса о численности армий в Шлезвиге. Эта заметка и статья хронологически должны были войти в предшествующий том. Две статьи об «Английском правительстве и заключенных фениях» даны нами также в приложениях, так как вторая из них представляет собой простой перевод сообщений из «*Irishman*», сделанный Марксом, а первая является лишь наброском статьи, пострадавшим к тому же от редакторского карандаша Де-Папа.

В приложениях печатается также серия статей дочери Маркса Женни об ирландских фениях.

* * *

Том подготовлен к печати сотрудниками Института: статьи, переведенные с немецкого, — т. *Е. Степановой*, с английского — т. *С. Ованесьян*. Доклад Маркса «Заработная плата, цена и прибыль» подготовлен т. *В. Мотыльвым*.

23 мая 1936 г.

В. Адоратский.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
СТАТЬИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ,
ДОКУМЕНТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛА
1864—1870

**УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ
И ВРЕМЕННЫЙ УСТАВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА
РАБОЧИХ,**

ОСНОВАННОГО 28 СЕНТЯБРЯ 1864 г. НА ПУБЛИЧНОМ
МИТИНГЕ, СОСТОЯВШЕМСЯ В ST. MARTIN'S HALL, LONG
ACRE В ЛОНДОНЕ.

*

Написано К. Марксом на английском языке.

*Напечатано отдельной
брошюрой 24 ноября 1864 г.*

ADDRESS
AND
PROVISIONAL RULES
OF THE
WORKING MEN'S
INTERNATIONAL ASSOCIATION,

ESTABLISHED SEPTEMBER 28, 1864,

AT A PUBLIC MEETING HELD AT ST. MARTIN'S
HALL, LONG ACRE, LONDON.

PRICE ONE PENNY.

PRINTED AT THE "BEE-HIVE" NEWSPAPER OFFICE,
19, BOLT COURT, FLEET STREET.

1864.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО МАНИФЕСТА
И ВРЕМЕННОГО УСТАВА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.
1864 г.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Рабочие!

Несомненный факт, что нищета рабочих масс с 1848 до 1864 г. не уменьшилась, несмотря на то, что по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных. В 1850 г. один умеренный, сравнительно хорошо осведомленный орган британской буржуазии предсказывал, что если ввоз и вывоз Англии возрастут на 50%, то пауперизм в этой стране сведется к нулю. Увы, 7 апреля 1864 г. канцлер казначейства привел в восторг парламентскую аудиторию заявлением, что общий оборот импорта и экспорта Англии увеличился в 1863 г. «до 443 955 000 ф. ст., — эта изумительная сумма почти втрое больше суммы торговых оборотов еще сравнительно недавно минувшей эпохи 1843 г.». Тем не менее он красноречиво говорил о «нищете». «Подумайте, — восклицал он, — о тех, которые находятся на грани нищеты», о «заработной плате, которая... не повысилась», о «человеческой жизни... которая в девяти случаях из десяти представляет только борьбу за существование». Он не говорил об ирландском народе, который на севере постепенно вытесняется машинами, а на юге — стадами овец; впрочем, даже овцы сокращаются в своем количестве в этой несчастной стране, хотя и не так быстро, как люди. Он не повторил того, о чем проговорились тогда высшие представители аристократии в припадке внезапно овладевшего ими страха. Когда паника, вызванная гарротерами¹, достигла больших размеров, палата лордов постановила произвести обследование каторги и ссылки и опубликовать результаты в виде отчета. Объемистая Синяя книга, изданная в 1863 г., убедительными официальными фактами и цифрами показала, что худшие из уголовных преступников — каторжники в Англии и Шотландии — работают гораздо меньше и питаются гораздо лучше, чем английские и шотландские сельскохозяйственные рабочие. Но это еще не все.

¹ Гарротерами, т. е. душителями, называли воров, схватывавших свои жертвы за горло. *Ред.*

Когда в результате гражданской войны в Америке рабочие Ланкашира и Чешира были выброшены на улицу, та же палата лордов послала в промышленные округа врача с поручением установить то минимальное количество углерода и азота, которое, будучи предоставлено по самой дешевой цене и в наиболее простой форме, было бы в среднем достаточно для «предупреждения заболеваний, вызываемых голодом». Доктор Смит, на которого было возложено это поручение, установил, что 28 000 гран углерода и 1 330 гран азота составляют тот недельный паек, который может поддерживать жизнь среднего взрослого человека... как раз на границе заболевания, вызываемого голодом. Далее, он нашел, что это количество почти в точности соответствует той скудной пище, которой под влиянием крайней нужды фактически вынуждены довольствоваться рабочие хлопчатобумажных фабрик *. Но теперь обратите внимание на следующее: тот же ученый врач спустя некоторое время был снова послан медицинским отделом Тайного совета для обследования питания беднейшей части трудящихся классов. Результаты его работы изложены в «Шестом санитарном отчете», изданном по распоряжению парламента в нынешнем году. Что же обнаружил этот врач? Что ткачи шелковых материй, портнихи, перчаточники, вязальщики чулок и т. п. в среднем не получают даже скудной пищи рабочих-хлопчатобумажников, не получают даже того количества углерода и азота, которого «как раз достаточно для предупреждения заболеваний, вызываемых голодом».

«Более того, — читаем мы в отчете, — что касается земледельческого населения, то оказалось, что из числа обследованных семей более одной пятой получает меньше высчитанного нами количества углеродистой пищи; что более трети их получает меньше высчитанного нами количества азотистой пищи и что в трех графствах (Беркшире, Оксфордшире, Сомерсетшире) недостаток азотистых веществ в пище оказался общераспространенным явлением». «Следует помнить, — добавляет официальный отчет, — что люди с большим трудом переносят лишения в питании и что, как правило, лишь в самых крайних случаях они идут на лишения в пи-

* Вряд ли нужно напоминать читателю, что, кроме воды и некоторых неорганических веществ, углерод и азот составляют сырье для человеческого питания. Однако для питания человеческого организма эти простые химические составные части должны быть доставляемы в виде растительных или животных веществ: например, картофель содержит главным образом углерод, между тем как пшеничный хлеб содержит углеродистые и азотистые вещества в надлежащей пропорции.

тании... В таких случаях даже соблюдение чистоты и опрятности будет считаться дорогим стоящим и затруднительным делом, и если чувство собственного достоинства все же побуждает соблюдать их, то всякие такие попытки приносят добавочные муки голода». «Это наводит на грустные размышления, особенно если вспомнить, что нищета, о которой идет речь, вовсе не является заслуженным возмездием за леность; во всех указанных случаях это — нищета трудящегося населения. На самом деле, труд, за который рабочие получают скудную пищу, в большинстве случаев оказывается чрезвычайно продолжительным». Отчет приводит странный и весьма неожиданный факт, «что из всех частей Соединенного королевства» — Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии — «даже в Англии» — в самой богатой части королевства — «земледельческое население питается гораздо хуже», чем в остальных частях; но что даже сельскохозяйственные рабочие Беркшира, Оксфордшира и Сомерсетшира питаются лучше, чем огромное число квалифицированных ремесленников — рабочих домашней промышленности в восточной части Лондона.

Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в золотой век свободной торговли, в то самое время, когда канцлер казначейства говорил в палате общин, что, «насколько нам известно, в положении британского рабочего в среднем наступило совершенно исключительное и беспримерное улучшение, какого никогда не знала ни одна страна». Этому официальному хвастовству резко противоречит сухое замечание официального санитарного отчета: «Народное здравие страны означает здоровье масс ее населения, а эти массы вряд ли будут здоровы, если они до самых низов не будут в более или менее благоприятных условиях».

Ослепленный пляской статистических цифр, свидетельствующих о «прогессе нации», канцлер казначейства восклицает в диком восторге: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны увеличился на 6%; за восемь лет, с 1853 по 1861 г., он увеличился, по сравнению с 1853 г., на 20%! Этот факт настолько изумителен, что, кажется почти невероятным!.. Этот опьяняющий рост богатства и могущества, — прибавляет г. Гладстон, — ограничивается исключительно имущими классами!»

Если вы хотите знать, при каких условиях, влекущих за собою потерю здоровья, деморализацию и умственное вырождение, создавался и создается рабочим классом этот «опьяняющий рост богатства и могущества, ограничивающийся исключительно имущими клас-

сами», то взгляните на описание мастерских мужского и дамского платья и типографий в последнем официальном санитарном отчете. Сравните с вышеприведенным утверждением изданный в 1863 г. «Отчет комиссии о детском труде», в котором, например, имеется такое заявление, что «гончары, мужчины и женщины, физически и умственно являются наиболее вырождающейся группой населения», что «нездоровый ребенок в свою очередь становится нездоровым родителем», что «прогрессирующее ухудшение расы неизбежно» и что «вырождение населения Стафффордшира было бы даже более значительным, если бы не было постоянного притока из соседних местностей и не заключались бы браки с более здоровыми группами населения». Посмотрите в Синей книге Трименхира «Жалобы подмастерьев-булочников!» А кто не содрогался от парадоксального заявления фабричных инспекторов, — подтвержденного генеральным регистратором рождений и смертности, — что ланкаширские рабочие, когда они, вследствие хлопкового голода, временно прекратили работу на хлопчатобумажных фабриках и были посажены на голодный паек, — на самом деле стали здоровее, что смертность детей в этот период уменьшилась, так как матери получили, наконец, возможность кормить их грудью, а не препаратом Годфрея.

А вот опять обратная сторона медали! Отчет о подоходном и поимущественном налоге, представленный палате общин 20 июля 1864 г., показывает нам, что число лиц с ежегодным доходом, по оценке сборщика, в 50 000 ф. ст. и выше увеличилось с 5 апреля 1862 г. по 5 апреля 1863 г. на 13, т. е. число этих лиц за один этот год возросло с 67 до 80. Из этого же отчета обнаруживается, что приблизительно 3 000 человек ежегодно делят между собой доход в 25 000 000 ф. ст., т. е. сумму, несколько даже превышающую годовой доход всей массы сельскохозяйственных рабочих Англии и Уэльса. Откройте перепись 1861 г., и вы увидите, что число землевладельцев в Англии и Уэльсе уменьшилось с 16 934 в 1851 г. до 15 066 в 1861 г.; это означает усиление концентрации земельной собственности за 10 лет на 11%. Если концентрация земельной собственности страны в руках немногих будет и далее происходить с такой же быстротой, то земельный вопрос чрезвычайно упростится. Так было и в Римской империи — Нерон скривил рот улыбкой, узнав, что половина африканской провинции принадлежит шести владельцам.

Мы так долго останавливались на этих «фактах, — настолько изумительных, что они кажутся почти невероятными», — потому что Англия стоит во главе европейской торговли и промышленности. Вспомните, что несколько месяцев тому назад один из эмигрировавших

сыновой Луи-Филиппа публично поздравлял английских сельскохозяйственных рабочих с их положением, которое якобы лучше участи их менее счастливых товарищей, живущих по ту сторону Ламанша. На деле же факты, подобные английским, повторяются во всех промышленных и передовых странах континента, только с соответственным изменением в связи с местными условиями и в несколько меньшем размере. Во всех этих странах с 1848 г. происходило неслыханное развитие промышленности и небывалое расширение ввоза и вывоза. Во всех этих странах «рост богатства и могущества, ограничивающийся исключительно имущими классами», действительно был «опьяняющим». Во всех этих странах так же, как и в Англии, только меньшинству рабочего класса удалось несколько повысить свою реальную заработную плату; но в большинстве случаев номинальное повышение заработной платы несколько не означало реального увеличения благосостояния, так же как, например, обитатель лондонских домов для бедных или приютов для сирот очень мало был благодетельствован тем, что самые необходимые для него продукты в 1861 г. стоили 9 ф. ст. 15 шилл. 8 пенс. вместо 7 ф. ст. 7 шилл. 4 пенсов в 1852 г. Повсюду широкие массы рабочего класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой выше их стоящие классы поднимались вверх по общественной лестнице. Ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни изобретения в области средств сношений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это, вместе взятое, не устранит нищеты трудящихся масс; на современной прочной основе всякое новое развитие производительных сил труда должно углублять общественные противоположности и обострять общественные антагонизмы. Во всех странах Европы для всякого непредубежденного человека это стало очевидной истиной, которую отрицают только те, кто заинтересован в том, чтобы убаюкивать людей ложными надеждами. В эту опьяняющую эпоху экономического прогресса смерть от голода стала почти правилом в столице Британской империи. Эта эпоха отмечена в летописях мира еще более частыми повторениями, еще более обширными размерами и еще более губительными результатами социальной чумы, именуемой торговым и промышленным кризисом.

После неудачи революций 1848 г. все партийные организации и органы партийной печати рабочего класса на континенте были уничтожены грубым насилием, наиболее передовые сыны рабочего класса в отчаянии бежали в заатлантическую республику, и недолговечные

мечты об освобождении исчезли с наступлением промышленной лихорадки, нравственного разложения и политической реакции. Поражение рабочего класса на континенте, которому отчасти способствовала дипломатия английского правительства, действовавшего тогда, как и теперь, в братском союзе с санкт-петербургским кабинетом, распространило вскоре свое заразительное действие и на Англию. Поражение братьев по классу на континенте привело английский рабочий класс в уныние и подорвало в нем веру в свое собственное дело, а лэндлордам и капиталистам оно вернуло их несколько поколебленную самоуверенность. Они нагло взяли обратно уступки, о которых уже было объявлено. Открытие новых золотоносных земель вызвало огромную эмиграцию, опустошившую ряды британского пролетариата. Некоторых ранее активных его членов прельстило временное увеличение количества работы и заработной платы, и они превратились в «политических штрейкбрехеров». Все попытки поддержать или преобразовать чартистское движение потерпели решительную неудачу; органы печати рабочего класса один за другим прекратили свое существование вследствие равнодушия масс; в самом деле, никогда ранее рабочий класс Англии, казалось, не примирялся до такой степени с положением политического ничтожества. Если тогда между британским пролетариатом и рабочим классом континента не существовало солидарности в действиях, то, во всяком случае, между ними существовала солидарность в поражении.

И все же истекший со времени революций 1848 г. период имел и некоторые положительные черты. Отметим здесь лишь два крупных факта.

После тридцатилетней борьбы, которую английский рабочий класс вел с изумительным упорством, он использовал временный раскол между лэндлордами и капиталистами, чтобы добиться закона о десятичасовом рабочем дне. Чрезвычайно благотворные последствия этого закона для фабричных рабочих в физическом, нравственном и умственном отношениях, отмечаемые каждые полгода в отчетах фабричных инспекторов, стали теперь общепризнанными. Большинство правительств на континенте должно было принять с более или менее значительными изменениями английский фабричный закон, и сам английский парламент вынужден ежегодно расширять сферу действия этого закона. Но в этом мероприятии для рабочих, помимо его практического значения, было еще нечто другое, что содействовало его удивительному успеху. Устами своих известнейших ученых, вроде д-ра Юра, профессора Сениора и других мудрецов того же сорта, буржуазия предсказывала и без конца доказывала,

что всякое законодательное ограничение рабочего времени должно прозвучать похоронным звоном для британской промышленности, которая, подобно вампиру, может существовать, лишь питаясь кровью, да притом еще детской кровью. В старину убийство детей было таинственным обрядом религии Молоха, но оно практиковалось лишь в некоторых высокаторжественных случаях, не чаще, вероятно, одного раза в год; притом же Молох не обнаруживал исключительной склонности к детям бедняков. Борьба вокруг законодательного ограничения рабочего времени бушевала еще неистовее не только вследствие испуга жадной буржуазии, но и из-за того, что дело шло о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем состоит политическая экономия рабочего класса. Поэтому закон о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса.

Но предстояла еще более значительная победа политической экономии труда над политической экономией собственности. Мы говорим о кооперативном движении, в особенности о кооперативных фабриках, основанных без всякой поддержки усилиями немногих смелых «рук» («hands»)¹. Значение этих великих социальных опытов не может быть переоценено. Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих (hands); они доказали, что для производства продуктов нет нужды в том, чтобы орудия труда были монополизированы в качестве орудия господства над самим трудящимся человеком и для его ограбления, и что наемный труд, подобно рабскому и крепостному труду, это лишь переходная и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с воодушевлением и радостью. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; опыты, произведенные рабочими на континенте, представляют собой практический вывод из теорий, которые если и не были изобретены в 1848 г., то все же были в этом году провозглашены во всеуслышание.

В то же время опыт в период с 1848 по 1864 г. несомненно дока-

¹ Hands — руки, употребляется также для обозначения рабочих. *Ред.*

зал, что, как бы ни был кооперативный труд превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, поскольку он ограничивается узким кругом случайных усилий отдельных рабочих. Именно поэтому, вероятно, благонамеренные аристократы, буржуазные болтуны-филантропы и даже педантичные экономисты, все, как один, вдруг стали расточать вызывающие отвращение похвалы той самой системе кооперативного труда, которую они тщетно старались погубить в зародыше, которую они осмеивали как утопию мечтателей или клеймили как кощунство социалистов. Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд необходимо развить до национальных размеров и, следовательно, поощрять его при помощи национальных средств. Но хозяева земли и капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своей экономической монополии. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут выдвигать всевозможные препятствия на его пути. Вспомните об издевательствах, с которыми лорд Пальмерстон во время последней парламентской сессии обрушился на защитников законопроекта о правах ирландских фермеров. Палата общин, — воскликнул он, — есть палата землевладельцев. Завоевание политической власти стало поэтому великою обязанностью рабочего класса. Рабочие, повидимому, поняли это, так как в Англии, Германии, Италии и Франции одновременно началось оживление и одновременно были предприняты шаги в целях политической реорганизации рабочей партии.

Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда она объединена организацией и когда ею руководит знание. Опыт прошлого показал, что недостаточно внимательное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их к взаимной поддержке в борьбе за освобождение, карается общим поражением их разрозненных усилий. Эта мысль побудила рабочих разных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. на публичном митинге в St. Martin's Hall, основать Международное товарищество.

Еще одно убеждение воодушевляло участников этого митинга.

Если освобождение рабочего класса требует братского единения и сотрудничества рабочих, то каким образом могут они выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, пре-

следуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах расточает кровь и богатства народов? Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана. Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которыми высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу; огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми находящимися в его распоряжении средствами; в случае же невозможности предотвратить ее — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали бы господствующими нормами и в международных отношениях.

Борьба за такую иностранную политику — это часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВРЕМЕННЫЙ УСТАВ ТОВАРИЩЕСТВА.

Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между

рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран;

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешнее пробуждение рабочего класса в передовых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем великим предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения до сих пор разрозненных движений;

принимая во внимание указанные соображения, нижеподписавшиеся члены комитета, уполномоченные на это постановлением публичного митинга, состоявшегося 28 сентября 1864 г. в St. Martin's Hall в Лондоне, предприняли необходимые шаги для основания Международного товарищества рабочих.

Они заявляют, что это Международное товарищество и все ширяющиеся к нему общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой своего поведения в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований или национальности.

Они считают долгом человека требовать прав человека и гражданина не только для себя самого, но и для всякого человека, выполняющего свои обязанности. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

В духе этих принципов они составили следующий временный устав Международного товарищества:

1. Настоящее Товарищество основано для того, чтобы служить центром для сношений и сотрудничества между рабочими обществами различных стран, стремящимися к одной и той же цели, а именно к защите, развитию и полному освобождению рабочего класса.

2. Общество принимает название «Международное товарищество рабочих».

3. В 1865 г. в Бельгии будет созван всеобщий конгресс рабочих, составленный из представителей тех рабочих обществ, которые пожелают присоединиться к Международному товариществу. Конгресс провозгласит перед лицом Европы общие стремления рабочего класса, утвердит окончательный устав Международного товарищества, обсудит пути и средства, необходимые для успешной деятельности последнего, и назначит Центральный совет Товарищества. Всеобщий конгресс созывается один раз в год.

4. Центральный совет заседает в Лондоне и состоит из рабочих различных стран, представленных в Международном товариществе. Он избирает из своей среды должностных лиц, необходимых для ведения дел, а именно: председателя, казначея, генерального секретаря, секретарей-корреспондентов для разных стран и т. д.

5. На своих ежегодных заседаниях всеобщий конгресс заслушивает гласный отчет о годичной деятельности Центрального совета. Центральный совет, ежегодно назначаемый конгрессом, имеет право пополнять свой состав новыми членами. В случае крайней необходимости Центральный совет может созвать всеобщий конгресс ранее установленного годичного срока.

6. Центральный совет должен служить интернациональным посредником между различными сотрудничающими обществами, чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы можно было одновременно и под общим руководством предпринять исследование социальных условий в различных странах Европы; чтобы вопросы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, могли обсуждаться всеми и чтобы тогда, когда потребуются немедленные практические меры, например в случае международных столкновений, все общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и единообразно. Всякий раз, когда это окажется своевременным, Центральный совет будет брать на себя инициативу по внесению предложений в различные национальные или местные общества.

7. Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а, с другой стороны, полезность международного Центрального совета в значительной степени зависит от того, будет ли он иметь дело с немногими национальными центрами рабочих товариществ или с множеством мелких и разрозненных местных обществ, то члены Международного товарищества должны, каждый в своей стране, употребить все свои силы для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами. Само собой разумеется, однако, что применение этой статьи устава зависит от особенностей законов каждой страны и что, независимо от наличия препятствий, чинимых законами, каждое самостоятельное местное общество может входить в непосредственные сношения с лондонским Центральным советом.

8. До созыва первого конгресса комитет, избранный 28 сентября 1864 г., будет действовать в качестве временного Центрального совета, будет стремиться установить связь с рабочими товарище-

ствами различных стран, вербовать членов в Англии, принимать подготовительные меры к созыву всеобщего конгресса и обсуждать с национальными и местными обществами основные вопросы, которые должны быть предложены этому конгрессу.

9. Каждый член Международного товарищества, переезжающий на жительство из одной страны в другую, получит братскую поддержку объединенных в Товариществе рабочих.

10. Объединяясь в неразрывный союз братского сотрудничества, рабочие общества, вступающие в Международное товарищество, сохраняют однако в неприкосновенности свои уже существующие организации.

NB. Лица, живущие в Англии, могут вступать в Товарищество, уплачивая 1 шиллинг в год, причем им вручается членская карточка.

Состав временного Центрального совета по национальностям.

Англичане: Лонгмейд, Уорли, Лино, Уитлок, Фокс, Блекмор, Хартуэлл, Пиджин, Лекрафт, Уэстон, Делл, Шерман, Ниасс, Шоу, Лейк, Бекли, Оджер, Хауэлл, Осборн, Картер, Грей, Уилер, Стейнсби, Морган, Гроссмит, Кример, Дик.

Французы: Денуаль, Ле Любе, Журден, Мориссо, Леру, Бордаж, Бокке, Таландье, Дюпон.

Итальянцы: Л. Вольф, Фонтана, Сетаччи, Альдрованди, Лама, Солюстри.

Швейцарцы: Нусперли, Юнг.

Немцы: Эккариус, Вольф, Отто, Лесснер, Пфендер, Лохнер, Маркс, Кауб, Боллетер.

Поляки: Холторн, Рыбчинский.

Джордж Оджер — председатель Центрального совета.

Джордж В. Уилер — почетный казначей.

Карл Маркс — почетный секретарь-корреспондент для Германии.

Дж. П. Фонтана — почетный секретарь-корреспондент для Италии.

Дж. Э. Холторн — почетный секретарь-корреспондент для Польши.

Герман Ф. Юнг — почетный секретарь-корреспондент для Швейцарии.

П. В. Ле Любе — почетный секретарь-корреспондент для Франции.

Вильям Р. Кример — почетный генеральный секретарь.

[ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ВЕОВАХТЕР»¹.]

28 ноября 1864 г.
1. Modena Villas, Maitland Park
Haverstock Hill, London.

Господин редактор!

Прошу Вас поместить прилагаемый документ, касающийся г. *Карла Блинда*.

То же самое заявление и в такой же форме — в виде письма в редакцию штутгартского «*Veobachter*» — послано мною для опубликования нескольким прусским газетам; оно будет также помещено в *здесьней немецкой газете*, так что ответственность за него несу исключительно я.

Уважающий Вас

К. Маркс.

Напечатано в «*Der Veobachter*» № 282
от 3 декабря 1864 г.

¹ Редакция «*Veobachter*» ограничилась опубликованием этого письма Маркса и своих собственных «комментариев» по поводу приложенного к письму заявления Маркса. Текст заявления Маркса в «*Veobachter*», которое было опубликовано в «*Nordstern*», см. ниже, стр. 18. *Ред.*

РЕДАКТОРУ «ВЕОВАСНТЕР»

В ШТУТГАРТ.

28 ноября 1864 г.

1. Modena Villas, Maitland Park.

Милостивый государь!

При посредстве своего подставного лица, д-ра Броннера из Бредфорда, г. *Карл Блинд* отправил Вам послание о г. Карле Блинде, в защиту г. Карла Блинда и по поводу г. Карла Блинда, где среди прочих курьезов проскользнула следующая фраза:

«К исчерпанному после всесторонних разъяснений и снова извлеченному редакцией на свет божий старому спору» по поводу памфлета «Предостережение», направленного *против Фогта*, «я здесь не желаю возвращаться». Он «не желает возвращаться!» Какое великодушие! В доказательство того, что самонадеянное тщеславие г. Карла Блинда то и дело заставляет г. Карла Блинда выходить за пределы чистого комизма, достаточно указать на *мою работу* против *Фогта*. Из ответа Блинда Вы и Ваши читатели должны вывести заключение, что обвинения, выдвинутые в этой работе против г. Карла Блинда, «опровергнуты всесторонними разъяснениями». На самом же деле г. Карл Блинд, проявляющий обычно такую страсть к писанию, *ни разу* со времени появления моего сочинения, т. е. на протяжении 4 лет, не отважился обмолвиться ни единым словечком и уж тем более «возвращаться к старому спору» со «всесторонними разъяснениями». Наоборот, г. Карл Блинд успокоился на том, что его заклеямили именем «*гнутого лжеца*» (см. стр. 66 и 67 моей работы¹). Г-н Карл Блинд неоднократно публично заявлял, что *он не знает, кто* выпустил памфлет против Фогта, что «он совершенно непричастен к этому делу» и т. д. Кроме того, г. Карл Блинд опубликовал свидетельское показание владельца типографии *Фиделио Холлингера*, подкрепленное свидетельским показанием наборщика *Вие*, о том, что памфлет не был отпечатан в типографии Холлингера и не исходил от г. Карла Блинда. В моем сочинении

¹ Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 349. *Ред.*

против Фогта приведены *affidavits* (данные под присягой показания) наборщика *Фегеле* и самого *Вие* в *полицейском суде на Баустрит в Лондоне*, которыми доказано, что тот же самый г. Карл Блинд написал рукопись памфлета, поручил напечатать ее в типографии Холлингера, собственноручно правил корректурные листы и что для опровержения этих фактов он *состряпал ложное показание*, посулив за это ложное показание деньги от имени Холлингера и благодарность в будущем от своего собственного имени, *выманил подпись у наборщика Вие* и, наконец, отправил этот состряпанный им фальшивый документ с добытой им самим подписью Вие в Аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» и другие немецкие газеты как полное благодарного негодования доказательство моего «злостного измышления». Пригвожденный таким образом к позорному столбу, г. Карл Блинд умолк. Почему? Потому что (см. стр. 69 моей работы¹) он мог опровергнуть опубликованные мною *affidavits* только посредством *контр-affidavits*, но при этом, однако, он «попал под суровую юрисдикцию английского суда», который «с подлогами не шутит».

В упомянутом послании в вашу газету содержатся также фантастические сообщения относительно американских подвигов Карла Блинда. Для выяснения этого вопроса разрешите мне привести выдержку из письма *И. Вейдемейера*, которое было мною получено несколько дней тому назад. Как вы, вероятно, помните, *И. Вейдемейер* редактировал в свое время вместе с *О. Люнингом* «Neue Deutsche Zeitung» во Франкфурте и был всегда одним из лучших борцов немецкой рабочей партии. Вскоре после начала гражданской войны в Америке он вступил в ряды федералистов. Его перевели из Фремонта в Сен-Луи, где он служил сперва капитаном в местном корпусе инженерных войск, затем подполковником в артиллерийском полку, а когда недавно Миссури снова угрожало вражеское вторжение, он получил вдруг приказ организовать 41-й полк миссурийских волонтеров, во главе которого он находится сейчас в чине полковника. Из Сен-Луи, главного города штата Миссури, где стоит его полк, *Вейдемейер* сообщает следующее:

«В приложении ты найдешь вырезку из здешней газеты «Westliche Post», в которой литературный мародер *Карл Блинд* опять с невероятно важным видом выступает от имени «немецких республиканцев». Правда, здешним людям довольно-таки безразлично, каким образом он искажает стремления и агитацию *Дассаля*: тот, кто читал работы последнего, знает, как ему отнестись к шутловству

¹ Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 351. Ред.

Блинда; но кто не дал себе труда ознакомиться поближе с лассалевской агитацией, может, пожалуй, доверчиво восхищаться мудростью и «стойкостью убеждений» этого великого баденца, заговорщика *par excellence* [по преимуществу] и члена всех тайных обществ и будущих временных правительств; суждения его никакого значения не имеют. *К тому же здесь люди слишком заняты другими делами, чтобы интересоваться протестами Блинда.* Но на родине все-таки стоило бы как следует ударить по рукам этого *важничавшего шута*, и потому я посылаю тебе эту статью, которая ничем не отличается от его прежних произведений подобного же рода.

Присланная *И. Вейдемейером* вырезка из «Westliche Post» озаглавлена «*Республиканский протест*», Лондон, 17 сентября 1864 г., и является американским изданием «*Республиканского протеста*», который все тот же неизбежный г. *Карл Блинд* поместил одновременно под тем же заглавием в «*Neue Frankfurter Zeitung*», а затем со свойственным ему муравьиным трудолюбием переслал в лондонскую газету «*Hermann*» в виде перепечатки из «*Neue Frankfurter Zeitung*».

Сравнение обоих изданий блиндовской стряпни показало бы, что тот же самый г. *Карл Блинд*, который во Франкфурте и в Лондоне заявляет протест с честно-республиканской-катоновской горестной миной, в то же самое время в отдаленном Сен-Луи без всяких стеснений дает волю своей самой злостной глупости и пошлейшей наглости. Сравнение обоих изданий протеста, что здесь неуместно, помимо всего прочего дало бы новый презабавный материал для выяснения методов фабрикации писем, циркуляров, памфлетов, протестов, предостережений, защитительных статей, обращений, призывов и тому подобных глубокомысленно-торжественных государственных рецептов Блинда, от которых столь же трудно избавиться, как от пилюль г. *Хеллоуэя* или от солодового экстракта г. *Гоффа*.

Я далек от намерения разяснять значение такой личности, как *Лассаль*, и подлинную тенденцию его агитации этому *Мадзини-Скапэну*¹, за которым не стоит ничего, кроме его собственной тени. Наоборот, я убежден, что, лягая *мертвого льва*, г. *Карл Блинд* выполняет лишь то призвание, которым наделили его природа и Эзоп.

Напечатано в «*Nordstern*» № 287
от 10 декабря 1864 г.

Перевод с рукописи, переписанной
рукой Женни Маркс.

Карл Маркс.

¹ Выражение «*einem Mazzini-Scapin*» в «*Nordstern*» заменено словами «*einem grotesken Clown*» (нелепому шуту). *Ред.*

**ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
АВРААМУ ЛИНКОЛЬНУ.**

Милостивый государь!

Мы поздравляем американский народ с тем, что Вы переизбраны огромным большинством. Если умеренным лозунгом Вашего первого избрания было сопротивление власти рабовладельцев, то победный боевой клич Вашего вторичного избрания — «Смерть рабству!»

С самого начала титанической схватки в Америке рабочие Европы инстинктивно почувствовали, что судьбы их класса связаны с флагом, усеянным звездами. Разве борьба за территории, которая открыла эту суровую эпопею, не ставила целью решить: будет ли девственная почва необозримых пространств предоставлена труду переселенца или опозорена поступью надсмотрщика над рабами?

Когда олигархия 300 000 рабовладельцев дерзнула написать впервые в истории мира слово «рабство» на знамени вооруженного мятежа, когда в тех самых местах, где возникла впервые, около ста лет назад, идея единой великой демократической республики, где была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века, когда в тех самых местах контрреволюция с неизменной последовательностью похвалялась тем, что упразднила «идеи, господствовавшие в те времена, когда создавалась прежняя конституция», заявляя, что «рабство — благотворное учреждение», единственное, в сущности, решение великой проблемы «отношения капитала к труду», и цинично провозглашала, что собственность на человека, — это «краеугольный камень нового здания», — тогда рабочий класс Европы понял сразу, — даже до того, как фанатичное заступничество высших классов за дело джентри-конфедератов послужило для него злобещим предостережением, — что мятеж рабовладельцев — это набат для всеобщего крестового похода собственности против труда и что судьба трудящихся, их надежды на будущее и даже их прошлые завоевания поставлены на карту в этой грандиозной войне по ту сторону Атлантического океана. Поэтому рабочий класс повсюду терпеливо пере-

носил лишения, в которые ввергнул его хлопковый кризис, с энтузиазмом выступал против интервенции в пользу рабовладения, которую навязывали правящие, — и в большинстве стран Европы внес свою дань крови за правое дело.

До тех пор, пока рабочие — подлинная политическая сила Севера — позволяли рабству осквернять их собственную республику, до тех пор, пока перед негром, которого покупали и продавали, не спрашивая его согласия, рабочие кичились высоким преимуществом белого рабочего самому продавать себя и выбирать себе хозяина, — они не были в состоянии ни добиться истинной свободы труда, ни оказать своим европейским братьям поддержку в их борьбе за освобождение; но это препятствие на пути к прогрессу снесено теперь кровавой волной гражданской войны.

Рабочие Европы выражают уверенность, что, подобно тому как американская война за независимость открыла буржуазии новую эру подъема, так и американская война против рабства принесет то же рабочему классу. Предвестием грядущей эпохи они считают то, что на Авраама Линкольна, честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспрецедентные бои за освобождение поработенной расы и перестройку всего общества.

Подписано Центральным советом от имени Международного товарищества рабочих:

Лонгмейд, Уорли, Уитлок, Фокс, Блекмор, Хартуэлл, Пиджисн, Лекрафт, Уэстон, Делл, Ниасс, Шоу, Лейк, Бекли, Осборн, Хауэлл, Картер, Уилер, Стейнсби, Морган, Гроссмит, Дик, Денуаль, Журден, Мориссо, Леру, Бордаж, Бокке, Таландые, Дюпон, Л. Вольф, Альдрованди, Лама, Солюстри, Нусперли, Эккариус, Вольф, Лесснер, Пфендер, Лохнер, Кауб, Боллетер, Рыбчинский, Хансен, Шанценбах, Смейлс, Корнелиус, Петерсен, Отто, Баньягати, Сетаччи. Джордж Оджер — председатель Совета; *П. В. Ле Любе* — секретарь-корреспондент для Франции; *Карл Маркс* — секретарь-корреспондент для Германии; *Дж. П. Фонтана* — секретарь-корреспондент для Италии; *Дж. Э. Холторп* — секретарь-корреспондент для Польши; *Г. Ф. Юнг* — секретарь-корреспондент для Швейцарии; *Вильям Р. Кример* — генеральный секретарь.

48, Greek-Street, Soho.

Написано Е. Марксом на английском языке¹.

*Напечатано в «Beehive» № 169
от 7 января 1865 г.*

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Маркса Энгельсу от 2 декабря 1864 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 222). *Ред.*

О ПРУДОНЕ.
(ПИСЬМО ШВЕЙЦЕРУ.)

Лондон, 24 января 1865 г.

Милостивый государь!

Я получил вчера письмо, в котором Вы требуете от меня подробной оценки *Прудона*. Недостаток времени не позволяет мне удовлетворить Ваше желание. К тому же у меня нет под рукой *ни одного* из его произведений. Однако в доказательство своей готовности пойти Вам навстречу я наскоро набросал краткий очерк. Вы его можете потом пополнить, сделать к нему добавления, сократить его, — словом, делать с ним, что вам заблагорассудится *.

Первых опытов Прудона я уже не помню. Его ученическая работа о «*Всемирном языке*» показывает, с какою бесцеремонностью он брался за вопросы, для решения которых ему недоставало самых элементарных знаний.

Его первое произведение «*Что такое собственность?*» является безусловно самым лучшим его произведением. Оно составило эпоху если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой говорить старое¹. В произведениях известных ему французских социалистов и коммунистов «*собственность*», разумеется, не только была подвергнута разносторонней критике, но и утопически «*упразднена*». Этой книгой Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю. По сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден. Однако *после* Гегеля он сделал эпоху, так как выдвинул *на первый план* некоторые неприятные христианскому сознанию и важные для успехов критики пункты, которые Гегель оставил в мистической полутьме.

Если можно так выразиться, в этом произведении Прудона

* Мы сочли за лучшее поместить письмо *без всяких изменений*. (Примечание редакции «Social-Demokrat».)

¹ Во всех опубликованных до сих пор текстах было: alles zu sagen, а должно было быть: altes zu sagen, как это видно из имеющейся в архиве ИМЭЛ части рукописи Маркса, *Ред.*

преобладает еще сильная мускулатура стиля. И стиль этот я считаю главным его достоинством. Видно, что даже там, где Прудон только воспроизводит старое, для него это — самостоятельное открытие; то, что он говорит, для него самого было ново и расценивается им, как новое. Вызывающая дерзость, с которой он нападает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающее тут и там глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность — всеми этими качествами книга «*Что такое собственность?*» электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление. В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания. Но подобного рода сенсационные произведения играют свою роль в науке, так же, как и в изящной литературе. Возьмите, например, книгу Мальтуса «*О народонаселении*». В первом издании это было не что иное, как «*сенсационный памфлет*» и вдобавок — *плагиат* с начала до конца. И все-таки какое сильное впечатление произвел этот *пасквиль на человеческий род!*

Будь книга Прудона у меня под рукой, легко было бы показать на нескольких примерах его *первоначальную манеру* писать. В тех параграфах, которые он сам считал наиболее важными, он подражает в трактовке *антиномий Канта*, — это единственный немецкий философ, с которым он был тогда знаком по переводам, — и создается определенное впечатление, что для него, как и для Канта, разрешение антиномий является чем-то таким, что лежит «*по ту сторону*» человеческого рассудка, т. е. что для его собственного рассудка остается неясным.

Несмотря на всю кажущуюся архиреволюционность, уже в «*Что такое собственность?*» наталкиваешься на противоречие: с одной стороны, Прудон критикует общество сквозь призму взглядов французского парцелльного крестьянина (позже — мелкого буржуа), а с другой стороны, прилагает к нему масштаб, заимствованный им у социалистов.

Уже само заглавие указывало на недостатки книги. Вопрос был до такой степени неправильно поставлен, что на него невозможно было дать правильный ответ. *Античные «отношения собственности»* были уничтожены *феодальными*, а феодальные — «*буржуазными*». Сама история подвергла, таким образом, критике *отношения собственности* прошлого. То, о чем в сущности шла речь у Прудона, была существующая, *современная буржуазная собственность*. На

вопрос: что она такое? — можно было ответить только критическим анализом *«политической экономики»*, обнимающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, т. е. как производственных отношений. Но так как Прудон связывал всю совокупность этих экономических отношений с общим юридическим представлением «собственность», «la propriété», то он и не мог выйти за пределы того ответа, который дал Бриссо еще до 1789 г. в тех же словах и в подобном же сочинении: «La propriété c'est le vol» [«Собственность — это кража»].

В лучшем случае из этого вытекает только то, что буржуазно-юридические представления о «краже» применимы также к «честному» доходу самого буржуа. С другой стороны, в виду того, что «кража», как насильственное нарушение собственности, сама предполагает собственность, Прудон запутался во всевозможных, для него самого неясных, умствованиях относительно истинной буржуазной собственности.

Во время моего пребывания в Париже в 1844 г. у меня завязались личные отношения с Прудоном. Я потому упоминаю здесь об этом, что и на мне до известной степени лежит доля вины в его «sophistication», как называют англичане фальсификацию товаров. Во время долгих споров, часто продолжавшихся всю ночь до утра, я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством, которого он, однако, при незнании немецкого языка, не мог как следует изучить. То, что я начал, продолжал после моей высылки из Парижа г. Карл Грюн. В качестве преподавателя немецкой философии он имел передо мною еще то преимущество, что сам ничего в ней не понимал.

Незадолго до появления своего второго крупного произведения *«Философия нищеты и т. д.»* Прудон сам известил меня о нем в очень подробном письме, в котором, между прочим, имеются следующие слова: «J'attends votre férule critique» [«жду вашей строгой критики»]. Действительно, эта критика вскоре обрушилась на него (в моей книге *«Нищета философии и т. д.»*, Париж, 1847 г.) в такой форме, что навсегда положила конец нашей дружбе.

Из того, что здесь сказано, вы видите, что в книге Прудона *«Философия нищеты, или система экономических противоречий»* в сущности впервые дан был им ответ на вопрос: *«Что такое собственность?»*. В самом деле, только после появления своей первой книги Прудон начал свои экономические занятия; он открыл, что на поставленный им вопрос можно ответить не бранью, а лишь анализом

современной *«политической экономии»*. В то же время он сделал попытку диалектически изложить систему экономических категорий. Вместо неразрешимых *«антиномий»* Канта теперь в качестве средства развития должно было выступить *гегелевское «противоречие»*:

Критику его двухтомного пухлого произведения вы найдете в моем ответном сочинении. Я показал там, между прочим, как мало проник Прудон в тайну научной диалектики и до какой степени, с другой стороны, он разделяет иллюзии спекулятивной философии, когда, вместо того, чтобы видеть в *экономических категориях теоретические выражения исторических, соответствующих определенной степени развития материального производства, производственных отношений*, он нелепо превращает их в искони существующие, *вечные идеи*, и как таким окольным путем он снова возвращается к точке зрения буржуазной экономики *.

Далее я еще показываю, сколь недостаточным, порой просто ученическим, является его знакомство с *«политической экономией»*, критику которой он предпринял, и как вместе с утопистами он гонится за так называемой *«наукой»*, с помощью которой можно а priori изобрести формулу для «решения социального вопроса», вместо того, чтобы источником науки делать критическое познание исторического движения, движения, которое само создает *материальные условия освобождения*. Особенно же там показано, насколько неясными, неверными и половинчатыми остаются представления Прудона об основе всего — *меново́й стоимости*; более того, он видит в утопическом истолковании теории стоимости Рикардо основу новой науки. Свое суждение о его общей точке зрения я резюмирую в следующих словах:

«Всякое экономическое отношение имеет свою хорошую и дурную сторону — вот единственный пункт, в котором г. Прудон сам себя не опровергает. Хорошую сторону, по его мнению, подчеркивают экономисты; дурную же разоблачают социалисты. Он заимствует у экономистов убеждение в необходимости вечных отношений, у социалистов же он заимствует ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету (вместо того, чтобы видеть в ней рево-

* «Говоря, что существующие отношения — отношения буржуазного производства — являются *естественными*, экономисты дают этим понять, что это именно те отношения, при которых богатство создается и производительные силы развиваются согласно законам природы. Следовательно, эти отношения являются не зависящими от влияния времени *естественными законами*. Это — *вечные законы*, которые должны всегда управлять обществом. Следовательно, история существовала когда-то, но ныне ее уже нет» (см. 113-ю стр. моей работы).

люционную разрушительную сторону, которая ниспровергнет старое общество). Он соглашается и с теми и с другими, пытаясь при этом опереться на авторитет науки. Наука у него сводится к тощим размерам научной формулы; это человек, гонящийся за формулами. Таким образом, г. Прудон льстит себя мыслью, что подверг критике и политическую экономию и коммунизм, а на деле он стоит ниже их обоих. Он ниже экономистов, так как воображает, что ему, как философу, обладающему магической формулой, можно не вдаваться в чисто экономические детали; он ниже социалистов, так как не имеет ни достаточного мужества, ни достаточной пронизательности, чтобы возвыситься, хотя бы лишь умозрительно, над уровнем буржуазного кругозора... Как муж науки он хочет витать над буржуа и пролетариями, но он всего лишь мелкий буржуа, вечно колеблющийся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом».

Как ни сурово звучит этот приговор, я и теперь подписываюсь под каждым его словом. При этом, однако, не следует забывать, что в то время, когда я объявил книгу Прудона кодексом мелкобуржуазного социализма и теоретически это доказал, экономисты и социалисты предавали Прудона анафеме как ультра-революционера. Вот почему я и позднее никогда не присоединял своего голоса к тем, кто кричал о его «измене» революции. Не его вина, если, с самого начала ложно понятый как другими, так и самим собой, он не оправдал необоснованных надежд.

В противоположность к «*Что такое собственность?*» в «*Философии нищеты*» все недостатки прудоновской манеры изложения очень невыгодно бросаются в глаза. Стиль сплошь и рядом ampoulé [напыщенный], как говорят французы, Высокопарная спекулятивная тарбарщина, выдаваемая за немецкую философскую манеру, выступает повсюду, где ему изменяет галльская острота ума. Так и режет ухо самохвальство, базарно-крикливый, рекламный тон, в особенности чванство мнимой «наукой», бесплодная болтовня о ней. Искренняя теплота, которой проникнута его первая работа, здесь, в определенных местах, систематически подменяется искусственно подогретой декламацией. К тому же это беспомощное и отвратительное старание самоучки щегольнуть своей ученостью, самоучки, у которого естественная гордость оригинальностью и самостоятельностью своего мышления уже сломлена и который, как выскочка в науке, воображает, что должен чваниться тем, чего у него совсем нет. И вдобавок эта психология мелкого буржуа, который непристойно грубо, неостроумно, неглубоко и прямо-таки неправильно обрушивается на

такого человека, как *Кабэ*, заслуживающего уважения за ту роль, которую он сыграл в движении французского пролетариата; зато он очень любезен, например, с *Дюнуайе* (как-никак «государственный советник»), хотя все значение этого Дюнуайе заключается в комичной серьезности, с какой он на протяжении трех толстых и невыносимо скучных томов проповедует ригоризм, так охарактеризованный Гельвецием: «*On veut, que les malheureux soient parfaits*». (От нечастных требуют совершенства.)

Февральская революция произошла для Прудона действительно совсем некстати, ведь он всего лишь за несколько недель до нее неопровержимо доказал, что «*эра революций*» навсегда миновала. Его выступление в Национальном собрании, хотя оно и обнаружило, как мало понимал он все происходящее, заслуживает всяческой похвалы. После июньского восстания это было актом высокого мужества. Кроме того, его выступление имело тот положительный результат, что г. *Тьер* в произнесенной против предложений Прудона речи, которая потом была издана в виде отдельной брошюры, доказал всей Европе, какой жалкий детский катехизис служил пьедесталом этому духовному столпу французской буржуазии. В сравнении с г. Тьером Прудон и в самом деле вырос до размеров допотопного колосса.

Изобретение «*Crédit gratuit*» [«дарового кредита»] и основанного на нем «народного банка» («*banque du peuple*») принадлежит к последним экономическим «подвигам» г. Прудона. В моей книге «К критике политической экономии», вып. I, Берлин, 1859 (стр. 59—64), доказывається, что теоретическая основа его взглядов имеет своим источником незнание основных элементов буржуазной «политической экономии», именно—отношения *товаров к деньгам*, тогда как практическая надстройка была простым воспроизведением старых и гораздо лучше разработанных проектов. Что кредит, как это было, например, в Англии в начале XVIII века, а затем снова в начале XIX века, способствовал переходу имущества из рук одного класса в руки другого, что при определенных экономических и политических условиях он может содействовать ускорению освобождения пролетариата, это не подлежит ни малейшему сомнению и разумеется само собой. Но считать *капитал, приносящий проценты, главной формой капитала*, пытаться сделать особое применение кредита, мнимую отмену процента, основой общественного преобразования—это насквозь *мещанская* фантазия. И действительно, мы видим, что эта фантазия подробно развивалась уже *экономическими идеологами английской мелкой буржуазии семнадцатого века*. Polemica Прудона с Бастиа (1850 г.) о капитале, приносящем

проценты, стоит еще ниже «*Философии нищеты*». Он доходит до того, что даже Бастиа удается его побить, и он комично неистовствует всякий раз, когда противник наносит ему удар.

Несколько лет тому назад Прудон написал на конкурс, объявленный, кажется, лозаннским правительством, сочинение о «*Налогах*». Здесь исчезают и последние следы гениальности, и остается чистейший мелкий буржуа.

Что касается политических и философских сочинений Прудона, то во всех них обнаруживается тот же самый противоречивый, двойственный характер, что и в экономических работах. К тому же они имеют чисто местное значение — только для Франции.

Однако его нападки на религию, церковь и т. д. были большой заслугой в условиях Франции в то время, когда французские социалисты считали уместным видеть в религиозности знак своего превосходства над буржуазным вольтерьянством XVIII века и немецким безбожием XIX века. Если Петр Великий варварством победил русское варварство, то Прудон сделал все от него зависящее, чтобы фразой победить французское фразерство.

Его книгу о «*Государственном перевороте*» надо рассматривать не просто как плохое произведение, а как прямую подлость, которая, однако, вполне соответствует его мелкобуржуазной точке зрения; здесь он кокетничает с Луи Бонапартом и старается сделать его приемлемым для французских рабочих; таково же его последнее произведение против Польши, в котором он в угоду царю обнаруживает цинизм кретина.

Прудона часто сравнивали с *Руссо*. Нет ничего ошибочнее такого сравнения. Он скорее похож на *Ник. Ленге*, книга которого «*Теория гражданских законов*», впрочем, гениальное произведение.

Прудон по натуре был склонен к диалектике. Но так как он никогда не понимал подлинно научной диалектики, то он не пошел дальше софистики. В действительности это было связано с его мелкобуржуазной точкой зрения. Мелкий буржуа, так же, как и историк *Раумер*, составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он во всем. Он — воплощенное противоречие. А если при этом, подобно Прудону, он человек остроумный, то он быстро привыкает жонглировать своими собственными противоречиями и превращать их, смотря по обстоятельствам, в неожиданные, кричащие, подчас скандальные, подчас бле-

стящие парадоксы. Шарлатанство в науке и политическое приспособленчество неразрывно связаны с такой точкой зрения. У подобных субъектов остается лишь один побудительный мотив — их *тщеславие*; подобно всем тщеславным людям, они заботятся лишь о минутном успехе, о сенсации. При этом неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, Руссо от всякого, хотя бы только кажущегося компромисса с существующей властью.

Быть может, потомство, характеризуя этот недавний период французской истории, скажет, что Луи Бонапарт был его Наполеоном, а Прудон — его Руссо-Вольтером.

А теперь я всецело возлагаю на Вас ответственность за то, что Вы так скоро после смерти этого человека навязали мне роль его посмертного судьи.

Уважающий Вас

Карл Маркс.

Напечатано

в «*Social-Demokrat*» № 16, 17, 18

от 1, 3, 5 февраля 1865 г.

БАРИН ТИДМАН.

(СТАРО-ДАТСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ¹.)

Ранним утром,— светлый день едва настал,—
Барин Тидман одеваться в спальне стал
И красивую сорочку надевал.

Это любят зюдергардцы.

Обтянув сорочкой вышитою стан
И надев зеленый шелковый кафтан,
Он сафьянные сапожки шнуровал.

Это любят зюдергардцы.

И сафьянные сапожки затянув,
Золоченые к ним шпоры пристегнув,
Он спесиво в Зюдергард пошел на тинг.

Это любят зюдергардцы.

И на тинге он, не тратя лишних слов,
Новых требовал налогов с мужиков:
С плуга каждого семь шеффелей зерна.

Это любят зюдергардцы.

С плуга каждого семь шеффелей зерна,
С четырех свиней — одну, да чтоб жирна.
Но старик один разгневался на то.

Это любят зюдергардцы.

Но старик один разгневался на то:
«Столько дать не можем мы никто, никто!
Прежде чем нам эту подать заплатить —

Это любят зюдергардцы.

«Прежде чем нам эту подать заплатить,
С тинга пусть никто не смеет уходить!
Зюдергардцы, стойте крепко все стеной!»

Это любят зюдергардцы.

¹ Перевод с немецкого перевода Энгельса сделан Г. Шенгели. *Ред.*

«Зюдергардцы, стойте крепко все стеной,
Чтобы Тидман не ушел от нас живой!»
И старик ему дал первый кулаком,—
 Это любят зюдергардцы.

И старик ему дал первый кулаком.
Барин Тидман—сразу наземь кувырком.
Вот лежит он, барин Тидман, кровь вокруг.
 Это любят зюдергардцы.

Вот лежит он, барин Тидман, кровь вокруг;
Но свободно в черноземе ходит плуг,
И свободно свиньи кормятся в лесу.
 Это любят зюдергардцы.

Этот эпизод средневековой крестьянской войны разыгрался в Зюдергарде («гард» — судебный округ) к северу от Ааргауза в Ютландии. На тинге — окружном судебном собрании — помимо судебных разбирались также и податные и административные дела. Песня показывает, как крепнущее дворянство выступало против «эделингов», т. е. свободных крестьян, а также и те средства, с помощью которых крестьяне умели положить конец дворянским домогательствам. В такой стране, как Германия, где имущие классы включают в себя столько же феодального дворянства, сколько и буржуазии, а пролетариат состоит из такого же или даже большего количества земледельческих пролетариев, как и промышленных рабочих, — старая бодрая крестьянская песня как раз к месту.

Фридрих Энгельс.

*Напечатано в «Social-Demokrat» № 18
от 5 февраля 1865 г.*

Фридрих Энгельс.
ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ
И
НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

*Напечатано отдельной брошюрой
в 1865 г.*

Die
Preussische Militärfrage

und die

Deutsche Arbeiterpartei.

Von

Friedrich Engels.

Hamburg

Otto Meißner.

1865.

ОБЛОЖКА БРОШЮРЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ
И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ».

Прения по военному вопросу велись до сих пор исключительно между правительством и феодальной партией, с одной стороны, и либеральной и радикальной буржуазией — с другой. Теперь, когда приближается кризис, настало время высказаться также и рабочей партии.

В критике военных дел, о которых идет речь, мы можем исходить только из существующих реальных отношений. Мы не можем ожидать от прусского правительства, чтобы оно действовало иначе, чем исходя из прусской точки зрения, пока в Германии и Европе сохраняются нынешние отношения. Столь же мало можем мы требовать и от буржуазной оппозиции, чтобы она исходила из иной точки зрения, чем точка зрения ее собственных буржуазных интересов.

Партия рабочих, которая во всех вопросах, разделяющих реакцию и буржуазию, стоит вне непосредственного конфликта, имеет то преимущество, что может обсуждать такие вопросы совершенно хладнокровно и беспристрастно. Только она и может обсуждать их научно, исторически, как если бы они уже были достоянием прошлого, — анатомически, как если бы они уже стали трупами.

Каково было состояние прусской армии при прежней системе, об этом после опыта мобилизаций 1850 и 1859 гг. не может быть двух мнений. Абсолютная монархия была связана с 1815 г. официальным обещанием не вводить никаких новых налогов и не выпускать никаких займов без предварительного согласия будущего представительного учреждения. Нарушить это обещание было невозможно; без такого согласия ни один заем не сулил ни малейшего успеха. Налоговая же система была в общем такова, что поступления от налогов возрастали отнюдь не в той же пропорции, в какой возрастало богатство страны. Абсолютизм был беден, очень беден, и чрезвычайных расходов, вызванных бурями 1830 г., было достаточно, чтобы принудить его к крайней бережливости. Отсюда введение двухлетнего срока службы, отсюда система экономии во всех отраслях военного управления, которая свела к самому низкому количественному и качественному уровню запас вооружения и снаряжения, подготовленный на случай мобилизации. Все же положение Пруссии, как великой державы, надо было сохранить; для этого к началу войны ей нужна была возможно более сильная первоочередная действующая армия, вот почему к ней был присоединен ландвер первого призыва. Следовательно, позаботились о том, чтобы при первой же угрозе войны стала необходимой мобилизация и чтобы вместе с мобилизацией рухнуло и все здание. Такой случай произошел в 1850 г. и закончился полнейшим фиаско Пруссии¹.

В 1850 г. обнаружались только материальные недостатки системы; все окончилось раньше, чем могли обнаружиться моральные

¹ Имеется в виду мобилизация прусской армии в 1850 г., направленная против Австрии—конкурента Пруссии в деле национального объединения Германии. Мобилизация прошла крайне неорганизованно и обнаружила серьезные недостатки прусской военной системы (некомплектность вооружения, нехватка снаряжения и вооружения для ландвера, неподготовленность транспорта и т. д.) Мобилизация была расценена как «военное поражение Пруссии». Недостатки, вскрытые мобилизацией, оказали влияние на позицию Пруссии, которая не решилась на войну и пошла на капитуляцию перед Австрией, получившей поддержку России («Ольмюцкое унижение»). *Ред.*

изъяны. Отпущенные палатами фонды были употреблены на то, чтобы по возможности устранить материальные недостатки. По возможности, так как ни при каких условиях невозможно держать материальную часть подготовленной таким образом, чтобы в две недели полностью снарядить и привести в боевую готовность призванные резервы и еще через две недели — весь ландвер первого призыва. Не следует забывать, что на действительной службе числилось самое большое три возраста, между тем как резерв и ландвер первого призыва вместе насчитывали девять возрастов; следовательно, на каждых трех находящихся в боевой готовности солдат действительной службы надо было в течение четырех недель снарядить не менее семи призванных. Но вот началась итальянская война 1859 г., а с ней и новая всеобщая мобилизация. И на этот раз материальные недостатки еще достаточно давали себя чувствовать, но они были гораздо менее значительны по сравнению с моральными изъянами системы, которые вскрылись только теперь, когда армия была мобилизована на более продолжительный срок. Ландвер был в запущенном состоянии, это бесспорно; кадры его батальонов большей частью не существовали, и их нужно было еще только создавать; из наличных офицеров многие были непригодны к полевой службе. Но даже если бы все это обстояло иначе, все же оставалось фактом, что офицеры не могли не быть совершенно чуждыми для своих солдат, чуждыми именно в силу своих военных качеств, и что у большинства из них эти военные качества были слишком низки, чтобы можно было спокойно посылать батальоны с такими офицерами против испытанных войск. Если офицеры ландвера прекрасно дрались во время датской войны, то не следует забывать, что существует большое различие между батальоном, имеющим $\frac{4}{5}$ кадровых офицеров и $\frac{1}{5}$ офицеров ландвера, и батальоном, в котором соотношение обратное. К этому присоединился еще один решающий момент. Сразу обнаружилось то, что можно было предвидеть заранее: хотя с ландвером можно идти в бой, именно в бой для защиты своей собственной страны, однако с ним ни при каких обстоятельствах нельзя предпринимать наступательной войны. Ландвер до такой степени является организацией оборонительной, что идти с ним в наступление можно только в результате отраженного неприятельского вторжения, как это было в 1814 и 1815 гг. Ландвер, состоящий в большинстве своем из женатых людей в возрасте от 26 до 32 лет, не позволит держать себя на границах в течение месяцев без дела, когда из дому ежедневно прибывают письма о том, что жена и дети терпят нужду, так как пособия

семьям призванных оказались в высшей степени недостаточными. К этому присоединилось еще и то, что солдаты не знали, против кого они должны сражаться: против французов или против австрийцев — ведь ни те, ни другие в ту пору не причинили Пруссии никакого вреда. Можно ли было с такими войсками, деморализованными месяцами безделья, идти в наступление против хорошо организованных и привычных к войне армий?

Ясно, что должна была наступить перемена. Пруссия должна была при данных условиях иметь более крепкую организацию первоочередной действующей армии. Как же она была создана?

Тридцать шесть призванных пехотных полков ландвера были задержаны на время и превращены постепенно в новые линейные полки. Мало-по-малу численность кавалерии и артиллерии была также увеличена настолько, чтобы они соответствовали этому усиленному составу пехотных войск, и, наконец, крепостная артиллерия была отделена от полевой, что во всяком случае было улучшением, в особенности для Пруссии. Словом, пехота была удвоена, а кавалерия и артиллерия увеличены приблизительно в полтора раза. Для того, чтобы сохранить этот усиленный состав армии, было предложено увеличить срок службы в линейных войсках с пяти до семи лет, — три года на действительной службе (в пехоте), четыре в резерве, — срок же пребывания в ландвере второго призыва, напротив, сократить на четыре года и, наконец, увеличить контингент ежегодного набора с прежних 40 000 до 63 000. Между тем ландвер был оставлен без всякого внимания.

Увеличение батальонов, эскадронов и батарей в установленных таким образом размерах почти в точности соответствовало увеличению населения Пруссии с 10 миллионов в 1815 г. до 18 миллионов в 1861 г.; а так как богатство Пруссии за это время росло быстрее, чем ее население, и так как другие европейские великие державы усилили свои армии с 1815 г. в гораздо большей степени, то такое увеличение кадрового состава несколько не было чрезмерным. При этом из всех тягот воинской повинности по проекту увеличивалось только пребывание в резерве для наиболее молодых возрастных групп, зато для старших возрастных групп пребывание в ландвере было вдвое облегчено, а ландвер второго призыва фактически почти совсем уничтожился, в то время как первый призыв занимал теперь примерно место, отводившееся ранее второму.

Однако против проекта можно было возразить следующее:

Всеобщая воинская повинность, — кстати сказать, единственный демократический институт, существующий в Пруссии, хотя бы только

на бумаге, — представляет собой такой огромный прогресс в сравнении со всеми прежними военными системами, что там, где она уже существовала, хотя бы и в несовершенном виде, она не может быть снова упразднена на длительный срок. Есть только два ясно выраженных принципа организации наших нынешних войск: либо вербовка, но она устарела и возможна только в исключительных случаях, как, например, в Англии, — либо всеобщая воинская повинность. Всякие конскрипции и жеребьевки — только очень несовершенные формы последней. Основная идея прусского закона 1814 г. — каждый гражданин государства, физически к тому пригодный, обязан в течение тех лет, когда он способен носить оружие, лично защищать страну — эта основная идея значительно выше принципа найма заместителя, практикующегося во всех странах с конскрипционной системой, и после своего пятидесятилетнего существования эта идея, конечно, не будет принесена в жертву страстному желанию буржуазии ввести, как говорят французы, «торговлю человеческим мясом».

Но раз уж прусская военная система основана на всеобщей воинской повинности без заместительства, то она может развиваться в свойственном ей духе и с успехом только при условии, если все больше будет осуществляться ее основной принцип. Посмотрим, как обстоит дело в этом отношении.

В 1815 г. на 10 миллионов жителей — 40 000 призванных, что составляет 4 на тысячу. В 1861 г. на 18 миллионов — 63 000 призванных, т. е. $3\frac{1}{2}$ на тысячу. Следовательно, шаг назад, хотя и это — прогресс в сравнении с положением вещей до 1859 г., когда призывалось только $2\frac{2}{9}$ на тысячу. Чтобы снова достигнуть хотя бы процентной нормы 1815 г., надо было бы призывать 72 000 человек. (Мы увидим, что на самом деле в армию ежегодно вступает приблизительно такое или даже большее количество.) Но разве военная мощь прусского народа исчерпывается ежегодным набором четырех на тысячу населения?

Дармштадтская «Allgemeine Militärzeitung» многократно доказывала на основании статистики средних немецких государств, что в Германии *ровно половина* являющихся к набору молодых людей пригодна к военной службе. Число молодых людей, явившихся к набору в 1861 г., равнялось, согласно «Zeitschrift des Preussischen Statistischen Bureaus» (март 1864 г.) — 227 005. Это давало бы ежегодно 113 500 годных к службе рекрутов. Если мы исключим отсюда 6 500 человек как незаменимых или морально непригодных, то все же остается еще 107 000. Почему же из них служат только 63 или самое большее 72—75 тысяч человек?

Военный министр фон-Роон сообщил во время сессии военной комиссии палаты депутатов в 1863 г. следующие данные о наборе 1861 г.:

Общее количество населения (перепись 1858 г.)	17 758 823		
Двадцатилетние военнообязанные призыва 1861 г.	217 438		
Перенесенные из списков прежних лет военнообязанные, о которых еще нет окончательного решения		348 364	565 802
Из них:			
1) Оставшихся неразысканными	55 770		
2) Переехавших в другие округа и там подлежащих явке	82 216		
3) Не явившихся без уважительных причин	10 960		
4) Поступивших вольноопределяющимися сроком на три года	5 025		
5) Имеющих права вольноопределяющихся с одногодичным сроком службы	14 811		
6) Получивших отсрочку или освобожденных как лица духовного звания	1 638		
7) Обязанных к морской службе	299		
8) Исключенных из списков как морально непригодные	596		
9) Освобожденных окружными комиссиями как явно непригодные	2 489		
10) Освобожденных окружными комиссиями как длительно непригодные	15 238		
11) Перечисленных в резерв:			
а) ростом ниже 5 футов после троекратного освидетельствования	8 998		
б) ростом ниже 5 футов 1 дюйма 3 линий после троекратного освидетельствования	9 553		
в) временно непригодных после троекратного освидетельствования	46 761		
г) по домашним обстоятельствам после троекратного освидетельствования	4 213		
д) оставшихся до распоряжения после пятикратного освидетельствования	291	69 816	
12) Предназначенных к обозной службе, кроме специально призванных в обоз		6 774	
13) Получивших отсрочку на год:			
а) временно непригодных	219 136		
б) по домашним обстоятельствам	10 013		
в) лишенных прав гражданского состояния и состоящих под следствием	1 087	230 236	495 868
Остается к призыву			69 934
Действительно призвано			59 459
Остается впредь до распоряжения			10 475

Как бы несовершенно ни была эта статистика, как бы ни затемняла она все тем, что в каждой статье, с 1 до 13, смешивает людей призыва 1861 г. с людьми двух предыдущих возрастных групп, оставшихся впрямь до распоряжения, она все же содержит несколько очень ценных признаний.

В качестве рекрутов было призвано 59459 человек. В качестве вольноопределяющихся с трехлетним сроком поступило 5025 человек. На одногодичный срок службы имели право 14811 человек; как известно, годность к службе вольноопределяющихся с одногодичным сроком не подвергается слишком строгому испытанию ввиду того, что их содержание ничего не стоит; поэтому мы можем допустить, что, по крайней мере, половина из них, следовательно 7400, действительно поступили на службу. Это по очень скромному подсчету, так как группа людей, проходящих квалификационные испытания для одногодичной службы, состоит большей частью из заведомо годных людей; те, которые заведомо негодны, вообще не считают нужным идти на испытание. Все же возьмем цифру 7400. Таким образом, всего в 1861 г. вступило в армию 71884 человека.

Посмотрим дальше. В качестве духовных лиц получило отсрочку, либо освобождено 1638 человек. Почему господа духовные не должны служить, — неизвестно. Напротив, год военной службы, жизнь на открытом воздухе, соприкосновение с внешним миром могут быть им только полезны. Итак, смело внесем их в списки; $\frac{1}{3}$ из общего количества, которая приходится на текущий год, считая, что $\frac{3}{4}$ будет негодных, все же составит 139 человек, которых следует взять.

18551 человек были отпущены потому, что они не вышли ростом. Заметим себе, что они «уволены *в резерв*», а не вообще от службы. Следовательно, в случае войны они все-таки должны будут служить. Они освобождаются только от парадной службы мирного времени, так как для этого они недостаточно представительны на вид. Тем самым признают, что эти низкорослые люди отлично годятся для службы, и в случае нужды их намереваются использовать. Что эти низкорослые люди могут быть отличными солдатами, доказывает французская армия, в которой служат люди до 4 футов 8 дюймов ростом. Поэтому мы безусловно причисляем их к военным ресурсам страны. Вышеупомянутое количество включает только тех, которые после трехкратного освидетельствования окончательно отставлены вследствие их небольшого роста; это, следовательно, то количество, которое повторяется в списках ежегодно. Мы вычеркиваем отсюда половину, негодную по другим причинам, и у нас, таким образом,

остается 9275 парней небольшого роста, из которых опытный офицер наверняка быстро сделал бы великолепных солдат.

Дальше мы находим 6774 человека, назначенных в обоз, *кроме* уже набранных в обоз людей. Но обоз тоже относится к армии, и совершенно непонятно, почему эти люди не должны отбыть короткую шестимесячную службу в обозе, что было бы лучше как для них, так и для обоза.

Следовательно, мы имеем:

Действительно поступивших на службу людей	71 884 чел.
Духовных лиц	139 »
Людей годных, но ростом ниже установленной нормы	9 275 »
Назначенных в обоз	6 774 »

В с е г о 88 072 чел.

которые, *по собственному признанию* рооновской статистики, ежегодно могли бы вступать в армию, если бы всеобщую воинскую повинность проводили всерьез.

Возьмем теперь непригодных:

Получили отсрочку на год как временно непригодные	219 136 чел.
После троекратного освидетельствования, как сказано, перечислены в резерв	46 761 »
Исключены из списков как длительно непригодные <i>только</i>	17 727 »

В с е г о 283 624 чел.

Таким образом люди, *длительно* непригодные вследствие *действительных* физических недостатков, составляют менее 7% всех непринятых на службу вследствие негодности и менее 4% всех являющихся ежегодно в приемные комиссии. Почти 17% временно непригодных, после троекратного освидетельствования, ежегодно перечисляются в резерв. Это, следовательно, 23-летние люди, т. е. люди, находящиеся в таком возрасте, когда человеческий организм начинает уже окончательно складываться. Мы, несомненно, не преувеличим, если предположим, что треть из них по достижении 25-летнего возраста окажется вполне пригодной к службе, а это составит 15 587 человек. Самое меньшее, чего можно требовать от этих людей, это чтобы в течение двух лет они ежегодно отбывали в пехоте по три месяца для того, чтобы пройти хотя бы школу рекрутов. А это равносильно увеличению армии мирного времени на 3 897 человек.

Однако всей системе медицинского освидетельствования рекрутов в Пруссии придан своеобразный характер. Рекрутов было всегда больше, чем их можно принять, и все же хотели сохранить при этом видимость всеобщей воинской повинности. Что могло быть проще, как отбирать в желательном количестве самых лучших людей, а остальных под тем или иным предлогом объявлять негодными? При таких условиях, которые, кстати сказать, существовали в Пруссии с 1815 г. и существуют по сей день, понятие непригодности к военной службе получило совершенно ненормально растяжимое толкование, как это лучше всего доказывает сравнение прусских данных с данными средних немецких государств. В тех из них, где существует конскрипция и жеребьевка, не было никаких оснований объявлять негодными большее количество людей, чем их было в действительности. Условия в них таковы же, как и в Пруссии; в отдельных государствах, как, например, в Саксонии, даже хуже, так как там процент промышленного населения выше. Однако, как уже говорилось выше, в «Allgemeine Militärzeitung» неоднократно было доказано, что в средних государствах Германии *ровно половина* людей, являющихся на призыв, пригодна; точно так же должно обстоять дело и в Пруссии. Как только начнется серьезная война, в представлении о пригодности к военной службе в Пруссии произойдет внезапная революция, и тогда поймут, на беду для себя слишком поздно, как много пригодных сил было упущено.

Но вот что удивительнее всего. Среди 565 802 военнообязанных, о которых еще нет решения, имеется:

Оставшихся неравысканными	55 770 чел.
Переехавших в другие округа или там подлежащих явке	82 216 »
Не явившихся без уважительных причин	10 960 »

Всего . . . 148 946 чел.

Таким образом, несмотря на прославленный прусский контроль, — а тот, кому когда-либо довелось быть военнообязанным в Пруссии, знает, что это значит, — каждый год исчезает целых 27% военнообязанных. Как же это может быть? И куда девается 82 216 человек, которых исключают из списков как «переехавших в другие округа или там подлежащих явке»? Неужели для того, чтобы в наше время освободиться от службы, достаточно уехать из Берлина в Потсдам? Мы склонны думать, что в данном случае — ведь и на старуху бывает проруха — господа чиновники попросту дали маху в своей статистике, а именно, что эти 82 216 человек

фигурируют *дважды* в общей сумме 565 802: один раз в своем родном округе и вторично в округе, куда они переехали. Было бы очень желательно установить это точно, — и лучше всего может это сделать военная комиссия палаты, — ибо уменьшение действительного числа военнообязанных до 483 586 значительно изменило бы все процентные отношения. Но допустим пока, что это правильно, — тогда все еще остается 66 730 человек, ежегодно исчезающих и улетающих, на которых ни прусский контроль, ни полиция не могут надеть каску. Это составляет почти 14% военнообязанных. Отсюда следует, что все помехи в свободе передвижения, господствующие в Пруссии под предлогом контроля военнообязанных, *совершенно излишни*. Действительная эмиграция из Пруссии, как известно, *очень незначительна* и не может идти ни в какое сравнение с числом испарившихся рекрутов. Из этого количества — около 67 000 человек — эмигрируют из Пруссии далеко не все. Большая часть либо остается внутри страны, либо отправляется за границу лишь на короткий срок. Вообще все предупредительные мероприятия против уклонения от воинской повинности бесполезны и скорее, пожалуй, толкают к эмиграции. Основная масса молодых людей все равно не имеет возможности эмигрировать. Стоит только тех людей, которые уклоняются от призыва, заставить исправно и без послабления отбывать службу — и не нужна будет вся эта бестолковая канитель и бумагомаранье, а рекрутов будет больше, чем раньше.

Впрочем, для полной уверенности, мы будем считать доказанным только то, что вытекает из собственной статистики господина фон-Рона, а именно, что, не считая вольноопределяющихся с одногодичным сроком, ежегодно может быть призвано 85 000 молодых людей. Численность же теперешней армии мирного времени составляет приблизительно 210 000 человек. При двухлетнем сроке службы 85 000 человек ежегодно составят вместе 170 000; к этому нужно добавить офицеров, унтер-офицеров и сверхсрочно служащих — от 25 000 до 35 000 человек; всего получается, таким образом, от 195 000 до 205 000 человек; с одногодичными же вольноопределяющимися — от 202 до 212 тысяч человек. Следовательно, при двухлетнем сроке службы для пехоты и пешей артиллерии (о кавалерии будем говорить позже) кадры реорганизованной армии могут быть доведены, даже согласно собственной статистике правительства, до полной численности мирного времени. При *действительном* проведении всеобщей воинской повинности, при двухлетнем сроке службы, по всей вероятности, было бы на 30 000 человек больше; следовательно, чтобы

не превышать все же количество в 200 — 210 тысяч человек, можно было бы часть людей увольнять уже после 1 — 1½ лет службы. Подобное досрочное увольнение в качестве награды за усердие по службе было бы полезнее для всей армии, чем удлинение срока службы на шесть месяцев.

Численность состава военного времени получилась бы следующей.

Четыре возраста — каждый, согласно плану реорганизации, по 63 000 человек — дают в сумме 252 000 резервистов. Три возраста — каждый по 85 000 — дают 255 000 резервистов. Следовательно, результат во всяком случае столь же благоприятный, как и по плану реорганизации. (Так как здесь речь идет только о численных *соотношениях*, то ничего не изменится, если мы совершенно не станем принимать в расчет уменьшения числа возрастных групп резерва.)

В этом слабое место плана реорганизации. Под видом возвращения к первоначальной всеобщей воинской повинности, которая, разумеется, не может существовать без ландвера, как мощного резерва армии, он делает скорее уклон в сторону франко-австрийской кадровой системы и тем самым вносит неустойчивость в прусскую военную систему, что должно повлечь за собой самые дурные последствия. Нельзя смешивать обе системы, нельзя одновременно иметь преимущества обеих. Несомненно — и это никогда не оспаривалось, — что кадровая система с продолжительными сроками службы и пребывания в казармах обеспечивает армии в начале войны большие преимущества. Люди лучше знают друг друга; даже отпускные, которым большей частью отпуска даются каждый раз лишь на короткий срок, считают себя в течение всего отпускного времени солдатами и всегда готовы к тому, чтобы быть призванными под знамена, чего, конечно, нельзя сказать о прусских резервистах; благодаря этому батальоны, попадая впервые под огонь, несомненно обнаруживают большую стойкость. Против этого, однако, можно возразить, что если считать это самым важным, то можно с таким же успехом принять английскую систему десятилетнего срока действительной службы, что для французов гораздо полезнее оказались их алжирские походы, войны в Крыму и в Италии, чем долгосрочная служба, что, наконец, при этой системе можно подготовить только часть способного носить оружие человеческого материала и что, следовательно, далеко не все силы нации приводятся в действие. Кроме того, немецкий солдат, как показывает опыт, очень легко привыкает к огню, и три значительных сражения, проведенных хотя бы с переменным успехом, дают исправному в других отноше-

ниях батальону столько же, сколько лишний год службы. Для такого государства, как Пруссия, кадровая система невозможна. При кадровой системе Пруссия имела бы армию *самое большее* в 300—400 тысяч человек, при составе ее в мирное время в 200 000 человек. Однако, чтобы поддержать свое положение великой державы, такое количество необходимо ей уже для выступления в поход первоочередной действующей армии, т. е. ей потребуется для всякой серьезной войны, включая крепостные гарнизоны, пополнения и т. д., 500—600 тысяч человек. Если 18 миллионов пруссаков должны во время войны выставить приблизительно такую же многочисленную армию, как 35 миллионов французов, 34 миллиона австрийцев и 60 миллионов русских, то это может быть достигнуто только посредством всеобщей воинской повинности, краткой, но напряженной службы и сравнительно длительного пребывания в ландвере. При такой системе всегда приходится кое-чем поступаться в отношении боевой готовности войск и даже их боеспособности в первый момент войны; государство и политика приобретают нейтральный, оборонительный характер; но не следует также забывать, что заносчивая наступательная тактика кадровой системы привела от Иены к Тильзиту, а скромная оборонительная тактика системы ландвера и всеобщей воинской повинности привела от Кацбаха к Парижу. Итак, либо конскрипционная система и заместительство с семи-восьмилетним сроком службы, из которого почти половина на действительной службе, без дальнейшего пребывания в ландвере; либо же всеобщая воинская повинность с пятилетним, самое большее шестилетним сроком службы, из которых два года на действительной службе с последующим зачислением в ландвер прусского или швейцарского типа. Но чтобы народные массы несли сперва тяготы конскрипционной системы, а затем еще системы ландвера, — этого не сможет выдержать ни одна из европейских наций, даже турки, которые, сохраняя свое воинственное варварство, все еще обладают наибольшей выносливостью. Большое количество обученных людей при коротком сроке службы и продолжительном пребывании военнообязанными или же малое количество обученных при длительном сроке службы и коротком сроке пребывания военнообязанными — вот в чем вопрос; но нужно выбирать либо то, либо другое.

Вильям Нэпир, который, разумеется, считает английских солдат лучшими в мире, говорит в своей истории войны на Пиренейском полуострове, что английский пехотинец после трехлетней службы вполне подготовлен во всех отношениях. А ведь нужно иметь в виду, что элементы, из которых формировалась английская армия

в начале этого столетия, были наихудшими из всех, из которых вообще может быть создано войско. Теперешняя английская армия сформирована из гораздо лучших элементов, но и они в моральном и интеллектуальном отношении все еще бесконечно хуже состава прусской армии. И разве того, чего достигали английские офицеры в три года, имея дело с таким сбродом, нельзя достигнуть в Пруссии в два года при наличии такого исключительно способного, частью уже обученного, с самого начала морально подготовленного сырого рекрутского материала?

Конечно, в настоящее время учиться солдат должен больше. Но это обстоятельство никогда не выдвигалось в качестве серьезного возражения против двухлетнего срока службы. Обычно ссылаются на необходимость воспитания *настоящего солдатского духа*, который вырабатывается-де только на третьем году службы. Это, если господам угодно говорить откровенно и если отвлечься от признанного выше лучшего качества батальонов, соображения скорее политического, чем военного характера. Настоящий солдатский дух должен показать себя больше при внутреннем Дюппеле¹, чем при внешнем. Нам никогда не приходилось видеть, чтобы прусский солдат на третьем году службы выучился чему-нибудь большему, чем скучать, вымогать у рекрутов деньги на выпивку и откалывать плоские остроты по адресу своего начальства. Если бы большинство наших офицеров прослужило хоть один год в качестве рядовых или унтер-офицеров, они не могли бы этого не заметить. «Настоящий солдатский дух», поскольку он имеет политический характер, как это показывает опыт, очень быстро испаряется и к тому же безвозвратно. Военный же дух остается и после двух лет службы.

Двухгодичного срока, следовательно, вполне достаточно, чтобы обучить наших солдат службе в пехоте. С тех пор как полевая артиллерия отделена от крепостной, это относится и к пешей артиллерии; отдельные трудности, которые могут здесь встретиться, можно будет устранить либо еще большим разделением труда, либо и без того желательным упрощением материальной части полевой артиллерии. Равным образом, никаких трудностей не встретило бы оставление в частях большего количества сверхсрочников; но именно эту категорию людей, если они не годятся в унтер-офицеры, в прус-

¹ Дюппель — датские укрепления у границы Дании и Шлезвига; во время войны 1864 г. (Дании с Австрией и Пруссией) были взяты штурмом прусскими войсками. Выражение «Düppel im Innern» для обозначения «внутреннего врага» было употреблено впервые в политическом обзоре «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 30 сентября 1864 г. и получило затем широкое распространение. *Ред.*

ской армии считают нежелательной. Какое это хорошее доказательство *против* долгого срока службы! Только в крепостной артиллерии с ее столь разнообразной материальной частью и в саперных войсках с их многосторонними отраслями работы, которые, однако, нельзя полностью отделить друг от друга, опытные сверхсрочники становятся ценными, хотя и здесь они редки. Конная артиллерия потребует такого же срока службы, как и кавалерия.

Что касается кавалерии, то тот, кто привык с детства к верховой езде, нуждается только в кратком сроке службы, вновь обучаемые же обязательно требуют длительного срока. У нас мало опытных всадников, и потому мы бесспорно нуждаемся в четырехлетнем сроке службы, который намечен в плане реорганизации. Единственной настоящей формой борьбы для конницы является атака в сомкнутом строю с саблями наголо, для проведения которой нужно величайшее мужество и полнейшее взаимное доверие людей. Следовательно, люди должны знать, что они могут положиться как друг на друга, так и на своих командиров. А для этого нужен долгий срок службы. Но и без уверенности всадника в своей лошади кавалерия тоже никуда не годится; человек должен уметь ездить верхом, а чтобы достигнуть уверенности в том, что он может управлять лошадью, т. е. почти любой лошадью, которая ему может достаться, — для этого также необходим долгий срок службы. В этом роде оружия сверхсрочники безусловно желательны, и чем больше они будут настоящими ландскнехтами, тем лучше, — лишь бы у них была любовь к делу. Со стороны оппозиции нас упрекут в том, что это означает создание кавалерии из одних только наемников, готовых принять участие в любом государственном перевороте. Мы отвечаем: возможно. Но при существующих условиях кавалерия всегда будет реакционной (вспомним баденских драгун 1849 г.), подобно тому как артиллерия всегда будет либеральной. Это заложено в природе вещей. Дело нисколько не изменится от того, будет ли несколькими сверхсрочниками больше или меньше. К тому же при баррикадной борьбе кавалерия все равно непригодна, а баррикадная борьба в больших городах, особенно поведение при этом пехоты и артиллерии, решает в настоящее время судьбу всех государственных переворотов.

Но кроме увеличения числа сверхсрочников существуют еще другие средства для поднятия боеспособности и внутренней сплоченности армии при коротком сроке службы. Сюда относятся, между прочим, учебные лагерные сборы, которые сам военный министр фон-Роон назвал средством, компенсирующим более короткий срок службы.

Далее, рациональная постановка обучения, — и в этом отношении в Пруссии нужно сделать еще очень много. Предрассудок, что при коротком сроке службы якобы нужны для компенсации его краткости преувеличенная точность парадного марша, «муштровка» при экерцициях, смехотворно высокое выбрасывание ног, чтобы «без сгиба в колене» пробивать дыру в воздухе, — весь этот предрассудок целиком покоится на явном преувеличении. О необходимости всего этого в прусской армии болтали до тех пор, пока это не превратилось, наконец, в несомненную аксиому. Но какая польза в том, что солдаты при ружейных приемах с такой силой ударяют прикладом о собственное плечо, что почти опрокидываются, причем по всему фронту пробегает весьма невоинственное содрогание, чего не увидишь ни в какой другой армии? — Наконец, в качестве эквивалента сокращенного срока службы, и самого существенного эквивалента его, следует считать лучшее физическое воспитание юношества. Необходимо только позаботиться, чтобы действительно что-нибудь делалось в этом направлении. Правда, во всех сельских школах поставлены параллельные брусья и турники, но наши бедняги школьные учителя еще плохо умеют с ними обращаться. Пусть назначат в каждый округ хотя бы по одному отставному унтер-офицеру, сдавшему экзамен в качестве учителя гимнастики, и поручат ему руководство обучением гимнастике; пусть позаботятся о том, чтобы школьная молодежь постепенно ознакомилась с маршировкой в строю, с движениями взвода и роты и твердо усвоила бы соответствующую команду. В течение 6—8 лет это возместится сторицей, и рекрутов будет больше, и они будут крепче.

В вышеизложенной критике плана реорганизации мы исходили, как было сказано, исключительно из фактически существующих политических и военных условий. Сюда относится и предположение, что при теперешних обстоятельствах законодательное установление двухлетнего срока службы для пехоты и пеших артиллерий явилось бы максимально достижимым сокращением срока службы. Мы даже полагаем, что такое государство, как Пруссия, совершило бы величайший промах, — все равно, какая партия ни стояла бы у власти, — если бы оно в настоящий момент еще более сократило нормальный срок службы. Пока с одной стороны находится французская армия, а с другой — русская, и пока существует возможность согласованного нападения их обеих одновременно, необходимо иметь войска, которым не пришлось бы учиться азбуке военного дела только лишь перед лицом неприятеля. Поэтому мы совершенно не будем принимать во внимание фантазий о милицион-

ной армии без всякого, так сказать, срока службы; в той форме, в какой себе это представляют, милиционная армия в настоящее время невозможна для страны с 18 миллионами жителей и с границами, очень открытыми для нападения; впрочем, и при других условиях она возможна не в такой форме.

После всего вышеизложенного спрашивается: приемлемы ли были для палаты депутатов, стоящей на прусской точке зрения, основные черты плана реорганизации? Мы отвечаем, исходя из военных и политических соображений: увеличение кадров в том виде, как это было проведено, усиление армии мирного времени до 180—200 тысяч человек, превращение ландвера первого призыва в крупную армию запаса, или же во второочередную полевую армию, или в крепостные гарнизоны было приемлемо при условии, *что всеобщая воинская повинность будет строго проводиться, что законодательным порядком будет установлен срок службы в два года на действительной службе, три в резерве и до 36-летнего возраста в ландвере и что, наконец, будут восстановлены кадры ландвера первого призыва.* Можно ли было добиться осуществления этих условий? Лишь немногие из тех, кто следил за прениями, станут отрицать, что при «новой эре», а, пожалуй, даже и позднее это было возможно.

Как же вела себя буржуазная оппозиция?

II:

Прусская буржуазия, которая, как самая развитая часть всей немецкой буржуазии, имеет в данном случае право быть представительницей последней, влачит свое политическое существование с таким отсутствием мужества, которому нет равного в истории даже этого не отличающегося храбростью класса и которое может быть только до известной степени оправдано происходившими в это время внешними событиями. В марте и апреле 1848 г. буржуазия была господином положения; но едва начались первые самостоятельные движения рабочего класса, как буржуазия тотчас же испугалась и бросилась назад под защиту той самой бюрократии и того самого феодального дворянства, над которыми она только что одержала победу с помощью рабочих. Неизбежным результатом этого явился мантейфелевский период. В конце концов наступила — и притом без всякого содействия буржуазной оппозиции — «новая эра». Неожиданная удача вскружила голову буржуа. Они совершенно позабыли о том положении, которое сами себе создали своими неоднократными пересмотрами конституции, своей покорностью по отношению к бюрократии и феодалам (вплоть до восстановления феодальных провинциальных и окружных собраний), своим постоянным отступлением с одной позиции на другую. Они вообразили теперь, что снова стали господами положения, совершенно забыв о том, что сами же восстановили все враждебные им силы, которые, с тех пор окрепнув, держали в своих руках государственную власть совершенно так же, как и до 1848 г. Тут-то и нагрянула реорганизация армии подобно зажигательному снаряду, брошенному в их среду.

У буржуазии только два пути для приобретения политической власти. Так как она представляет собой армию офицеров без солдат и может добыть себе этих солдат только из рабочих, то она должна либо обеспечить себе союз с рабочими, либо же выкупать по частям политическую власть у сил, находящихся выше ее и противостоящих ей, а именно у королевской власти. История английской и французской буржуазии показывает, что иных путей не существует.

Но прусская буржуазия — правда, без всяких оснований — совершенно потеряла охоту к тому, чтобы заключить искренний союз с рабочими. В 1848 г. немецкая рабочая партия, находившаяся тогда еще в начале своего развития и организации, была готова проделать для буржуазии работу на очень скромных условиях, но для последней малейшее самостоятельное движение пролетариата было страшнее феодального дворянства и бюрократии. Спокойствие, купленное ценою холопства, казалось ей более предпочтительным, чем даже одна только *перспектива* борьбы за свободу. С тех пор этот священный ужас перед рабочими сделался у буржуа традиционным, пока, наконец, г. Шульце-Делич не начал своей агитации за копилку. Эта агитация должна была доказать рабочим, что для них нет большего счастья, чем в течение всей жизни подвергать самих себя, а также и свое потомство промышленной эксплуатации буржуазии; больше того, что рабочие сами должны способствовать этой эксплуатации, добывая себе приработок посредством разного рода производительных товариществ и тем самым предоставляя капиталистам возможность снижать заработную плату. Хотя промышленная буржуазия наряду с гусарскими поручиками — несомненно наиболее невежественный класс немецкой нации, все же подобная агитация среди такого в умственном отношении развитого народа, как немецкий, заведомо не имела никаких шансов на продолжительный успех. Более проникательные головы из среды самой буржуазии должны были понять, что из этого ничего не выйдет, и союз с рабочими снова провалился.

Оставался мелочный торг с правительством из-за политической власти, за которую надо было платить чисто ганом — разумеется, из народного кармана. *Реальная* власть буржуазии в государстве заключалась лишь в праве, к тому же еще очень ограниченном, вводить налоги. Значит, сюда-то и надо было приложить рычаг, и класс, который так превосходно умеет торговаться, наверняка должен был при этом остаться в выигрыше.

Но не тут-то было! Прусская буржуазная оппозиция — в полную противоположность классической буржуазии Англии XVII и XVIII столетий — поняла дело так, что она выторгует власть, *не* платя за это денег.

В чем же должна была состоять правильная политика буржуазной оппозиции, если исходить из чисто буржуазной точки зрения и полностью учитывать условия, при которых была преподнесена реорганизация армии? Буржуазная оппозиция должна была знать, если она учитывала свои силы, что она, которая только что была

поднята — и действительно без всякого усилия с ее стороны — из того унижительного положения, в котором она находилась при Мантейфеле, безусловно не имела сил помешать *фактическому* проведению плана, который ведь уже начали осуществлять. Она должна была знать, что с каждой бесплодно прошедшей сессией становится труднее устранить фактически существующее нововведение, что, следовательно, с каждым годом правительство будет предлагать все меньшую цену за то, чтобы добиться согласия палаты. Она должна была знать, что ей еще очень далеко до того, чтобы назначать и свергать министров, и что, следовательно, чем дольше будет тянуться конфликт, тем меньше будет она встречать склонных к компромиссу министров. Она должна была, наконец, знать, что прежде всего в ее же собственных интересах было не доводить дела до крайности. Ибо серьезный конфликт с правительством на той ступени развития, на которой находились немецкие рабочие, должен был неизбежно вызвать к жизни независимое рабочее движение и тем самым в лучшем случае снова поставить ее перед дилеммой: или союз с рабочими, но теперь уже на значительно менее выгодных условиях, чем в 1848 г., или же — на колени перед правительством и «*pater, rersavi!*» [«отче, согрешил!»].

Либеральная и прогрессивная буржуазия должна была поэтому подвергнуть проект реорганизации армии и неразрывно с ним связанное увеличение контингента мирного времени беспристрастному деловому изучению, и тогда она, вероятно, пришла бы примерно к тем же результатам, что и мы. При этом ей не следовало забывать, что она все-таки не в состоянии была воспрепятствовать предварительному введению новшеств, поскольку план содержал так много верных и нужных вещей, а могла только замедлить их окончательное установление. Она должна была, следовательно, прежде всего остерегаться того, чтобы сразу занять прямо враждебную позицию в отношении реорганизации; напротив, она должна была эту реорганизацию и деньги, которые предстояло на нее вотировать, использовать для того, чтобы купить у «новой эры» возможно большую компенсацию, чтобы за 9 или 10 миллионов марок новых налогов приобрести себе как можно больше политической власти.

А как много тут надо было еще сделать! Было тут и все мантейфельское законодательство о печати и праве союзов; и перешедшая без всяких изменений от абсолютной монархии власть полиции и чиновничества; устранение судов от решения дел путем оспаривания их компетенции; провинциальные и окружные сословные собрания и, прежде всего, господствовавшее при Мантейфеле

толкование конституции, в противовес которому нужно было установить новую конституционную практику; был тут и зажим городского самоуправления бюрократией и еще тысяча других вещей, которые всякая другая буржуазия в подобном положении охотно выкупила бы ценою увеличения налогов на полталера с каждого жителя, и все это можно было получить, если бы буржуазия действовала хоть сколько-нибудь искусно. Но буржуазная оппозиция была иного мнения. Что касается свободы печати, союзов, собраний, то законы Мантейфеля установили как раз те пределы, в которых буржуа чувствовали себя уютно. Они могли беспрепятственно заявлять кроткие протесты против правительства; всякое увеличение свободы приносило им меньше выгоды, чем рабочим, и буржуазия скорее готова была терпеть несколько большее притеснение со стороны правительства, чем дать рабочим свободу самостоятельного движения. Так же обстояло дело и с ограничением власти полиции и чиновников. Буржуазия полагала, что посредством министерства «новой эры» она уже подчинила себе бюрократию, и была довольна тем, что эта бюрократия сохраняла полную свободу действий в отношении рабочих. Она совершенно забыла, что бюрократия гораздо сильнее и жизнеспособнее, чем любое дружественное буржуазии министерство. И вот она вообразила, что с падением Мантейфеля наступило тысячелетнее царство буржуазии и что дело лишь в том, чтобы собрать созревшую жатву буржуазного единодержавия, не платя за это ни гроша.

Но как можно вотировать столько денег, да еще после того, как годы, последовавшие за 1848 г., обошлись так дорого, так увеличили государственный долг и так повысили налоги! — Милостивые государи, вы — депутаты самого молодого конституционного государства в мире и не знаете, что конституционализм — самая дорого стоящая в мире форма правления, чуть ли не дороже бонапартизма, который — *après moi le déluge!* [после меня хоть потоп!] — покрывает старые долги все новыми и новыми и таким образом в десять лет растрачивает ресурсы столетия? Золотые времена ограниченного абсолютизма, которые вам все еще мерещатся, никогда не вернутся назад.

Но как же быть с оговорками в конституции насчет продолжения взимания уже однажды вотированных налогов? — Всякий знает, как скромна была «новая эра» в требовании денег. Вследствие того, что ценою официально записанных контр-уступок издержки на реорганизацию включались в обычные расходы, — вследствие этого приходилось поступиться еще немногим. Дело заключалось

в вотировании новых налогов, которыми должны были покрываться эти издержки. Тут-то и можно было поскаредничать, а для этого нельзя было и желать лучшего министерства, чем министерство «новой эры». Буржуазия все-таки продолжала бы оставаться хозяином положения в той же мере, как и раньше, и завладела бы новыми орудиями власти в других областях.

Но ведь реакция крепнет, когда ее главное орудие — армия — увеличивается вдвое? В этом вопросе прогрессистские буржуа всегда впадали в совершенно неразрешимый конфликт сами с собой. Они требуют от Пруссии, чтобы она играла роль немецкого Пьемонта. Но для этого необходима сильная, боеспособная армия. У них министерство «новой эры», которое втихомолку придерживается тех же взглядов, наилучшее министерство, какое у них может быть в данных условиях. Они *отказывают* этому министерству в усилении армии. Ежедневно, с утра до вечера, у них не сходит с уст слава Пруссии, величие Пруссии, рост могущества Пруссии; но они *отказывают* Пруссии в таком усилении армии, которое только соответствовало бы в точности усилению, произведенному после 1814 г. у себя другими великими державами. Почему же они это делают? Потому, что боятся, что это усиление пойдет на пользу только реакции, поднимет разорившееся военное дворянство и вообще даст феодальной и абсолютистско-бюрократической партии возможность путем государственного переворота похоронить весь конституционализм.

Допустим, что прогрессистские буржуа были правы, не желая усиливать реакцию, и что армия была вернейшей опорой реакции. Но представлялся ли когда-либо более удобный случай поставить армию под контроль палаты, чем именно эта реорганизация, предложенная самым дружественным буржуазии министерством, какое Пруссия когда-либо имела в спокойные времена? Разве нельзя было, согласившись на известных условиях вотировать кредиты на усиление армии, договориться о кадетских корпусах, о дворянских привилегиях и обо всех других спорных пунктах и добиться гарантий, которые придали бы офицерскому корпусу более буржуазный характер? Для «новой эры» одно лишь было ясно: усиление армии должно быть проведено. Окольные пути, которыми она контрабандой протаскивала реорганизацию в жизнь, лучше всего изобличали ее нечистую совесть и страх перед депутатами. Вот за это-то и надо было ухватиться обеими руками; другого такого случая буржуазии не дожидаться и через сто лет. Чего только не выторговали бы в розницу у этого министерства,

если бы прогрессистские буржуа взялись за дело не скаредничая, а как крупные дельцы!

Ну, а теперь о практических результатах реорганизации в отношении самого офицерского состава. Нужно было найти офицеров для удвоенного числа батальонов. Кадетские корпуса далеко не могли удовлетворить этой потребности. Был проявлен такой либерализм, какого никогда еще раньше не проявляли в мирные времена; должности лейтенантов предлагались прямо в качестве премии студентам, вольнослушателям и всем образованным молодым людям. Кто видел снова прусскую армию после реорганизации, тот не узнавал ее офицерского корпуса. Мы говорим это не по наслышке, а по личным наблюдениям. Специфический офицерский жаргон был почти вытеснен, более молодые офицеры говорили на своем обычном родном языке; они никоим образом не принадлежали к замкнутой касте, а представляли больше, чем когда-либо после 1815 г., все образованные классы и все провинции государства. Итак, эта позиция уже была завоевана в силу естественного хода событий; дело заключалось только в том, чтобы удержать ее и использовать. Но прогрессистские буржуа все это игнорировали и продолжали болтать, как будто все эти офицеры были благородными кадетами. А между тем никогда с 1815 г. в Пруссии не было большего числа буржуазных офицеров, чем именно теперь.

Кстати сказать, мы приписываем отважное поведение прусских офицеров перед лицом неприятеля в шлезвиг-гольштинской войне главным образом этому вливанию свежей крови. Младшие офицеры старого состава одни никогда не осмелились бы так часто действовать на собственный риск. В этом отношении правительство право, приписывая реорганизации существенное влияние на «внешний блеск» («Eleganz») этих успехов; в чем кроме этого заключалась опасность реорганизации для датчан — нам не ведомо.

Наконец — главный вопрос: облегчает ли усиление армии мирного времени проведение государственного переворота? Совершенно верно, что армии являются орудием, с помощью которого совершаются государственные перевороты, и что, следовательно, всякое усиление армии увеличивает также возможность совершения государственного переворота. Но численность армии, которая нужна великой державе, определяется не большими или меньшими шансами на государственный переворот, а размерами армий других великих держав. Кто сказал А, должен сказать и Б. Кто принял мандат прусского депутата и начертал на своем знамени величие Пруссии и ее влиятельное положение в Европе, тому приходится также

соглашаться и на то, чтобы были созданы средства, без которых о величии Пруссии и ее влиятельном положении не может быть и речи. Если же эти средства не могут быть созданы без того, чтобы не облегчить возможность государственных переворотов, то тем хуже для господ прогрессистов. Если бы в 1848 г. они не вели себя так до смешного трусливо и неловко, то период государственных переворотов, вероятно, давным-давно был бы позади. Но при существующих условиях им ничего больше не остается, как в конце концов все же признать необходимость усиления армии в той или иной форме, а свои опасения насчет государственных переворотов оставить при себе.

Между тем вопрос имеет еще и другие стороны. Во-первых, все же предпочтительнее было вести переговоры об ассигновании средств на это орудие государственного переворота с министерством «новой эры», чем с министерством Бисмарка. Во-вторых, само собой разумеется, что каждый дальнейший шаг к действительному проведению всеобщей воинской повинности делает прусскую армию менее пригодным орудием для государственных переворотов. Коль скоро стремление к самоуправлению и понимание необходимости борьбы против всех сопротивляющихся этому элементов проникло во всю народную массу, то и молодые люди в возрасте 20—21 года должны быть также захвачены этим движением, и осуществление государственного переворота с их помощью, даже под начальством феодального и абсолютистского офицерства, должно становиться все более затруднительным. Чем больше повышается уровень политического развития в стране, тем неблагонадежнее становится настроение призванных рекрутов. Даже нынешняя борьба между правительством и буржуазией должна была уже дать доказательства этого.

В-третьих, двухлетний срок службы — достаточный противовес увеличению армии. В той мере, в какой усиление армии увеличивает в руках правительства материальные средства для насильственных переворотов, в той же самой мере двухлетний срок службы уменьшает моральные возможности этого. На третьем году службы вечная зубрежка абсолютистских наставлений и привычка к повиновению у солдат может в известный момент, и притом в течение срока службы, принести кое-какие плоды. На третьем году службы, когда отдельному солдату в военном отношении почти уже нечему учиться, наш призванный в порядке всеобщей воинской повинности в известной мере уже приближается к долгосрочно призванным солдатам франко-австрийской системы. Он приобретает кое-какие качества профессионального солдата и, как таковой, во вся-

ком случае может быть гораздо легче использован, чем более молодой солдат. Если рассматривать вопрос с точки зрения возможности государственного переворота, то увольнение из армии людей на третьем году службы наверняка более чем уравнесило бы призыв новых 60—80 тысяч человек.

К этому присоединяется еще один и притом решающий момент. Мы не хотим отрицать, что могут наступить условия, — для этого мы слишком хорошо знаем нашу буржуазию, — при которых даже без мобилизации, с армией обычного состава мирного времени, государственный переворот все же был бы возможен. Но это невероятно. Чтобы совершить серьезный переворот, почти всегда необходимо произвести мобилизацию. Но тогда дело принимает иной оборот. Прусская армия мирного времени, при известных обстоятельствах, может стать удобным орудием в руках правительства для использования внутри страны; прусская же армия военного времени — ни в коем случае. Тот, кому приходилось видеть какой-либо батальон сперва на мирном, а затем на военном положении, знает, какая огромная разница во всем поведении людей, в характере всей массы. Люди, вступавшие в армию почти мальчиками, снова возвращаются в нее теперь уже взрослыми людьми; они приносят с собой накопленное ими чувство собственного достоинства, уверенность в себе, твердость и характер, что идет на пользу всему батальону. Отношение солдат к офицерам и офицеров к солдатам сразу становится иным. Батальон значительно выигрывает в военном отношении, но в политическом — он становится совершенно не надежным для абсолютистских целей. Это можно было видеть еще при вступлении в Шлезвиг, где, к великому удивлению корреспондентов английских газет, прусские солдаты повсюду открыто принимали участие в политических демонстрациях и безбоязненно высказывали свои далеко не правоверные взгляды. И этому результату — политической непригодности мобилизованной армии для абсолютистских целей — мы обязаны главным образом мантейфелевским временам и «новойшей» эре. В 1848 г. дело обстоит еще совершенно иначе.

В том-то как раз и состоит одна из лучших сторон прусской военной системы как до, так и после реорганизации, что при *такой* военной системе Пруссия не может ни вести непопулярную войну, ни совершить государственный переворот, который обещал бы быть прочным. Ибо если бы даже армия мирного времени и дала себя использовать для маленького государственного переворота, то достаточно было бы первой мобилизации и первой угрозы войны, чтобы снова поставить под вопрос все «завоевания». Геройские под-

виги армии мирного времени при «внутреннем Дюшпеле» без санкции их армией военного времени имели бы лишь кратковременное значение, а получить эту санкцию будет чем дальше, тем труднее. Реакционные газеты объявили «армию», в противовес палатам, истинным народным представительством. Разумеется, они имели при этом в виду только офицеров. Если бы когда-либо дело дошло до того, что господина из «Kreuzzeitung» произвели бы государственный переворот, а для этого им необходима *мобилизованная* армия, то будьте уверены, что им пришлось бы сильно разочароваться в этом народном представительстве.

Но, в конце концов, и не в этом заключается главная гарантия против государственного переворота. Она заключается в том, что ни одно правительство не может путем государственного переворота собрать такую палату, которая станет вотировать ему новые налоги и займы, и что если бы оно даже создало палату, готовую на это, ни один банкир в Европе не открыл бы ему кредита на основании такого вотума палаты. В большинстве европейских государств дело обстояло бы иначе. Но Пруссия, после обещаний 1815 г. и многих тщетных попыток до 1848 г. получить деньги, пользуется теперь такой славой, что ей не ссудят ни гроша без правомерного и неоспоримого решения палаты. Сам господин Рафаэль фон-Эрлангер, который ссужал деньги даже американским конфедератам, вряд ли доверил бы наличные деньги прусскому правительству, вышедшему из государственного переворота. Этим Пруссия обязана исключительно ограниченности абсолютизма.

В том-то и заключается сила буржуазии, что правительство, когда оно нуждается в деньгах, — а это рано или поздно обязательно должно случиться, — принуждено *само обращаться за деньгами к буржуазии*, но в данном случае уже не к политическому представительству буржуазии, которое, в конце концов, знает, что оно для того и существует, чтобы платить, а к крупным финансистам, которые непрочь обделают хорошее дельце с правительством, которые измеряют кредитоспособность правительств тем же масштабом, что и кредитоспособность любого частного лица, и которым совершенно безразлично, много или мало солдат нужно прусскому государству. Эти господа учитывают вексель только с тремя подписями, и если наряду с правительством он подписан только палатой господ, без палаты депутатов, либо палатой депутатов, состоящей из подставных лиц, то они считают такой вексель дутым и отказываются от сделки.

Здесь кончается военный вопрос и начинается вопрос консти-

туционный. Безразлично, в результате каких ошибок и хитросплетений буржуазная оппозиция очутилась в таком положении, что она должна либо победить в военном вопросе, либо потерять тот остаток политической власти, которым она еще обладает. Правительство уже поставило под вопрос все ее право вотирования бюджета. И если правительство рано или поздно все же *должно* будет заключить мир с палатой, то не будет ли самой лучшей политикой просто выждать, пока этот момент наступит?

Раз уж конфликт зашел так далеко — безусловно да. Возможность заключить соглашение с существующим правительством на приемлемых основах — более чем сомнительна. Буржуазия, вследствие переоценки своих собственных сил, поставила себя в такое положение, что на этом военном вопросе она должна проверить, является ли она в государстве решающим фактором или же просто ничем. Если она победит, то одновременно завладеет властью назначать и смещать министров, властью, какой обладает английская палата общин. Если она потерпит поражение, то конституционным путем она никогда больше не приобретет какого-либо значения.

Но плохо знает наших немецких буржуа тот, кто думает, что от них можно ожидать такой выдержки. Мужество буржуазии в политических делах всегда находится в точном соответствии с тем весом, который она имеет в гражданском обществе данной страны. В Германии социальная мощь буржуазии гораздо меньше, чем в Англии и даже во Франции; в Германии буржуазия не вступила в союз со старой аристократией, как в Англии, и не уничтожила ее с помощью крестьян и рабочих, как во Франции. Феодальная аристократия в Германии все еще является силой, враждебной буржуазии, и, вдобавок, силой, связанной с правительствами. Фабричная промышленность, основа всей социальной мощи современной буржуазии, значительно меньше развита в Германии, чем во Франции и Англии, несмотря на ее огромный прогресс после 1848 г. Колоссальные скопления капиталов у отдельных лиц, часто встречающиеся в Англии и даже во Франции, в Германии бывают реже. Отсюда — мелкобуржуазный характер всей нашей буржуазии. Условия, в которых она живет, кругозор, который она может себе выработать, — мелочны; что же удивительного в том, что и весь образ ее мыслей такой же мелочный! Откуда же при таких условиях может появиться мужество бороться за дело до конца? Прусская буржуазия прекрасно знает, в какой зависимости она находится от правительства в сфере своей собственной промышленной деятельности. Концес-

сии¹ и административный контроль гнетут ее, как кошмар. При открытии каждого нового предприятия правительство может чинить ей препятствия. А тем более в политической области! Во время конфликта по военному вопросу буржуазная палата может только отвергать, она вынуждена только обороняться, в то время как правительство действует агрессивно, интерпретирует по-своему конституцию, увольняет либеральных чиновников, аннулирует либеральные городские выборы, пускает в ход все рычаги бюрократического насилия, чтобы втолковать буржуа их верноподданническую точку зрения, захватывает фактически одну позицию за другой и таким образом завоевывает себе такое положение, какого не было даже у Мантейфеля. Между тем внебюджетное расходование денег и взимание налогов спокойно производится своим чередом, а реорганизация армии приобретает с каждым годом своего существования новую силу. Короче говоря, стоящая в перспективе окончательная победа буржуазии с каждым годом приобретает все более революционный характер, а ежедневно умножающиеся частичные победы правительства во всех областях все более и более приобретают вид совершившихся фактов. К тому же появляется совершенно независимое как от буржуазии, так и от правительства рабочее движение, которое вынуждает буржуазию либо делать рабочим роковые уступки, либо же быть готовой в решительный момент действовать без помощи рабочих. Хватит ли у прусской буржуазии при таких обстоятельствах мужества стоять на своем до конца? Ей бы следовало с 1848 г. необычайно выправиться, — в своем собственном смысле, конечно, — но та жажда компромисса, которую с момента открытия нынешней сессии партия прогрессистов все время обнаруживает весьма ярко, не свидетельствует об этом. Мы опасаемся, что буржуазия и на этот раз не остановится перед тем, чтобы совершить предательство по отношению к самой себе.

¹ Имеется в виду бюрократическая система регламентации промышленности, существовавшая в это время в Пруссии. Для целого ряда отраслей промышленности была установлена система специальных разрешений (концессий), без получения которых нельзя было заниматься промышленной деятельностью. Это полусредневековое промышленное законодательство стесняло развитие капитализма. *Ред.*

III.

«Каково же отношение рабочей партии к этой реорганизации армии и к возникшему на этой почве конфликту между правительством и буржуазной оппозицией?»

Для полного развертывания своей политической деятельности рабочий класс нуждается в значительно более широкой арене, чем та, которую представляют собой отдельные государства теперешней раздробленной Германии. Государственная раздробленность будет препятствием для движения пролетариата и никогда не будет иметь в его глазах права на существование, никогда не явится предметом его серьезных размышлений. Немецкий пролетариат не будет заниматься имперскими конституциями, прусской гегемонией, триадой¹ и тому подобными вещами, — разве только с единственной целью навсегда покончить со всем этим; вопрос, сколько солдат нужно прусскому государству для прозябания в качестве великой державы, для него безразличен. Увеличатся ли несколько военные тяготы в результате реорганизации или нет, — для рабочего класса, *как класса*, это имеет мало значения. Зато для него вовсе не безразлично, будет ли всеобщая воинская повинность проведена полностью или нет. Чем большее количество рабочих обучится владеть оружием, тем лучше. Всеобщая воинская повинность — необходимое и естественное дополнение к всеобщему избирательному праву; она дает возможность избирателям отстаивать свои решения с оружием в руках против всяких попыток государственного переворота:

Все более и более последовательное проведение всеобщей воинской повинности — единственный момент в реорганизации прусской армии, который представляет интерес для рабочего класса Германии.

¹ Имеется в виду идея деления Германии на три части: Австрию, Пруссию и «собственно Германию», состоящую из «чисто немецких» средних и мелких государств; этот план разрешения национального вопроса в Германии, направленный как против австрийской, так и против прусской гегемонии, защищался в 50—60-х годах, особенно Баварией, и был похоронен событиями 1866 и 1870—1871 годов, обеспечившими гегемонию в деле национального объединения за Пруссией. *Ред.*

Более важным является вопрос: какую позицию должна занять рабочая партия в возникшем на этой почве конфликте между правительством и палатой?

Современный рабочий, пролетарий, — продукт великой промышленной революции, которая именно за последние сто лет во всех цивилизованных странах совершила полный переворот во всем способе производства, сперва в промышленности, а затем и в земледелии; в результате этой революции в производстве принимают участие только два класса: класс капиталистов, владеющих орудиями труда, сырьем и средствами существования, и класс рабочих, которые не имеют ни орудий труда, ни сырья, ни средств существования, а должны сперва своим трудом покупать последние у капиталистов. Современный пролетарий, следовательно, имеет дело непосредственно только с *одним* общественным классом, который враждебно противостоит ему, эксплуатирует его, — с классом капиталистов, буржуа. В странах, где эта промышленная революция осуществлена полностью, как, например, в Англии, рабочий действительно имеет дело только с капиталистами, потому что в деревне крупный арендатор имения является не чем иным, как капиталистом; аристократ, который только проедает земельную ренту со своих владений, не имеет с рабочим абсолютно никаких общественных точек соприкосновения.

Иначе обстоит дело в странах, где эта промышленная революция еще только совершается, как в Германии. Здесь еще сохранилось от прежних феодальных и послефеодальных отношений много общественных элементов, которые, так сказать, затемняют общественную среду (*medium*) и лишают социальный строй Германии того простого, ясного, классического характера, которым отличается стадия развития Англии. Здесь в Германии, в атмосфере, все более модернизирующейся с каждым днем, среди вполне современных капиталистов и рабочих живьем разгуливают изумительнейшие допотопные ископаемые: феодальные господа, вотчинные суды, юнкерство, телесные наказания, регирунгсраты, ландраты, цеховщина, конфликты из-за сферы компетенции, право административных взысканий и т. д. И мы видим, что в борьбе за политическую власть все эти ископаемые, продолжающие еще жить, объединяются против буржуазии, которая, будучи, благодаря своей собственности, могущественнейшим классом новой эпохи, во имя этой новой эпохи требует себе от них политического господства.

Кроме буржуазии и пролетариата, современная крупная про-

мышленность производит еще нечто вроде промежуточного класса, стоящего между ними, — мелкую буржуазию. Эта последняя состоит частью из остатков прежнего, полусредневекового мещанства, частью из рабочих, несколько поднявшихся над общим уровнем; мелкая буржуазия в меньшей мере участвует в производстве, чем в распределении товаров; главное ее занятие — розничная торговля. В то время как старое мещанство было самым устойчивым, современная мелкая буржуазия является наиболее меняющимся классом общества; банкротство стало в ее среде постоянным явлением. Благодаря обладанию небольшим капиталом, она по своим бытовым условиям примыкает к буржуазии, по неустойчивости же своего существования — к положению пролетариата. Ее политическая позиция так же полна противоречий, как и ее общественное бытие; в общем все же ее наиболее точным выражением является «чистая демократия». Ее политическое призвание состоит в том, чтобы подталкивать вперед буржуазию в ее борьбе против остатков старого общества и в особенности против ее собственной слабости и трусости и помогать в завоевании таких свобод, как свобода печати, союзов и собраний, всеобщего избирательного права, местного самоуправления, без которых, несмотря на их буржуазную природу, трусливая буржуазия все же может обойтись, но без которых рабочие не могут завоевать себе освобождения.

В ходе борьбы между остатками старого, допотопного общества и буржуазией всюду, рано или поздно, наступает такой момент, когда обе борющиеся стороны обращаются к пролетариату и ищут его поддержки. Это совпадает обыкновенно с тем моментом, когда рабочий класс сам начинает приходить в движение. Феодалы и бюрократические представители гибнущего общества призывают рабочих к нападению совместно с ними на кровопийц-капиталистов, единственных врагов рабочего, а буржуа указывают рабочим на то, что они вместе представляют новую общественную эпоху и поэтому, по отношению к гибнущей *старой* общественной форме, их интересы, конечно, совпадают. В то же время рабочий класс постепенно приходит к сознанию, что он является особым классом, с особыми интересами и с особым самостоятельным будущим; и вместе с тем возникает вопрос, который настойчиво выдвигался последовательно в Англии, во Франции и в Германии: какую позицию должна занять рабочая партия по отношению к борющимся?

Прежде всего это будет зависеть от того, к каким целям в интересах класса стремится рабочая партия, т. е. та часть рабочего класса, которая пришла к сознанию общих интересов класса.

Насколько известно, передовые рабочие в Германии выдвигают требование: освобождение рабочих от капиталистов путем передачи капитала, принадлежащего государству, ассоциированным рабочим для ведения производства за общий счет и без капиталистов, а в качестве средства для осуществления этой цели — завоевание политической власти путем всеобщего и прямого избирательного права.

Одно ясно: ни феодально-бюрократическая партия, которую принято называть просто *реакцией*, ни либерально-радикальная буржуазная партия не склонны будут добровольно уступить этим требованиям. Но пролетариат становится силой с того момента, когда он образует самостоятельную рабочую партию, а с силой приходится считаться. Обе враждующие партии знают это и поэтому в определенный момент будут склонны сделать рабочим мнимые или действительные уступки. На чьей же стороне рабочие могут добиться наибольших уступок?

Для реакционной партии уже самое существование буржуа и пролетариев является бельмом на глазу. Ее сила зависит от того, будет ли приостановлено или, по крайней мере, замедлено современное общественное развитие. Иначе все имущие классы постепенно превратятся в капиталистов, все угнетенные классы — в пролетариев, а вместе с тем исчезнет сама собой реакционная партия. Реакция, если она последовательна, стремится, конечно, упразднить пролетариат, но не путем перехода к его ассоциированию, а путем превращения современных пролетариев снова в цеховых подмастерьев и в крепостных или полукрепостных зависимых крестьян (*Hintersassen*). Устраивает ли наших пролетариев такое превращение? Хотят ли они снова вернуться под отеческую опеку цехового мастера и «милостивого господина», даже если бы нечто подобное было возможно? Конечно, нет! Ведь именно отделение рабочего класса от всякой прежней мнимой собственности и мнимых привилегий, установление неприкрытого антагонизма между капиталом и трудом сделало вообще возможным существование единого многочисленного рабочего класса с общими интересами, существование рабочего движения, рабочей партии. К тому же подобный поворот истории вспять совершенно невозможен. Паровые машины, механические прядильные и ткацкие станки, паровые плуги и молотилки, железные дороги и электрический телеграф, современные паровые прессы делают невозможным такое нелепое движение вспять; наоборот, постепенно и неумолимо они уничтожают все остатки феодальных и цеховых отношений и растворяют все перешедшие от прежнего

времени мелкие общественные противоречия в едином всемирно-историческом антагонизме между капиталом и трудом.

У буржуазии, напротив, нет никакой другой исторической задачи, как только всесторонне увеличить и поднять до высшего уровня упомянутые выше гигантские производительные силы и средства сообщения современного общества; при помощи своих кредитных обществ прибрать к рукам и те средства производства, которые перешли от прежних времен, а именно земельную собственность; пустить в ход при помощи современных орудий труда все отрасли производства, уничтожить все остатки феодального производства и феодальных отношений и, таким образом, свести все общество к простому антагонизму между классом капиталистов и классом неимущих рабочих. В той же мере, в какой происходит это упрощение общественных классовых противоречий, растет сила буржуазии, но в еще большей мере возрастает также сила пролетариата, его классовое сознание и способность к победе; только благодаря этому увеличению мощи буржуазии пролетариат мало-помалу приходит к тому, чтобы стать большинством, преобладающим большинством в государстве, как это уже имеет место в Англии, но чего вовсе нет еще в Германии, где в деревне крестьяне всех категорий, а в городах мелкие мастера, мелкие торговцы и т. п. еще преобладают над рабочими.

Следовательно, каждая победа реакции задерживает общественное развитие и неизбежно отдалает момент победы рабочих. Напротив, каждая победа буржуазии над реакцией в известной степени является в то же время победой рабочих, способствует окончательному свержению капиталистического господства, приближает момент победы рабочих над буржуазией.

Сравним положение немецкой рабочей партии в 1848 г. и теперь. В Германии еще достаточно ветеранов, которые с самого начала, еще до 1848 г., участвовали в основании немецкой рабочей партии, которые после революции помогали ее дальнейшему укреплению, пока тогдашние условия позволяли это. Все они знают, какого труда стоило, даже в те бурные времена, вызвать к жизни рабочее движение, поддерживать его развитие, удалять реакционно-цеховые элементы, и как все это снова замерло спустя несколько лет. Если же теперь рабочее движение возникло, так сказать, само собой, то отчего это происходит? А оттого, что с 1848 г. крупная капиталистическая промышленность в Германии достигла неслыханных успехов, оттого, что она уничтожила массу мелких мастеров и других промежуточных элементов между рабочими и капиталистами, прямо

противопоставила рабочую массу капиталистам, короче — создала значительный пролетариат там, где раньше он либо не существовал, либо был крайне малочисленным. Благодаря этому промышленному развитию рабочая партия и рабочее движение стали необходимо-стью.

Это не значит, что не могут наступить такие моменты, когда реакции покажется выгодным сделать уступки рабочим. Но это — всегда уступки совсем особого сорта. Они никогда не имеют политического характера. Феодально-бюрократическая реакция не станет ни расширять избирательное право, ни предоставлять свободу печати, союзов и собраний, ни ограничивать власть бюрократии. Уступки, которые она делает, всегда направлены прямо против буржуазии, и они такого сорта, что нисколько не увеличивают политической мощи рабочих. Так в Англии был проведен, против воли фабрикантов, закон о десятичасовом рабочем дне для фабричных рабочих. Так можно было бы в Пруссии потребовать от правительства точного исполнения предписаний о продолжительности рабочего времени на фабриках, предписаний, которые теперь существуют только на бумаге, — далее, можно было бы требовать права союзов для рабочих и т. д. и, может быть, добиться этого. Однако, какие бы уступки ни делала реакция, одно остается неизменным: они достигаются без всяких встречных услуг со стороны рабочих; и это вполне справедливо, так как, отравляя существование буржуазии, реакция тем самым уже достигает своей цели, и рабочие не обязаны ее благодарить, они и не благодарят ее.

Но существует еще один вид реакции, который в последнее время имел большой успех и очень в моде в определенных кругах; это тот вид реакции, который в настоящее время называют бонапартизмом. Бонапартизм является необходимой государственной формой в стране, где в городах рабочий класс находится на высокой ступени развития, но численно перевешивается мелким крестьянством в деревне и побежден в великой революционной борьбе классом капиталистов, мелкой буржуазией и армией. Когда во Франции парижские рабочие были побеждены в гигантской борьбе в июне 1848 г., одновременно и буржуазия была совершенно истощена этой победой. Она сознавала, что второй такой победы выдержать не сможет. Номинально она еще господствовала, но была слишком слаба для господства. На первый план выдвинулась армия, — настоящий победитель, опирающаяся на класс, из которого она преимущественно рекрутировалась, на мелких крестьян, желавших отдохнуть от городских смутьянов. Формой этого господства был, само собою разумеется,

военный деспотизм, его естественным шефом — прирожденный наследник его, Луи Бонапарт.

Отношение бонапартизма как к рабочим, так и к капиталистам характеризуется тем, что он препятствует им наброситься друг на друга. Это означает, что он защищает буржуазию от насильственных нападений рабочих, поощряет мелкие мирные стычки между обоими классами и в конце концов лишает как тех, так и других всяких признаков политической власти. Ни права союзов, ни права собраний, ни свободы печати; всеобщее избирательное право — но под таким бюрократическим гнетом, что оппозиционные выборы почти невозможны; засилие полиции, невиданное до сих пор даже в полицейской Франции. Наряду с этим происходит прямой *подкуп* некоторой части как буржуа, так и рабочих; первых — путем колоссальных кредитных мошенничеств, при помощи которых деньги мелких капиталистов перекочевывают в карманы крупных; вторых — путем колоссальных государственных строительных работ, которые рядом с естественным, самостоятельным пролетариатом концентрируют в больших городах пролетариат искусственный, связанный с империей, зависимый от правительства. Наконец, льстят чувству национальной гордости посредством мнимо-героических войн, которые, однако, всегда ведутся с высочайшего дозволения Европы против общего в данный момент козла отпущения, да и то лишь при условии, что победа заранее обеспечена.

Самое большое, что при таком правительстве достается и рабочим и буржуазии, это то, что они отдыхают от борьбы, что промышленность — при прочих благоприятных условиях — сильно развивается, что, следовательно, создаются элементы для новой, более ожесточенной борьбы и что эта борьба вспыхивает, как только перестает существовать потребность в такой передышке. Было бы верхом глупости ждать большего для рабочих от правительства, которое как раз для того только и существует, чтобы держать рабочих в узде по отношению к буржуазии.

Перейдем теперь к специально разбираемому нами случаю. Что может реакция в Пруссии предложить рабочей партии?

Может ли эта реакция предложить рабочему классу действительное участие в политической власти? — Безусловно нет. Во-первых, никогда в новейшей истории Англии и Франции не бывало случая, чтобы реакционное правительство сделало это. Во-вторых, в современной борьбе в Пруссии дело идет как раз о том, сосредоточит ли правительство всю реальную власть в своих руках или же оно должно будет разделить ее с парламентом. Не станет же правитель-

ство, в самом деле, пускать все средства в ход, лишать буржуазию власти, лишь для того, чтобы затем подарить эту власть пролетариату!

Феодальная аристократия и бюрократия могут сохранить свою действительную власть в Пруссии и без парламентского представительства. Их традиционное положение при дворе, в армии, среди чиновничества гарантирует им эту власть. Им незачем даже желать особого представительства, так как палаты из дворян и чиновников в том виде, в каком они существовали при Мантейфеле, в Пруссии теперь надолго все-таки невозможны. Поэтому они не прочь были бы послать к чорту и всю систему палат.

Напротив, буржуазия и рабочие могут действительно организованно осуществлять свою политическую власть только через парламентское представительство, а это парламентское представительство только тогда чего-нибудь стоит, когда за ним обеспечено участие в обсуждении и решении, другими словами — если оно может держать в своих руках «ключ от денежного ящика». Но именно этому-то Бисмарк совершенно откровенно хочет помешать. Мы спрашиваем: в интересах ли рабочих, чтобы у этого парламента была отнята вся власть, у парламента, в который рабочие сами стремятся войти посредством завоевания всеобщего и прямого избирательного права и в котором они надеются когда-нибудь составить большинство? Разве в их интересах приводить в движение все рычаги агитации с целью войти в состав такого органа, который в конечном счете не будет иметь никакого веса? Конечно, нет!

Ну, а если правительство отменит нынешний избирательный закон и октроирует всеобщее и прямое избирательное право? Да, если! Если бы правительство выкинуло такой бонапартистский трюк и рабочие пошли бы на это, то уже тем самым они заранее признали бы за правительством право путем нового октроирования снова уничтожить всеобщее и прямое избирательное право, когда ему заблагорассудится. И какую ценность имело бы тогда все это всеобщее и прямое избирательное право?

Если бы правительство октроировало всеобщее и прямое избирательное право, то оно заранее обставило бы его такими оговорками, что оно уже не было бы всеобщим и прямым избирательным правом.

Что же касается самого всеобщего и прямого избирательного права, то стоит только отправиться во Францию, чтобы убедиться, какие безобидные выборы можно проводить при его помощи, когда есть многочисленное тупое сельское население, хорошо организованная бюрократия, хорошо вышколенная пресса, союзы, в достаточной

степени придавленные полицией, и никаких политических собраний. Много ли представителей рабочих вводит всеобщее и прямое избирательное право во французскую палату? А ведь французский пролетариат, по сравнению с немецким, значительно более концентрирован и имеет более продолжительный опыт борьбы и организации.

Тут возникает еще другой вопрос. В Германии сельского населения вдвое больше, чем городского, т. е. в Германии $\frac{2}{3}$ населения живет сельским хозяйством и $\frac{1}{3}$ промышленностью. И так как крупное землевладение является в Германии правилом, а мелкий parcelльный крестьянин — исключением, то, иными словами, это значит, что если $\frac{1}{3}$ рабочих находится под командой капиталистов, то $\frac{2}{3}$ *находятся под командой феодальных господ*. Пусть же люди, которые все время нападают на капиталистов, но не находят ни одного негодующего словечка против феодалов, хорошенько это запомнят. В Германии феодалы эксплуатируют вдвое большее количество рабочих, чем буржуазия; они являются в Германии такими же прямыми противниками рабочих, как и капиталисты. Но это далеко еще не все. Патриархальное хозяйство в старых феодальных имениях приводит к наследственной зависимости сельских батраков или безземельных крестьян (Häusler) от их «милостивого господина», зависимости, сильно затрудняющей сельскохозяйственным пролетариям приобщение к движению городских рабочих. Попы, систематическое отупление деревни, скверное школьное обучение, изолированность деревенских жителей от всего мира довершают остальное. Сельскохозяйственный пролетариат представляет собой ту часть рабочего класса, которая позже всего и с наибольшим трудом уясняет себе свои собственные интересы, свое собственное общественное положение; иными словами, это — та часть, которая дольше всего остается бессознательным орудием в руках эксплуатирующего ее привилегированного класса. А что же это за класс? В Германии это — не буржуазия, а *феодальное дворянство*. Но даже во Франции, где ведь почти не существует других крестьян, кроме свободных, владеющих землей, где у феодального дворянства давно уже отнята всякая политическая власть, всеобщее избирательное право не привело рабочих в палату, а наоборот, почти совсем устранило их отсюда. Каков же был бы результат всеобщего избирательного права в Германии, где феодальное дворянство является еще реальной социальной и политической силой и где на одного промышленного рабочего приходится два сельскохозяйственных рабочих? В Германии борьба против феодальной и бюрократической реакции — а та и другая у нас теперь неотделимы — равносильна борьбе за духовное и политическое освобождение

сельского пролетариата, и пока сельский пролетариат не втянут в движение, до тех пор городской пролетариат в Германии не может достигнуть и не достигнет ни малейшего успеха, до тех пор всеобщее и прямое избирательное право является для пролетариата не оружием, а *западной*.

Может быть, это весьма откровенное, но необходимое разъяснение воодушевит феодалов на выступление в пользу всеобщего и прямого избирательного права. Тем лучше!

Или, может быть, правительство ограничивает (если вообще при нынешнем положении дел есть еще что ограничивать) печать, право союзов, право собраний по отношению к буржуазной оппозиции только для того, чтобы сделать подарок рабочим в виде свободной печати, свободного права союзов и собраний? В самом деле, не идет ли рабочее движение спокойно и беспрепятственно своим путем?

Вот тут-то и зарыта собака. Правительство *знает*, и буржуазия также знает, что все нынешнее немецкое рабочее движение только *терпимо*; — оно существует лишь до тех пор, пока это *удобно* правительству. Пока правительству выгодно, чтобы это движение существовало, чтобы у буржуазной оппозиции вырос новый, независимый противник, до тех пор оно будет терпеть это движение. Но с того момента, когда это движение превратит рабочих в самостоятельную силу, когда оно вследствие этого станет опасным для правительства, такому положению сразу наступит конец. Приемы, с помощью которых покончили с агитацией прогрессистов в печати, союзах и собраниях, пусть послужат предостережением для рабочих. Те же самые законы, предписания и мероприятия, которые применялись в свое время по отношению к прогрессистам, могут быть в любой день направлены против рабочих и положат конец их агитации; они и будут применены, как только эта агитация станет опасной. Чрезвычайно важно, чтобы рабочие ясно разбирались в этом вопросе, чтобы они не впали в то самое заблуждение, в какое впала буржуазия при новой эре, когда ее тоже только *терпели*, а она уже считала свое положение прочным. И если бы кто-либо вообразил, что теперешнее правительство освободит печать, право союзов и собраний от нынешних оков, то он принадлежит именно к тем людям, с которыми не стоит разговаривать. А без свободы печати, без права союзов и собраний рабочее движение невозможно.

Существующее в Пруссии правительство не так глупо, чтобы самому себе перерезать горло. И если бы дело дошло до того, что реакция кинула бы немецкому пролетариату в виде приманки несколько мнимых политических уступок, то — надо надеяться—

немецкий пролетариат ответит ей гордыми словами старой гильдебрандовской песни:

Mit gêrû scal man geba infâhan, ort widar orte.

«С копьём в руке примем мы дары твои, с копьём на перевес».

Что касается *социальных* уступок, которые реакция могла бы сделать рабочим, — сокращение рабочего дня на фабриках, лучшее соблюдение фабричных законов, право союзов и т. д., — то опыт всех стран доказывает, что реакция делает такие предложения без того, чтобы рабочие предложили ей за это хоть что-нибудь взамен. Реакция нуждается в рабочих, а вовсе не рабочие в реакции. Следовательно, пока рабочие в своей собственной самостоятельной агитации отстаивают эти требования, они могут рассчитывать на то, что наступит момент, когда реакционные элементы выдвинут те же самые требования исключительно для того, чтобы досадить буржуазии; таким путем рабочие достигают успехов против буржуазии, несколько не будучи обязанными благодарить реакцию.

Но если рабочей партии нечего ожидать от реакции, кроме мелких уступок, которые ей достанутся и без того, которые ей нет нужды выпрашивать, — то чего же может она ожидать от буржуазной оппозиции?

Мы видели, что буржуазия и пролетариат — оба дети новой эпохи, что оба они в своей общественной деятельности работают над тем, чтобы устранить остатки хлама, сохранившегося от прежних времен. Правда, они должны вести между собой очень серьезную борьбу, но эта борьба может быть доведена до конца только тогда, когда они будут стоять друг против друга, один-на-один. Только после того, как старый хлам полетит за борт, «корабль будет готов к бою»; но на этот раз бой разыграется не между двумя судами, а на борту одного корабля, между офицерами и матросами.

Буржуазия не может завоевать своего политического господства, не может выразить это политическое господство в конституции и в законах без того, чтобы не дать в то же время оружия в руки пролетариата. Против старых сословий, различающихся по признаку происхождения, она должна начертать на своем знамени права человека; против цеховщины — свободу торговли и промыслов; против бюрократической опеки — свободу и самоуправление. Чтобы быть последовательной, она должна требовать тогда всеобщего и прямого избирательного права, свободы печати, союзов, собраний и отмены всех исключительных законов против отдельных классов населения. Но это и все, чего пролетариат должен требовать от буржуазии.

Он не может требовать, чтобы буржуазия перестала быть буржуазией, но он может требовать, чтобы она последовательно проводила свои собственные принципы. А тем самым и пролетариат получает в руки то оружие, которое ему необходимо для завоевания окончательной победы. С помощью свободы печати, собраний и союзов он завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами, — все прочее.

Следовательно, в интересах рабочих поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов *до тех пор, пока она верна самой себе*. Каждое завоевание, которое буржуазия вырывает у реакции, идет при этих условиях, в конечном счете, на пользу рабочему классу. Это инстинктивно почувствовали и немецкие рабочие. Во всех немецких государствах они совершенно правильно голосовали повсюду за наиболее радикальных кандидатов, имевших шансы быть избранными.

Но что, если буржуазия изменит самой себе, если она предаст свои собственные классовые интересы и вытекающие из них принципы?

Тогда у рабочих остаются два пути!

Либо толкать вперед буржуазию вопреки ее воле, насколько возможно принуждать ее расширить избирательное право, обеспечить свободу печати, союзов и собраний и таким образом создать пролетариату условия, при которых он получит свободу движения и организации. Так поступали английские рабочие со времени парламентской реформы 1832 г., французские рабочие со времени июльской революции 1830 г., и именно посредством и с помощью этого движения, ближайшие цели которого были чисто буржуазными, они способствовали своему собственному развитию и организации больше, чем каким-либо иным путем. А такой случай неизбежно наступит, ибо буржуазия, при недостатке у нее политического мужества, повсюду время от времени изменяет себе.

Либо же рабочие совершенно отворачиваются от буржуазного движения и предоставляют буржуазии ее участи. Этот случай имел место в Англии, Франции и Германии после поражения европейского рабочего движения в 1848—1850 гг. Он возможен только после колоссального и в данный момент безрезультатного напряжения сил, после которого класс нуждается в передышке. При здоровом состоянии рабочего класса этого не может быть; это равносильно полному политическому самоотречению, а на это не способен на долгий срок такой мужественный по своей природе класс, класс, которому нечего терять и который может приобрести все.

Даже в самом крайнем случае, когда буржуазия из страха перед рабочими спрячется за спину реакции и для защиты от рабочих будет взывать к силе враждебных ей элементов, — даже и тогда рабочей партии не остается ничего другого, как продолжать вопреки буржуазии агитацию за буржуазную свободу, свободу печати, за право собраний и союзов, — агитацию, которой буржуазия изменила. Без этих свобод рабочая партия сама не может получить свободу движения; борясь за них, она борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания.

Само собой разумеется, что во всех этих случаях рабочая партия не будет плестись в хвосте у буржуазии, а будет выступать, как совершенно отличная от нее, самостоятельная партия. Она будет по всякому поводу напоминать буржуазии, что классовые интересы рабочих и классовые интересы капиталистов прямо противоположны и что рабочие сознают это. Она будет сохранять и развивать свою собственную организацию в противовес партийной организации буржуазии и только вести с последней переговоры как сила с силой. Таким путем она обеспечит себе позицию, которая внушит к ней уважение, будет разъяснять отдельным рабочим их классовые интересы, и при ближайшей революционной буре, — а эти бури теперь должны так же регулярно повторяться, как торговые кризисы и как бури в дни равноденствия, — будет готова к действию.

Отсюда сама собой вытекает политика рабочей партии в прусском конституционном конфликте:

прежде всего сохранять рабочую партию организованной, насколько это допускают нынешние условия;

понуждать партию прогрессистов к *действительному* прогрессу, насколько это возможно; заставить ее сделать свою программу более радикальной и придерживаться этой программы; беспощадно бичевать и высмеивать каждый ее непоследовательный шаг и каждую слабость;

военный вопрос, как таковой, предоставить его естественному ходу, ясно отдавая себе отчет в том, что рабочая партия тоже проведет когда-нибудь свою собственную *немецкую* «реорганизацию армии»;

на лицемерные же заигрывания реакции отвечать: «с копьём в руке примем мы дары твои, с копьём на перевес».

[ЗАМЕТКА О БРОШЮРЕ «ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ
И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ».]

На-днях издательство Отто Мейснера в Гамбурге выпускает брошюру *Фридриха Энгельса* под заглавием «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (цена 6 зильбергрошей). В противоположность новейшей «социал-демократической» партийной тактике автор в этой брошюре снова отстаивает ту позицию, на которой стояли литературные представители пролетариата 1846—1851 гг., и развивает эту точку зрения как против реакции, так и против прогрессистской буржуазии в связи с обсуждаемыми как раз теперь военным и бюджетным вопросами.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Berliner Reform» № 53

от 3 марта 1865 г.

Без подписи¹.

¹ Об авторстве Энгельса см. письмо Энгельса Маркеу от 27 февраля 1865 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 260). Заметка Энгельса о брошюре появилась в различных вариантах также в ряде других газет («Düsseldorfer Zeitung», «Elberfelder Zeitung», «Neuer Hannoversche Anzeiger» и др.), куда она была переслана через Зибеля (см. письмо Энгельса Зибелю, Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXV, стр. 442) и через Либкнехта. *Ред.*

В РЕДАКЦИЮ «SOCIAL-ДЕМОКРАТ».

Нижеподписавшиеся обещали свое сотрудничество в «Social-Demokrat» и разрешили опубликовать свои имена в списке сотрудников лишь при определенном условии, что газета будет редактироваться в духе той краткой программы, которая была им сообщена. Ни на минуту не упускали они из виду трудного положения «Social-Demokrat» и поэтому никаких требований, не подходящих для берлинского меридиана, не предъявляли. Но они неоднократно требовали, чтобы против министерства и феодально-абсолютистской партии выступали, по крайней мере, столь же смело, как против прогрессистов. Тактика, которой придерживается «Social-Demokrat», исключает возможность их дальнейшего сотрудничества в нем. Взгляд нижеподписавшихся на королевско-прусский правительственный социализм и на правильную позицию рабочей партии по отношению к такого рода обману был уже подробно развит в № 73 «Deutsche Brüsseler Zeitung» от 12 сентября 1847 г.¹ в ответ на № 206 вышедшего тогда в Кельне «Rheinischer Beobachter», в котором предлагался союз «пролетариата» с «правительством» против «либеральной буржуазии». Мы и сегодня подписываемся под каждым словом нашего тогдашнего заявления.

Фридрих Энгельс; Карл Маркс.

Лондон и Манчестер, 23 февраля 1865 г.

Напечатано в «Social-Demokrat»

№ 29 от 3 марта 1865 г.

¹ См. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 164. *Ред.*

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В свое послесловие к заявлению гг. *Рюстова и Гервега* о их выходе из состава сотрудников («Social-Demokrat» № 31) г. фон-Швейцер включил присланную из Лондона в «Neue Frankfurter Zeitung» статью для доказательства того, «как *непоследовательно и внутренне не обосновано* поведение гг. *Маркса и Энгельса*». Он пытается подтасовать факты. Поэтому даем следующую фактическую справку:

11 ноября 1864 г. г. фон-Швейцер письменно уведомил меня об основании «*Social-Demokrat*», органа *Всеобщего германского рабочего союза*, и, между прочим, сообщил при этом следующее:

«Мы обратились, примерно, к 6—8 испытанным членам партии или, по крайней мере, к близко стоящим к ней людям с целью привлечь их к сотрудничеству, и можно почти не сомневаться, что они дадут свое согласие. Однако мы считаем *несравненно более важным*, чтобы *Вы, основатель германской рабочей партии* (эти слова подчеркнуты самим г. фон-Швейцером) и *ее первый передовой боец*; помогли бы нам своим сотрудничеством. Мы питаем надежду, что союзу, который хотя бы косвенно *обязан своим происхождением Вашей собственной деятельности*; вы окажете после постигшей его великой потери поддержку в его тяжелой борьбе».

К этому пригласительному письму был приложен *проспект, «изданный на правах рукописи»*. Вопреки тому, что теперь, вслед за «Neue Frankfurter Zeitung», лживо утверждает г. фон-Швейцер, будто бы в этом проспекте «основой являлись лозунги Лассалья» или же будто «на знамени было начертано имя Лассалья», в нем не фигурировали ни лозунги Лассалья, ни его имя. Проспект содержал только три пункта: «*солидарность народных интересов*», «*единая могущественная Германия — свободное народное государство*», «*уничтожение господства капитала*». Прямо сославшись на *этот* проспект, мы с Энгельсом обещали свое сотрудничество.

19 ноября 1864 г. г. фон-Швейцер писал мне: «Если у Вас имеются еще какие-нибудь замечания относительно издания проспекта, сообщите их *немедленно*». Никаких замечаний я не сделал.

Далее г. фон-Швейцер запросил: «можем ли мы (редакция) ожидать от Вас изредка статей и не позволите ли Вы нам сообщить об этом и нашим читателям?» Мы с Энгельсом потребовали, чтобы нам была дана возможность ознакомиться сначала, в чьем обществе нам предстояло публично фигурировать. Г-н фон-Швейцер перечислил сотрудников, добавив: «Если участие кого-либо из этих господ явилось бы для Вас препятствием, то вопрос, надо надеяться, будет улажен, если Вы примете во внимание, что ведь между сотрудниками газеты вовсе не существует строгой солидарности».

28 ноября г. фон-Швейцер писал: «Согласие Ваше и Энгельса вызвало в партии, поскольку она вообще посвящена в это, самую радостную сенсацию».

Уже два первых пробных номера содержали в себе кое-что, вызывавшее сомнения. Я заявил протест. И между прочим я высказал свое возмущение по поводу того, что из частного письма, которое я, узнав о смерти Лассалья, написал графине Гатцфельд, были вырваны несколько слов соболезнования, опубликованы без моего согласия за моей подписью¹ и что ими нагло злоупотребили, устроив раболепно-льстивый «трезвон» по адресу Лассалья. Г-н фон-Швейцер ответил мне 30 декабря: «Милостивый государь! Отнеситесь к нам терпеливее—дело понемногу наладится, наше положение очень затруднительно. Хорошие вещи делаются не сразу, и поэтому я надеюсь, что Вы успокоитесь и присмотритесь в течение некоторого времени». Это было уже 30 декабря 1864 г., когда у меня были еще только первые пробные номера!

В начале января 1865 г., после конфискации одного из первых номеров «Social-Demokrat», я поздравил г. фон-Швейцера с этим событием, прибавив, что он должен открыто порвать с министерством.

Когда пришло известие о смерти Прудона, он попросил у меня статью о Прудоне. Я исполнил его желание, послав статью с ближайшей почтой, однако воспользовался этим случаем, чтобы охарактеризовать теперь в его собственной газете «всякий, хотя бы только кажущийся, компромисс с существующей властью» как нарушение «простого морального такта», а кокетничанье Прудона с Л. Бонапартом после государственного переворота — как «подлость». Одновременно Энгельс послал ему перевод одной стародаатской крестьянской песни, чтобы в примечании к ней подчеркнуть чи-

¹ В «Berliner Reform» была допущена явная опечатка: «без моей подписи». Исправлено по «Hermann» № 325 от 25 марта 1865 г. Ред.

тателям «Social-Demokrat» необходимость борьбы против юнкерства.

В течение того же января мне пришлось, однако, снова заявить протест против «тактики» г. фон-Швейцера. Он отвечал мне 4 февраля: «Что касается нашей тактики, то прошу Вас учесть затруднительность нашего положения. Мы непременно должны попытаться сперва укрепиться и т. п.».

В конце января одна инсинуация в корреспонденции из Парижа в «Social-Demokrat» заставила Энгельса и меня выступить с заявлением¹, в котором между прочим говорилось, что мы рады констатировать подтверждение нашего мнения о том, что «парижский пролетариат, как и прежде, непримиримо враждебен бонапартизму в обоих его видах — и в образе Тюильри, и в образе Пале-Рояля — и что ни на миг у него не появлялась мысль продавать свое историческое право первородства, как передового борца революции, за чечевичную похлебку». Заявление оканчивалось словами: «Мы рекомендуем этот пример немецким рабочим».

Тем временем парижский корреспондент в № 21 «Social-Demokrat» исправил свое прежнее сообщение, отняв таким образом у нашего заявления его непосредственный повод. Поэтому мы не возражали против отказа г. фон-Швейцера напечатать его. Но в то же время я написал ему, что «мы подробно изложим в другом месте наш взгляд на отношение рабочих к прусскому правительству». Наконец, я сделал последнюю попытку разъяснить ему на *практическом примере, на вопросе о профессиональных союзах* (Koalitionsfrage), все убожество его «тактики», если только она действительно вытекала из честных мотивов. Он ответил мне 15 февраля:

«Если Вам угодно, как в последнем письме, давать мне разъяснения по *теоретическим (!) вопросам*, то я с благодарностью приму от Вас такое *поучение*. Что же касается *практических вопросов тактики сегодняшнего дня*, то прошу Вас учесть, что для суждения об этих вещах нужно находиться в центре движения. Поэтому Вы несправедливы к нам, если *где-либо и в какой бы то ни было форме высказываете Ваше недовольство нашей тактикой*. Вы могли бы это делать только в том случае, если бы точно знали положение. Не забудьте также, что Всеобщий [германский] рабочий союз — сплоченная организация и что он до известной степени связан *своими*

¹ См. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 242. *Ред.*

традициями. Ведь вещи *in concreto* [на практике] всегда сопровождаются некоторыми осложнениями».

Ответом на этот швейцеровский ультиматум было наше с Энгельсом официальное заявление о выходе из состава сотрудников газеты.

Карл Маркс.

Лондон, 15 марта 1865 г.

*Напечатано в «Berliner Reform» № 67
от 19 марта 1865 г.*

**[РЕЦЕНЗИЯ НА БРОШЮРУ Ф. ЭНГЕЛЬСА
«ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ
ПАРТИЯ».]**

«Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» Фридриха Энгельса (Гамбург, Отто Мейснер).

Эта весьма замечательная брошюра делится на три главы.

В первой автор критикует реорганизацию прусской армии с точки зрения военной науки. Главную ошибку он усматривает в том, что план этой реорганизации, «под видом возвращения к первоначальной *всеобщей воинской повинности*, которая не может существовать без *ландвера*, как мощного резерва армии, делает скорее уклон в сторону *франко-австрийской кадровой системы*».

Во второй главе подвергается резкой критике подход к военному вопросу со стороны *буржуазной оппозиции*. Автор приходит к такому заключению: «Безразлично, в результате каких ошибок и хитросплетений буржуазная оппозиция очутилась теперь в таком положении, что она должна либо победить в военном вопросе, либо потерять тот остаток политической власти, которым она еще обладает... Хватит ли у прусской буржуазии при таких обстоятельствах мужества стоять на своем до конца? Ей бы следовало с 1848 г. необычайно выправиться, но та жажда компромисса, которую с момента открытия нынешней сессии партия прогрессистов все время обнаруживает весьма ярко, не свидетельствует об этом».

В третьей главе автор исследует вопрос об отношении «рабочей партии к этой реорганизации армии» и «к возникшему отсюда конституционному конфликту». Его ответ резюмируется в следующих словах:

«Все более и более последовательное проведение *всеобщей воинской повинности* — единственный момент в реорганизации прусской армии, который представляет интерес для рабочего класса Германии».

Политика рабочего класса в конституционном конфликте должна заключаться в том, чтобы «прежде всего сохранять рабочую партию

организованной, насколько это допускают нынешние условия; поуждать партию прогрессистов к *действительному* прогрессу, насколько это возможно; на лицемерные же заигрывания реакции отвечать: «С копьём в руке примем мы дары твои, с копьём на перевес».

Написано К. Марксом.

Напечатано в «Нертап» 18 марта 1865 г.

Без подписи¹.

¹ Об авторстве Маркса см. письма Маркса Энгельсу от 4 марта, 13 марта и 18 марта 1865 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 261, 268, 270). *Ред.*

В РЕДАКЦИЮ «REFORM».

Из присланных мне сюда № 68 «Reform» и № 37 «Social-Demokrat» я вижу, что растерянный и изолгавшийся г. фон-Швейцер делает попытки вывернуться из созданных им же самим «милых препятствий». *Naveat sibi!* [Пуускай себе!] Однако я не позволю ему превратить мое заявление от 15 марта, в котором я просто предоставляю ему возможность дать характеристику самому себе, в *заявление о Лассале*. Охватывающая приблизительно 15 лет и находящаяся в моих руках переписка Лассалья со мной совершенно лишает Швейцера и К^о всякой возможности представить в извращенном виде наши личные отношения, либо заподозрить мотивы моего нейтрального отношения к лассалевской агитации. Что же касается отношения теоретических работ Лассалья к моим, то это — дело научной критики. Возможно, что в дальнейшем представится случай для обсуждения того или иного вопроса. Но при всех условиях уважение к памяти Лассалья запрещает мне превращать такого рода вещи в предмет газетной полемики с сикофантами.

Карл Маркс:

Зальт-Боммель, 28 марта 1865 г.

Напечатано в «*Berliner Reform*» № 78
от 1 апреля 1865 г.

«ПРЕЗИДЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».

По случаю моего возвращения из Голландии в Лондон «Social-Demokrat» преподносит мне в № 39¹ собственноручно испеченный г. Бернгардом Беккером пирог *Asa Fötida*², состряпанный главным образом из крох фогтовской клеветы. Судебно-документальное опровержение лживых фогтовских выдумок находится в моем сочинении «Господин Фогт», Лондон, 1860 г. Совершенно вопреки своему обыкновению, г. Бернгард Беккер, «президент человечества», не ограничивается, однако, на сей раз простым списыванием. Впервые в своей жизни он пытается сказать и нечто свое.

«Больше того, — говорит «президент человечества», — Маркс заложил через Дронке за 1 000 талеров рукопись, которая была затем выкуплена прусским комиссаром полиции Штибером, шпионившим за эмигрантами в Лондоне». И трижды на протяжении самолично оглашенного им президентского доклада наш Бернгард Беккер со все возрастающей резвостью возвращается к этому «факту».

На стр. 124 моего «Господина Фогта»³ я говорю в примечании: «Сам я познакомился с Бандей и его тогдашним приятелем, теперешним генералом Тюрром, в 1850 г. в Лондоне. Подозрения, вызванные во мне его интригами со всевозможными партиями — орлеанистами, бонапартистами и т. д. — и его сношениями с полицейскими всех «национальностей», он рассеял простым способом, предъявив мне изготовленный собственноручно Кошутом патент, в котором он, бывший уже ранее временным президентом полиции в Коморне при Клапке, назначался теперь президентом полиции *in partibus*. В качестве тайного начальника полиции на службе революции он, разумеется, должен был иметь «открытый» доступ к полиции, находящейся на службе правительств. Летом 1852 г. я обнаружил, что он утаил рукопись, которую я передал ему для одного берлинского книгоиздателя, и доставил ее одному из немецких правительств. После того как я

¹ В «Berliner Reform» ошибочно напечатано № 31. *Ред.*

² *Asa Fötida* — растение, называемое вонючкой. *Ред.*

³ Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, ч. I, стр. 437. *Ред.*

написал об этом эпизоде и о других давно бросавшихся мне в глаза особенностях этого человека одному венгерцу в Париже (Семере) и загадка Банди благодаря вмешательству третьей, достаточно осведомленной особы была вполне решена, я в начале 1853 г. послал за своей подписью публичное разоблачение его в «New-Yorker Criminalzeitung».

«Президент человечества», видимо, не читал опубликованного мною 13 лет тому назад в «New-Yorker Criminalzeitung» подробного разоблачения Банди, который в то время проживал еще в Лондоне. Иначе он, пожалуй, подогнал бы свои измышления несколько ближе к фактическому положению вещей. А так он целиком отдается игре своей пленительной фантазии, и что же может быть ей ближе, чем приятная ассоциация мыслей — Лондон и заклад? Тем не менее я ручаюсь, что Бернгард Беккер никогда не закладывал своих рукописей.

Далее, «президент человечества» соблаговолил добавить:

«что при появлении венского «Botschafter», официозного органа австрийского правительства, Маркс хотел заполучить меня (того же самого Бернгарда Беккера) корреспондентом этой газеты, причем он умолчал об официозном характере новой газеты, которая, по его словам, была ему прислана; напротив, он подчеркивал, что я могу давать туда весьма резкие статьи».

Г-н Бернгард Беккер, который тогда еще не был «президентом человечества» и имел неизменную привычку строчить «весьма бесцветные статьи» для лондонского «Hermann», удивил меня в один прекрасный вечер (до этого я только случайно видел его один или два раза), самолично появившись в моем доме — незадолго перед тем как он по весьма уважительным причинам потихоньку улизнул из Лондона. Он жалобно скулил предо мной о своей несчастной судьбе и просил, не могу ли я достать ему корреспондентскую работу, чтобы помочь в его горькой нужде? Я ответил, что г. Колачек известил несколько дней тому назад г. С. Боркгейма, политического эмигранта и купца в Сити, об основании новой, якобы «очень либеральной» венской газеты, прислал ему пробные номера и просил его завербовать лондонского корреспондента. Идя навстречу горячо выраженному желанию Бернгарда Беккера, я обещал обратиться по этому поводу к г. Боркгейму, который всегда охотно оказывает услуги эмигрантам. Насколько мне помнится, Бернгард Беккер написал даже одну или несколько пробных статей в Вену. И вот оказывается, что эта неудачная попытка сделаться корреспондентом «Botschafter» доказывает мою связь с австрийским правительством! Г-н Бернгард Бек-

кер полагает, очевидно, что если графиня Гатцфельд предоставила ему должность, то господь бог даровал ему также и необходимый для этого разум!

«И вот, — рассказывает далее Бернгард Беккер, — Либкнехт систематически старался воздействовать на графиню Гатцфельд, которой и Маркс шлет телеграммы и письма, чтобы настроить ее против Союза».

Г-н Бернгард Беккер воображает, что перешедший к нему по завещанию¹ сан я принимаю совершенно так же «систематически» всерьез, как и сам он! Мои письма к графине Гатцфельд после смерти Лассалья заключали в себе выражение соболезнования, ответы на различные вопросы, поставленные мне по поводу подготовлявшейся брошюры о Лассале, а также объяснения в связи с тем, что меня попросили дать отпор одному из тех, кто клеветал на Лассалья, что я и сделал. Во избежание недоразумений, я, однако, счел целесообразным напомнить графине в письме от 24 декабря 1864 г.², что я не был согласен с политикой Лассалья. Этим и закончилась наша переписка, в которой не было ни слова о Союзе. Графиня просила меня, между прочим, срочно написать ей, считаю ли я уместным приложить некоторые портреты к подготовляемой брошюре. Я ответил телеграммой: нет! Эта единственная телеграмма фигурирует у г. Бернгарда Беккера, — который столь же силен в грамматике, как в поэзии и в мышлении, — во множественном числе.

Он рассказывает, что я и после этого принял участие в одной направленной против него кампании. Единственный шаг, сделанный мною в этом сугубо важном деле, заключался в следующем: из Берлина мне написали, что определенные круги преследуют Бернгарда Беккера за то, что он не желает использовать «Social-Demokrat» и «Союз» для агитации за включение Шлезвиг-Гольштинии в состав Пруссии. В то же время меня просили предостеречь относительно этой «интриги» г. Клингса в Золингене, — некоторое влияние на которого приписывалось мне вследствие прежних наших связей, — и г. Филиппа Беккера в Женеве. Я сделал и то, и другое — первое через одного барменского друга, второе через моего друга Шили в Париже, который, подобно мне, вообразил, что в «президенте человечества» шевельнулось что-то человеческое и что он в самом деле хоть раз повел себя прилично. Теперь он,

¹ Намек на завещание Лассалья, по которому президентство во Всеобщем германском рабочем союзе передавалось Б. Беккеру. *Ред.*

² Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXV, стр. 428—429. *Ред.*

конечно, придает фактам прямо противоположный смысл! — как диалектик!

Но «президент человечества» велик не только как поэт, мыслитель, специалист по части грамматики и диалектик. Он вдобавок еще и патолог чистой воды. Мою полуторагодовалую болезнь — карбункулез, случайно продолжавшуюся еще 6 месяцев после смерти Лассалья, эту багряную болезнь он объясняет «бешеной завистью к величию Лассалья». «Но, — патетически добавляет он, — он не дерзнул выступить против Лассалья, потому что превосходно знал, что тот уложит его на месте своей гигантской палицей, как уложил Бастиа-Шульце».

Однако как раз в этом своем последнем сочинении о «Бастиа-Шульце» Лассаль свыше всякой меры превозносит мою «Критику политической экономии», Берлин, 1859 г., называет ее произведением, «создающим эпоху», «шедевром», и ставит ее наравне с произведениями А. Смита и Рикардо. Отсюда г. Бернгард Беккер со свойственной ему силой мышления делает вывод, что Лассаль мог бы поразить меня на-смерть так же, как Шульце-Бастиа. Впрочем, Лассаль имел совсем иное представление о моем «дерзании». Когда, в связи с одним делом, о котором здесь не к чему говорить, я написал ему, что мы с Энгельсом будем вынуждены публично выступить против него по причинам, которые я привел, он ответил подробно письмом, которое лежит сейчас передо мной, где он сначала выдвигает свои контр-аргументы и затем заканчивает обращением: «Обдумайте все это, прежде чем выступить публично и во всеуслышание. К тому же расхождение и раскол между нами были бы прискорбным событием для нашей и без того небольшой и имеющей особый характер партии!»

Г-н Бернгард Беккер видит полнейшее противоречие в том, что я знать ничего не хотел о каком-то захудалом международном обществе, в котором фигурировал он, Бернгард Беккер, и в то же время принял в сентябре прошлого года самое деятельное участие в Международном товариществе, учрежденном вождями лондонских тред-юнионов.

Очевидно, способность различения у г. Бернгарда Беккера не уступает силе его умозаключений. Его общество, — похваляется он, — разрослось у него до целых «400 человек», тогда как наше Товарищество столь нескромно, что уже сейчас насчитывает в одной только Англии 10 000 членов. В самом деле, недопустимо, чтобы нечто подобное совершалось, так сказать, за спиной «президента человечества»!

Учитывая все это и в особенности уйму способностей г. Бернгарда Беккера, лишь очень бегло отмеченную мною, едва ли можно считать справедливыми его жалобы на то, что на такого человека, как он, захотели взвалить зараз так много; что ему пожаловали не только роль самодержца в качестве основного амшлуа, но «между прочим» и менее важную должность «по закупке яиц и масла для дома»¹. Однако, пожалуй, можно установить лучшие правила домашнего распорядка в отношении этих его двойственных функций. Пусть в будущем его главным занятием сделают «закупку яиц и масла для дома» и, наоборот, предоставят ему только совсем «между прочим» президентствовать над человечеством.

Карл Маркс.

Лондон, 8 апреля 1865 г.

Напечатано в «*Berliner Reform*» № 88
от 13 апреля 1865 г.

¹ Намек на следующее место в речи Бернгарда Беккера: «В качестве ее (графини Гатцфельд. *Ред.*) секретаря, которого она заставляла жить в одной с ней квартире, я должен был также заодно исполнять обязанности домашнего слуги и закупать для нее хлеб и масло» («*Social-Demokrat*» № 39 от 26 марта 1865 г. Приложение). *Ред.*

ПОПРАВКА ¹.

После того как на польском митинге, состоявшемся в Лондоне 1 марта, были приняты предложения гг. Бильса и Леверсона, упомянутые в № 30 Вашей газеты, г. Питер Фокс (англичанин) от имени *«Международного товарищества рабочих»* внес предложение: «Признать, что целостная и независимая Польша является непременным условием существования демократической Европы и что, пока это условие не осуществлено, революционные победы на континенте могут быть только кратковременными прелюдиями, за которыми будут следовать длительные периоды господства контрреволюции».

После краткого исторического обзора тех бедствий, которые постигли Европу в силу того, что Польша потеряла свою свободу, и вследствие завоевательной политики России, г. П. Фокс указал, что позиция *либеральной* партии в этом вопросе не совпадает с позицией *демократического общества*, от имени которого он говорит. Девиз консервативной Европы гласит: поработенная Европа с поработенной Польшей в качестве основы. Напротив, девиз *«Международного товарищества рабочих»* — это свободная Европа, опирающаяся на свободную и независимую Польшу.

Г-н *Эккариус* (немецкий рабочий, вице-председатель *«Международного товарищества рабочих»*) поддержал это предложение и подробно осветил участие Пруссии в различных разделах Польши. Он заключил свою речь словами: *«Гибель прусской монархии — вот то непременное условие, без которого невозможно создание Германии и восстановление Польши»*.

Г-н *Ле Любе*, французский член *«Международного товарищества»*

¹ Эта поправка была опубликована 22 апреля 1865 г. в «Der Weisse Adler» с некоторыми изменениями, внесенными Юнгом. В самом начале заметки Юнг добавил следующее: «Господин редактор! В связи с появившейся в «Der Weisse Adler» статьей разрешите мне от имени Международного товарищества рабочих и в частности как секретарю последнего для Швейцарии внести следующую поправку, которую прошу Вас поместить в Вашей газете». Далее следует текст Маркса. *Ред.*

рабочих», также высказался в защиту этого предложения, и оно было принято единогласно под несмолкаемые возгласы одобрения всего собрания.

«Daily News» и некоторые другие «либеральные» лондонские газеты, недовольные торжеством «Международного товарищества рабочих», без содействия которого, кстати сказать, польский митинг в Сент-Мартинс Холле вообще не состоялся бы, *выбросили* эту часть отчета. От имени «Международного товарищества рабочих» прошу Вас поместить эту поправку.

Лондон и т. д. Г. Юнг, секретарь-корреспондент «Международного товарищества рабочих» для Швейцарии¹.

*Написано К. Марксом.
Печатается по рукописи.*

¹ Конец заметки при опубликовании в «Der Weisse Adler» следующим образом изменен Юнгом: «Daily News» и некоторые другие «либеральные» лондонские газеты *выбросили* эту часть отчета, чтобы отомстить Международному товариществу рабочих, без содействия которого польский митинг в Сент-Мартинс Холле вообще не состоялся бы и которое благодаря этому своему полному успеху праздновало такую победу, на которую не могла бы рассчитывать ни одна из партий, находящихся в подобных условиях. Г. Юнг, секретарь-корреспондент Международного товарищества рабочих для Швейцарии». *Ред.*

ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ К ПРЕЗИДЕНТУ ДЖОНСОНУ.

Эндрью Джонсону, президенту Соединенных Штатов.

Милостивый государь!

Демон «своеобразного порядка» («peculiar institution») ¹, за владычество которого поднялся вооруженный Юг, не мог позволить своим приверженцам с честью погибнуть в открытом бою. Дело, которое он начал изменой, он вынужден был закончить подлостью. Как война Филиппа II за инквизицию создала своего Жерара, так и война Джефферсона Дэвиса за рабовладение выдвинула своего Бутса.

Не наша задача бросать слова горя и гнева, когда сердца обоих миров охвачены волнением. Даже наемные клеветники, которые из года в год, изо дня в день упорно вели сизифову работу по моральному убийству Авраама Линкольна и возглавляемой им великой республики, стоят теперь, пораженные ужасом, перед этим всеобщим взрывом народного негодования и соперничают друг с другом, осыпая цветами красноречия его открытую могилу. Они теперь поняли, наконец, что это был человек, никогда не сдававшийся перед невзгодами, не опьянявшийся успехом, непреклонно стремившийся к своей великой цели, никогда не компрометировавший ее слепой поспешностью, спокойно соразмерявший свои поступки, никогда не возвращавшийся вспять, не увлекавшийся волной народного сочувствия, не падавший духом при замедлении народного пульса, смягчавший суровость действий теплотой доброго сердца, освещавший улыбкой юмора омраченные страстью события, исполнявший настолько скромно и просто свою титаническую работу, насколько пышно, высокопарно и торжественно совершают свои ничтожные дела правители божьей милостью, — словом, он был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия, сохраняют свои прекрасные качества. И скромность этого великого и прекрасного человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником.

¹ Так называли лидеры южан рабовладельческий строй в своих речах в защиту рабства. *Ред.*

Честь быть отмеченным наряду с таким вождем принадлежит второй жертве дьяволов рабовладения— мистеру Сьюарду. Не он ли был в момент всеобщего колебания настолько пронизателен, чтобы мудро предвидеть и мужественно предсказать «неминуемое столкновение»? Не он ли в самые мрачные часы этой борьбы обнаружил достойную римлянина верность своему долгу: никогда не отчаиваться в республике и ее путеводной звезде? Мы глубоко надеемся, что он и его сын восстановят здоровье и вернуться к общественной деятельности в условиях заслуженного уважения гораздо скорее, чем в «90 дней».

После окончания страшной гражданской войны — если мы примем во внимание ее огромные размеры и широкий размах и сравним со столетней, с тридцатилетней, двадцатитрехлетней войнами Старого Света, едва ли можно сказать, что эта война продолжалась только 90 дней—Вам, сэр, выпала задача выкорчевывать при помощи законов корни того, что было срублено мечом, стать во главе трудного дела политического переустройства и социального возрождения. Глубокое сознание Вашей великой задачи охранит Вас от всяких компромиссов, противоречащих суровому долгу. Вы никогда не забудете, что, начиная новую эру освобождения труда, американский народ возложил ответственность за руководство на двух людей труда: один из них Авраам Линкольн, а другой — Эндрию Джонсон.

Подписано от имени Международного товарищества рабочих Центральным советом в Лондоне 13 мая 1865 г.: *Карл Кауб, Эдуард Кулсон, Ф. Лесснер, Карл Пфендер, Н. П. Стансен, Карл Шаппер, Вильям Делл, Георг Лохнер, Георг Эккариус, Джон Осборн, П. Петерсен, А. Дженкс, Г. Климош, Джон Уэстон, Г. Боллетер, В. Лекрафт, Дж. Бекли, Питер Фокс, Н. Сальвателла, Джордж Хауэлл, Бордаж, А. Вальтье, Роберт Шоу, Дж. Г. Лонгмейд, М. Морган, Дж. У. Уилер, Дж. Д. Ниасс, У. К. Уорли, Д. Стейнсби, Ф. де-Лассаси, Дж. Картер, Эмиль Холторп* — секретарь для Польши; *Карл Маркс* — секретарь для Германии; *Г. Юнг* — секретарь для Швейцарии; *Э. Дюпон* — секретарь для Франции; *Э. Уитлок* — секретарь по финансовым делам; *Дж. Оджер* — председатель; *В. Р. Криммер* — почетный генеральный секретарь.

*Написано Е. Марксом на английском языке*¹.

Напечатано в «Beehive» № 188

от 20 мая 1865 г.

¹ Об авторстве Маркса см. письма Маркса Энгельсу от 9 мая и 20 мая 1865 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 283, 286). *Ред.*

Карл Маркс.
ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА,
ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ.

*Доклад, прочитанный 20 и 27 июня 1865 г.
на заседаниях Генерального совета М. Т. Р.
Впервые напечатан отдельной
брошюрой в 1898 г.*

[ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ¹.]

Граждане!

Прежде чем перейти к вопросу по существу, позвольте мне сделать несколько предварительных замечаний.

Теперь на континенте Европы царит настоящая эпидемия стачек, и требование повышения заработной платы стало всеобщим. Этот вопрос будет поднят и на нашем конгрессе. Вы, стоящие во главе Международного товарищества, должны иметь твердые взгляды по этому важнейшему вопросу. Я, со своей стороны, считал поэтому своей обязанностью подробно рассмотреть этот вопрос, рискуя даже подвергнуть ваше терпение суровому испытанию.

Другое предварительное замечание я должен сделать относительно гражданина Уэстона. Он не только предложил вам, но и защищал публично, как он думает в интересах рабочего класса, мнения, которые, как ему известно, крайне непопулярны среди рабочего класса. Каждый из нас должен отнестись с глубоким уважением к такому проявлению морального мужества. Я надеюсь, что, несмотря на резкий тон моего доклада, по окончании последнего г. Уэстон увидит, что я согласен с той правильной мыслью, которая, как мне кажется, лежит в основе его положений; однако положения эти в их теперешней форме я вынужден считать теоретически ложными и практически опасными.

Теперь сразу перехожу к занимающему нас вопросу.

I. [Производство и заработная плата.]

Аргументация гражданина Уэстона опиралась фактически на две предпосылки:

во-первых, что *размер национального производства есть нечто*

¹ В рукописи Маркса имеются заголовки разделов, начиная только с VII. Остальные заголовки были проставлены Эдуардом Эвелингом в первом издании, подготовленном им совместно с Элеонорой Маркс — Эвелинг. Поэтому они даются в настоящем издании в квадратных скобках. *Ред.*

точно установленное, есть постоянное количество, или, как сказали бы математики, *постоянная величина*;

во-вторых, что *сумма реальной заработной платы*, т. е. заработной платы, измеряемой количеством товаров, которые могут быть на нее куплены, есть твердо установленная сумма, *постоянная величина*.

Однако первое его утверждение явно ошибочно. Вы можете сами убедиться, что из года в год стоимость и масса продукции возрастают, что возрастают производительные силы национального труда и что количество денег, необходимое для обращения этой все растущей продукции, постоянно изменяется. Что верно для итогов одного года и для различных годов, сравниваемых между собою, то верно в среднем и для каждого дня в году. Размер или величина национального производства непрерывно изменяется. Это не *постоянная*, а *переменная* величина, и, оставляя даже в стороне движение населения, она должна быть такой ввиду непрерывных изменений *в накоплении капитала и в производительных силах труда*. Совершенно верно, что если бы произошло в данный момент *повышение общего уровня заработной платы*, то это повышение, каковы бы ни были его дальнейшие последствия, *само по себе* не изменило бы *непосредственно* размеров производства. Оно произошло бы сначала на почве существующего положения вещей. Но если *до* повышения заработной платы национальное производство было *изменяющимся*, а не *неподвижным*, то оно останется изменяющимся, а не *неподвижным* и *после* этого повышения заработной платы.

Предположим, однако, что размеры национального производства — величина *постоянная*, а не *переменная*. Даже и в таком случае то, что наш друг Уэстон считает логическим заключением, все же останется произвольным утверждением. Если мы имеем определенное число, скажем — 8, то *абсолютные* границы этого числа не исключают для его частей возможности изменять их *относительные* границы. Если принять прибыль за 6, а заработную плату за 2, то заработная плата может возрасти до 6, а прибыль упасть до 2, и все же общая сумма останется 8. Таким образом, твердо установленный размер производства отнюдь не означал бы неизменности суммы заработной платы. Как же в таком случае доказывает наш друг Уэстон эту неизменность? Он просто утверждает, что она существует.

Но если даже согласиться с его утверждением, эта неизменность должна была бы действовать в обоих направлениях, тогда как он выпячивает ее лишь в одном направлении. Если сумма за-

рабочей платы — величина постоянная, она не может быть ни увеличена, ни уменьшена. Если поэтому рабочие поступают глупо, добиваясь временного повышения заработной платы, то не меньшую глупость совершают капиталисты, добиваясь временного понижения заработной платы. Наш друг Уэстон не отрицает того, что при известных обстоятельствах рабочие *могут* заставить повысить заработную плату, но так как сумма ее является естественно установленной, то вслед затем должна последовать реакция. С другой стороны, он знает также, что капиталисты *могут* силою осуществить понижение заработной платы и действительно постоянно пытаются сделать это. Согласно принципу постоянства заработной платы реакция в данном случае должна наступить в не меньшей степени, чем в предыдущем. Поэтому рабочие, противодействуя попытке понижения заработной платы или уже происходящему понижению, действуют совершенно правильно. Они действуют поэтому правильно, добиваясь *повышения заработной платы*, потому что всякое *противодействие* понижению заработной платы является вместе с тем *действием* в сторону повышения ее. В согласии с принципом самого гражданина Уэстона относительно *неизменности заработной платы* рабочие, следовательно, должны при известных обстоятельствах объединяться и бороться за повышение заработной платы.

Если он отвергает этот вывод, то должен отказаться и от предпосылки, из которой последний вытекает. Он должен говорить не о том, что сумма заработной платы есть *постоянная величина*, а о том, что, хотя она не может и не должна *увеличиваться*, она может и должна *уменьшаться*, как только капиталу заблагорассудится понизить ее. Если капиталисту угодно кормить вас картофелем вместо мяса и овсом вместо пшеницы, вы должны воспринять его желание как закон политической экономии и подчиниться ему. Если в одной стране уровень заработной платы выше, чем в другой, в Соединенных Штатах, например, выше, чем в Англии, вы должны это различие в уровне заработной платы объяснить различием желаний американских и английских капиталистов — метод, который, конечно, весьма упрощает изучение не только экономических, но и всяких других явлений.

Но даже и в этом случае мы могли бы спросить, *почему* желания американского капиталиста отличаются от желаний капиталиста английского? И для ответа на этот вопрос вы должны выйти из области *пожеланий*. Поп может сказать, что бог хочет во Франции одного, а в Англии другого. На просьбу объяснить мне эту двойственность желаний он может иметь бесстыдство ответить, что богу угодно

иметь во Франции одно желание, а в Англии другое. Но наш друг Уэстон, разумеется, не воспользуется таким доводом, в корне отрицающим всякое рассуждение.

Капиталист, конечно, *желает* взять как можно больше. Но наша задача отнюдь не рассуждать о его *желаниях*, а исследовать его *силу, границы этой силы и характер этих границ*.

II. [Производство, заработная плата, прибыль.]

Доклад, прочитанный нам гражданином Уэстоном, мог бы уместиться в ореховой скорлупе.

Все его рассуждения сводятся к следующему. Если рабочий класс вынудит класс капиталистов платить 5 шилл. вместо 4 шилл. в виде денежной заработной платы, то капиталист будет возвращать ему в виде товаров стоимость в 4 шилл. вместо стоимости в 5 шиллингов. Рабочему классу придется платить 5 шилл. за то, что до повышения заработной платы он покупал за 4 шиллинга. Но почему это? Почему капиталист возвращает за 5 шилл. стоимость лишь в 4 шиллинга? Потому, что сумма заработной платы твердо установлена. Но почему она твердо установлена в размере товарной стоимости в 4 шиллинга? Почему не в 3, в 2 шилл. или в какую-либо иную сумму? Если пределы суммы заработной платы установлены каким-либо экономическим законом, не зависимым от желаний как капиталиста, так и рабочего, то прежде всего гражданину Уэстону следовало бы изложить этот закон и доказать его. Ему следовало бы сверх того доказать, что сумма заработной платы, действительно выплачиваемой в каждый данный момент, всегда точно соответствует необходимой сумме заработной платы и никогда не отклоняется от последней. Если, с другой стороны, данный предел суммы заработной платы зависит лишь *от одного желания* капиталиста или от пределов его жадности, то этот предел произволен. В нем нет ничего необходимого. Он может изменяться *по воле* капиталиста, а значит, его можно изменить и *против* воли последнего.

Гражданин Уэстон иллюстрировал свою теорию следующим примером: если миска содержит определенное количество супа, предназначенного для известного числа лиц, то увеличение размера ложек не приведет к увеличению количества супа. Я позволю себе считать эту иллюстрацию довольно ребяческой. Она несколько напомнила мне сравнение, к которому прибег Менений Агриппа.

Когда римские плебеи забастовали¹ против римских патрициев, патриций Агриппа сказал им, что патрицианский желудок питает плебейские члены государственного тела. Но Агриппе не удалось доказать, что, наполняя желудок одного человека, вы питаете члены другого. Гражданин Уэстон, со своей стороны, забыл, что в миске, из которой едят рабочие, находится весь продукт национального труда и что брать из нее побольше мешают им не малый объем миски и не скудость ее содержания, а исключительно малые размеры их ложек.

Каким способом капиталист ухитряется возвращать вместо 5 шилл. стоимость в 4 шиллинга? Повышением цены продаваемого им товара. Возникает вопрос, зависит ли увеличение или вообще изменение цен товаров от одного только желания капиталиста, зависят ли от него самые цены товаров или же, наоборот, для осуществления этого желания необходимо наличие известных обстоятельств? Если нет, то повышения и понижения, непрерывные колебания рыночных цен становятся неразрешимой загадкой.

Поскольку мы предполагаем, что не произошло никаких изменений ни в производительной силе труда, ни в количестве примененного капитала и труда, ни в стоимости денег, в которых оцениваются стоимости продуктов, что *изменился лишь уровень заработной платы*, то каким образом это *повышение заработной платы* может влиять на *цены товаров*? Только оказывая влияние на действительное соотношение между спросом и предложением этих товаров.

Совершенно верно, что рабочий класс, рассматриваемый в целом, расходует и должен расходовать свой доход на *средства существования*. Поэтому общее повышение уровня заработной платы повлечет за собою увеличение спроса на *средства существования*, а следовательно и повышение их *рыночных цен*. Капиталисты, производящие эти предметы необходимости, получают возмещение за повышение заработной платы в виде повысившихся рыночных цен их товаров. Но как обстоит дело с другими капиталистами, которые *не производят средств существования*? Не воображайте, что таких очень немного. Если вы примете во внимание, что две трети национального продукта потребляются только пятою частью населения, — а один член палаты общин недавно утверждал, что даже только седьмою частью, — вы поймете, какая громадная доля национального продукта должна быть произведена в форме предметов роскоши или должна *обмениваться* на предметы роскоши и какое громадное

¹ Имеется в виду уход плебеев в 493 г. до н. э. на Священную гору (Mons sacer) в окрестностях Рима с требованием равноправия с патрициями. *Ред.*

количество самих средств существования должно растрачиваться на лакеев, лошадей, кошек и т. п., — расточительство, которое, как мы знаем по опыту, всегда значительно ограничивается при повышении цен на предметы первой необходимости.

Итак, каково же будет положение капиталистов, которые *не* производят средств существования? *Понижение нормы прибыли*, являющееся следствием общего повышения заработной платы, они не могут возместить себе *повышением цен на свои товары*, потому что спрос на эти товары не возрос. Их доход уменьшится, и из этого уменьшившегося дохода им придется платить за то же количество возросших в цене средств существования больше, чем прежде. Но это еще не все. Ввиду уменьшения их дохода им придется меньше тратить на предметы роскоши, а потому уменьшится и их взаимный спрос на их соответствующие товары. Вследствие такого уменьшения спроса понизятся цены их товаров. Поэтому в этих отраслях промышленности *норма прибыли должна будет понизиться* не только в простой пропорции с общим повышением уровня заработной платы, но соответственно совокупному действию общего повышения заработной платы, повышения цен на средства существования и падения цен на предметы роскоши.

К чему поведет это *различие в нормах прибыли* капиталов, занятых в различных отраслях промышленности? Конечно, к тому же следствию, которое обычно получается, когда по той или иной причине *средняя норма прибыли* становится различной в различных сферах производства. Капитал и труд в таких случаях переводятся из менее прибыльных в более прибыльные отрасли, и этот процесс передвижения капитала и труда происходит до тех пор, пока предложение в одной отрасли промышленности не возрастет пропорционально увеличивающемуся спросу и не уменьшится в других отраслях соответственно падению спроса. *По завершении этого изменения общая норма прибыли снова приходит к одному уровню* в различных отраслях промышленности. Так как вся перетасовка возникла первоначально только из-за изменения в соотношении между спросом и предложением различных товаров, то с устранением причины исчезнут и ее результаты, и *цены* вернутся к своему прежнему уровню и равновесию. Не ограничиваясь некоторыми отраслями промышленности, *понижение нормы прибыли*, вызванное повышением заработной платы, должно было бы стать *всеобщим*. Согласно нашему предположению не произошло бы никаких изменений ни в производительных силах труда; ни в общих размерах производства, но *данное количество продуктов изменило бы свою*

форму. Более значительная часть продуктов существовала бы в виде средств существования, меньшая часть — в виде предметов роскоши или, что то же самое, меньшая часть обменивалась бы на иностранные предметы роскоши и потреблялась бы в своей первоначальной форме или, что опять-таки то же самое, более значительная часть продуктов отечественного производства обменивалась бы на иностранные средства существования вместо предметов роскоши. Общее повышение уровня заработной платы привело бы, таким образом, после временного колебания рыночных цен лишь к общему понижению нормы прибыли, не сопровождаясь длительным изменением цен товаров.

Если мне возразят, что в предыдущем рассуждении я предполагаю, что весь прирост заработной платы расходуется на средства существования, то могу ответить, что я исходил из предположения, наиболее благоприятного для взгляда гражданина Уэстона. Если бы прирост заработной платы расходовался рабочими на предметы, до того не входившие в их потребление, то реальное увеличение их покупательной силы не требовало бы доказательств. Однако, поскольку это увеличение покупательной силы рабочих обуславливается только повышением заработной платы, постольку оно должно точно соответствовать уменьшению покупательной силы капиталистов. *Совокупный спрос* на товары поэтому не *увеличится*, — *изменяются* составные части этого спроса. Возрастание спроса на одной стороне будет уравновешиваться уменьшением спроса на другой. Таким образом, при неизменности совокупного спроса не произойдет никаких изменений и в рыночных ценах товара.

Итак, вы приходите к следующей дилемме: или прирост заработной платы расходуется равномерно на все предметы потребления — и тогда расширение спроса со стороны рабочего класса должно быть уравновешено сокращением спроса со стороны класса капиталистов. Или же прирост заработной платы тратится только на некоторые предметы, рыночная цена которых временно повышается. Тогда следующее за этим повышение нормы прибыли в некоторых отраслях промышленности и падение ее в других произведет изменение в распределении капитала и труда, которое будет происходить до тех пор, пока предложение в одном разделе промышленности не увеличится до уровня возросшего спроса и не уменьшится в другом до уровня сократившегося спроса. При первом из этих положений не произойдет никаких изменений в ценах товаров; при втором, после некоторых колебаний рыночных цен, меновые стоимости товаров понизятся до их прежних уровней. В обоих

случаях общее повышение уровня заработной платы приведет в конечном счете не к чему иному, как к общему понижению нормы прибыли.

Желая воздействовать на ваше воображение, гражданин Уэстон предлагал вам подумать о тех затруднениях, какие вызовет общее повышение заработной платы в английском сельском хозяйстве с 9 шилл. до 18. Представьте себе, — восклицал он, — громадное увеличение спроса на средства существования и вызванное этим страшное повышение цен на них! Между тем вы все знаете, что средняя заработная плата американского сельскохозяйственного рабочего более чем вдвое превышает плату английского сельскохозяйственного рабочего, хотя цены на сельскохозяйственные продукты в Соединенных Штатах ниже, чем в Англии, хотя в Соединенных Штатах существуют те же общие отношения между капиталом и трудом, что и в Англии, и хотя размер годового производства в Соединенных Штатах намного меньше производства Англии. Зачем же в таком случае наш друг бьет в набат? Просто затем, чтобы обойти вопрос, действительно стоящий перед нами. Внезапное увеличение заработной платы с 9 шилл. до 18 означало бы внезапное увеличение на 100%. Между тем мы совсем не обсуждаем вопроса о возможности внезапного общего повышения заработной платы в Англии на 100%. Нас совсем не интересуют *размеры* увеличения, которые в каждом отдельном случае должны зависеть и согласовываться с наличными условиями. Нам надлежит лишь выяснить, каково будет действие общего повышения заработной платы, даже если оно ограничивается одним процентом.

Оставляя в стороне фантастическое увеличение на 100%, предложенное другом Уэстоном, я хочу обратить ваше внимание на действительное увеличение заработной платы, имевшее место в Великобритании за период с 1849 по 1859 г.

Вы все знаете о 10-часовом или, вернее, 10¹/₂-часовом билле, введенном с 1848 г. Это одна из величайших экономических перемен, свидетелями которых мы явились. Произошло внезапное и вынужденное повышение заработной платы, и не в отдельных местных промыслах, а в главных отраслях промышленности, с помощью которых Англия господствует на рынках всего мира. Это было повышение заработной платы, которое происходило при обстоятельствах, особенно неблагоприятных. Доктор Юр, профессор Сениор и все другие официальные экономисты-глашатаи среднего класса *доказывали* — и, должен сказать, доказывали гораздо более основательными доводами, чем наш друг Уэстон, — что оно приведет к гибели английской промышленности. Они доказывали, что дело тут идет не

просто о повышении заработной платы, но о повышении, вызванном и обусловленном сокращением количества затраченного труда. Они утверждали, что двенадцатый час, который вы старались отнять у капиталиста, есть именно тот единственный час, из которого он извлекает свою прибыль. Они грозили сокращением накопления, ростом цен, потерей рынков, уменьшением производства и, как следствие этого, понижением заработной платы, полным разорением. Они даже объявляли законы Максимилиана Робеспьера о максимуме совершенно пустяковым делом в сравнении с этим законом, и в известном смысле они были правы. И что же, каковы же были действительные последствия? Увеличение денежной заработной платы фабричных рабочих, несмотря на сокращение рабочего дня, большое увеличение числа рабочих, занятых на фабриках, непрерывное падение цен фабричных продуктов, удивительный рост производительных сил этого труда, неслыханное и прогрессирующее расширение рынков сбыта фабричных товаров. Я сам слышал в 1860 г. в Манчестере на собрании Общества содействия развитию наук признание г. Ньюмена¹, что и он сам, и доктор Юр, Сениор и все остальные официальные представители экономической науки ошибались, тогда как инстинкт народа оказался правильным. Я ссылаюсь на г. В. Ньюмена, а не на профессора Фрэнсиса Ньюмена, потому что первый занимает выдающееся место в экономической науке как сотрудник и издатель «Истории цен» Томаса Тука, этого первоклассного труда, прослеживающего историю цен с 1793 по 1856 г. Если бы были верны твердые взгляды нашего друга Уэстона о твердо установленной сумме заработной платы, точно установленных размерах производства, об установленной степени производительной силы труда, об установившихся и неизменных желаниях капиталиста и обо всех прочих установленных и неизменных вещах, то были бы правильны печальные предсказания профессора Сениора и ошибался бы Роберт Оуэн, который уже в 1816 г. провозгласил общее сокращение рабочего дня первым подготовительным шагом к освобождению рабочего класса и фактически осуществил это на свой страх и риск вопреки господствующему предрассудку на своей хлопчатобумажной фабрике в Нью-Ланарке.

Одновременно с введением закона о 10-часовом рабочем дне и вызванным им повышением заработной платы в Великобритании по причинам, на которых здесь не место останавливаться, наблюдалось *общее повышение заработной платы в сельском хозяйстве.*

¹ Здесь описка — фамилия издателя работы Тука не В. Ньюмен, а В. Ньюмарч. См. «Капитал», т. I, гл. VIII, примечание 183. *Ред.*

Во избежание неправильного понимания вами моих слов я сделаю здесь несколько предварительных замечаний, хотя этого и не требуется для моей непосредственной цели.

Если человек получал заработную плату в 2 шилл. в неделю, а затем она повысилась до 4 шилл., то уровень заработной платы повысился на 100%. Это покажется великолепной вещью, если это выразить как повышение уровня *заработной платы*, хотя *действительные размеры заработной платы*, 4 шилл. в неделю, останутся все еще ничтожно жалкими, равносильными голодному существованию. Не давайте поэтому обольщать себя громко звучащими цифрами, говорящими о проценте повышения *уровня* заработной платы. Всегда спрашивайте: каковы были *первоначальные* размеры заработной платы?

Кроме того, вы поймете, что если имелись 10 рабочих, получавших каждый по 2 шилл. в неделю, 5 рабочих — по 5 шилл. и еще 5 — по 11 шилл., то все 20 рабочих вместе должны были получать 100 шилл., или 5 ф. ст.¹, в неделю. Если затем произошло повышение совокупной суммы их недельной заработной платы, положим, на 20%, это было бы увеличением ее с 5 до 6 ф. стерлингов². Беря средние величины, мы могли бы сказать, что *общий уровень заработной платы* повысился на 20%³, хотя в действительности заработная плата 10 рабочих осталась неизменной, заработная плата [каждого из рабочих] одной группы в 5 человек увеличилась только с 5 до 6 шилл., а заработная плата другой группы в 5 человек — с 55 до 70⁴ шиллингов. Положение половины рабочих совсем не улучшилось, положение четвертой части рабочих улучшилось в незначительной степени, и только одна четверть рабочих действительно улучшила свое положение. Тем не менее, считая в *среднем*, общая сумма заработной платы этих 20 рабочих возросла на 20%⁵, и поскольку дело касается совокупного капитала, занимающего их, и цен товаров, производимых ими, то это будет иметь точно такое же значение, как если бы среднее повышение заработной платы распространилось равномерно на всех 20 рабочих. У сельскохозяйственных рабочих, у которых уровень заработной платы в различных графствах Англии и Шотландии был весьма различен, повышение ее отразилось очень неравномерно.

¹ В рукописи «110 шилл., или 5 ф. ст. 10 шилл.». *Ред.*

² В рукописи «с 5 ф. ст. 10 шилл. до 6 ф. ст. 2 шилл.». *Ред.*

³ В рукописи «25%». *Ред.*

⁴ В рукописи «72 шилл.». *Ред.*

⁵ В рукописи «25%». *Ред.*

Наконец, в период, когда происходило это повышение заработной платы, ряд влияний действовал в противоположном направлении — таковы новые налоги, вызванные войной с Россией, массовое разрушение жилищ сельскохозяйственных рабочих и т. д.

После этих предварительных замечаний я утверждаю, что в период с 1849 по 1859 г. средний уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Великобритании *повысился приблизительно на 40%*. Я мог бы привести вам многочисленные данные в доказательство моего утверждения, но для данной цели считаю достаточным отослать вас к добросовестному и критическому докладу, прочтенному в 1860 г. покойным *Джозефом Ч. Мортон*ом в Лондонском обществе искусств на тему *«Силы, применяемые в земледелии»*. Г-н Мортон приводит цифры, взятые из счетов и других подлинных документов, собранных им приблизительно у 100 фермеров 12 шотландских и 35 английских графств.

В соответствии с мнением нашего друга Уэстона и в связи с одновременным повышением заработной платы фабричных рабочих за этот период от 1849 до 1859 г. должен был бы иметь место чрезвычайный рост цен на продукты сельского хозяйства. А что было в действительности? Несмотря на войну с Россией и последовательные неблагоприятные урожаи с 1854 по 1856 г., средняя цена пшеницы, являющейся главным сельскохозяйственным продуктом Англии, упала с 3 ф. ст. за квартал в 1838—1848 гг. до 2 ф. ст. 10 шилл. в 1849—1859 гг. Это составляет понижение цены пшеницы более чем на 16% одновременно с средним увеличением заработной платы в сельском хозяйстве на 40%. За тот же самый период, сравнивая конец этого периода с его началом—1859 г. с 1849 г.,—официально зарегистрированный пауперизм уменьшился с 934 419 до 860 470 человек, т. е. на 73 949 человек, — уменьшение очень небольшое, согласен, и притом в последующие годы снова сведенное на-нет, но все же уменьшение.

Могут сказать, что вследствие отмены хлебных законов за время с 1849 по 1859 г. более чем вдвое возрос ввоз иностранного хлеба сравнительно с периодом 1838—1848 гг. Но что же из этого? С точки зрения гражданина Уэстона следовало бы ожидать, что этот внезапный громадный и непрерывно возрастающий спрос на иностранных рынках должен был поднять там цены сельскохозяйственных продуктов на страшную высоту, ибо влияние возрастающего спроса остается одинаковым, независимо от того, откуда он исходит: изнутри или извне страны. Что же происходило на самом деле? За исключением нескольких неурожайных лет, в течение всего этого

периода разорительное падение хлебных цен являлось постоянной темой для жалоб во Франции; американцы неоднократно оказывались вынужденными сжигать излишки своего продукта, а Россия, если верить г. Уркарту, поощряла гражданскую войну в Соединенных Штатах ввиду того, что вывоз ее сельскохозяйственных продуктов подрывался американской конкуренцией на европейских рынках.

В своей абстрактной форме утверждение гражданина Уэстона сводится к следующему: всякое увеличение спроса происходит всегда на основе данного размера производства. Оно поэтому никогда не может увеличить предложение требующихся предметов, а может только повысить их денежные цены. Между тем даже самое общее наблюдение показывает, что возросший спрос оставляет в некоторых случаях рыночные цены товаров совершенно неизменными и что в других случаях это увеличение спроса вызывает временный рост рыночных цен, сопровождающийся увеличением предложения, понижением цен до их первоначального уровня, а во многих случаях и ниже их первоначального уровня. Совершенно ничего не меняется в условиях проблемы от того, происходит ли повышение спроса вследствие увеличения заработной платы или от какой-нибудь другой причины. С точки зрения гражданина Уэстона обычное явление столь же трудно объяснить, как и явление, происходящее при исключительных обстоятельствах повышения заработной платы. Его довод ввиду этого не имеет решительно никакого значения для занимающего нас вопроса. Он обнаружил лишь его неумение разобраться в законах, в силу которых увеличение спроса вызывает увеличение предложения вместо конечного повышения рыночных цен.

III. [Заработная плата и деньги.]

Во второй день прений наш друг Уэстон облек свои старые утверждения в новые формы. Он сказал: вследствие общего повышения денежной заработной платы потребуется больше средств обращения, чтобы выплачивать ту же самую заработную плату. При неизменном количестве средств обращения — как вы сможете этим неизменным количеством средств обращения выплатить возросшую денежную заработную плату? Раньше затруднение возникало оттого, что количество товаров, приходящихся на долю рабочего, оставалось неизменным, несмотря на увеличение его денежной заработной платы; теперь оно порождается тем, что возрастает денежная заработная плата, несмотря на неизменное количество товаров.

Разумеется, если вы отвергнете его первоначальную догму, исчезнет и его вторичное затруднение.

Однако я все же покажу, что этот вопрос о средствах обращения не имеет решительно никакого отношения к занимающему нас предмету.

В вашей стране платежный механизм гораздо совершеннее, чем в любой из стран Европы. Благодаря широким размерам и концентрации банковской системы для обращения того же самого количества стоимостей и для заключения того же самого или большего количества сделок требуется гораздо меньше средств обращения. Например, что касается заработной платы, то английский фабричный рабочий еженедельно уплачивает свою заработную плату лавочнику, который еженедельно отсылает ее банкиру, а тот еженедельно возвращает ее фабриканту, который снова выплачивает ее своим рабочим, и т. д. Благодаря такому механизму годовая заработная плата рабочего, скажем, в 52 ф. ст., может выплачиваться посредством одного лишь соверена, совершающего оборот каждую неделю по одному и тому же кругу. Даже в Англии механизм этот менее совершенен, чем в Шотландии, и он не везде является одинаково совершенным; поэтому мы и находим, например, что в некоторых сельских округах требуется в сравнении с фабричными округами гораздо больше средств обращения для обращения гораздо меньшего количества стоимостей.

Если вы переправитесь через канал, вы найдете, что там *денежная заработная плата* гораздо ниже, чем в Англии, но что она обращается в Германии, Италии, Швейцарии и Франции при посредстве *гораздо большего количества средств обращения*. Один и тот же соверен не будет уже так быстро перехвачен банкиром или возвращен промышленному капиталисту, и поэтому вместо одного соверена, достаточного для обращения 52 ф. ст. за год, вам понадобятся, быть может, три соверена для обращения годовой заработной платы в 25 ф. стерлингов. Таким образом, сравнивая континентальные страны Европы с Англией, вы сразу увидите, что низкая денежная заработная плата может требовать для своего обращения гораздо больше средств обращения, чем высокая денежная заработная плата, и что это обстоятельство фактически является чисто техническим вопросом, совершенно не имеющим отношения к нашей теме.

Согласно лучшим исчислениям, какие только мне известны, ежегодный доход рабочего класса Англии может быть оценен в 250 миллионов фунтов стерлингов. Эта громадная сумма обращается посредством приблизительно 3 миллионов фунтов стерлингов.

Предположим, что происходит повышение заработной платы на 50%, тогда вместо 3 миллионов средств обращения потребовалось бы $4\frac{1}{2}$ миллиона. Так как весьма значительная часть ежедневных расходов рабочего производится серебром и медью, т. е. простыми монетными знаками, отношение стоимости которых к золоту произвольно устанавливается законом, подобно стоимости неразменных бумажных денег, то повышение денежной заработной платы на 50% потребует в крайнем случае добавочного обращения соверенов, скажем, в количестве 1 миллиона. Один миллион, покоящийся в настоящее время в виде слитков или монеты в подвалах Английского банка или частных банкиров, вступит в обращение. Но в случае, если недостаток средств обращения вызывает какие-либо затруднения, то можно избежать и фактически избегают даже малейшего расхода по добавочной чеканке и снашиванию этого миллиона. Все вы знаете, что средства обращения этой страны делятся на две большие группы. Одна группа, состоящая из банковых билетов разного рода, служит для сделок между торговцами и для более крупных платежей потребителей торговцам, тогда как другая группа средств обращения, металлическая монета, обращается в розничной торговле. При всем своем различии эти два рода средств обращения переплетаются друг с другом. Так, золотая монета в весьма значительных размерах употребляется даже в более крупных платежах для всех мелких сумм ниже 5 фунтов стерлингов. Если завтра выпустят в обращение банкноты в 4, или 3, или 2 ф. ст., золотые монеты, наполняющие эти каналы обращения, будут сразу вытеснены из них и потекут в те каналы, где в них будет ощущаться потребность ввиду повышения денежной заработной платы. Таким образом, добавочный миллион, требующийся ввиду повышения заработной платы на 50%, был бы доставлен без добавления хотя бы одного соверена. Тот же результат может быть достигнут и без малейшего увеличения количества банкнот — усилением обращения векселей, как это в течение весьма значительного времени наблюдалось в Ланкашире.

Если общее повышение уровня заработной платы, например на 100%, как это предположил гражданин Уэстон относительно сельского хозяйства, вызывает значительный рост цен на средства существования и согласно его взглядам требует добавочного количества денег, которых нельзя добыть, — то *общее падение заработной платы* должно вызвать те же последствия, в той же самой степени, но только в обратном направлении. Прекрасно! Вы все знаете, что годы 1858—1860 были годами наибольшего процветания хлопчатобумажной промышленности и что в особенности 1860 г. в этом от-

ношении не имеет себе соперников в летописях промышленности, причем в то же время в высшей степени процветали и все другие отрасли промышленности. Заработная плата рабочих в хлопчатобумажной промышленности и во всех связанных с нею отраслях стояла в 1860 г. на более высоком уровне, чем когда-либо раньше. Но разразился американский кризис, и вся эта заработная плата была внезапно снижена примерно до четверти ее прежнего уровня. При противоположном движении это означало бы повышение до 400%. Если заработная плата повышается с 5 до 20, мы говорим, что она повысилась до 400%; когда она падает с 20 до 5, мы говорим, что она упала на 75%; но сумма повышения в одном случае и понижения в другом была бы одной и той же, а именно 15 шиллингов. Таким образом, это было небывалое до сих пор внезапное изменение уровня заработной платы, охватывающее к тому же такое количество рабочих, которое, если считать всех рабочих, не только непосредственно занятых в хлопчатобумажной промышленности, но и косвенно зависящих от нее, было в 1½ раза больше общего количества сельскохозяйственных рабочих. Но упала ли цена пшеницы? Нет, она *поднялась* с среднего годовичного уровня в 47 шилл. 8 пенсов за квартал в трехлетие 1858—1860 гг. до среднего годовичного уровня в 55 шилл. 10 пенсов в трехлетие 1861—1863 гг. Что же касается средств обращения, то в 1861 г. на монетном дворе было отчеканено 8 673 232 ф. ст. против 3 378 102 ф. ст. в 1860 г. Иными словами, в 1861 г. было отчеканено на 5 295 130 ф. ст. больше, чем в 1860 г. Правда, банкнот было в 1861 г. в обращении на 1 319 тыс. ф. ст. меньше, чем в 1860 г. Вычтем эту цифру. Все же останется излишек средств обращения в 1861 г. в сравнении с годом расцвета промышленности — 1860 — на сумму в 3 976 130 ф. ст., или около 4 миллионов; но запасы золота в Английском банке одновременно с этим уменьшились, — не в той же самой пропорции, но близкой к ней.

Сравним 1862 г. с 1842-м. Помимо громадного увеличения стоимости и количества обращающихся товаров, в 1862 г. один только капитал, регулярно уплачивавшийся за акции, облигации и т. п., за железнодорожные бумаги, доходил в Англии и Уэльсе до 320 миллионов ф. ст., до суммы, которая в 1842 г. показалась бы баснословной. Однако совокупная сумма средств обращения была в 1862 и 1842 гг. почти одинакова, и вообще вы обнаружите тенденцию к прогрессивному уменьшению средств обращения параллельно с громадным возрастанием общей стоимости не только товаров, но и денежных сделок вообще. С точки зрения нашего друга Уэстона это — неразрешимая загадка.

Вникнув в существо этого дела несколько глубже, он нашел бы, что, совершенно независимо от заработной платы и даже при предположении, что она неизменна, стоимость и масса обращающихся товаров и вообще сумма заключаемых денежных сделок изменяются ежедневно; что ежедневно изменяется количество выпускаемых банкнот; что ежедневно изменяется сумма платежей, реализуемых без всякой помощи денег, — посредством векселей, чеков, торгового кредита, расчетных палат; что, поскольку требуются действительные металлические средства обращения, изменяется ежедневно пропорция между количеством монет обращающихся и монет и слитков, находящихся в резерве или покоящихся в подвалах банков; что ежедневно изменяется количество золота, поглощаемого национальным обращением, и количество его, отсылаемого за границу для международного обращения. Он нашел бы, что его догма о неизменности суммы обращающихся денег представляет собою чудовищное заблуждение, не совместимое с повседневным опытом. Он должен был бы исследовать законы, позволяющие денежному обращению приспособляться к столь постоянно изменяющимся условиям, вместо того, чтобы превращать свое непонимание законов денежного обращения в аргумент против увеличения заработной платы.

IV. [Предложение и спрос.]

Наш друг Уэстон придерживается латинской поговорки, что *repetitio est mater studiorum*, т. е. что повторение — мать учения, а потому он опять повторил свою первоначальную догму в новой форме, утверждая, что сокращение денежного обращения, вытекающее из повышения заработной платы, ведет к уменьшению капитала и т. д. Так как мы уже отбросили его причуды насчет денежного обращения, я считаю совершенно бесполезным останавливаться на воображаемых последствиях, какие согласно его фантазиям должны вытекать из воображаемых им бед в денежном обращении. Я сразу займусь сведением повторяемой им в стольких различных видах *одной и той же догмы к ее простейшему теоретическому выражению.*

Его некритический подход к трактовке своей темы станет очевидным из одного простого замечания. Он возражает против повышения заработной платы или против высокой заработной платы как результата такого повышения. Но я спрашиваю его: что же такое высокая заработная плата и что — низкая? Почему, например, 5 шилл. в неделю составляют низкую заработную плату, а 20 шилл. в неделю

высокую? Если 5 низко в сравнении с 20, то 20 еще ниже в сравнении с 200. Если человек, читающий лекцию о термометре, начнет декламацию о высокой и низкой температуре, он не сообщит никаких знаний. Он должен сначала рассказать, как устанавливаются точка замерзания и точка кипения и как эти отправные точки определяются естественными законами, а не фантазией продавцов или изготовителей термометров. Но, говоря о заработной плате и прибыли, гражданин Уэстон не только не сумел вывести таких основных отправных пунктов из экономических законов, но даже и не почувствовал необходимости поискать их. Он удовлетворился принятием общеупотребительных ходячих выражений о высоком и низком, как чего-то, имеющего вполне определенный смысл, хотя само собою очевидно, что можно говорить о высокой или низкой заработной плате только в сравнении с каким-нибудь масштабом, которым измеряется ее величина.

Он не будет в состоянии мне сказать, почему за определенное количество труда дается определенное количество денег. Если он ответит мне, что это устанавливается законом предложения и спроса, я его спрошу первым делом: каким законом регулируются сами предложение и спрос? И несостоятельность такого ответа сразу станет очевидной. Отношение между предложением труда и спросом на него подвергается постоянным изменениям, а вместе с этим постоянно изменяются и рыночные цены на труд. Если спрос превышает предложение, заработная плата повышается; если предложение превышает спрос, заработная плата понижается, хотя, может быть, в подобных обстоятельствах может оказаться необходимым *прощупать* действительное соотношение между спросом и предложением, например, стачкой или каким-нибудь другим способом. Но если вы признаете предложение и спрос законом, регулирующим заработную плату, то будет с вашей стороны ребячеством и бесполезным делом ратовать против повышения заработной платы, потому что согласно тому высшему закону, на который вы ссылаетесь, периодическое повышение заработной платы столь же необходимо и законно, как и периодическое ее понижение. Если же вы *не* признаете спрос и предложение законом, регулирующим заработную плату, я снова ставлю вопрос, почему за определенное количество труда дается определенное количество денег?

Но посмотрим на дело с более широкой точки зрения. Вы полностью ошибетесь, если вообразите, что стоимость труда или какого-либо другого товара определяется в конечном счете предложением и спросом. Предложение и спрос регулируют лишь времен-

ные колебания рыночных цен. Они объяснят вам, почему рыночная цена какого-нибудь товара поднимается выше или падает ниже его стоимости, но они никогда не могут объяснить самой этой стоимостью. Предположим, что предложение и спрос уравниваются, или, как выражаются экономисты, покрывают друг друга. Но ведь в тот самый момент, когда эти противоположные силы становятся равными, они парализуют друг друга и перестают действовать в том или другом направлении. В тот самый момент, когда спрос и предложение уравниваются друг друга и потому перестают действовать, рыночная цена товара совпадает с его действительной стоимостью, с уровнем цены, вокруг которого колеблются рыночные цены. При исследовании природы этой стоимости нам поэтому нет совсем никакого дела до временных влияний на рыночные цены предложения и спроса. Это верно в применении к заработной плате так же, как и к ценам всех других товаров.

V. [Заработная плата и цены.]

Все доводы нашего друга, приведенные к своему простейшему теоретическому выражению, превращаются в следующую единственную догму: *«Цены товаров определяются или регулируются заработной платой».*

В опровержение этого устаревшего и уже опровергнутого заблуждения я мог бы обратиться к помощи практических наблюдений. Я мог бы сказать вам, что английские фабричные рабочие, горнорабочие, судостроительные рабочие и т. д., труд которых оплачивается сравнительно высоко, побивают дешевизною своих продуктов все другие нации, тогда как, например, английский сельскохозяйственный рабочий, труд которого оплачивается сравнительно низко, оказывается побитым на рынке со стороны почти всех других наций ввиду дороговизны его продуктов. Сравнивая различные изделия в одной и той же стране и товары различных стран, я мог бы показать, что, за изъятием некоторых, скорее кажущихся, чем действительных исключений, в общем высоко оплачиваемый труд производит дешевые, а низко оплачиваемый — дорогие товары. Это, разумеется, еще не доказывало бы, что высокая оплата труда в одном случае и низкая в другом являются соответственно причинами этих диаметрально противоположных результатов, но во всяком случае это доказывало бы, что цены товаров не определяются ценами труда. Однако нам совершенно излишне применять этот эмпирический метод.

Могут, пожалуй, отрицать, что гражданин Уэстон выдвинул догму, что *«цены товаров определяются или регулируются заработ-*

ной платой». Действительно, он ни разу не формулировал такого положения. Он утверждал, напротив того, что прибыль и рента тоже образуют составные части цены товаров, потому что именно из цен товаров должны оплачиваться не только заработная плата рабочих, но и прибыль капиталиста и рента земельного собственника. Но как, по его мнению, образуются цены? Прежде всего из заработной платы. Затем к цене прибавляется некоторый добавочный процент в пользу капиталиста и другой добавочный процент в пользу земельного собственника. Примем заработную плату рабочего, занятого при производстве какого-нибудь товара, за 10. Если бы норма прибыли составляла 100%, то к выплаченной заработной плате капиталист прибавил бы 10, и если бы норма ренты тоже составляла 100% заработной платы, то было бы прибавлено еще 10, так что общая цена товара составила бы 30. Но такое определение цен будет просто означать определение их заработной платой. Если бы в приведенном примере заработная плата возросла до 20, то цена товара возросла бы до 60 и т. д. В соответствии с этим все старые писатели по вопросам политической экономии, защищавшие догму о регулировании цен заработной платой, старались доказать это тем, что рассматривали прибыль и ренту *как простые процентные надбавки к заработной плате*. Никто из них, разумеется, не был в состоянии свести пределы этих надбавок к какому-нибудь экономическому закону. Напротив, они, повидимому, полагали, что размер прибыли устанавливается традицией, обычаем, волей капиталиста или каким-нибудь другим, столь же произвольным и необъяснимым способом. Утверждая, что размер прибыли устанавливается конкуренцией между капиталистами, они этим ничего не говорят. Эта конкуренция несомненно выравнивает различные нормы прибыли в различных отраслях или приводит их к одному среднему уровню, но она никогда не может определять самый этот уровень или общую норму прибыли.

Что мы подразумеваем, когда говорим, что цены товаров определяются заработной платой? Так как заработная плата есть лишь название для цены труда, то мы подразумеваем под этим, что цены товаров регулируются ценою труда. Поскольку «цена» есть меновая стоимость, — а, говоря о стоимости, я всегда имею в виду меновую стоимость, — поскольку цена есть меновая *стоимость, выраженная в деньгах*, положение это сводится к тому, что «*стоимость товаров определяется стоимостью труда*», или что «*стоимость труда есть общее мерило стоимостей*».

Но как же определяется в таком случае сама «стоимость труда»?

Тут мы заходим в тупик, если хотим, конечно, рассуждать логически. Впрочем, сторонники этой доктрины не очень-то церемонятся с логикой. Возьмите, например, нашего друга Уэстона. Сперва он говорил нам, что заработная плата регулирует цены товаров, а потому повышение заработной платы должно вызывать повышение цен. Затем он повернулся в обратную сторону и старался показать нам, что повышение заработной платы не приведет ни к чему хорошему, потому что при этом повышаются цены товаров и потому что заработная плата в действительности измеряется ценами товаров, на которые она затрачивается. Таким образом, мы начали с утверждения, что стоимость товаров определяется стоимостью труда, а закончили тем, что стоимость труда определяется стоимостью товаров. Так мы движемся взад и вперед в порочном кругу и совершенно не приходим ни к какому выводу.

В общем итоге ясно, что, делая стоимость одного товара, например, труда, зерна или какого-нибудь другого товара, общим мерилom и регулятором стоимостей, мы лишь отодвигаем затруднение, поскольку определяем одну стоимость посредством другой, которая в свою очередь нуждается в определении.

Догма, что «заработная плата определяет цены товаров», сводится в своей наиболее абстрактной формулировке к тому, что «стоимость определяется стоимостью», а эта тавтология означает, что мы в действительности совсем ничего не знаем о стоимости. Если принять эту предпосылку, все рассуждения об общих законах политической экономии становятся простой болтовней. Поэтому великой заслугой Рикардо было то, что в своем сочинении *«Принципы политической экономии»*, изданном в 1817 г., он до основания разрушил старую общепринятую и отжившую ложную теорию, будто «заработная плата определяет цены», ложную теорию, которую Адам Смит и его французские предшественники отвергали в действительно научных частях своих исследований, но которую они, тем не менее, воспроизводили в более популярных и вульгаризирующих главах последних.

VI. [Стоимость и труд.]

Граждане, я подошел теперь к тому пункту, где я должен приступить к действительному выяснению вопроса. Я не могу обещать сделать это вполне удовлетворительным образом, так как для этого мне пришлось бы охватить всю область политической экономии. Я могу лишь, как выражаются французы, «effleurer la question», т. е. коснуться главнейших пунктов.

Первый вопрос, который надлежит поставить, — это: что такое *стоимость* товара? Чем она определяется?

С первого взгляда может показаться, что стоимость товара — понятие совершенно *относительное* и что она не может быть установлена без рассмотрения отношений данного товара ко всем остальным товарам. В самом деле, говоря о стоимости, о меновой стоимости товара, мы разумеем пропорциональные количества, в которых этот товар обменивается на все другие товары. Но тогда возникает вопрос: как регулируются те пропорции, в которых товары обмениваются друг на друга?

Из опыта мы знаем, что эти пропорции бесконечно разнообразны. Беря один какой-нибудь товар, например, пшеницу, мы увидим, что квартал пшеницы обменивается на другие товары в почти неисчислимо различных пропорциях. Однако, *поскольку стоимость ее остается всегда одной и той же*, независимо от того, выражается ли она в шелке, золоте или в каком-нибудь другом товаре, она должна быть чем-то отличным и независимым от этих *различных пропорций* обмена на разные предметы. Должна существовать возможность выразить ее способом, отличным от этих различных отношений равенства к различным товарам.

Кроме того, если я говорю, что квартал пшеницы обменивается на железо в определенной пропорции или что стоимость квартала пшеницы выражается в определенном количестве железа, я говорю тем самым, что стоимость пшеницы и ее эквивалент в железе равны *какой-то третьей вещи*, которая не является ни пшеницей и ни железом, так как я предполагаю, что они выражают одну и ту же величину только в двух различных формах. Поэтому как пшеница, так и железо должны быть приводимы, независимо одна от другого, к этой третьей вещи, которая является их общим мерилем.

Для иллюстрации этого пункта я прибегну к весьма простому примеру из геометрии. Как поступаем мы, сравнивая площади треугольников всевозможных форм и величин или сравнивая треугольники с прямоугольниками или с какой-нибудь другой прямолинейной фигурой? Мы приводим площадь любого треугольника к выражению, совершенно отличному от его видимой формы. Найдя на основании свойств треугольника, что площадь его равняется половине произведения его основания на высоту, мы можем затем сравнивать между собою всевозможные треугольники и всевозможные прямолинейные фигуры, потому что каждая из них может быть разложена на известное число треугольников.

Тот же самый метод должен быть применим и к стоимости

товаров. Мы должны быть в состоянии свести их все к выражению, общему им всем, различая их лишь по тем пропорциям, в которых они содержат эту тождественную меру.

Так как *меновые стоимости* товаров суть лишь *общественные функции* этих предметов и не имеют ничего общего с их *природными* свойствами, то мы должны прежде всего спросить, какова же общая *общественная субстанция* всех товаров? Это *труд*. Для того, чтобы произвести какой-нибудь товар, нужно вложить в него или затратить на него известное количество труда. И я говорю не просто о *труде*, но об *общественном труде*. Человек, который производит какой-нибудь предмет для своего собственного непосредственного употребления, для того, чтобы самому потребить его, производит *продукт*, но не *товар*. В качестве производителя, работающего на самого себя, он ничем не связан с обществом. Для того же, чтобы произвести *товар*, человек не только должен произвести продукт, удовлетворяющий какую-нибудь *общественную* потребность, — самый труд его должен составлять часть или долю общей суммы труда, затрачиваемого обществом. Он должен быть подчинен *разделению труда внутри общества*. Он — ничто без других подразделений труда и, со своей стороны, необходим, чтобы их *дополнять*.

Рассматривая *товары как стоимости*, мы смотрим на них исключительно с этой единственной точки зрения *реализованного, фиксированного* или, если угодно, *кристаллизованного общественного труда*. В этом отношении они могут *различаться* друг от друга только тем, что представляют большее или меньшее количество труда, — так, например, в шелковый платок может быть вложено большее количество труда, чем в кирпич. Но как измеряется *количество труда*? *Временем, в течение которого продолжается труд*, измерением труда часами, днями и т. п. Разумеется, для применения этой меры все виды труда сводятся к среднему или простому труду, как к их единице.

Мы приходим таким образом к следующему выводу:

Товар имеет *стоимость* потому, что является *кристаллизацией общественного труда*. *Величина* стоимости товара или его *относительная* стоимость зависит от большего или меньшего количества содержащейся в нем этой общественной субстанции, или, говоря другими словами, от относительного количества труда, необходимого для его производства. *Относительные стоимости товаров* поэтому определяются *соответствующими количествами или суммами труда, вложенного, реализованного, фиксированного в них*. *Соответственные* количества товаров, которые могут быть произведены в *одинаковое рабочее время, равны*. Другими словами, стоимость одного товара

относится к стоимости другого товара, как количество труда, вложенного в один, относится к количеству труда, вложенного в другой.

Я подозреваю, что многие из вас спросят, существует ли в самом деле такая большая или вообще какая-нибудь разница между определением стоимостей товаров *заработной платой* и определением их *относительными количествами труда*, необходимого для их производства. Вы должны, однако, иметь в виду, что *вознаграждение за труд* и *количество труда* — две совершенно различные вещи. Предположим, например, что *одинаковые количества труда* вложены в квартал пшеницы и в унцию золота. Я пользуюсь этим примером потому, что его употребил *Венъямин Франклин* в своем первом исследовании, изданном в 1721 г. и озаглавленном «*A Modest Inquiry into the Nature and Necessity of a Paper Currency*»¹, где он один из первых угадал истинную природу стоимости. Итак, мы предполагаем, что квартал пшеницы и унция золота суть *равные стоимости*, или *эквиваленты*, потому что они являются *кристаллизацией равных количеств среднего труда*, определенного количества дней или недель труда, соответственно вложенного в них. Определяя таким образом относительные стоимости золота и пшеницы, ссылаемся ли мы в какой бы то ни было мере на *заработную плату* сельскохозяйственного рабочего и горнорабочего? Нисколько. Мы оставляем совершенно *неопределенным* вопрос о том, *как* оплачен их труд в течение дня или недели и даже был ли вообще употреблен при этом наемный труд. Если труд оплачивался, величина заработной платы могла быть самая различная. Работник, труд которого реализован в квартале пшеницы, может получить только 2 бушеля, а работник, занятый в руднике, может получить пол-унции золота. Или, если предположить, что их *заработная плата* одинакова, последняя может отклоняться в любых пропорциях от стоимостей произведенных ими товаров. Она может равняться половине, трети, четверти, одной пятой или любой доле квартала пшеницы или унции золота. Их *заработная плата* не может, конечно, *превышать* стоимости производимых ими товаров, не может быть *меньше* нее в любой возможной степени. Их *заработная плата* ограничивается *стоимостью их продуктов*, но *стоимость их продуктов* отнюдь не ограничивается их *заработной платой*. А главное, стоимости, например, относительные стоимости хлеба и золота, устанавливаются совершенно независимо от стоимости занятого труда, т. е. от *заработной платы*. Определение стоимости товаров *относительным количеством вложенного*

¹ «Скромное исследование природы и необходимости бумажных денег». *Ред.*

в них труда представляет собою поэтому нечто совершенно отличное от тавтологического метода определения стоимости товаров стоимостью труда, или *заработной платой*. Однако этот пункт будет подробнее выяснен в дальнейшем ходе нашего исследования.

Исчисляя меновую стоимость товара, мы должны к количеству труда, затраченного в *последней* стадии, прибавить еще количество труда, *предварительно* вложенного в сырой материал товара, и труда, затраченного на инструменты, орудия, машины и постройки, необходимые в процессе труда. Например, стоимость определенного количества хлопчатобумажной пряжи есть кристаллизация количества труда, прибавленного к хлопку в процессе прядения, количества труда, *предварительно* реализованного в самом хлопке, количества труда, реализованного в угле, машинном масле и других употребленных вспомогательных материалах, количества труда, вложенного в паровую машину, прядильные машины, фабричные здания и т. п. Орудия производства в собственном смысле этого слова, как то: инструменты, машины, здания, служат снова и снова в течение большего или меньшего периода при повторяющихся процессах производства. Если бы они целиком снашивались сразу, подобно сырью, их стоимость сразу переносилась бы целиком на товары, производству которых они служат. Но так как прядильная машина, например, изнашивается лишь постепенно, то производится средний расчет, в основание которого кладется средняя продолжительность ее годности к работе и среднее изнашивание ее в течение определенного периода, например, одного дня. Таким путем мы вычисляем, какая часть стоимости прядильной машины переносится на пряжу, изготовляемую в течение дня, и, следовательно, какая часть общего количества труда, реализованного, например, в фунте пряжи, имеет своим источником труд, реализованный раньше в прядильной машине. Для нашей настоящей задачи нет необходимости останавливаться дольше на этом пункте.

Может показаться, что если стоимость товара определяется *количеством труда, затраченного на его производство*, то, чем более ленив или неловок человек, тем больше стоимости будет иметь произведенный им товар, ибо тем больше рабочего времени потребуется для его изготовления. Это, однако, было бы серьезной ошибкой. Вы должны помнить, что я употребил выражение *«общественный труд»*, и это определение «общественный» содержит в себе много существенного. Говоря, что стоимость товара определяется *количеством* вложенного в него или кристаллизованного в нем *труда*, мы имеем в виду *количество труда, необходимого* для его

производства при данном состоянии общества, при определенных средних общественных условиях производства, при данной средней общественной интенсивности и средней умелости занятых рабочих. Когда в Англии паровой ткацкий станок начал конкурировать с ручным станком, то для превращения определенного количества пряжи в ситец или сукно требовалась лишь половина прежнего рабочего времени. Бедному ручному ткачу пришлось теперь работать 17 или 18 часов в день вместо 9 или 10, как это было раньше. И все же продукт 20 часов его труда представлял теперь лишь 10 часов общественного труда, или 10 часов труда, общественно-необходимого для превращения известного количества пряжи в ткани. Поэтому продукт 20 часов его труда имел теперь не более стоимости, чем прежний продукт его 10-часового труда.

Итак, если количество общественно-необходимого труда, реализованного в товарах, регулирует их меновые стоимости, то всякое увеличение количества труда, необходимого для производства товара, должно увеличивать его стоимость, как всякое уменьшение этого количества — уменьшать ее.

Если бы соответственные количества труда, необходимого для производства соответственных товаров, оставались неизменными, то неизменными были бы также их относительные стоимости. Но этого нет в действительности. Количество труда, необходимое для производства какого-нибудь товара, постоянно изменяется вместе с изменениями в производительной силе примененного труда. Чем выше производительная сила труда, тем больше продуктов изготовляется в данное рабочее время; чем ниже производительная сила труда, тем меньше продуктов изготовляется за то же самое время. Если бы, например, с ростом населения оказалось необходимым возделывать менее плодородные земли, то то же самое количество продуктов могло бы быть получено лишь с затратой большего количества труда, и стоимость сельскохозяйственных продуктов, стало быть, повысилась бы. С другой стороны, если при помощи современных средств производства один прядильщик превращает в пряжу в течение одного рабочего дня во много тысяч раз большее количество хлопка, чем это он мог сделать за то же время раньше при помощи прядки, то, очевидно, каждый фунт хлопка поглотит во много тысяч раз меньше труда прядильщика, чем это было прежде, а следовательно стоимость, прибавленная при прядении к каждому фунту хлопка, будет в тысячи раз меньше, чем раньше. Соответственно этому понизится стоимость пряжи.

Помимо различия естественных сил и приобретенных произ-

водственных навыков у различных народов, производительная сила труда должна зависеть главным образом:

во-первых, от *природных* условий труда, как то: плодородие почвы, богатство рудников и т. д.;

во-вторых, от прогрессивных улучшений *общественных сил труда*, а именно тех, которые получаются от производства в крупных размерах, от концентрации капитала и комбинации труда, от разделения труда, от машин, от усовершенствованных способов, от применения химических и других естественных факторов, от сокращения времени и пространства при помощи средств сообщения и транспорта и от всяких других изобретений, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и при помощи которых развивается общественный или кооперативный характер труда.

Чем выше производительная сила труда, тем меньше труда затрачивается на определенное количество продукта, а следовательно тем ниже стоимость последнего. Чем ниже производительная сила труда, тем больше труда затрачивается на то же количество продукта, а следовательно тем выше его стоимость. Поэтому мы можем установить следующий общий закон:

Стоимости товаров прямо пропорциональны количеству рабочего времени, затраченного на их производство, и обратно пропорциональны производительной силе затраченного труда.

До сих пор я говорил лишь о *стоимости*, теперь же прибавлю несколько слов о *цене*, которая есть лишь особенная форма, принимаемая стоимостью.

Цена, взятая сама по себе, есть не что иное, как *денежное выражение стоимости*. Например, стоимости всех товаров в Англии выражаются ценами в золоте, тогда как на континенте они выражаются главным образом ценами в серебре. Стоимость золота или серебра, как и всех остальных товаров, регулируется количеством труда, необходимого для добывания их. Вы обмениваете известное количество своего национального продукта, в котором кристаллизовано известное количество вашего национального труда, на продукты стран, производящих золото и серебро, в которых кристаллизовано известное количество *их* труда. Таким путем, фактически при посредстве прямого обмена, вы научаетесь выражать в золоте и серебре стоимости всех товаров, т. е. соответствующие количества труда, затраченного на них. Всмотревшись внимательнее в *денежное выражение стоимости*, или, что то же самое, в *превращение стоимости в цену*, вы найдете, что это — процесс, посредством которого вы придаете *стоимостям* всех товаров *независимую и однородную*

форму или посредством которого вы выражаете их как количества *одинакового* общественного труда. Цену, поскольку она есть лишь денежное выражение стоимости, Адам Смит назвал *естественной ценой*, а французские физиократы — «*необходимой ценой*» («prix nécessaire»).

Каково же в таком случае соотношение между *стоимостью* и *рыночными ценами* или между *естественными ценами* и *рыночными ценами*?

Вы все знаете, что *рыночная цена* всех товаров одного и того же рода *одинакова*, хотя условия производства могут быть различны у отдельных производителей. Рыночная цена выражает лишь *среднее количество общественного труда*, необходимого при средних условиях производства для снабжения рынка определенным количеством известных изделий. Она исчисляется по отношению ко всей массе товаров определенного рода.

Постольку *рыночная цена* товара совпадает с его *стоимостью*. С другой стороны, колебания рыночных цен, то поднимающихся выше их стоимости, или естественной цены, то падающих ниже ее, зависят от колебаний предложения и спроса. Эти отклонения рыночных цен от стоимостей происходят постоянно, но, как говорит Адам Смит, «естественная цена представляет собою центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены товаров. Различные случайности могут иногда удерживать их значительно выше нее, а иногда понижать их даже несколько ниже ее уровня. Но каковы бы ни были препятствия, мешающие им остановиться в этом центре покоя и устойчивости, они постоянно тяготеют к нему».

Я не могу сейчас исследовать подробно этот вопрос. Достаточно указать, что *если предложение и спрос уравнивают друг друга*, рыночные цены товаров будут соответствовать их естественным ценам, т. е. их стоимостям, определяемым соответственными количествами труда, необходимого для их производства. Но предложение и спрос *должны* постоянно стремиться уравновесить друг друга, хотя они делают это, лишь уравнивая одно колебание другим, повышение — падением, и наоборот. Если вместо того, чтобы рассматривать лишь ежедневные колебания, вы станете анализировать движение рыночных цен за большие периоды, как это, например, сделал Тук в своей «*Истории цен*», то вы найдете, что колебания рыночных цен, их отклонения от стоимостей, их повышение и падение парализуют и уравнивают друг друга; в результате этого, если не принимать в расчет влияния монополий и некоторых других уклонений, на которых я не могу теперь останавливаться, товары

всех родов в среднем продаются по их соответствующим *стоимостям*, или естественным ценам. Средние периоды, в течение которых колебания рыночных цен взаимно уравниваются, различны для товаров различного рода, потому что для одного рода товаров легче происходит приспособление предложения к спросу, чем для другого.

Итак, если, говоря вообще и охватывая более продолжительные периоды, товары всякого рода продаются по их соответственным *стоимостям*, то нелепо предполагать, что прибыли, — не прибыли в отдельных случаях, а постоянные и обычные прибыли различных отраслей, — происходят от повышения цен товаров или от продажи их по цене, превышающей их *стоимость*. Абсурдность такого предположения становится очевидной, если принять его как общее правило. То, что кто-нибудь будет постоянно выгадывать в качестве продавца, он будет столь же постоянно терять в качестве покупателя. Не поможет делу указание на то, что есть люди, которые являются покупателями, не будучи продавцами, или потребителями, не будучи производителями. То, что такие люди уплачивают производителям, они сперва должны получить от них даром. Если кто-нибудь сперва берет ваши деньги, а потом возвращает эти деньги, покупая ваши товары, то вы никогда не обогатитесь, продавая этому самому человеку свои товары по слишком дорогой цене. Такого рода операция может уменьшить убыток, но никогда не способствует получению прибыли.

Поэтому для объяснения *общей природы прибыли* вы должны исходить из теоремы, что в среднем товары *продаются соответственно их действительным стоимостям* и что *прибыль* получается *от продажи их по их стоимости*, т. е. пропорционально реализованному в них количеству труда. Если вы не можете объяснить прибыль на основе этого предположения, то вы вообще не можете ее объяснить. Это кажется парадоксальным и противоречащим повседневному опыту. Но парадоксом является и то, что земля вращается вокруг солнца и что вода состоит из двух весьма горючих газов. Научная истина всегда парадоксальна, если судить о ней по повседневному опыту, который схватывает лишь обманчивую внешность вещей.

VII. Рабочая сила:

Выяснив природу *стоимости*, природу *стоимости всякого товара*, насколько это было возможно столь беглым образом, мы должны обратить наше внимание на специфическую стоимость — *на стоимость труда*. Здесь я опять должен поразить вас кажущимся

парадоксом. Все вы уверены, что то, что вы ежедневно продаете, есть ваш труд; что поэтому труд имеет цену, и, поскольку цена товара есть лишь денежное выражение его стоимости, должна безусловно существовать такая вещь, как *стоимость труда*. Однако *стоимость труда* в обычном употреблении этого слова не существует. Мы видели, что количество необходимого труда, кристаллизованного в товаре, составляет его стоимость. Но, применяя такое определение стоимости, как сможем мы определить, скажем, стоимость 10-часового рабочего дня? Сколько труда содержится в этом дне? 10 часов труда. Сказать, что стоимость 10-часового рабочего дня равна 10 часам труда или количеству труда, содержащемуся в нем, будет тавтологией и, больше того, — бессмыслицей. Разумеется, раз мы уже открыли истинный, но скрытый смысл выражения «*стоимость труда*», мы будем в состоянии истолковать это иррациональное и кажущееся невозможным применение стоимости, подобно тому как, уяснив себе действительное движение небесных тел, мы будем способны объяснить их кажущиеся или лишь воспринимаемые движения.

То, что рабочий продает, не есть непосредственно его *труд*, а его *рабочая сила*, временное распоряжение которой он передает капиталисту. Это настолько верно, что не знаю, как английские законы, но во всяком случае законы некоторых континентальных стран устанавливают *максимальный срок*, на который разрешается продавать свою рабочую силу. Если бы допускалась продажа ее на любой неопределенный срок, немедленно восстановилось бы рабство. Такая продажа, если бы она, например, захватывала всю жизнь человека, делала бы его пожизненным рабом нанимателя.

Один из старейших экономистов и наиболее оригинальных философов Англии, *Томас Гоббс*, в своем «*Левиафане*» уже чутьем понял этот факт, не замеченный всеми его преемниками. Он говорит: «*Стоимость (Value or worth) человека, как и всех других предметов, это — его цена, т. е. то, что дают за пользование его силой*».

Исходя из этого основного положения, мы сможем определить *стоимость труда* таким же образом, как и стоимость всех других товаров.

Но предварительно мы должны спросить, как возникло столь странное явление, что на рынке мы встречаем категорию покупателей, обладающих землей, машинами, сырьем и средствами существования, причем все эти предметы, за исключением земли в ее необработанном состоянии, *суть продукты труда*, и, с другой стороны, продавцов, которым нечего продавать, кроме своей рабочей силы, своих рабочих рук и мозга? Что одна группа постоянно покупает в целях получе-

ния прибыли и обогащения, тогда как другая постоянно продает, чтобы заработать средства к существованию? Исследование этого вопроса было бы исследованием того, что экономисты называют *предварительным или первоначальным накоплением*, но что, собственно, следует назвать *первоначальной экспроприацией*. Мы нашли бы, что это так называемое *первоначальное накопление* означает не что иное, как ряд исторических процессов, сводящихся к *разрушению первоначальной связи*, существовавшей между рабочим человеком и средствами его труда. Но такого рода исследование выходит за пределы занимающей меня в данный момент темы. Поскольку *отделение* работника от средств труда уже совершилось, подобное положение вещей сохранится в дальнейшем и будет воспроизводиться во все более широких размерах, пока новая и коренная революция в способах производства вновь не уничтожит его и не восстановит первоначальную связь в новой исторической форме.

Итак, что же представляет собою *стоимость рабочей силы*?

Подобно стоимости всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее производства. Рабочая сила человека существует только в его живой индивидуальности. Для того, чтобы человек вырос и мог поддерживать свое существование, он должен потребить определенное количество средств существования. Но человек, подобно машине, со временем изнашивается и должен быть заменен другим человеком. Кроме определенного количества средств существования, нужных для поддержания *его собственного* существования, ему требуется добавочное количество предметов первой необходимости для того, чтобы вырастить некоторое количество детей, которые должны заменить его на рынке труда и увековечить род рабочих. Сверх того, им должна быть затрачена еще некоторая сумма стоимостей для того, чтобы развить свою рабочую силу и приобрести известное умение. Для нашей цели достаточно рассмотреть лишь *средний* труд, издержки на воспитание и развитие которого составляют незначительную величину. Однако я все же должен воспользоваться случаем, чтобы установить, что, поскольку различны издержки производства рабочей силы различного качества, должны быть различны и стоимости рабочей силы, занятой в различных отраслях. Поэтому требование *равной заработной платы* основано на заблуждении, является нелепым пожеланием, которое никогда не может быть осуществлено. Оно является отголоском того ложного и поверхностного радикализма, который принимает предпосылки и старается избежать выводов. На основе системы наемного труда стои-

мость рабочей силы устанавливается подобно тому, как и стоимость всякого другого товара; а так как различные виды рабочей силы имеют различные стоимости или требуют для своего производства различных количеств труда, то они *должны* получать различные цены на рынке труда. Требовать при существовании системы наемного труда *равной или даже справедливой оплаты* — то же самое, что требовать *свободы* на основе системы рабства. Что вы считаете правильным или справедливым — к вопросу не относится. Вопрос таков: что необходимо и неизбежно при данной системе производства?

После всего сказанного ясно, что *стоимость рабочей силы* определяется *стоимостью средств существования*, требующихся для того, чтобы произвести, развить, поддержать и увековечить рабочую силу.

VIII. Производство прибавочной стоимости.

Предположим теперь, что для производства среднего количества средств существования, необходимых для рабочего в течение дня, требуется *6 часов среднего труда*. Предположим далее, что 6 часов среднего труда реализовано также в количестве золота, равном 3 шиллингам. В таком случае 3 шилл. будут *ценой*, или денежным выражением *дневной стоимости рабочей силы* этого человека. Работая ежедневно 6 часов, он ежедневно производил бы стоимость, достаточную для приобретения среднего количества необходимых ему ежедневно средств существования или для поддержания его существования как рабочего.

Но этот человек — наемный рабочий, он должен поэтому продавать свою рабочую силу капиталисту. Если он продает ее за 3 шилл. в день или за 18 шилл. в неделю, он продает ее по стоимости. Предположим, что он прядильщик. Если он работает 6 часов в сутки, он прибавляет ежедневно к хлопку стоимость в 3 шиллинга. Эта стоимость, ежедневно прибавляемая им, будет точным эквивалентом получаемой им ежедневно заработной платы, или цены его рабочей силы. Но в этом случае капиталист не получит *никакой прибавочной стоимости или прибавочного продукта*. Здесь мы наталкиваемся на затруднение.

Покупая рабочую силу рабочего и выплачивая ее стоимость, капиталист, подобно всякому другому покупателю, приобретает право потребить или использовать купленный товар. Вы потребляете или используете рабочую силу человека, заставляя его работать, подобно тому как потребляете или используете машину, приводя ее в движение. Уплатив дневную или недельную стоимость

рабочей силы рабочего, капиталист приобрел поэтому право использовать или заставить работать эту рабочую силу в течение *всего дня или недели*. Рабочий день и рабочая неделя имеют, конечно, определенные границы, но на этом мы подробнее остановимся в дальнейшем.

Теперь я хочу обратить ваше внимание на один решающий пункт.

Стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для поддержания или воспроизведения ее, но *пользование* этой рабочей силой ограничено лишь жизненной энергией и физической силой рабочего. Дневная или недельная *стоимость* рабочей силы совершенно отлична от дневной или недельной работы этой силы, подобно тому как совершенно отличны корм, необходимый лошади, и время, в течение которого она может везти всадника. Количество труда, ограничивающее *стоимость* рабочей силы рабочего, отнюдь не ограничивает количество труда, которое способна выполнить его рабочая сила. Возьмем для примера нашего прядильщика. Мы видели, что для ежедневного воспроизведения своей рабочей силы он должен воспроизводить ежедневно стоимость в 3 шилл., что он и делает, работая 6 часов в сутки. Но это не лишает его способности работать 10, или 12, или еще больше часов в сутки. Но, оплачивая дневную или недельную *стоимость* рабочей силы прядильщика, капиталист приобрел право пользоваться этой рабочей силой в течение *всего дня или недели*. Он поэтому заставит прядильщика работать, скажем, 12 часов в сутки. *Кроме и свыше* 6 часов, требующихся для возмещения его заработной платы, или стоимости его рабочей силы, прядильщик будет, таким образом, работать еще 6 часов, которые я назову часами *прибавочного труда*, который реализуется в *прибавочной стоимости* и в *прибавочном продукте*. Если наш прядильщик, например, своим ежедневным трудом в течение 6 часов прибавлял к хлопку стоимость в 3 шилл., т. е. стоимость, составляющую точный эквивалент его заработной платы, то в 12 часов он прибавит к хлопку стоимость в 6 шилл. и произведет *пропорциональный излишек пряжи*. Так как он продал свою рабочую силу капиталисту, то вся стоимость или весь продукт, созданный им, принадлежит капиталисту, временному собственнику его рабочей силы. Авансируя 3 шилл., капиталист реализует поэтому стоимость в 6 шилл., так как, авансируя стоимость, в которой кристаллизовано 6 часов труда, он взамен этого получит стоимость, в которой кристаллизовано 12 часов труда. Повторяя ежедневно этот процесс, капиталист будет затрачивать ежедневно 3 шилл. и ежедневно прятать

в карман 6 шилл., из которых половина снова будет идти на выплату заработной платы, а другая половина будет составлять *прибавочную стоимость*, не оплачиваемую капиталистом никаким эквивалентом. Именно на такого рода обмене между капиталом и трудом основан капиталистический способ производства или система наемного труда, и он должен постоянно вести к воспроизведению рабочего как рабочего и капиталиста как капиталиста.

Норма прибавочной стоимости — при прочих равных условиях — зависит от отношения между частью рабочего дня, необходимой для воспроизведения стоимости рабочей силы, и *прибавочным временем* или *прибавочным трудом*, выполняемым на капиталиста. Она поэтому зависит от того, в какой мере *удлинится рабочий день сверх того времени*, в течение которого рабочий лишь воспроизводит стоимость своей рабочей силы или возмещает свою заработную плату.

IX. Стоимость труда.

Нам следует теперь вернуться к выражению «*стоимость или цена труда*».

Мы видели, что в действительности стоимость [или цена труда] есть лишь стоимость рабочей силы, измеряемая стоимостью товаров, необходимых для поддержания ее существования. Но, поскольку рабочий получает свою заработную плату *после* выполнения своего труда и поскольку он знает сверх того, что фактически он отдает капиталисту свой труд, постольку стоимость или цена его рабочей силы по необходимости представляется ему как *цена или стоимость самого его труда*. Если цена его рабочей силы равна 3 шилл., в которых реализовано 6 часов труда, и если он работает 12 часов, он неизбежно считает эти 3 шилл. стоимостью или ценою 12 часов труда, хотя эти 12 часов труда реализуются в стоимости 6 шиллингов.

Из этого вытекает двоякий вывод:

Во-первых, стоимость или цена рабочей силы принимает видимость *цены или стоимости самого труда*, хотя, строго говоря, стоимость труда и цена труда представляют собою бессмысленные термины.

Во-вторых, хотя *оплачивается* лишь часть дневного труда рабочего, тогда как другая часть остается неоплаченной и этот неоплаченный или прибавочный труд именно и составляет тот фонд, из которого образуется *прибавочная стоимость* или *прибыль*, все-таки кажется, будто весь труд является оплаченным трудом.

Эта обманчивая видимость отличает *наемный труд* от других

исторических форм труда. На основе системы наемного труда даже *неоплаченный* труд представляется как труд *оплаченный*. Напротив того, при *рабстве* даже оплачиваемая часть труда кажется неоплаченной. В самом деле, чтобы работать, раб должен существовать, и часть его рабочего дня идет на возмещение стоимости его содержания. Но, поскольку между ним и его хозяином не заключено никакой сделки и между обеими сторонами не происходит актов продажи и покупки, постольку кажется, что весь его труд отдается даром.

Возьмем, с другой стороны, такого крепостного крестьянина, какой, можно сказать, еще вчера существовал во всей Восточной Европе. Крестьянин этот работал, например, 3 дня на самого себя на принадлежащем ему или отведенном ему поле, а в течение 3 следующих дней выполнял принудительную и бесплатную работу в поместье своего помещика. В этом случае, стало быть, оплаченная и неоплаченная части труда были явственно отделены одна от другой, отделены во времени и пространстве; и наши либералы преисполнились моральным негодованием при виде возмутительного факта, что людей заставляют работать даром.

В действительности же, работает ли человек 3 дня в неделю на самого себя на собственном поле, а 3 дня бесплатно в имении своего помещика, или работает он на фабрике или в мастерской 6 часов в сутки на самого себя, а 6 часов — на своего предпринимателя, — это сводится к одному и тому же, хотя в последнем случае оплаченная и неоплаченная доли труда нераздельно смешаны одна с другой и природа всей сделки совершенно замаскирована *вмешательством договора и платы*, получаемой в конце недели. Даровой труд представляется в одном случае отданным добровольно, а в другом — принудительно. В этом вся разница.

Употребляя в дальнейшем выражение «стоимость труда», я буду пользоваться им лишь как ходячим термином вместо термина «*стоимость рабочей силы*».

Х. Прибыль получается при продаже товара по его стоимости.

Предположим, что час среднего труда реализован в стоимости, равной 6 пенам, или что 12 часов труда реализованы в 6 шиллингах. Предположим далее, что стоимость труда равна 3 шилл. или продукту 6-часового труда. Если, далее, в использованных для данного товара сырье, машинах и т. п. были реализованы 24 часа среднего труда, то стоимость его будет равна 12 шиллингам. Если сверх того

рабочий, нанятый капиталистом, добавляет 12 часов труда к этим средствам производства, то эти 12 часов реализуются в добавочной стоимости в 6 шиллингов. *Общая стоимость продукта* достигнет поэтому 36 часов реализованного труда и будет равняться 18 шиллингам. Но так как стоимость труда, или заработная плата, уплаченная рабочему, составит всего лишь 3 шилл., то за 6 часов прибавочного труда, проработанного рабочим и реализованного в стоимости товара, капиталист не уплатит никакого эквивалента. Продавая этот товар по его стоимости в 18 шилл., капиталист таким путем реализует стоимость в 3 шилл., за которую он не уплатил никакого эквивалента. Эти 3 шиллинга составят прибавочную стоимость, или прибыль, которую он кладет себе в карман. Капиталист, следовательно, реализует прибыль в 3 шиллинга не продажей своего товара по цене выше его стоимости, но продавая товар *по его действительной стоимости*.

Стоимость товара определяется *общим количеством труда*, содержащегося в нем. Но часть этого количества труда реализуется в стоимости, за которую уплачен эквивалент в форме заработной платы; другая его часть реализуется в стоимости, не оплачиваемой *никаким* эквивалентом. Часть труда, содержащегося в товаре, является *оплаченным* трудом, другая часть — трудом *неоплаченным*. Продавая поэтому товар *по его стоимости*, т. е. как кристаллизацию *общего количества труда*, затраченного на него, капиталист неизбежно должен продавать его с прибылью. Он продает не только то, что стоило ему известного эквивалента, но также и то, что ничего не стоило ему, хотя и требовало труда его рабочего. То, чего стоит товар капиталисту, и его действительная стоимость — вещи различные. Я повторяю поэтому, что нормальная и средняя прибыль получается при продаже товаров *не выше их действительной стоимости, а по их действительной стоимости*.

XI. Различные части, на которые распадается прибавочная стоимость.

Я называю *прибылью прибавочную стоимость*, или ту часть общей стоимости товара, в которой реализован *прибавочный*, или *неоплаченный* труд рабочего. Вся сумма этой прибыли не попадает в карман капиталиста-предпринимателя. Монополия на землю дает землевладельцу возможность требовать себе часть этой *прибавочной стоимости* под названием *ренты*, причем безразлично, используется ли земля для сельского хозяйства, построек, железных дорог или

для других каких-нибудь производительных целей. С другой стороны, тот самый факт, что обладание *средствами труда* позволяет капиталисту-предпринимателю производить *прибавочную стоимость* или, — что то же самое, — *присваивать себе определенное количество неоплаченного труда*, этот самый факт дает возможность собственнику средств труда, которые он целиком или частью ссужает капиталисту-предпринимателю, — дает, одним словом, возможность *капиталисту, ссужающему деньги*, требовать себе под названием *процента* другую часть этой прибавочной стоимости, так что капиталисту-предпринимателю *как таковому* остается лишь то, что называется *промышленной, или торговой прибылью*.

Вопрос о том, какими законами регулируется это распределение общей суммы прибавочной стоимости между этими тремя категориями людей, совершенно не относится к занимающей нас теме. Однако из установленного выше вытекает следующее: *рента, процент и промышленная прибыль* суть лишь *различные названия различных частей прибавочной стоимости* товара или *реализованного в нем неоплаченного труда*, и они *одинаково происходят из этого источника и только из этого источника*. Они происходят не от *земли* как таковой и не от *капитала* как такового, — но земля и капитал дают возможность своим собственникам получать их соответственные доли из прибавочной стоимости, извлеченной предпринимателем-капиталистом из рабочего. Для самого рабочего является делом второстепенного значения, идет ли эта прибавочная стоимость — результат его прибавочного, или неоплаченного, труда — целиком в карман предпринимателя-капиталиста или же последний вынужден выплачивать части ее — под названием ренты и процента — третьим лицам. При предположении, что капиталист-предприниматель применяет только собственный капитал и является сам собственником земли, вся прибавочная стоимость пойдет в его карман.

Именно капиталист-предприниматель извлекает непосредственно из рабочего эту прибавочную стоимость независимо от того, какую ее часть он в конце концов сможет удержать в свою пользу. Поэтому вся система наемного труда и вся современная система производства находятся в зависимости от этого отношения между капиталистом-предпринимателем и наемным рабочим. Некоторые из граждан, принимавших участие в наших прениях, поэтому были неправы, когда они пытались смягчить положение вещей и представить это основное отношение между капиталистом-предпринимателем и рабочим как вопрос второстепенный, хотя они были правы, утверждая, что при данных обстоятельствах повышение цен может

в весьма неодинаковой степени задеть капиталиста-предпринимателя, земельного собственника, денежного капиталиста и, если хотите, взимающий налоги фиск [taxgatherer.]

Из сказанного вытекает еще один вывод:

Та часть стоимости товара, которая представляет лишь стоимость сырья, машин — одним словом, стоимость затраченных средств производства, *не* образует никакого *дохода*, а возмещает *только капитал*. Но и помимо этого не верно, будто другая часть стоимости товара, *которая образует доход* или может быть израсходована в форме заработной платы, прибыли, ренты, процента, *составляется* из стоимости заработной платы, стоимости ренты, стоимости прибыли и т. п. Оставим на первый раз в стороне заработную плату и рассмотрим лишь промышленную прибыль, процент и ренту. Мы только что видели, что *прибавочная стоимость*, содержащаяся в товаре, или та часть его стоимости, в которой реализован *неоплаченный труд*, распадается на три различных части, носящих три различных названия. Но совершенно неправильно было бы говорить, что стоимость этой части товара *составляется* или *образуется сложением самостоятельных стоимостей этих трех составных частей*.

Если 1 час труда реализуется в стоимости, равной 6 пенсам, если рабочий день рабочего содержит 12 часов, если половина этого времени является неоплаченным трудом, то этот прибавочный труд присоединит к товару *прибавочную стоимость* в 3 шилл., т. е. стоимость, которая не оплачена никаким эквивалентом. Эта прибавочная стоимость в 3 шилл. составляет *весь фонд*, который капиталист-предприниматель может делить в какой угодно пропорции с земельным собственником и с капиталистом, ссужающим деньги. Стоимость в этих 3 шилл. образует предел той стоимости, какую они могут разделить между собою. Но происходит вовсе не так, что сам капиталист-предприниматель добавляет к стоимости товара произвольную стоимость, как прибыль для себя, к которой прибавляется потом другая стоимость в пользу земельного собственника и т. д., так что сложение этих произвольно установленных стоимостей образует стоимость в целом. Вы видите, таким образом, ложность распространенного мнения, которое смешивает *распадение данной стоимости* на три части с *образованием* этой стоимости путем сложения трех *самостоятельных* стоимостей, превращая тем самым совокупную стоимость, из которой берутся рента, прибыль и процент, в произвольную величину.

Если вся прибыль, реализованная капиталистом, равняется 100 ф. ст., мы называем эту сумму, рассматриваемую как *абсолют-*

ная величина, суммой прибыли. Но если мы вычисляем отношение этих 100 ф. ст. к авансированному капиталу, мы называем эту *относительную величину нормой прибыли*. Очевидно, что эта норма прибыли может быть выражена двояким путем:

Предположим, что на *заработную плату авансирован* капитал в 100 фунтов стерлингов. Если произведенная прибавочная стоимость тоже равна 100 ф. ст., — а это покажет нам, что половина рабочего дня рабочего состоит из *неоплаченного труда*, — и если мы измерим эту прибыль, исходя из стоимости капитала, авансированного на заработную плату, мы скажем, что норма прибыли достигает 100%, потому что авансированная стоимость равна 100 ф. ст., а реализованная стоимость составляет 200 фунтов стерлингов.

Если бы, с другой стороны, мы приняли во внимание не только капитал, *авансированный на заработную плату*, но *весь авансированный капитал*, положим 500 ф. ст., из которых 400 ф. ст. представляют стоимость сырья, машин и т. д., мы сказали бы, что *норма прибыли* достигает только 20%, потому что прибыль в 100 ф. ст. составляет лишь пятую часть *всего* авансированного капитала.

Первый способ выражения нормы прибыли есть единственный, который показывает нам действительное отношение между оплаченным и неоплаченным трудом, действительную степень *эксплуатации* (позвольте мне употребить это французское слово) *труда*. Другой способ выражения ее общеупотребителен и действительно пригоден для известных целей. Во всяком случае он весьма полезен для того, чтобы скрыть, в какой степени капиталист извлекает из рабочего бесплатный труд.

В тех замечаниях, которые мне остается сделать; я буду употреблять слово «*прибыль*» для обозначения всего количества прибавочной стоимости, извлекаемой капиталистом независимо от распределения этой прибавочной стоимости между различными сторонами; употребляя же выражение «*норма прибыли*», я всегда буду иметь в виду отношение прибыли к стоимости капитала, затраченного на заработную плату.

ХII. Общее соотношение между прибылью, заработной платой и ценами.

Если вычесть из стоимости товара стоимость, возмещающую стоимость сырья и других средств производства, затраченных на него, т. е. если вычесть стоимость, представляющую *прошлый* труд, содержащийся в товаре, то остающаяся часть его стоимости сводится

к количеству труда, присоединенного рабочим, работавшим *последнее* время. Если этот рабочий работает ежедневно 12 часов, если 12 часов среднего труда кристаллизуются в количестве золота, равном 6 шилл., то эта добавочная стоимость в 6 шилл. будет *единственной* стоимостью, созданной его трудом. Эта данная стоимость, определяемая продолжительностью его труда, есть единственный фонд, из которого как он, так и капиталист могут извлекать свои доли или дивиденды, единственной стоимостью, подлежащей делению на заработную плату и прибыль. Очевидно, что сама эта стоимость не изменится от изменчивых пропорций, в которых она может быть разделена между обеими сторонами. Ничего не изменится также, если вместо одного рабочего взять все рабочее население, 12 миллионов рабочих дней, например, вместо одного.

Поскольку капиталист и рабочий могут лишь делить эту ограниченную стоимость, т. е. стоимость, измеряемую всем трудом рабочего, постольку, чем больше получает один из них, тем меньше получает другой, и *vice versa* [наоборот]. Когда дана определенная величина, одна часть ее будет увеличиваться в отношении, обратном тому, как уменьшается другая ее часть. Таким образом, если изменяется заработная плата, прибыль изменится в противоположном направлении. Если заработная плата падает, поднимается прибыль; а если она повышается, прибыль падает. Если рабочий, как предположено выше, получает 3 шилл., равные половине созданной им стоимости, или если весь его рабочий день состоит наполовину из оплаченного, наполовину из неоплаченного труда, то *норма прибыли* будет 100%, потому что капиталист тоже получит 3 шиллинга. Если рабочий получает только 2 шилл. или работает лишь третью часть всего рабочего дня на себя, то капиталист получит 4 шилл., а норма прибыли будет 200%. Если рабочий получает 4 шилл., капиталист получит только 2 шилл., и норма прибыли упадет до 50%¹; но все эти изменения не затрагивают стоимости товара. Общее повышение заработной платы поведет поэтому к падению общей нормы прибыли, но не затронет стоимости.

Но хотя стоимости товаров, которые должны в конечном счете регулировать их рыночные цены, определяются исключительно общим количеством фиксированного в них труда, а не делением этого количества на оплаченный и неоплаченный труд, отсюда отнюдь не следует, что стоимости отдельных товаров или партий товаров, произведенных в течение, например, 12 часов, останутся неизмец-

¹ В рукописи: «33 $\frac{1}{3}$ %». *Ред.*

ными. *Число* или масса товаров, произведенных за данное рабочее время или данным количеством труда, зависит от *производительной силы* занятого труда, а не от его *протяженности* или продолжительности. При одной степени производительной силы труда прядильщика, например, рабочий день в 12 часов может произвести 12 фун. пряжи, при меньшей степени производительной силы труда — только 2 фунта. Значит, если 12-часовой средний труд реализуется в стоимости, равной 6 шилл., то в одном случае 12 фун. пряжи будут стоить 6 шилл., в другом же случае 2 фун. пряжи будут стоить также 6 шиллингов. Один фунт пряжи будет поэтому стоить 6 пенсов в одном случае и 3 шилл. — в другом. Эта разница в цене будет следствием различия в производительной силе занятого труда. При большей производительной силе труда в фунте пряжи будет реализован 1 час труда, тогда как при меньшей производительной силе труда — 6 часов труда. В первом случае цена фунта пряжи будет только 6 пенсов, хотя заработная плата была относительно высока, а норма прибыли низка, во втором случае цена фунта пряжи будет 3 шилл., хотя заработная плата низка, а норма прибыли высока. Так будет потому, что цена фунта пряжи регулируется общим количеством труда, вложенного в нее, а не тем соотношением, в котором это общее количество труда делится на труд оплаченный и неоплаченный. Упомянутый мною выше факт, что высоко оплачиваемый труд может производить дешевые товары, а низко оплачиваемый — дорогие, перестает, таким образом, казаться парадоксальным. Он есть лишь выражение того общего закона, что стоимость товара регулируется количеством вложенного в него труда, а последнее зависит исключительно от производительной, силы занятого труда, а потому изменяется при каждом изменении производительности труда.

ХIII. Главные случаи попыток повысить заработную плату или противодействовать ее падению.

Рассмотрим теперь кратко главные случаи, когда делаются попытки повысить заработную плату или бороться против ее понижения.

1. Мы видели, что *стоимость рабочей силы*, или, пользуясь более употребительным выражением, *стоимость труда*, определяется стоимостью средств существования или количеством труда, необходимого для их производства. Если в таком случае в данной стране стоимость средств существования рабочего в течение дня в сред-

нем представляет 6 часов труда, выражающихся в 3 шилл., то рабочий должен работать 6 часов в день, чтобы произвести эквивалент своего дневного содержания. При общей продолжительности рабочего дня в 12 часов капиталист, уплачивая рабочему 3 шилл., оплатит стоимость его труда. Половина рабочего дня будет неоплаченным трудом, и норма прибыли выразится в 100%. Предположим теперь, что вследствие уменьшения производительности труда требуется больше труда для того, чтобы произвести, например, то же самое количество сельскохозяйственных продуктов, так что цена средств существования рабочего в течение дня повысится в среднем с 3 до 4 шиллингов. В таком случае *стоимость* труда повысится на треть, или на $33\frac{1}{3}\%$. Нужны будут 8 часов из всего рабочего дня, чтобы произвести эквивалент ежедневных средств существования рабочего соответственно его прежнему жизненному уровню. Прибавочный труд поэтому снизится с 6 часов до 4, а норма прибыли со 100% до 50. Но, настаивая на повышении своей заработной платы, рабочий фактически будет лишь добиваться получения *возросшей стоимости своего труда*, как это и делает всякий продавец товара, который при возрастании стоимости своего товара старается обеспечить себе уплату этой возросшей стоимости. Если заработная плата не возросла или не возросла в достаточной мере для того, чтобы уравновесить возрастание стоимости средств существования, то *цена* труда упадет *ниже стоимости труда* и ухудшится жизненный уровень рабочего.

Но изменение может произойти и в противоположном направлении. В силу увеличения производительности труда цена того же самого количества в среднем необходимых ежедневно средств существования может понизиться с 3 до 2 шилл., или только 4 часа из всего рабочего дня вместо 6 будут теперь нужны для воспроизводства эквивалента, равного стоимости ежедневных средств существования. Рабочий будет теперь в состоянии купить за 2 шилл. столько же средств существования, сколько покупал раньше за 3 шилл. Действительно *стоимость труда* уменьшится, но эта уменьшившаяся стоимость позволит приобретать то же самое количество товаров, что и прежде. Прибыль повысится тогда с 3 до 4 шилл., а норма прибыли со 100% до 200. Хотя абсолютный жизненный уровень рабочего останется неизменным, его *относительная* заработная плата, а вместе с тем и его *относительное социальное положение* в сравнении с положением капиталиста ухудшится. Сопrotивляясь этому сокращению относительной заработной платы, рабочий будет лишь пытаться получить некоторую долю из возросшей произво-

дательной силы его собственного труда и удержать свое прежнее относительное положение на социальной лестнице. Так, например, после отмены хлебных законов и с вопиющим нарушением самых торжественных обязательств, дававшихся во время агитации против хлебных законов, английские фабричные лорды понизили заработную плату в общем на 10%. Сопротивление рабочих сперва потерпело неудачу, но в силу обстоятельств, на которых я сейчас не могу останавливаться, эта 10%-ная потеря была в дальнейшем вновь возмещена.

2. *Стоимость* средств существования, а следовательно и *стоимость труда* могут оставаться неизменными, но может измениться их *денежная цена* в результате предшествующего *изменения стоимости денег*.

Благодаря открытию более богатых рудников и т. п. производство 2 унций золота может, например, стоить не больше труда, чем раньше производство 1 унции. *Стоимость* золота уменьшится тогда наполовину, или на 50%. Так как *стоимости* всех остальных товаров будут тогда выражаться в двойной, сравнительно с прежней, *денежной цене*, то это будет иметь место и со *стоимостью труда*. 12 часов труда, которые раньше выражались в 6 шилл., теперь будут выражаться в 12 шилл. Если заработная плата рабочего останется равной 3 шилл., вместо того, чтобы повыситься до 6 шилл., то *денежная цена его труда* будет равняться лишь *половине стоимости его труда*, а его жизненный уровень ухудшится. Это произойдет также в большей или меньшей степени, если его заработная плата повысится, но непропорционально падению стоимости золота. В подобном случае ничего не изменилось бы ни в производительной силе труда, ни в предложении и спросе, ни в стоимостях. Ничего не изменилось бы, кроме денежных *названий* этих стоимостей. Говорить, что в подобном случае рабочий не должен настаивать на пропорциональном увеличении заработной платы, значит говорить, что он должен довольствоваться уплатой ему названиями вместо вещей. Вся предыдущая история доказывает, что, когда бы ни возникло такое обесценение денег, капиталисты всегда готовы воспользоваться благоприятной возможностью надуть рабочих. Весьма обширная школа политической экономии утверждает, что вследствие новых открытий золотоносных земель, улучшения работы серебряных рудников и удешевления ртути стоимость драгоценных металлов снова понизилась. Это объяснило бы всеобщие и одновременные попытки на континенте добиться повышения заработной платы.

3. До сих пор мы предполагали, что *рабочий день* имеет определенные границы. Но сам по себе рабочий день постоянных границ не имеет. Постоянная тенденция капитала состоит в стремлении растянуть его до крайней физически возможной продолжительности, потому что в той же степени увеличится и прибавочный труд, а следовательно и вытекающая отсюда прибыль. Чем больше удастся капиталу удлинить рабочий день, тем большее количество чужого труда он присваивает. В течение XVII и даже первых двух третей XVIII столетия 10-часовой рабочий день был нормальным рабочим днем во всей Англии. Во время антиякобинской войны, которая фактически была войною британских баронов против британских рабочих масс, капитал справлял свои оргии и удлинил рабочий день с 10 до 12, 14, 18 часов. Мальтус, человек, который во всяком случае не может быть заподозрен в слезливой сентиментальности, заявил в опубликованном в 1815 г. памфлете, что если подобное положение вещей будет продолжаться, то будут подорваны самые источники существования нации. За несколько лет до повсеместного введения вновь изобретенных машин, около 1765 г., появился в Англии памфлет под заглавием «An Essay on Trade» [*Опыт о промышленности*]. Анонимный автор, отъявленный враг рабочего класса, разглагольствует о необходимости расширения границ рабочего дня. Среди других мер, ведущих к этой цели, он предлагает учреждение *рабочих домов*, которые, по его словам, должны быть «*домами ужаса*». А какова продолжительность рабочего дня, устанавливаемая им в этих «*домах ужаса*»? *12 часов*, т. е. та самая продолжительность рабочего дня, какую в 1832 г. капиталисты, экономисты и министры объявили не только фактически существующей, но и необходимой для детей моложе 12 лет.

Продавая свою рабочую силу, — а он вынужден делать это при современной системе, — рабочий предоставляет капиталисту потребление этой силы, но в известных разумных пределах. Он продает свою рабочую силу для того, чтобы поддержать ее — здесь не имеется в виду ее естественное изнашивание, — но не для того, чтобы разрушить ее. При продаже рабочей силы рабочего соответственно ее дневной или недельной стоимости предполагается, что за день или за неделю она не будет израсходована или изношена в соответствии с работой в течение двух дней или двух недель. Возьмем машину стоимостью в 1 000 фунтов стерлингов. Если она снашивается в 10 лет, она будет прибавлять к стоимости товаров, в производстве которых она участвует, 100 ф. ст. в год; при снашивании в 5 лет она прибавит 200 ф. ст. ежегодно. Стои-

мость ее годовичного снашивания обратно пропорциональна скорости снашивания. Но именно этим рабочий отличается от машины. Машины не снашиваются в точном соответствии с их употреблением. Напротив того, человек разрушается в гораздо большей степени, чем это следовало бы из чисто арифметического увеличения его труда.

Рабочие лишь выполняют свой долг по отношению к самим себе и к своему роду, когда пытаются свести рабочий день к его прежним разумным размерам или, при невозможности добиться установления законом нормального рабочего дня, пытаются предотвратить чрезмерный труд повышением заработной платы, повышением не только пропорциональным присоединенному добавочному времени, но и превышающим эту пропорцию. Они лишь ставят границы тиранической узурпации капитала. Время есть пространство человеческого развития. Человек, не располагающий ни минутой свободного времени, вся жизнь которого, не считая вызванных чисто физическими потребностями перерывов для сна, еды и пр., поглощается работой на капиталиста, — такой человек ниже вьючного животного. Он является простой машиной для создания богатств для других, физически вырождается и умственно тупеет. А между тем вся история современной промышленности свидетельствует о том, что капитал, если его не обуздать, будет беспощадно и ненасытно низводить весь рабочий класс на эту степень крайнего вырождения.

Удлиняя рабочий день, капиталист может платить более *высокую заработную плату* и тем не менее понижать *стоимость труда*, если повышение заработной платы не находится в соответствии с увеличением количества извлекаемого труда и более быстрым изнашиванием рабочей силы, вызванным таким образом. То же самое может быть осуществлено и другим путем. Ваши буржуазные статистики скажут вам, например, что средняя заработная плата рабочей семьи в Ланкашире повысилась. Они забывают, что вместо труда мужчины, главы семьи, ныне бросаются под колеса джагернаутовой колесницы капитала его жена и часто трое или четверо его детей и что повышение совокупной заработной платы не соответствует общему количеству добавочного труда, извлекаемого из семьи рабочего.

Даже при данных границах рабочего дня, таких, какие ныне существуют во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричным законам, может стать необходимым повышение заработной платы для одного лишь сохранения прежнего уровня *стоимости труда*. При помощи увеличения *интенсивности* труда можно заставить

человека затрачивать в 1 час столько же жизненной силы, сколько он прежде затрачивал в 2 часа. Это до известной степени было произведено в отраслях промышленности, подчиненных действию фабричных законов, посредством ускорения хода машин и увеличения количества работающих машин, за которыми должен теперь наблюдать 1 рабочий. Если увеличение интенсивности труда или массы труда, затрачиваемого в течение 1 часа, более или менее пропорционально сокращению продолжительности рабочего дня, рабочий все же выиграет. Если эта граница нарушена, он теряет в одной форме то, что выигрывает в другой, и 10 часов труда могут в таком случае оказаться столь же губительными для него, как прежде 12 часов. Обуздывая эту тенденцию капитала борьбою за повышение заработной платы соответственно возрастанию интенсивности труда, рабочий лишь сопротивляется обесценению своего труда и упадку своей расы.

4. Все вы знаете, что по причинам, на объяснении которых мне нет необходимости сейчас останавливаться, капиталистическое производство движется в определенных периодических циклах. Оно проходит через состояние покоя, растущего оживления, расцвета, перепроизводства, кризиса и зстоя. Рыночные цены товаров и рыночные нормы прибыли следуют за этими фазами, то опускаясь ниже своего среднего уровня, то поднимаясь выше его. Рассматривая весь цикл в целом, вы увидите, что одно отклонение рыночной цены уравнивается другим и что в среднем в пределах одного цикла рыночные цены товаров регулируются их стоимостями. Так вот! В фазы понижения рыночных цен и в фазы кризиса и депрессии рабочий, если он совершенно не лишился работы, неизбежно будет иметь понижение своей заработной платы. Чтобы не дать надуть себя, он должен даже при таком падении рыночных цен бороться с капиталистом из-за того, в какой именно степени сделалось необходимым понижение заработной платы. Если бы в фазы расцвета, когда получают добавочные прибыли, он не боролся за повышение заработной платы, то, беря среднюю за весь промышленный цикл, он не получил бы даже своей *средней заработной платы*, или *стоимости* своего труда. В высшей степени нелепо требовать, чтобы рабочий, заработная плата которого в неблагоприятные фазы цикла неизбежно понижается, отказался от возмещения этой потери в благоприятные фазы цикла. Вообще *стоимости* всех товаров реализуются лишь путем выравнивания рыночных цен, непрерывно изменяющихся вследствие постоянных колебаний спроса и предложения. На основе современной системы труд — только товар, подобный другим товарам. Он должен поэтому испытать те же самые ко-

лебания, чтобы получить среднюю цену, соответствующую его стоимости. Было бы абсурдно, с одной стороны, признавать его товаром, а с другой — хотеть изъять его из-под действия законов, регулирующих цены товаров. Раб получает постоянное и твердо установленное количество средств существования, наемный рабочий — нет. Он должен добиваться повышения заработной платы в одном случае, чтобы хотя бы уравновесить ее сокращение в другом. Если рабочий согласится подчиняться воле, велениям капиталиста как высшему экономическому закону, он станет подвергаться всем лишениям раба, не пользуясь обеспеченностью последнего.

5. Во всех случаях, мною рассмотренных, — а они составляют девяносто из ста, — вы видели, что борьба за повышение заработной платы идет лишь следом за *предшествующими* изменениями — и является необходимым результатом этих предшествующих изменений — в размерах производства, в производительной силе труда, в стоимости труда, стоимости денег, в продолжительности или интенсивности извлекаемого из рабочего труда, колебаниях рыночных цен, зависящих от колебаний спроса и предложения и соответствующих различным фазам промышленного цикла; эта борьба, одним словом, является реакцией труда на предшествующие ей действия капитала. Рассматривая борьбу за повышение заработной платы независимо от всех этих обстоятельств, принимая во внимание только изменения заработной платы и упуская из виду все другие изменения, из которых они проистекают, вы исходите из ложной предпосылки, чтобы прийти к ложным выводам.

XIV. Борьба между капиталом и трудом и ее результаты.

1. После того как я показал, что периодическое противодействие сокращению заработной платы со стороны рабочих и их периодические попытки добиться повышения последней неразрывно связаны с системой наемного труда и вызываются самым фактом уподобления труда другим товарам и вытекающего отсюда подчинения его законам, регулирующим общее движение цен; после того как я показал далее, что общее повышение заработной платы приведет к понижению общей нормы прибыли, но не затронет средних цен товаров или их стоимостей, — теперь перед нами возникает, наконец, вопрос, насколько в этой непрерывной борьбе между капиталом и трудом последний может добиться успеха.

Я мог бы дать ответ в общей форме и сказать, что *рыночная цена* труда, как и всех других товаров, если взять продолжительный пе-

риод времени, будет приспособляться к его *стоимости*, что поэтому, несмотря на все колебания вверх и вниз, как бы рабочий ни старался, он будет в среднем получать лишь стоимость своего труда, которая сводится к стоимости его рабочей силы, которая определяется стоимостью средств существования, необходимых для ее поддержания и воспроизведения, причем, наконец, стоимость этих средств существования регулируется количеством труда, необходимого для их производства.

Но некоторые особенные черты отличают *стоимость рабочей силы*, или *стоимость труда*, от стоимости всех других товаров. Стоимость рабочей силы образуется двумя элементами: один из них чисто физический, другой — исторический или общественный. Ее *нижняя граница* определяется элементом *физическим* — это значит, что рабочий класс для своего сохранения и воспроизведения, для увековечивания своего физического существования, должен получать средства существования, абсолютно необходимые для его жизни и размножения. Поэтому *стоимость* этих необходимых средств существования образует низший предел *стоимости труда*. С другой стороны, продолжительность рабочего дня тоже имеет свои крайние, хотя и очень растяжимые, пределы. Ее наивысший предел дан физической силой рабочего. Если ежедневное истощение жизненных сил рабочего превышает известный предел, они не могут снова действовать изо дня в день. Однако, как сказано, пределы эти весьма растяжимы. Быстрая смена слабых и недолговечных поколений будет столь же хорошо обеспечивать рынок труда, как и ряд сильных и долговечных поколений.

Помимо этого чисто физического элемента стоимость труда определяется в каждой стране *привычным уровнем жизни*. Этот уровень включает не только потребности чисто физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порождаемых социальными условиями, в которых люди находятся и воспитываются. Уровень жизни англичанина может быть сведен к жизненному уровню *ирландца*, жизненный уровень германского крестьянина — к уровню крестьянина *лифляндского*. О той значительной роли, какую в этом отношении играют исторические традиции и социальные привычки, вы можете узнать из сочинения Торнтонна [*Перенаселение*], где он показывает, что средняя заработная плата в различных сельскохозяйственных округах Англии еще и до сих пор более или менее различна в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, при которых эти округа вышли из крепостного состояния.

Этот исторический или общественный элемент, входящий в стоимость труда, может быть расширен или сокращен или совсем уничтожен, так что не останется ничего, кроме *физического предела*. Во время *антиякобинской войны*, предпринятой, как любил говорить неисправимый пожиратель налогов и любитель синекур старый Джордж Роз, для спасения благ нашей святой религии от нашествия французских неверных, честные английские фермеры, с которыми мы так мягко обошлись на одном из наших прежних заседаний, понизили заработную плату сельскохозяйственных рабочих даже ниже этого *чисто физического минимума*, пополняя посредством налогов в пользу бедных недостающее для физического увековечивания расы. То был великолепный способ превратить наемного рабочего в раба, а шекспировского гордого йомена в паупера.

Сравнивая обычную заработную плату, или стоимость труда, в различных странах, а также в различные исторические эпохи в одной и той же стране, вы найдете, что сама *стоимость труда* есть не постоянная, а изменяющаяся величина даже и при допущении, что стоимость всех остальных товаров остается неизменной.

Подобное же сравнение докажет, что изменяются не только *рыночные нормы прибыли*, но и ее *средние нормы*.

Однако, что касается *прибылей*, то не существует закона, определяющего их *минимум*. Мы не можем сказать, каков крайний предел их уменьшения. А почему мы не можем установить этот предел? Потому, что, хотя мы и можем установить *минимум* заработной платы, мы не в состоянии установить ее *максимум*. Мы можем лишь сказать, что при данных пределах рабочего дня *максимум прибыли* соответствует *физическому минимуму заработной платы* и что при данной заработной плате *максимум прибыли* соответствует максимальному удлинению рабочего дня, совместимому с физическими силами рабочего. Максимум прибыли ограничен поэтому физическим минимумом заработной платы и физическим максимумом рабочего дня. Очевидно, что между этими двумя границами *максимальной нормы прибыли* возможна громадная лестница изменений. Фактическая высота этой прибыли устанавливается лишь в непрерывной борьбе между капиталом и трудом, причем капиталист постоянно стремится свести заработную плату к ее *физическому минимуму* и удлинить рабочий день до его *физического максимума*, тогда как рабочий постоянно оказывает давление в противоположном направлении.

Дело сводится к вопросу о соотношении сил борющихся сторон.

2. Что касается *ограничения рабочего дня* в Англии, равно

как и во всех других странах, то оно никогда не было бы установлено без *законодательного вмешательства*. Без постоянного давления рабочих извне это вмешательство никогда не имело бы места. Но во всяком случае результат этот не мог бы быть достигнут посредством частного соглашения между рабочими и капиталистами. Самая эта необходимость *общего политического действия* является доказательством того, что в своих чисто экономических действиях капитал был более сильной стороной.

Что касается *границ стоимости труда*, то их фактическое установление всегда зависит от предложения и спроса, — я разумею спрос на труд со стороны капитала и предложение труда со стороны рабочих. В колониальных странах закон предложения и спроса благоприятствует рабочему. Отсюда сравнительно высокий уровень заработной платы в Соединенных Штатах. Капитал может здесь напрягать все свои усилия, но он не может воспрепятствовать тому, что рынок труда постоянно пустеет вследствие постоянного превращения наемных рабочих в независимых, ведущих самостоятельное хозяйство крестьян. Функция наемного рабочего для весьма значительной части американского народа является лишь переходным состоянием, которое, как они могут уверенно рассчитывать, они покинут в течение более или менее короткого срока. Для того, чтобы исправить это положение вещей в колониях, отеческое британское правительство усвоило недавно так называемую современную колониационную теорию, которая состоит в установлении искусственной высокой цены на колониальные земли, чтобы помешать слишком быстрому превращению наемного рабочего в независимого крестьянина.

Но обратимся теперь к старым цивилизованным странам, в которых капитал господствует над всем процессом производства. Возьмем, например, рост заработной платы в сельском хозяйстве Англии в период с 1849 по 1859 г. Каковы были его последствия? Фермеры не могли, как это посоветовал бы им сделать наш друг Уэстон, повысить стоимость пшеницы или даже ее рыночных цен. Напротив, им приходилось терпеть падение последних. Но в течение этих 11 лет они ввели всякого рода машины, усвоили более научные методы, превратили часть пахотной земли в пастбища, увеличили размеры ферм, а вместе с тем и размеры производства; подобными и другими приемами, уменьшающими спрос на труд путем увеличения его производительной силы, они достигли того, что сельское население стало снова относительно избыточным. Таков общий метод, каким в старых, заселенных странах проявляется,

быстрее или медленнее, реакция капитала против повышения заработной платы. Рикардо справедливо заметил, что машины постоянно конкурируют с трудом и часто могут быть вводимы только тогда, когда цена труда достигнет известной высоты, но применение машин является лишь одним из многих методов увеличения производительной силы труда. То самое развитие, которое делает относительно избыточным простой труд, упрощает, с другой стороны, труд квалифицированный и таким образом понижает его стоимость.

Этот же закон проявляется и в другой форме. С развитием производительной силы труда ускоряется накопление капитала, даже несмотря на относительно высокий уровень заработной платы. Отсюда можно было бы заключить, как это и полагал *Адам Смит*, в эпоху которого современная промышленность находилась еще в своем детском возрасте, что это ускоренное накопление капитала должно склонить весы в пользу рабочего, обеспечивая возрастающий спрос на его труд. С этой же точки зрения многие современные писатели удивлялись, что, вопреки возрастанию английского капитала за последние 20 лет много быстрее населения Англии, заработная плата не повысилась еще более. Но одновременно с прогрессом накопления капитала происходит *прогрессирующее изменение в составе капитала*. Та часть всего капитала, которая состоит из основного капитала¹, машин, сырья, средств производства во всевозможных формах, прогрессивно возрастает в сравнении с другой частью капитала, расходуемой на заработную плату или на покупку труда. Закон этот установили с большей или меньшей точностью *Бартон*, *Рикардо*, *Сисмонди*, профессор *Ричард Джонс*, профессор *Рамсей*, *Шербюлье* и др.

Если отношение этих двух элементов капитала друг к другу было первоначально один к одному, то с развитием промышленности оно станет пять к одному и т. д. Если из общей суммы капитала в 600 на инструменты, сырье и т. п. затрачено 300 и на заработную плату 300, то достаточно лишь удвоить общую сумму капитала, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо первоначальных 300. Но если из капитала в 600 на машины, материалы и т. п. затрачено 500 и только 100 на заработную плату, этот же капитал должен возрасти с 600 до 3 600 для того, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо 300. С развитием промышленности спрос на труд отстает, таким образом, от накопления капитала. Он хотя и возрастает, но

¹ В оригинале «Fixed capital» — «основного капитала»; как видно из текста, речь идет по существу о постоянном капитале. *Ред.*

возрастает в постоянно уменьшающейся степени сравнительно с возрастанием капитала.

Этих немногих указаний достаточно, чтобы показать, что самое развитие современной промышленности должно все сильнее склонять чашу весов в пользу капиталиста против рабочего и что, следовательно, общая тенденция капиталистического производства состоит не в повышении, а в понижении среднего уровня заработной платы или в сведении *стоимости труда* более или менее к ее *минимальному пределу*. Но если такова в этой общественной системе тенденция в *положении дел*, то означает ли это, что рабочий класс должен отказаться от сопротивления против посягательств капитала и прекратить свои усилия использовать случайные благоприятные возможности для временного улучшения своего положения? Если бы рабочие так поступали, они превратились бы в безразличную массу измученных, обреченных на гибель бедняков. Мне кажется, я показал, что битвы рабочих за повышение уровня заработной платы неразрывно связаны со всей системой наемного труда, что в 99 случаях из 100 их усилия добиться повышения заработной платы являются лишь усилиями сохранить существующую стоимость труда и что необходимость бороться с капиталистом за свою цену вытекает из их положения, состоящего в том, что они должны продавать себя как товар. Если бы рабочие трусливо сдавались в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение.

В то же время, даже если оставить в стороне обусловленное системой наемного труда общее порабощение, рабочий класс не должен преувеличивать конечное действие этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что борется с последствиями, но не с причинами этих последствий, что своей борьбой он замедляет понижательное движение, но не изменяет его направления; что он применяет паллиативы, не излечивающие болезни. Поэтому рабочим не следует ограничиваться исключительно этими неизбежными партизанскими схватками, непрерывно возникающими ввиду никогда не прекращающихся посягательств капитала или изменений в положении рынка. Они должны понять, что при всех лишениях, на которые современная система обрекает их, она в то же время создает *материальные условия и общественные формы*, необходимые для экономического переустройства общества. Вместо *консервативного девиза: «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день»* они должны на своем знамени написать *революционный лозунг: «Уничтожение системы наемного труда»*.

После этого очень длинного и, боюсь, утомительного изложения, к которому я был вынужден в интересах освещения основного вопроса, я закончу предложением следующей резолюции:

Во-первых, общее повышение уровня заработной платы привело бы к понижению общей нормы прибыли, но, говоря вообще, не повлияло бы на цены товаров.

Во-вторых, общая тенденция капиталистического производства — не повышать, а понижать средний уровень заработной платы.

В-третьих, профессиональные союзы в качестве центров сопротивления против посягательств капитала действуют благотворно. В части случаев они терпят неудачу благодаря неправильному применению своей силы. Обычно они терпят неудачу потому, что ограничиваются партизанской войной против последствий существующей системы, вместо того, чтобы одновременно пытаться изменить ее, вместо того, чтобы использовать свои организованные силы как рычаг для полного освобождения рабочего класса, т. е. окончательного уничтожения системы наемного труда.

Фридрих Энгельс.
КАКОЕ ДЕЛО РАБОЧЕМУ КЛАССУ
ДО ПОЛЬШИ?

*Напечатано в «Commonwealth»
от 24 марта, 31 марта и 5 мая 1866 г.*

I.

Редактору газеты «Commonwealth».

Милостивый государи!

Всюду, где только рабочий класс принимал самостоятельно участие в политических движениях, с самого начала его внешняя политика выражалась в немногих словах — *восстановление Польши*. Так обстояло дело во время всего чартистского движения; такова была политика французских рабочих задолго до 1848 г., как и в памятный 1848 г., когда 15 мая они двинулись к Национальному собранию с возгласом: «Vive la Pologne!» — Да здравствует Польша! Так было и в Германии, где в 1848 и 1849 гг. органы печати рабочего класса требовали войны с Россией для восстановления Польши. Так обстоит дело и теперь, с одним лишь исключением, о чем подробнее ниже. Рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, выражающее самую суть их внешней политики. Буржуазия, правда, тоже «сочувствовала» и теперь еще «сочувствует» полякам, но это сочувствие не помешало ей оставить поляков в беде в 1831, в 1846, в 1863 гг. и даже не помешало ей, пока она сама на словах стояла за Польшу, развязать руки злейшим врагам последней, врагам вроде лорда Пальмерстона, который действовал как настоящий пособник России. Но отношение рабочего класса иное. Он хочет вмешательства, а не невмешательства; он хочет войны с Россией, потому что Россия вторгается в дела Польши; и он это доказывал каждый раз, когда поляки восставали против своих угнетателей. Совсем недавно Международное товарищество рабочих еще полнее выразило общие чувства рабочего класса, представителем которого оно себя считает, начертав на своем знамени: «Отпор русским вторжениям в Европу — восстановление Польши!»

Эта программа внешней политики рабочих Западной и Центральной Европы нашла единодушное признание со стороны того класса, которому она была предложена, за одним лишь исклю-

чением, как это было уже указано выше. Среди французских рабочих имеется незначительное меньшинство последователей школы покойного П.-Ж. Прудона. Эта школа совершенно расходится с большинством передовых и сознательных рабочих; она их объявляет невежественными глупцами и в большинстве вопросов придерживается совершенно противоположных им мнений. Это относится также и к их внешней политике. Прудонисты, осуждая угнетенную Польшу, выносят приговор подобно сталибриджским присяжным: «и поделом». Они восхищаются Россией как великой страной будущего, как самой передовой нацией во всем мире, наряду с которой не стоит даже упоминать такую ничтожную страну, как Соединенные Штаты. Они обвинили Совет Международного товарищества в том, что он провозгласил бонапартистский принцип национальностей и объявил великодушный русский народ вне пределов цивилизованной Европы, — в таком тяжком грехе против принципов всемирной демократии и братства всех народов. Таковы их обвинения. Если отбросить в сторону их демократическую фразеологию, то они дословно и буквально, как это можно сразу заметить, повторяют то, что крайние тори всех стран могут сказать о Польше и России. Подобные обвинения не заслуживают опровержения, но поскольку они исходят от одной частицы рабочего класса, то, как бы ни была мала эта частица, все же желательно снова рассмотреть русско-польский вопрос и обосновать то, что мы впредь можем называть внешней политикой объединенных рабочих Европы.

Но почему мы постоянно в связи с Польшей упоминаем одну только Россию? Разве две немецкие державы, Австрия и Пруссия, не принимали участия в грабеже? Разве часть Польши не порабощена ими и разве вместе с Россией они не стараются подавить всякое польское национальное движение?

Хорошо известно, как упорно боролась Австрия за то, чтобы быть в стороне от польских дел; как долго она сопротивлялась планам раздела, исходившим от России и Пруссии. Польша была естественным союзником Австрии против России. Как только Россия стала грозной силой, интересам Австрии как нельзя более отвечало сохранить Польшу в неприкосновенности между нею и новой крепнущей империей. Только тогда, когда Австрия увидела, что участь Польши решена, что с нею или без нее две другие державы решили уничтожить Польшу, только тогда она из чувства самозащиты согласилась взять часть территории. Но как раньше, так и в 1815 г. она стояла за восстановление независимой Польши; в 1831 и в

1863 г. она была готова воевать за это и отказаться от своей части Польши при условии, что Англия и Франция согласятся присоединиться к ней. То же было во время Крымской войны. Мы это говорим не для оправдания общей политики австрийского правительства. Австрия достаточно часто показывала, что угнетение более слабых наций — привычное дело для ее правителей. Но в вопросе о Польше инстинкт самосохранения оказался сильнее жажды новых территорий или привычки правительства. Вот почему в настоящее время дело вовсе не в Австрии.

Что касается Пруссии, то принадлежащая ей часть Польши слишком ничтожна, чтобы иметь большой вес. Ее друг и союзник Россия постаралась освободить ее на девять десятых от того, что она получила во время трех разделов. Но и то небольшое, что досталось ей, душит ее, как кошмар. Это приковало ее к триумфальной колеснице России, это дало возможность ее правительству даже в 1863 и в 1864 г. беспрепятственно нарушать законы в Прусской Польше, посягать на свободу личности, право собраний, свободу печати и вскоре после этого прибегать к таким же нарушениям в остальной стране; это извратило все либеральное движение буржуазии, которая из боязни рисковать потерей территории в несколько квадратных миль на восточной границе позволила правительству поставить поляков вне закона. Рабочие не только Пруссии, но и всей Германии, больше, чем рабочие какой-либо другой страны, заинтересованы в восстановлении Польши, и во всех революционных движениях они показывали, что они это сознают. Восстановление Польши означает для них освобождение их собственной страны от вассальной зависимости России. Поэтому, мы полагаем, что дело также не в Пруссии. Когда рабочий класс России (если в этой стране есть таковой в том смысле, как это понимают в Западной Европе) создаст политическую программу и эта программа будет содержать освобождение Польши, — тогда, и только тогда, дело также будет не в России, как нации, и обвиняемым останется одно только царское правительство.

II.

Говорят, что требовать независимости Польши значит признать «принцип национальностей» и что принцип национальностей — бонапартистское изобретение, состряпанное для поддержки наполеоновского деспотизма во Франции. Что же такое этот «принцип национальностей»?

Согласно договорам 1815 г. границы различных европейских государств были установлены по чисто дипломатическим соображениям и в особенности соответственно интересам самой сильной тогда континентальной державы — России. Не принимались во внимание ни желания, ни интересы, ни национальные различия населения. Поэтому была разделена Польша, была разделена Германия, была разделена Италия, не говоря уже о множестве мелких национальностей, населяющих юго-восточную Европу, о которых в то время мало кому было что-либо известно. Вследствие этого для Польши, Германии и Италии началом всякого политического движения стало стремление к восстановлению национального единства, без которого национальная жизнь была лишь призраком. И когда после подавления революционных попыток в Италии и Испании в 1821—1823 гг. и снова после июльской революции 1830 г. во Франции крайние политические деятели большей части цивилизованной Европы установили связь друг с другом и попытались выработать нечто вроде общей программы, их общим лозунгом стало освобождение и объединение угнетенных и разделенных наций. Так было и в 1848 г., когда количество угнетенных наций увеличилось еще одной, а именно — Венгрией. Не могло, конечно, быть двух мнений о праве каждого из больших национальных образований Европы распоряжаться своей судьбой во всех внутренних делах, независимо от своих соседей, поскольку это не нарушало свободы других. Это право в действительности было одним из основных условий внутренней свободы для всех. Как могла, например, Германия добиваться единства и свободы, если она в то же время помогала Австрии непосредственно или через своих вассалов

держат в порабощении Италию? Вот почему полный распад австрийской монархии является **первейшим** условием для объединения Германии.

Это право больших национальных образований Европы на политическую независимость, признанное европейской демократией, не могло, конечно, не получить такого же признания в особенности со стороны рабочего класса. Это было на деле не что иное, как признание за другими большими, несомненно жизнеспособными нациями тех же прав на самостоятельное национальное существование, каких рабочие в каждой отдельной стране требовали для самих себя. Но это признание и сочувствие национальным стремлениям относилось только к большим и четко определенным историческим нациям Европы; это были Италия, Польша, Германия и Венгрия. Франция, Испания, Англия, Скандинавия, которые не были разделены и не находились под внешним контролем, были лишь косвенно заинтересованы в этом деле; что же касается России, то ее можно упомянуть лишь как владелицу громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать назад в день расплаты.

После государственного переворота 1851 г. Луи-Наполеон, император «божьей милостью и волей нации», вынужден был изобрести демократическое и популярное название для своей иностранной политики. Самое лучшее, что он мог сделать, — это написать на своем знамени «принцип национальностей». Каждая национальность должна быть вершителем собственной судьбы; каждой отдельной части какой-либо национальности должно быть разрешено присоединиться к своему великому отечеству, — что же могло быть более либерально? Но, заметьте, — теперь уже речь шла не о *нациях*, а о *национальностях*.

Нет страны в Европе, где под управлением одного правительства не было бы различных национальностей. Горные кельты и валлийцы по своей национальности, несомненно, отличаются от англичан, однако никто не назовет эти остатки давно исчезнувших народов, так же как и кельтских обитателей Бретани во Франции, нациями. Кроме того, ни одна государственная граница не совпадает с естественными границами национальности, т. е. с границами языка. Есть множество людей вне Франции, родной язык которых — французский, так же как вне Германии есть множество людей, говорящих по-немецки, и, по всей вероятности, так будет всегда. Таков естественный результат сложного и медленного исторического развития, через которое Европа прошла в течение

последнего тысячелетия, когда почти от каждой большой нации отделились некоторые части ее организма и, оторвавшись от ее национальной жизни, принимали в большинстве случаев до такой степени близкое участие в национальной жизни какого-нибудь другого народа, что не хотели снова соединиться со своим основным стволом. Немцы в Швейцарии и Эльзасе не хотят присоединения к Германии, точно так же, как и французы в Бельгии и Швейцарии не хотят политического присоединения к Франции. И, в конце концов, не малая выгода есть в том, что различные нации, сформировавшиеся политически, в большинстве случаев имеют в своем составе кое-какие инородные элементы, которые создают связующее звено с их соседями и вносят разнообразие в слишком монотонную однородность национального характера.

Таким образом, мы видим, что есть различие между «принципом национальностей» и учением старой демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное независимое существование. «Принцип национальностей» совершенно не затрагивает великого вопроса о праве на национальное существование исторических народов Европы, а если и затрагивает, то только для того, чтобы запутать его. Принцип национальностей ставит вопросы двойного рода: во-первых, вопрос о границах между этими великими историческими народами и, во-вторых, вопрос о праве на независимое, разумное существование многочисленных мелких остатков народов, появлявшихся в течение известного периода времени на арене истории и, в конце концов, целиком поглощенных теми или иными более мощными нациями, бóльшая жизнеспособность которых помогла им одолеть бóльшие препятствия. Жизнеспособность народа, его европейское значение, — это ничто с точки зрения принципа национальностей; румыны из Валахии, которые никогда не имели ни истории, ни энергии для того, чтобы ее создать, имеют для него такое же значение, как итальянцы с их двухтысячелетней историей и устойчивой национальной жизнеспособностью; валлийцы и жители острова Мэн, если бы они захотели этого, могли бы иметь такое же право на самостоятельное политическое существование, как и англичане, — как бы абсурдно это ни казалось. Весь этот полнейший абсурд облечен в популярную форму для того, чтобы пустить пыль в глаза глупым людям и чтобы воспользоваться «принципом национальностей» в качестве удобной фразы, которую можно отбросить, когда этого потребуют обстоятельства.

Как бы глупо ни было это изобретение, но, чтобы додуматься до него, нужна была более умная голова, чем голова Луи-Наполеона.

Принцип национальностей является отнюдь не бонапартистским изобретением для возрождения Польши, а *только русским изобретением, выдуманном для уничтожения Польши*. Как мы увидим дальше, Россия поглотила большую часть старой Польши под предлогом соблюдения принципа национальностей. Эта идея существует уже больше ста лет, и теперь Россия все время пользуется ею. Что такое панславизм, как не применение Россией в своих же интересах принципа национальностей к сербам, хорватам, русинам, словакам, чехам и другим остаткам исчезнувших славянских народов в Турции, Венгрии и Германии? Даже в настоящий момент русское правительство имеет агентов, разъезжающих среди лапландцев северной Норвегии и Швеции для агитации среди этих кочующих дикарей в пользу идеи «великой финской национальности», которая должна быть восстановлена на крайнем севере Европы, конечно, под протекторатом России. «Вопль отчаяния» угнетенных лапландцев раздается очень громко в русской печати, но он исходит не от самих угнетенных кочевников, а от русских агентов, — и, в самом деле, ведь это страшное угнетение заставляло этих бедных лапландцев учиться культурному норвежскому или шведскому языку вместо того, чтобы ограничиваться своим варварским, полуэскимосским наречием! Принцип национальностей мог быть действительно изобретен только в Восточной Европе, где приливы азиатских нашествий в течение тысячелетия набегали один за другим, оставляя на берегу эти груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь едва может различить этнолог, где в беспорядочном нагромождении живут турки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен. Это была почва для выработки принципа национальностей, а как Россия его вырабатывала, мы увидим сейчас на примере Польши.

III.

Доктрина национальности в применении к Польше.

Польша, подобно почти всем другим европейским странам, населена людьми различных национальностей. Массу населения, основное ее ядро, несомненно образуют собственно поляки, говорящие на польском языке. Но уже с 1390 г. собственно Польша была объединена с Великим княжеством литовским, которое составляло, до последнего раздела 1794 г., нераздельную часть польской республики. Это Великое княжество литовское было населено большим количеством различных рас. Северные провинции Прибалтики были во владении самих *литовцев*, народа, говорящего на языке, отличном от языков его славянских соседей; эти литовцы в значительной части были покорены германскими переселенцами, которые, в свою очередь, с трудом оборонялись от литовских великих князей. Дальше, на юге и на востоке нынешнего польского королевства, находились *белоруссы*, говорящие на языке, среднем между польским и русским, но более близком к последнему; и, наконец, южные области были населены так называемыми *малороссами*, язык которых большинством авторитетов считается совершенно отличным от великорусского языка (который мы обычно называем русским). Поэтому, когда люди говорят, что требовать восстановления Польши значит взывать к принципу национальностей, то они этим только доказывают, что не знают, о чем говорят, потому что восстановление Польши означает восстановление государства, состоящего, по крайней мере, из четырех различных национальностей.

Где была Россия, когда, путем объединения с Литвой, образовалось старое польское государство? Она находилась тогда под пятой монгольского завоевателя, которого поляки и германцы за 150 лет до того совместными усилиями прогнали назад к востоку, за Днепр. Лишь после долгой борьбы великий князь московский сбросил, наконец, монгольское иго и приступил к объединению множества разных княжеств Великороссии в единое государство. Но этот успех, казалось, только увеличил его честолюбие. Как

только Константинополь попал в руки турок, великий князь московский внес в свой герб двуглавого орла византийских императоров и таким путем объявил себя их преемником и мстителем в будущем. С тех пор, как известно, русские стремились завоевать Царьград, царский город, как они называют Константинополь на своем языке. Богатые равнины Малороссии возбудили у них жажду аннексии; но поляки были всегда храбрым, а в то время и сильным народом, который не только умел отстаивать свою собственную страну, но умел в свою очередь и нападать на другие страны; в начале XVII столетия они даже занимали Москву в течение нескольких лет.

Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломали, наконец, силу Польши. Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель. Аристократы несомненно *погубили* Польшу и погубили ее окончательно. Погубив ее, они стали обвинять в этом друг друга и продали себя и свою страну иностранцам. История Польши с 1700 по 1772 г. — не что иное, как история русской узурпации власти в Польше, узурпации, ставшей возможной вследствие продажности дворянства. Русские солдаты почти непрерывно занимали страну, и польские короли, хотя они и не хотели быть предателями, все больше и больше становились игрушкой в руках русского посла. Игра велась так успешно и продолжалась так долго, что, когда Польша была, наконец, уничтожена, — во всей Европе не раздалось никакого протеста, и все удивлялись только тому, что Россия великодушно уступила такую большую часть территории Австрии и Пруссии.

Особенно интересно, как был произведен этот раздел. В то время в Европе уже существовало просвещенное «общественное мнение». Хотя «Times» и не приступил еще тогда к фабрикации этого продукта, однако существовал тот вид общественного мнения, который был создан огромным влиянием Дидро, Вольтера, Руссо и других французских писателей XVIII столетия. Россия всегда знала, как важно иметь по возможности на своей стороне общественное мнение, и она не преминула тоже заполучить его. Двор Екатерины II был превращен в штаб-квартиру просвещенных людей того времени, особенно французов; императрица и ее двор исповедывали самые просвещенные принципы, и ей настолько уда-

лось ввести в заблуждение Вольтера и других, что они воспевали «Северную Семирамиду» и провозгласили Россию самой прогрессивной страной в мире, отечеством либеральных принципов, поборником религиозной терпимости.

Религиозная терпимость — это было то слово, которого недоставало, чтобы сломить Польшу. Польша всегда была чрезвычайно либеральна в религиозных вопросах; доказательством этого служит тот факт, что евреи нашли здесь убежище в то время, когда их преследовали во всех остальных частях Европы. Большая часть населения восточных провинций была православной веры, в то время как собственно поляки были римско-католического вероисповедания. Значительная часть этих греко-католиков в XVI столетии была вынуждена признать верховенство папы, и они стали называться греко-униатами, но многие из них сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии. Это были главным образом крепостные, в то время как их благородные господа почти все были римско-католической веры; по национальности эти крепостные были малороссами. И вот русское правительство, которое у себя в стране не терпело никакой другой религии, кроме православной, и которое карало вероотступничество как преступление, завоевывало чужие нации, аннектировало направо и налево чужие области и в то же время все сильнее сковывало русского крепостного, — это самое русское правительство обрушилось вскоре на Польшу под предлогом религиозной терпимости, так как Польша, по его словам, притесняла униатов; под предлогом охраны принципа национальностей, так как жители восточных областей были *малороссами* и их надо было присоединить к *Великороссии*; и во имя революционного права оно вооружило крепостных против их господ. Россия совсем не щепетильна в выборе своих средств. Говорят о войне класса против класса как о чем-то чрезвычайно революционном; однако Россия начала подобную войну в Польше еще около 100 лет тому назад, и это был превосходный образец классовой войны, когда русские солдаты и малорусские крепостные вместе шли и сжигали замки польских аристократов лишь для того, чтобы подготовить русскую аннексию; а когда ее осуществили, те же русские солдаты вернули крепостных обратно под иго их господ.

Все это было совершено во имя религиозной терпимости, потому что принцип национальностей не был тогда еще в моде в Западной Европе. Но уже в то время им размахивали перед глазами малорусских крестьян, и он с тех пор играл важную роль в польских делах. Первое и главное притязание России — объединение

всех русских племен под властью царя, который называет себя самодержцем всероссийским (Samodergetz Vserossysky), а в число этих племен она включала население Белоруссии и Малороссии. Для доказательства того, что ее притязания не идут дальше этого, она старательно позаботилась о присоединении к себе во время трех разделов только белорусских и малорусских областей, оставив местность, населенную поляками, и даже часть Малороссии (Восточную Галицию) своим сообщникам. Но как обстоят дела теперь? Большая часть областей, аннектированных в 1793 и в 1794 гг. Австрией и Пруссией, находится теперь под русским владычеством под названием Королевства Польского, и время от времени в среде поляков возникают надежды, что если только они подчинятся главенству России и откажутся от всех притязаний на прежние литовские области, то можно ожидать воссоединения всех остальных польских областей и восстановления Польши с русским императором в качестве короля. Если при настоящем положении дел Пруссия и Австрия начнут драку, то больше чем вероятно, что это будет войной в конечном счете не за присоединение Шлезвиг-Гольштинии к Пруссии или Венеции к Италии, а скорее за присоединение австрийской и, по крайней мере, прусской части Польши к России.

Таков принцип национальностей в применении к польским делам.

Фридрих Энгельс.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Несколько времени тому назад лондонские портновские подмастерья образовали всеобщее товарищество, чтобы отстоять свои требования в противовес лондонским мастерам-портным, которые большею частью являются крупными капиталистами. Речь шла не только о том, чтобы привести заработную плату в соответствие с поднявшимися ценами на все предметы потребления, но также и о том, чтобы положить конец исключительно грубому обращению с рабочими в этой отрасли промышленности. Мастера сделали попытку уничтожить этот союз путем вербовки портновских подмастерьев, главным образом в Бельгии, Франции и Швейцарии. В ответ на это секретари Центрального совета «Международного товарищества рабочих» опубликовали в бельгийских, французских и швейцарских газетах предостережение, которое имело полный успех. Маневр лондонских мастеров потерпел неудачу, они должны были сложить оружие и удовлетворить справедливые требования своих рабочих.

Потерпев поражение в Англии, мастера пытаются ныне организовать контрнаступление, начав его с *Шотландии*. Именно в результате лондонских событий они были вынуждены также и в Эдинбурге сначала согласиться на повышение заработной платы на 15%. Однако тайком они послали агентов в Германию, в частности в Ганновер и Мекленбург, чтобы завербовать там портновских подмастерьев для привоза их в Эдинбург. Первая партия их уже отправлена. Этот импорт преследует ту же цель, что и ввоз на Ямайку индийских кули, т. е. *увекочевение рабства*. Если бы мастерам в Эдинбурге удалось посредством ввоза рабочей силы из Германии отнять свои прежние уступки, то это неизбежно оказало бы свое действие и на Англию. И никто не пострадал бы от этого сильнее, чем сами немецкие рабочие, которых в Великобритании больше, чем рабочих какой-либо другой из континентальных наций. А вновь привезенные рабочие, будучи совершенно беспомощными в чужой стране, были бы вскоре низведены до положения париев:

Кроме того, для немецких рабочих дело чести доказать загранице, что они, так же, как и их братья во Франции, Бельгии и Швейцарии, умеют защищать общие интересы своего класса и не согласны стать послушными ландскнехтами капитала в его борьбе против труда.

По поручению «Центрального совета Международного товарищества рабочих»

Карл Маркс.

Лондон, 4 мая 1866 г.

Немецких портновских подмастерьев, желающих получить более подробные сведения о положении дел в Англии, просят направлять свои письма немецкому отделению комитета Лондонского товарищества портных по адресу: *Альберту Ф. Хауфе*, Crown Public House, Hedden Court, Regent Street, London.

Написано К. Марксом.

Напечатано в «Mitteldeutsche Volkszeitung»

№ 184 от 10 августа 1866 г.

Печатается по рукописи.

Фридрих Энгельс.
ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке.

Напечатано в «Manchester Guardian»

№№ 6190, 6194, 6197, 6201, 6204

от 20 июня, 25 июня, 28 июня, 3 июля

и 6 июля 1866 г.

Без подписи.

I.

Эти заметки имеют единственную цель дать исключительно с точки зрения военной совершенно беспристрастное объяснение текущим военным событиям, а также, по мере возможности, выяснить их вероятное влияние на предстоящие операции.

Местность, где должны быть нанесены первые решительные удары, — граница Саксонии и Богемии. Война в Италии вряд ли может привести к каким-либо решающим результатам, пока не будет взят четырехугольник¹, а взятие его будет, пожалуй, довольно продолжительной операцией. Возможно, что в Западной Германии произойдет не мало военных столкновений, но, принимая во внимание численность оперирующих там войск, результаты этих столкновений будут иметь лишь второстепенное значение по сравнению с событиями на границе Богемии. Поэтому мы обратим пока наше исключительное внимание на этот район.

Чтобы судить о силе сражающихся армий, достаточно для практических целей принять в расчет только пехоту, имея в виду, однако, что численность австрийской конницы относится к численности прусской, как 3 к 2. Соотношение артиллерии в обеих армиях приблизительно такое же, как и пехоты, примерно три орудия на 1 000 человек.

Прусская пехота состоит из 253 линейных батальонов, 83½ запасных батальонов и 116 батальонов ландвера (первого призыва, в возрасте от 27 до 32 лет). Запасные батальоны и ландвер составляют гарнизоны крепостей, помимо того они предназначены для военных действий против мелких немецких государств, в то время как линейные войска сосредоточены в Саксонии и вокруг нее для борьбы против северной австрийской армии. Если вычтеть примерно 15 батальонов, занимающих Шлезвиг-Гольштинию, и еще 15 батальонов, составляющих гарнизоны Раштадта, Майнца и

¹ Знаменитый четырехугольник крепостей Пескьере, Верона, Мантуя, Леньяго. *Ред.*

Франкфурта, которые теперь сосредоточены в Вецларе, то для главной армии остается около 220 батальонов. С конницей, артиллерией и теми частями ландвера, которые могут быть выведены из соседних крепостей, в этой армии окажется около 300 000 человек, сформированных в девять армейских корпусов.

Северная австрийская армия насчитывает семь армейских корпусов, причем каждый австрийский корпус значительно сильнее прусского. В настоящее время мы очень мало знаем об их составе и организации, но у нас есть все основания предполагать, что они образуют армию в 320—350 тысяч человек. Следовательно, численное превосходство, повидимому, обеспечено за австрийцами.

Главнокомандующим прусской армии будет король, т. е. плац-парадный герой, обладающий в лучшем случае посредственными способностями и слабым, но не лишенным упрямства характером. Он будет окружен, во-первых, генеральным штабом армии, во главе которого стоит генерал Мольтке — превосходный командир; во-вторых, «собственным военным кабинетом», состоящим из его фаворитов, и, в-третьих, высшими офицерскими чинами, которых ему за благорассудится зачислить в свою свиту без определенных назначений. Более удачной системы, могущей обеспечить поражение армии самой организацией главного штаба, нельзя было придумать. Разумеется, здесь с самого начала возникает соперничество между штабом армии и королевским кабинетом, причем каждый из них будет бороться за свое влияние, будет придумывать и защищать свои собственные излюбленные планы операций. Одно это почти исключает возможность какого-либо единства цели и последовательности в действиях. Затем начнут созывать бесконечные военные советы, неизбежные при подобных обстоятельствах, которые в девяти случаях из десяти будут заканчиваться принятием каких-либо полумер, т. е. прибегнут к самому худшему способу действий во время войны. В таких случаях приказы, отданные сегодня, обычно противоречат вчерашним, а когда возникают осложнения или положение становится угрожающим, то не отдается вообще никаких приказов, и дело идет самотеком. «*Ordre, contre-ordre, desordre*» [Приказ, контр-приказ — беспорядок] говорил Наполеон. Никто не ответственен, так как безответственный король принимает всю ответственность на себя, и потому без прямого указания никто ничего не делает. Кампания 1806 г. проводилась подобным же образом отцом нынешнего короля, результатом чего были поражения при Иене и Ауэрштедте и разгром всей прусской армии в течение трех недель; нет оснований полагать, что нынешний король окажется более энер-

гичным, чем его отец; и если в графе Бисмарке он нашел человека, которому он мог безусловно довериться в области политического руководства, то в армии не было достаточно авторитетного человека, который смог бы таким же образом взять на себя всю тяжесть руководства военными операциями.

Австрийская армия находится под единоличным командованием генерала Бенедекка, опытного командира, который, по крайней мере, знает, чего он хочет. Превосходство верховного командования решительно на стороне австрийцев.

Прусские войска разделены на две «армии»; первая, под командованием принца Фридриха-Карла, состоит из 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 7-го и 8-го корпусов; вторая, под командованием кронпринца, — из 5-го и 6-го корпусов. Гвардия, образующая главный резерв, будет, вероятно, присоединена к первой армии. Такое разделение не только нарушает единство командования, но и очень часто побуждает эти две армии двигаться по различным операционным направлениям, согласовывать свои передвижения, устанавливать пункты соединения в сфере действий неприятеля, другими словами — оно способствует разъединению прусских войск, тогда как им следовало бы, по мере возможности, держаться вместе. Пруссаки в 1806 г. и австрийцы в 1859 г. при весьма сходных обстоятельствах придерживались такого же способа действий и были разбиты. Что же касается обоих командующих, то кронпринц, как воин, — величина неизвестная, а принц Фридрих-Карл безусловно не обнаружил во время датской войны способностей крупного командира.

Австрийская армия не имеет таких подразделений; командиры армейских корпусов подчинены непосредственно генералу Бенедекку. Следовательно, и в отношении организации армии австрийцы превосходят своих противников.

Прусские солдаты, особенно резервисты и ландвер, которых пришлось призвать для пополнения некомплекта (а их было значительное число), идут на войну против своего желания; австрийцы, наоборот, уже давно желали войны с Пруссией и с нетерпением ждут приказа о выступлении. Они, следовательно, имеют также преимущество и в отношении *морального состояния* войск.

В течение 50 лет Пруссия не вела больших войн; ее армия, в общем, — армия мирного времени, в которой господствуют педантизм и формализм, свойственные всем армиям мирного времени. Не подлежит сомнению, что в последнее время, особенно с 1859 г., сделано много для того, чтобы избавиться от этих свойств; но привычки, сложившиеся в течение 40 лет, не так легко искореняются, и можно

встретить еще много бездарных педантов, в особенности на важнейших постах, т. е. среди командного состава действующей армии. Австрийцы же в настоящее время основательно излечились от этого недуга благодаря войне 1859 г. и наилучшим образом использовали свой опыт, купленный столь дорогой ценой. Не подлежит сомнению, что в отношении организации деталей, военной сноровки и опытности австрийцы точно так же превосходят пруссаков.

Глубокая сомкнутая колонна является нормальным боевым порядком, кроме русских, только в прусских войсках. Представьте себе все восемь рот английского батальона в колонне на сокращенных дистанциях, причем фронт образуется не одной, а двумя ротами, так что каждые четыре шеренги двух рот образуют колонну, и вы получите «прусскую штурмовую колонну». Лучшей мишени для нарезного огнестрельного оружия, чем эта, нельзя себе представить, а так как нарезные пушки могут вести по ней огонь с дистанцией в 2 000 ярдов, то при таком построении колонна будет почти совершенно не в состоянии подойти к неприятелю. Большой вопрос, окажется ли этот батальон боеспособным после того как хоть один снаряд взорвется среди этой массы.

Австрийцы приняли в своей армии французскую сильно разомкнутую колонну, которую вряд ли даже можно назвать колонной, — это скорее две или три шеренги, следующие друг за другом на расстоянии в 20—30 ярдов; такая колонна вряд ли понесет больше потерь от действия артиллерийского огня, чем развернутая линия. Преимущество тактического построения также оказывается на стороне австрийцев.

Всем этим преимуществам пруссаки могут противопоставить только два момента. Их интендантство несомненно лучше, поэтому и питание их войск будет лучшим. Австрийское интендантство — подобно всей австрийской администрации — притон взяточничества и казнокрадства и вряд ли лучше русского. Мы уже теперь слышим, что войска питаются плохо и нерегулярно; на поле сражения и в крепостях будет еще хуже, и, таким образом, австрийская администрация может оказаться более опасным врагом для крепостей четырехугольника, чем итальянская артиллерия.

Вторым преимуществом пруссаков является их лучшее вооружение. Хотя их нарезная артиллерия значительно лучше австрийской, но это преимущество в открытом поле не будет играть большой роли. Дальнобойность, траектория и меткость прусских и австрийских ружей приблизительно равны, но у пруссаков ружья заряжаются с казенной части, поэтому они могут из своих рядов ве-

сти непрерывный меткий огонь, стреляя не меньше четырех раз в минуту. Огромное превосходство этого оружия было доказано в датской войне, и нет никакого сомнения в том, что австрийцы испытуют на себе его действие в гораздо большей степени. Если они, как говорят, в соответствии с указаниями Бенедека сразу перейдут к штыковой атаке, не тратя много времени на ведение огня, то они понесут огромные потери. В датской войне потери пруссаков никогда не превышали четверти, а иногда составляли всего лишь одну десятую датских потерь; и, как недавно совершенно правильно отметил один из военных корреспондентов газеты «Times», датчане почти всюду терпели поражение от гораздо меньших сил противника.

Все же, несмотря на игольчатое ружье, преимущество не на стороне пруссаков; и если они не будут разбиты в первом же большом бою благодаря превосходству командования, организации, боевому построению и *моральному состоянию* австрийцев и, наконец, что не менее важно, благодаря собственным командирам, то они тогда должны определенно обладать совершенно иным мужеством, чем то, которое можно было бы ожидать от армии, находившейся на мирном положении в течение 50 лет.

II.

Публика начинает проявлять нетерпение по поводу явного бездействия двух больших армий на границе Богемии. Но это промедление объясняется многими причинами. Австрийцы и пруссаки отлично сознают важность предстоящего столкновения, могущего решить исход всей кампании. И те и другие спешат отправить на фронт всех, кого они только в состоянии мобилизовать; австрийцы посылают часть новых формирований (четвертые и пятые батальоны пехотных полков), пруссаки — части ландвера, предназначавшиеся вначале лишь для гарнизонной службы.

В то же время и с той и с другой стороны делаются, невидимому, попытки создать при помощи маневра выгодное положение по отношению к своему противнику и начать кампанию при наиболее благоприятных для себя стратегических условиях. Чтобы понять это, нам придется взглянуть на карту и изучить район расположения обеих армий.

Допустим, что Берлин и Вена представляют собой естественные пункты для отступления обеих армий, и поэтому австрийцы будут стремиться овладеть Берлином, а пруссаки — Веной; в этом случае имеются три пути, по которым и те и другие могут действовать. Большая армия требует значительной территории, за счет ресурсов которой она должна существовать во время похода; вместе с тем необходимость быстрого продвижения вынуждает такую армию совершать марш несколькими колоннами по соответствующему количеству параллельных дорог; поэтому линия ее фронта растянется и может колебаться в пределах, скажем, от 16 до 60 миль в зависимости от близости неприятеля и расстояния между дорогами.

Первым путем могла бы служить дорога, идущая по левому берегу Эльбы и Молдавы, через Лейпциг и Прагу. Ясно, что на этом пути каждой из воюющих сторон пришлось бы дважды переправляться через реку, причем второй раз на виду у противника. Если предположить, что та или другая армия, продвигаясь по этой

дороге, попытается обойти фланг противника, последний, совершая марш по более прямой и, следовательно, более короткой дороге, имел бы возможность опередить обходящую армию еще на линии реки, и, если бы ему удалось отбросить ее, он мог бы двинуться прямо на столицу неприятеля. Этот путь одинаково невыгоден для обеих сторон, и поэтому его можно оставить без рассмотрения.

Второй путь проходит по правому берегу Эльбы между рекой и горной цепью Судетов, отделяющей Силезию от Богемии и Моравии. Эта дорога почти совпадает с прямой линией от Берлина к Вене; в той ее части, которая в настоящее время находится между двумя армиями, проходит железнодорожная линия от Лобау на Пардубицы. Эта железная дорога пересекает ту часть Богемии, границей которой с юга и запада служит Эльба, а с северо-востока горы. В ней много хороших дорог, и, если бы обе армии двинулись друг другу навстречу, столкновение произошло бы именно здесь.

Третий путь проходит через Бреславль и далее через Судетскую цепь. Эта горная цепь, достигающая незначительной высоты у молдавской границы, где она пересекается несколькими хорошими дорогами, становится более высокой и крутой у Исполинских гор, образующих границу Богемии. Здесь проходит очень мало дорог; на протяжении 40 миль между Грангенау и Райхенбергом вся северо-восточная часть хребта не пересекается ни одной военной дорогой. Единственная существующая там дорога, ведущая от Гиршберга в долину Изера, обрывается на австрийской границе. Отсюда следует, что вся эта преграда длиной в 40 миль непроходима, по крайней мере, для большой армии с ее бесчисленными обозами и что при наступлении на Бреславль или через Бреславль необходимо пересечь горы к юго-западу от Исполинских гор.

В каком же положении в отношении своих коммуникаций окажутся та и другая армии при столкновении на этом пути?

Пруссаки, наступая из Бреславля на юг, обнажают свои коммуникации с Берлином. Если бы австрийцы имели абсолютную уверенность в победе, они могли бы дать возможность пруссакам продвинуться до укрепленного лагеря Ольмюц, который задержал бы их движение, в то время как они сами могли бы двинуться на Берлин, рассчитывая путем решительной победы восстановить временно прерванные коммуникации; либо же они могли бы встретить разрозненные прусские колонны при спуске их с гор и, в случае успеха, отбросить их назад к Глогау и к Познани, благодаря чему Берлин и большая часть прусских провинций очутились бы в их власти. Поэтому наступление через Бреславль было бы для пруссаков целе-

сообразным лишь при условии их значительного численного превосходства.

Австрийцы находятся в совершенно ином положении. У них то преимущество, что большая часть их монархии расположена к юго-востоку от Бреславля, т. е. на *прямом продолжении* линии, идущей от Берлина к Бреславлю. Укрепив северный берег Дуная близ Вены настолько, чтобы столица была защищена на случай внезапного нападения, они могут временно и даже на более или менее продолжительный срок пожертвовать прямым сообщением с Везой и доставлять людей и припасы из Венгрии. Таким образом, они с одинаковой безопасностью могут действовать и в направлении Лобау и в направлении Бреславля, к северу или к югу от гор; они имеют гораздо большую свободу маневрирования, чем их противник.

Но есть и еще причины, которые заставляют пруссаков быть осторожными. Расстояние от северной границы Богемии до Берлина — приблизительно половина расстояния до Вены; следовательно, положение Берлина гораздо более опасно. Вена защищена Дунаем, за которым может укрыться разбитая армия, а также укреплениями, воздвигнутыми к северу от этой реки, и укрепленным лагерем Ольмюц, мимо которого пруссаки не смогли бы безнаказанно пройти незамеченными, если бы после поражения главные силы австрийской армии заняли там позицию. Берлин не имеет никакой защиты, кроме полевой армии. При таких обстоятельствах, а также при наличии тех условий, которые подробно изложены в нашей первой статье, пруссакам придется, повидимому, только обороняться.

Те же обстоятельства, а также настоятельная политическая необходимость почти вынуждают Австрию начать наступление. Одна единственная победа может обеспечить ей огромный успех, в то время как поражение не сломит силы ее сопротивления.

Стратегический план кампании в своих основных чертах, по необходимости, чрезвычайно прост. Кто бы ни начал первым наступление, он окажется перед выбором: либо демонстрация к *северо-западу* от Исполинских гор и действительное наступление к юго-востоку от них, либо *наоборот*. Преграда в 40 миль имеет решающее значение на театре военных действий, и армии должны тяготеть к ней. Мы еще услышим о битвах у обоих конечных пунктов этой преграды, и через несколько дней после этого выяснится направление действительного наступления, а, возможно, и судьба первой кампании. Все же мы склонны думать, что для таких двух малоподвиж-

ных армий, противостоящих друг другу, самая прямая дорога является в то же время самой безопасной, что трудности и опасности продвижения столь многочисленных войск отдельными колоннами по различным дорогам через трудно проходимую гористую местность почти наверняка направят обе воюющие армии на дорогу, идущую из Лобау в Пардубицы.

До настоящего времени произошли следующие передвижения. В первую неделю июня пруссаки сосредоточили свою саксонскую армию вдоль саксонской границы от Цейца до Герлица и свою силезскую армию от Гиршберга до Нейссе. К 10 июня эти армии приблизились друг к другу, имея правое крыло на Эльбе близ Торгау, а крайнее левое близ Вальденбурга. Затем с 12-го по 16-е силезская армия, состоящая теперь из 1-го, 5-го и 6-го корпусов и гвардии, снова растянулась на восток, на этот раз до Ратибора, т. е. до крайнего юго-восточного угла Силезии. Это похоже на демонстрацию, в особенности выдвигание вперед гвардии, которая обычно действует вместе с главными силами. Если же это нечто большее, чем демонстрация, и если не принято мер для того, чтобы по первому требованию и в кратчайший срок перебросить обратно к Герлицу эти четыре корпуса, то группировка более 120 000 человек в отдаленном углу есть явная ошибка, — они могут быть лишены всякой возможности отступления и несомненно могут потерять всякую связь с остальной армией.

Об австрийцах, за исключением того, что они были сосредоточены вокруг Ольмюца, нам известно не много. Корреспондент газеты «Times», находящийся в их лагере, сообщает, что 6-й корпус, численностью в 40 000 человек, 19-го прибыл из Вейскирхена в Ольмюц, что свидетельствует об их продвижении на запад. Он добавляет, что 21-го главная квартира должна была быть переведена в Трубау, на границу между Моравией и Богемией. Это перемещение указывало бы на продвижение в том же направлении, если бы сообщение весьма не походило на «утку», посланную в Лондон с тем, чтобы затем по телеграфу ее передали в прусскую главную квартиру с целью ввести ее в заблуждение. Генерал, столь тщательно соблюдающий военную тайну, как Бенедек, и проявляющий такую, как он, антипатию к газетным корреспондентам, вряд ли станет 19-го сообщать им, где будет находиться его главная квартира 21-го, если только он не имеет для этого особых оснований.

Прежде чем закончить, мы дадим обзор операций, имевших место в северо-западной Германии. Пруссаки имели там больше

войск, чем было известно вначале. Они располагали 15-ю батальонами в Гольштинии, 12-ю в Миндене и 18-ю в Вецларе. Быстрыми концентрическими передвижениями, во время которых войска обнаружили совершенно неожиданную способность выполнять форсированные переходы, они в два дня заняли всю страну к северу от линии, проходящей от Кобленца к Эйзенаху, и все пути сообщения между восточными и западными областями королевства. Гессенские войска численностью около 7 000 человек ухитрились ускользнуть, но для 10 000 или 12 000 ганноверцев путь отступления по прямой линии на Франкфурт был отрезан, и уже 17-го остальные части 7-го прусского армейского корпуса в составе 12 батальонов, совместно с двумя кобургскими батальонами, прибыли в Эйзенах с Эльбы. Таким образом, ганноверцы, повидимому, окружены со всех сторон и могут спастись лишь в том случае, если пруссаки проявят невероятную глупость. Как только их судьба будет решена, армия, состоящая из 50 прусских батальонов, освободится и сможет выступить против союзной армии, которую принц Александр Дармштадтский формирует во Франкфурте и которая будет состоять приблизительно из 23 000 вюртембержцев, 10 000 дармштадтцев, 6 000 нассаусцев, 13 000 баденцев (только еще мобилизуемых), 7 000 гессенцев и 12 000 австрийцев, находящихся уже в пути из Зальцбурга, — в общем, около 65 000 человек, которые возможно будут еще усилены 10—20 тысячами баварцев. Сообщают, что около 60 000 этих войск уже сосредоточены во Франкфурте и что принц Александр решил перейти в наступление, вновь заняв 22-го числа Гессен. Но это не имеет никакого значения. Пруссакки не выступают против него, пока как следует не сосредоточат своих сил, а затем, располагая 70 000 человек всех родов войск и превосходством в вооружении, они смогут быстро расправиться с этой пестрой армией.

III.

Первое крупное сражение произошло не в Богемии, а в Италии, и четырехугольник вновь послужил уроком стратегии для итальянцев. Сила сопротивления этой знаменитой позиции, равно как и всех укрепленных позиций, имеющих то или иное значение, заключается не столько в высокой обороноспособности ее четырех крепостей, сколько в том, что эти крепости так расположены на местности, отличающейся большим военным преимуществом, что нападающая сторона почти всегда приходит к необходимости и часто бывает вынуждена делить свои силы и наступать в двух различных направлениях, в то время как обороняющаяся армия может сосредоточить все свои силы против одной из наступающих групп, разбить ее благодаря своему численному превосходству и затем обратиться против другой. Эту ошибку пришлось совершить итальянской армии. В то время как король с одиннадцатью дивизиями стоял у Минчио, Чиальдини с пятью дивизиями стоял в низовьях По близ Понте Лагоскуро и Полеселлы. Итальянская дивизия насчитывает 17 батальонов по 700 человек в каждом. Следовательно, Виктор-Эммануил имел, включая конницу и артиллерию, по крайней мере 120—125 тысяч человек, Чиальдини же — приблизительно половину этого количества. В то время как 23-го король переправился чрез Минчио, Чиальдини должен был перейти По в его нижнем течении и действовать в тылу у австрийцев. Но об этом передвижении до настоящего времени не поступало еще никаких достоверных сведений. Во всяком случае те 60 000 человек Чиальдини, которые могли и, вероятно, повернули бы ход сражения при Кустоцце в прошлое воскресенье, до сих пор еще не достигли такого выгодного положения, чтобы возместить потери крупного сражения.

Озеро Гарда расположено между двумя отрогами Альп, образующими к югу от него две группы холмов, между которыми Минчио пробивает себе путь к мантуанским лагунам. Обе эти группы холмов образуют сильные военные позиции; с их южных склонов открывается вид на Ломбардскую равнину, над которой они гос-

подступают на расстоянии пушечного выстрела. В военной истории они хорошо известны. Расположенная между Пескьерой и Лонато западная группа служила ареной сражений при Кастильоне и Лонато в 1797 г. и при Сольферино в 1859 г. За овладение восточной группой, расположенной между Пескьерой и Вероной, в 1848 г. шла борьба в течение трех дней; сражение в прошлое воскресенье снова произошло за овладение этой же группой.

Спускаясь к Минчио, восточная группа холмов с одной стороны переходит в равнину у Валеджио, с другой — в виде длинной дуги, обращенной к юго-востоку, она спускается к реке Адидже и простирается до Буссоленго. В направлении с севера на юг она разделена на две почти равные части глубоким ущельем, по которому протекает речка Тионе. Таким образом, продвигающиеся от Минчио войска должны сначала переправиться через реку и вслед за этим тотчас же встретить новое препятствие на своем пути, а именно это ущелье. На краю склона у равнины, к востоку от ущелья, расположены следующие деревни: на южном конце Кустоцца, далее к северу следуют Сомма Кампанья, Сона и Санта Джустина. Железная дорога из Пескьеры в Верону пересекает холмы у Сомма Кампанья, а шоссе — холмы у Соны.

В 1848 г. пьемонтцы, взяв Пескьеру, блокировали Мантую и, занимая своими центральными частями восточные холмы, растянули линию своего расположения от Мантуи до Риволи на озере Гарда. 23 июля Радецкий двинулся вперед от Вероны с семью бригадами и, прорвав в центре чрезмерно растянутую линию расположения противника, сам занял эти холмы. 24-го и 25-го пьемонтцы вновь сделали попытку захватить эту позицию, но 25-го они были разбиты наголову и тотчас же отступили через Милан за реку Тичино. Это первое сражение при Кустоцце решило исход кампании 1848 г.

О происшедшем в прошлое воскресенье сражении имеются довольно противоречивые телеграммы главной итальянской квартиры, однако с помощью телеграмм другой стороны мы можем составить себе довольно ясное представление о ходе сражения. Виктор-Эммануил предназначал свой 1-й корпус (генерал Дурандо, 4 дивизии, или 68 батальонов) для занятия позиции между Пескьерой и Вероной с тем, чтобы иметь возможность прикрыть осаду Пескьеры. Этой позицией несомненно должны были быть Сона и Сомма Кампанья. 2-й корпус (генерал Куккиари, 3 дивизии, или 51 батальон) и 3-й корпус (генерал Делла Рокка, с такими же силами) должны были одновременно переправиться через Минчио для прикры-

тия операций первого корпуса. 1-й корпус, переправившись, должно быть, вблизи или южнее Салионго, тотчас же двинулся по направлению к холмам. 2-й корпус, переправившись, повидимому, у Валледжио и 3-й — у Гоито, двинулись вперед по равнине. Все это происходило в субботу 23-го. Австрийская бригада Пульца, которая несла сторожевую службу у Минчио, медленно отступала к Вероне. В воскресенье, в годовщину Сольферино, вся австрийская армия выступила из Вероны навстречу противнику. Она успела, повидимому, занять высоты Соны и Соммы Кампанья, а также восточный край тионского ущелья еще до прибытия итальянцев. После этого борьба должна была развернуться главным образом за овладение переходом через ущелье. Два корпуса, наступавшие на равнине у южного края, очевидно действовали совместно с 1-м итальянским корпусом, занимавшим холмы, благодаря чему Кустоцца перешла в их руки. Итальянцы, действовавшие на равнине, постепенно все более и более продвигались по направлению к Вероне с целью атаковать фланг и тыл австрийцев; австрийцы же, должно быть, направляли войска для отражения этой атаки. Таким образом, линии фронта обеих армий, из которых одна первоначально была развернута на восток, а другая — на запад, повернулись на четверть окружности, и австрийцы оказались лицом к югу, а итальянцы к северу. Но так как холмы отходят от Кустоццы к северо-востоку, то фланговое движение второго и третьего итальянских корпусов не могло оказать непосредственного влияния на положение их первого корпуса, занимавшего эти холмы, ибо они не могли продвинуться достаточно далеко вперед, не подвергая опасности фланкирующие войска. Таким образом австрийцы противопоставили, повидимому, 2-му и 3-му корпусам войска, достаточные лишь для отражения первого натиска, в то время как все силы, находившиеся в их распоряжении, они бросили против 1-го корпуса и разгромили его благодаря своему численному превосходству. Успех был полный. 1-й корпус после ожесточенного боя был отброшен, и австрийцы взяли приступом Кустоццу. Благодаря этому итальянское правое крыло, которое продвинулось к востоку и к северо-востоку за Кустоццу, повидимому, подверглось серьезной опасности, вследствие чего произошел новый бой за эту же деревню, во время которого очевидно была восстановлена прерванная связь и приостановлено наступление австрийцев со стороны Кустоццы. Однако деревня осталась в их руках, и в ту же ночь итальянцам пришлось переправиться обратно за Минчио.

Мы даем этот беглый обзор сражения не в качестве исторического

исследования, для которого недостает еще очень многих подробностей, а лишь как попытку, — с картой в руках, — с точки зрения военной согласовать между собой различные телеграммы, относящиеся к этим событиям, и мы уверены, что если бы телеграммы были хоть сколько-нибудь точны и полны, наше изложение не особенно отличалось бы от общей картины сражения.

Австрийцы потеряли около 600 человек пленными, итальянцы около 2 000 человек и несколько орудий. Это показывает, что сражение было для итальянцев не катастрофой, а только поражением. Силы сторон, должно быть, были приблизительно равны, хотя весьма вероятно, что австрийцы имели под огнем меньше войск, чем их противник. Итальянцы имеют все основания быть довольными тем, что австрийцы не сбросили их в Минчио; 1-й корпус, расположенный между этой рекой и ущельем на полосе земли шириной от двух до четырех миль, перед лицом превосходных сил противника оказался в крайне тяжелом положении. Было несомненной ошибкой посылать главные силы на равнину, пренебрегая командными высотами, имеющими решающее значение. Но величайшей ошибкой, как мы уже отметили выше, было то, что армию разделили, оставили Чимальдини с 60 000 человек в низовьях По и начали наступление лишь с оставшимися силами. Чимальдини мог помочь одержать победу при Вероне, а затем вернуться к низовьям По и переправиться через реку с гораздо большей легкостью, если такой комбинированный маневр подлежал выполнению во что бы то ни стало. А пока он стоит на том же месте, что и в первый день, и, быть может, ему придется встретиться с еще более сильным противником. Итальянцы теперь, должно быть, убедились, что они имеют дело с весьма неподатливым противником. В битве при Сольферино Бенедек с 26 000 австрийцев в течение целого дня отражал в два раза более многочисленную пьемонтскую армию, пока не получил приказа отступить, потому что французы нанесли поражение другому корпусу. Пьемонтская армия была тогда значительно лучше нынешней итальянской армии; она была лучше обучена, более однородна и имела лучший командный состав. Нынешняя итальянская армия сформирована лишь недавно и потому страдает всеми свойственными подобной армии недостатками, тогда как австрийская армия настоящего времени значительно превосходит армию 1859 г. Национальный энтузиазм имеет огромное значение для борьбы, но без дисциплины и организованности, с помощью только энтузиазма никто не может выиграть сражения. Даже гарибальдийская «тысяча» была не просто толпой энтузиастов, —

это были люди, прошедшие военную муштру, научившиеся в 1859 г. повиноваться приказам и выдерживать огонь. Надо надеяться, что штаб итальянской армии в своих собственных интересах воздержится от опрометчивых выступлений против армии, хотя численно и более слабой, но по существу своему более сильной, которая к тому же занимает одну из сильнейших позиций в Европе.

IV.

Представьте себе, что молодого прусского прапорщика или корнета, сдающего экзамен на чин лейтенанта, спросили бы, какой план вторжения прусской армии в Богемия был бы самым безопасным? Предположим, что наш молодой офицер ответил бы: «Самый лучший способ состоял бы в том, чтобы разделить войска на две приблизительно равные части и послать одну из них в обход на восток от Исполинских гор, а другую на запад, с тем, чтобы они соединились у Гичина». Что сказал бы на это экзаменуемый офицер? Он заявил бы молодому человеку, что этот план грешит против двух основных законов стратегии: во-первых, никогда не разделять своих войск таким образом, чтобы они не были в состоянии оказать друг другу поддержку, а, наоборот, держать их очень близко друг к другу; и, во-вторых, в случае продвижения по разным дорогам, соединение различных колонн нужно производить в пункте, лежащем вне досягаемости противника; что поэтому предложенный план является наихудшим из всех возможных; что его можно было бы принять во внимание лишь в том случае, если бы Богемия была совершенно свободна от неприятельских войск, и что, следовательно, офицер, предлагающий подобный план, не заслуживает даже чина лейтенанта.

Однако именно этот план принят мудрым и ученым штабом прусской армии. Это почти невероятно, но это так. Ошибка, за которую итальянцы должны были поплатиться при Кустоцце, была снова повторена пруссаками и притом в условиях, которые делали ее в десять раз худшей. Итальянцы, по крайней мере, знали, что, имея десять дивизий, они численно превосходили противника. Пруссаки должны были знать, что все их девять корпусов, вместе взятых, по численности в лучшем случае едва сравнялись бы с восемью корпусами Бенедика и что, разделив свои войска, они обрекали обе армии почти наверняка на последовательный разгром превосходными силами противника. Если бы не тот факт, что главнокомандующим является король Вильгельм, то было бы совершенно непонятно, как подобный план мог обсуждаться, а тем более мог

быть принят группой столь несомненно знающих свое дело офицеров, из которых состоит прусский штаб. Однако никто никак не мог ожидать, что так быстро и с такой силой скажутся роковые последствия того факта, что высшее командование находится в руках королей и принцев. Пруссаки в настоящее время ведут в Богемии борьбу не на жизнь, а на смерть. Если австрийцам удалось бы помешать обеим прусским армиям соединиться в Гичине или около него, если каждая из них, потерпев поражение, вынуждена будет отступить из Богемии и, отступая, еще более удалиться от другой армии, то тогда можно будет сказать, что кампания по существу закончена. Тогда Бенедек может оставить без всякого внимания армию кронпринца, пока последняя будет отступать на Бреславль, и всеми своими силами преследовать армию принца Фридриха-Карла, которая едва ли сможет избежать полного уничтожения.

Вопрос состоит в том, удастся ли помешать этому соединению? До настоящего времени у нас нет сведений о событиях, имевших место позднее, чем в пятницу вечером 29-го. Пруссаки, выбитые 28-го генералом Эдельсгеймом из Гичина (название этого пункта в Богемии произносится Ичин), утверждают, что они 29-го снова атаковали город, и это является последней информацией, которой мы располагаем. Соединение в то время еще не произошло; по крайней мере четыре австрийских корпуса, а также части саксонского армейского корпуса сражались тогда против пяти или шести прусских корпусов.

Когда различные колонны армии кронпринца спускались по богемскому склону холмов в долину, они были встречены австрийцами, занявшими удобные пункты там, где долина расширялась, это давало им возможность противопоставить прусским колоннам более широкий фронт и попытаться помешать их развертыванию; пруссаки тем временем могли выслать свои отряды там, где это было возможно, через боковые долины для нападения на фланг и тыл противника. Так всегда происходит в горной войне, и этим объясняется большое число пленных, которых всегда берут при таких обстоятельствах. С другой стороны, армии принца Фридриха-Карла и Герварта фон-Биттенфельда, повидимому, прошли через горные проходы, не встречая почти никакого сопротивления; первые столкновения произошли по линии реки Изер, т. е. почти на полпути от исходных пунктов обеих армий. Бесполезно было бы пытаться распутать и согласовать крайне противоречивые и часто совершенно недостоверные телеграммы, полученные за последние три-четыре дня.

Результаты сражения не могли не быть весьма изменчивыми; по мере того, как подходили свежие силы, победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Однако вплоть до пятницы общие результаты, повидимому, складывались пока в пользу пруссаков. Если бы они удержались в Гичине, то не подлежит сомнению, что соединение состоялось бы в субботу или в воскресенье, и тогда величайшая для них опасность миновала бы. Окончательный бой за возможность соединения велся бы, по всей вероятности, с обеих сторон сосредоточенными массами войск и должен был бы, по крайней мере, на некоторое время решить судьбу кампании. Если бы пруссаки оказались победителями, они сразу избавились бы от всех ими же самими созданных затруднений, хотя они могли добиться тех же или даже более значительных преимуществ, не подвергая себя таким ненужным опасностям.

Бой, повидимому, был очень напряженным. Первой австрийской бригадой, вступившей в бой с пруссаками, была «черно-желтая» бригада, которая в Шлезвиге атаковала Кенигсберг близ Оберселка за день до эвакуации Данневирка. Она называется черно-желтой по цвету петлиц, воротников и обшлагов двух образующих ее полков и всегда считалась одной из лучших бригад. Однако она была разбита благодаря игольчатому ружью, причем более 500 человек одного из ее полков (Мартини) было взято в плен после того, как она пять раз под ряд тщетно атаковала прусские линии. В последующем бою были захвачены знамена 3-го батальона Дейтчмейстерского полка. Этот полк, комплектуемый исключительно в Вене, считается лучшим во всей армии. Таким образом, самые лучшие войска уже были введены в бой. Пруссак, хотя и давно не видавшие сражений, дрались, очевидно, блестяще. Когда война действительно была объявлена, настроение армии совершенно изменилось главным образом благодаря изгнанию целой своры монархов из северо-западной Германии. Верно это или нет — мы в данном случае лишь констатируем факт, — но это внушило войскам мысль, что на этот раз они призваны для борьбы за объединение Германии, и недовольные и угрюмые до сих пор люди из запаса и ландвера перешли австрийскую границу с громкими и радостными криками. Они сражались так хорошо главным образом благодаря этому; но большую долю всех их успехов мы должны в то же время приписать их ружьям, заряжающимся с казенной части; и если они когда-либо выберутся из затруднений, так опрометчиво созданных их генералами, они должны благодарить за это игольчатое ружье. Сообщения об огромном его превосходстве над ружьем, заряжающимся с дула, и на этот

раз единогласны. Один взятый в плен унтер-офицер из полка Мартини заявил корреспонденту «Kölnische Zeitung»: «Мы, конечно, сделали все, чего можно было ожидать от храбрых солдат, но никто не может устоять против такого частого огня». Если австрийцы окажутся побежденными, то винить в этом придется не столько генерала Бенедекка или генерала Рамминга, сколько генерала «шом-пола» (General Ramrod).

На северо-западе сдались ганноверцы, трезво учтя свое положение, создавшееся благодаря решительному наступлению против них войск, находившихся под командованием генерала Флиса и являющихся авангардом войск генерала Мантейфеля. Благодаря этому 59 прусских батальонов освобождаются для операций против союзных войск. Действительно, настала пора сделать это, прежде чем Бавария закончила все свои вооружения, так как в противном случае для подчинения юго-западной Германии потребовалось бы значительно больше войск. Бавария, как известно, всегда действует медленно и опаздывает с военными приготовлениями, но, закончив их, она может выставить от 60 000 до 80 000 хороших солдат. Быть может, скоро мы услышим о быстром сосредоточении пруссаков на Майне и об активных действиях против принца Александра Гессен-Дармштадтского и его армии.

V.

Кампания, начатая пруссаками исключительной стратегической ошибкой, продолжалась с такой стремительной тактической энергией, что в течение восьми дней она была доведена ими до победного конца.

В последней статье мы говорили, что прусский план вторжения в Богемию двумя армиями, разделенными друг от друга Исполинскими горами, мог быть оправдан лишь в том случае, если бы в Богемии не было неприятельских войск. Очевидно таинственный план генерала Бенедека заключался главным образом в том, чтобы создать именно такое положение. Повидимому, в северо-западной части Богемии, где, как мы с самого начала рассчитывали, должны были разыграться решительные бои, оказалось всего два австрийских армейских корпуса — 1-й (Клам Галласа) и 6-й (Рамминга). Если это делалось для того, чтобы завлечь пруссаков в ловушку, то кончилось оно тем, что Бенедек сам попал в нее. Во всяком случае, продвижение пруссаков по двум направлениям, между которыми на протяжении 40—50 миль лежит непроходимая местность, к пункту соединения, находящемуся на расстоянии двух полных переходов от исходных пунктов, и притом внутри неприятельского фронта, — такое продвижение при всех условиях остается чрезвычайно опасным маневром, за которым могло бы последовать полное поражение, если бы не странная медлительность Бенедека, неожиданный натиск прусских войск и их заряжающиеся с казенной части винтовки.

Наступление принца Фридриха-Карла с тремя корпусами (3-м, 4-м и 2-м — последний был в резерве) шло через Рейхенберг, к северу от трудно проходимых гор, с южной стороны которых наступал генерал Герварт с полутора корпусами (8-м и одной дивизией 7-го корпуса). В то же время кронпринц с 1-м, 5-м и 6-м корпусами и гвардией находился в горах у Глаца. Таким образом армия была разделена на три колонны — одна численностью в 45 000 человек справа, другая в 90 000 человек в центре и третья в 120 000 человек

слева, причем ни одна из этих колонн не могла оказать поддержку другой по крайней мере в течение нескольких дней. Здесь для генерала, стоявшего во главе по крайней мере такого же количества людей, более, чем когда-либо, представлялся удобный случай разгромить своего противника по частям. Но, повидимому, в этом направлении ничего не было сделано. 26-го принц Фридрих-Карл имел у Турнау первое серьезное столкновение с бригадой 1-го корпуса, благодаря которому он установил связь с Гервартом; 27-го последний занял Мюнхенградц, в то время, как первая колонна армии кронпринца — 5-й корпус — продвинулась за Наход и разгромила 6-й австрийский корпус (Рамминга); 28-го — единственный несколько неудачный для пруссаков день — авангард принца Фридриха-Карла занял Гичин, но был выбит оттуда конницей генерала Эдельсгейма; одновременно 1-й корпус армии кронпринца, понеся некоторые потери, был остановлен у Траутенау 10-м австрийским корпусом Габленца; он получил свободу действий только благодаря продвижению гвардии к Эйпелю по дороге, проходившей между 1-м и 5-м прусскими корпусами. 29-го принц Фридрих-Карл атаковал Гичин, и армия кронпринца целиком разгромила 6-й, 8-й и 10-й австрийские корпуса. 30-го новая попытка Бенедика захватить Гичин силами 1-го корпуса и саксонской армии была блестяще отбита, после чего произошло соединение обеих прусских армий. Потери австрийцев составляют по меньшей мере полтора корпуса, тогда как прусские потери были равны менее чем одной четверти этого количества.

Таким образом, мы видим, что 27-го австрийцы располагали только двумя армейскими корпусами численностью около 33 000 человек в каждом; 28-го — тремя, 29-го — четырьмя, и если прусская телеграмма соответствует действительности, частью 5-го (4-й корпус); саксонский армейский корпус мог прибыть на помощь только 30-го. Таким образом, в продолжение всего этого периода два, если не три, корпуса отсутствовали на театре военных действий, тогда как пруссаки сосредоточили все свои силы в Богемии. До вечера 29-го общая численность австрийских войск на театре военных действий вряд ли превышала численность каждой из обеих прусских армий, а так как австрийские части вводились в бой постепенно и подкрепления прибывали лишь после поражения войск, вступивших уже в бой, то результат оказался роковым.

Сообщают, что 3-й армейский корпус (эрцгерцога Эрнеста), сражавшийся при Кустоце, немедленно после этого боя был отправлен по железной дороге на север; в некоторых сообщениях упоминается, что он вошел в состав сил Бенедика. Этот корпус, после при-

соединения которого вся армия, включая и саксонцев, состояла бы из девяти корпусов, не мог подойти во-время, чтобы принять участие в сражениях, происходивших в последних числах июня.

Каковы бы ни были ошибки прусского оперативного плана, они были исправлены пруссаками быстротой и энергичными действиями. Операции каждой из обеих армий были безошибочны. Их удары были короткими, сильными и решительными; они обеспечили им полный успех. После соединения обеих армий их энергия не ослабела; они продолжали двигаться вперед, и уже 3-го вся прусская армия встретилась с соединенными силами Бенедекка и нанесла им последний сокрушительный удар.

Вряд ли можно предполагать, что Бенедекк добровольно принял это сражение. Не подлежит сомнению, что быстрое преследование пруссаков заставило его задержаться со всей своей армией на сильной позиции для того, чтобы перегруппировать свои силы и отправить на день раньше обоз отступающей армии; он не ожидал атаки значительными силами днем и рассчитывал, что ему удастся уйти ночью. Ни один человек в его положении, при наличии совершенно разбитых четырех корпусов и после таких тяжелых потерь, не мог бы стремиться к немедленному решительному бою, если бы существовала возможность для безопасного отступления. Но пруссаки, повидимому, заставили его принять бой, в результате чего последовало полное поражение австрийцев, и, если не будет заключено перемирие, последние попытаются при чрезвычайно неблагоприятных условиях добраться до Ольмюца или Вены, так как малейшее движение пруссаков в обход их правого фланга отрезет большое количество частей от прямого пути и оттеснит их к холмам Глаца, где они будут взяты в плен. Десять дней тому назад «Северная армия» — одна из лучших армий в Европе — перестала существовать.

Не подлежит сомнению, что скорострельное игольчатое ружье сыграло в этом деле большую роль. Сомнительно, могло ли бы без этого оружия произойти соединение двух прусских армий, и несомненно, что этот огромный и быстрый успех не был бы достигнут без такого перевеса огня, так как австрийская армия обычно менее подвержена панике, чем большая часть европейских армий. Но были и другие обстоятельства, содействовавшие успеху. Мы уже упомянули о превосходном положении и решительных действиях обеих прусских армий со времени их вступления в Богемию. Мы можем добавить, что в этой кампании пруссаки отказались от системы колонн и строили свои войска преимущественно развернутыми линиями, так что можно было использовать каждое ружье и предохранить людей от действия

артиллерийского огня. Мы должны признать, что передвижения как во время марша, так и при подходе к противнику выполнялись в таком порядке и с такой точностью, которых никто не мог ожидать от армии и командования, покрытых ржавчиной пятидесятилетнего мира. И, наконец, весь мир должен изумляться стремительности, проявленной этими молодыми войсками во всех без исключения сражениях. Легко сказать, что это сделали новые винтовки, но они ведь действовали не сами по себе, нужны были отважные сердца и сильные руки, чтобы действовать ими. Прусские войска очень часто сражались против численно превосходных сил противника и почти всегда были наступающей стороной; поэтому австрийцы могли выбирать позицию. Однако при наступлении на сильные позиции и на города с забаррикадированными улицами преимущества новых винтовок почти исчезают; тогда начинают действовать штыки, и на их долю выпадала не малая работа. Кроме того, кавалерия действовала с той же стремительностью; единственным оружием кавалерийской атаки оставались холодное оружие и быстрота коней. Французские «*утки*» относительно прусской кавалерии, будто она сперва осыпала противника градом пуль из карабинов (заряжающихся с казенной части или иным образом), а затем бросалась на него с саблями, могли возникнуть лишь у того, чья кавалерия весьма часто прибегала к такой уловке и бывала всегда наказана за это тем, что подвергалась разгрому превосходными силами стремительно наступающего противника. Не подлежит сомнению, что прусская армия за одну неделю завоевала себе такое высокое положение, какого она никогда еще не занимала; и можно быть уверенным теперь в том, что она в состоянии бороться с любым противником. Мы не знаем ни одной кампании, где был бы достигнут столь блестящий успех в такой короткий срок, без сколько-нибудь значительных поражений, за исключением сражения у Иены, в котором была уничтожена вся прусская армия того времени, и сражения при Ватерлоо, если не учитывать поражения под Лigny.

РЕЧЬ О ПОЛЬШЕ ¹.

Милостивые государыни и милостивые государи!

Когда последние указы об уничтожении Польши стали известны в Англии, орган руководящих бирж стал убеждать всех поляков стать москвитами. Почему бы и нет, если это — лучший способ обеспечить 6 миллионов фунтов стерлингов, недавно предоставленных царю взаймы английскими капиталистами?

Около тридцати лет тому назад во Франции вспыхнула революция. Это было событие, которого не предусмотрело Санкт-Петербургское провидение, только что заключившее с Карлом X тайный договор для того, чтобы улучшить управление и географические границы Европы. Как только печальное известие было получено, царь Николай созвал гвардейских офицеров и обратился к ним с кратким воинственным призывом: «На коней!» — Это не было пустой угрозой. Паскевич был послан в Берлин, чтобы подготовить вторжение во Францию. Через несколько месяцев все было готово. ПруссакИ должны были сосредоточить свои силы на Рейне, польская армия — вступить в Пруссию, а москвиты — следовать в арьергарде. Но тогда, как выразился Лафайет во французской палате депутатов, «авангард обратил оружие против главных сил армии». Восстание в Варшаве спасло Европу от второй антиякобинской войны.

Восемнадцать лет спустя произошло новое извержение революционного вулкана или, вернее, землетрясение, потрясшее весь континент. Даже Германия зашевелилась, несмотря на то, что Россия держала ее на детских помочах со времени так называемой «войны за независимость». Произошло нечто еще более удивительное! Вена первая из всех немецких городов успешно испробовала

¹ Точная дата произнесения речи не установлена. Повидимому, она была произнесена К. Марксом 22 января 1867 г. в Лондоне на митинге, который был созван Генеральным советом Международного товарищества рабочих и польскими эмигрантами. Черновой набросок речи был написан по-английски. Впервые речь была опубликована в 1908 г. на французском языке в журнале «Le Socialisme». *Ред.*

свои силы в постройке баррикад. На этот раз, — может быть, впервые в истории, — Россия потеряла самообладание. Царь Николай не стал больше терять времени на призывы к своим гвардейцам. Он опубликовал манифест к своему народу, в котором говорилось, что французская зараза уже проникла в Германию, что она приблизилась к границам империи и что революция в своем безумии обращает взоры на святую Русь. «Ничего удивительного!» — воскликнул он. Ведь эта самая Германия в течение многих лет была очагом нечестия. Язва кощунственной философии поразила жизненные центры этого народа, внешне такого здорового. И он закончил следующим обращением к немцам: «С нами бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами бог!». Вскоре после этого он через своего верного слугу Нессельроде отправил немцам другое послание, исполненное нежности к этому языческому народу. Откуда такая перемена?

Дело в том, что народ в Берлине не только совершил революцию, но и провозгласил восстановление Польши, и прусские поляки, введенные в заблуждение народным энтузиазмом, стали создавать военные лагеря в Познани. Отсюда и любезность царя! Опять Польша, бессмертный рыцарь Европы, держала в страхе Монгола! Только после того, как поляки были преданы немцами, — особенно Франкфуртским национальным собранием, — Россия снова собралась с силами и достаточно окрепла, чтобы сокрушить революцию 1848 г. в ее последнем убежище — Венгрии. Но даже здесь последним, кто продолжал вести против нее войну, был поляк, генерал Бем.

В настоящее время есть много наивных людей, которые полагают, что все это изменилось, что Польша перестала быть «необходимой нацией», как ее называет один французский писатель, что она только — сентиментальное воспоминание. А вы знаете, что чувства и воспоминания не котируются на бирже.

Но что же изменилось, — спрашиваю я? Уменьшилась ли опасность? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы достигло своего апогея.

Прежде всего, неизменной остается политика России, согласно признанию ее официального историка, москвитя Карамзина. Ее методы, ее тактика, ее приемы могут меняться, но путеводная звезда ее политики — неподвижная звезда: это — мировая империя. Только цивилизованное правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время выдвинуть подобный план и осуществлять его. Как об этом писал Александру I во время Венского конгресса Поццо ди-Борго, величайший русский дипломат нового

времени, Польша — важнейшее орудие для осуществления русских планов мирового господства, но она также остается и непреодолимым препятствием до тех пор, пока поляк, утомленный бесконечными изменениями Европы, не стал еще кнутом в руках москвитя.

Что же, кроме стремлений польского народа, мешало осуществлению планов России и парализовало ее действия?

Мне незачем напоминать, что русская завоевательная политика в Азии сопровождается непрерывными успехами. Мне незачем напоминать, что так называемая война Англии и Франции против России отдала в руки последней горные крепости Кавказа, господство над Черным морем и морские права, которые Екатерина II, Павел и Александр I тщетно пытались вырвать у Англии. Железные дороги объединяют и концентрируют ее силы, рассеянные на огромном пространстве. Ее материальные ресурсы в Конгрессовой Польше, которая является русским укрепленным лагерем в Европе, увеличились в огромной степени. Укрепления Варшавы, Модлина, Ивангорода, — пункты, избранные Наполеоном I, — господствуют над всем течением Вислы и представляют грозную опору для нападения на север, запад и юг. Панславистская пропаганда имела успех благодаря ослаблению Австрии и Турции. А что означает эта панславистская пропаганда, вы могли почувствовать уже в 1848 — 1849 гг., когда славяне, сражавшиеся под знаменами Елачича, Виндишгреца и Радецкого, заполонили Венгрию, опустошили Вену, раздавили Италию. Кроме того, преступления Англии против Ирландии дали России нового могущественного союзника по ту сторону Атлантического океана.

План русской политики остается неизменным; ее средства значительно умножились с 1848 г., но до сих пор одно лишь остается для нее недостижимым, — и Петр Великий коснулся этого слабого пункта, когда воскликнул, что для завоевания мира москвитам нехватает только души. Так вот, живительный дух, который нужен России, войдет в ее тело в тот момент, когда поляки станут русскими подданными.

Что же вы тогда положите на другую чашу весов?

Европеец с континента, может быть, ответит мне, что Россия, благодаря освобождению крепостных, вступила в семью цивилизованных народов, что немецкая мощь, недавно собранная в руках пруссаков, способна противодействовать всем ударам азиатов и, наконец, что социальная революция в Западной Европе покончит с опасностью «международных конфликтов». Англичанин, который читает только «Times», может возразить мне, что даже

в худшем случае, если бы Россия захватила Константинополь, то Англия захватила бы Египет и таким образом обеспечила бы путь к своему обширному индийскому рынку.

Прежде всего освобождение крепостных освободило верховное правительство от препятствий, которые дворяне могли противопоставить его централизованным действиям. Оно создало широкие возможности для вербовки в армию, подорвало общинную собственность русских крестьян, разъединило их и, в особенности, укрепило их веру в царя-батюшку. Оно не «очистило» их от азиатского варварства, этого продукта многих веков. Всякая попытка поднять их моральный уровень карается, как преступление. Достаточно напомнить вам о правительственных репрессиях против обществ народной трезвости, которые стремились спасти москвитя от того, что Фейербах называет материальной субстанцией религии, т. е. от водки. Каковы бы ни были будущие последствия освобождения крепостных крестьян, но в настоящем это освобождение только увеличило наличные силы царя.

Перейдем к Пруссии. Этот прежний вассал Польши превратился в державу первого ранга лишь при содействии России и благодаря разделу Польши. Если бы завтра Пруссия потеряла свою польскую добычу, то она растворилась бы в Германии вместо того, чтобы ее поглотить. Чтобы существовать в качестве особой державы в Германии, она должна опираться на москвитя. Недавний рост ее мощи не только не ослабил эти узы, но, напротив, сделал их неразрывными. К тому же усилился ее антагонизм с Францией и Австрией. В то же время Россия является опорой, на которой покоится неограниченная власть династии Гогенцоллернов и ее феодальных вассалов. Россия охраняет эту власть от проявлений народного недовольства. Таким образом, Пруссия является не оплотом против России, но ее орудием, предназначенным для вторжения во Францию и для ослабления Германии.

Что же касается социальной революции, то что означают эти слова, как не борьбу классов? Возможно, что борьба между рабочими и капиталистами будет менее жестокой и менее кровопролитной, чем борьба между феодальными властителями и капиталистами в Англии и Франции. Хотелось бы на это надеяться. Во всяком случае, хотя подобный социальный кризис может усилить энергию западных народов, он вызовет в то же время, как и всякий внутренний конфликт, нападение извне. Россия снова будет играть ту роль, какую она играла во время антиякобинской войны и после возникновения Священного союза, — роль назначенного свя-

ше охранителя порядка. Она завербует в свои ряды все привилегированные классы Европы. Уже во время февральской революции не один только граф Монталамбер припадал ухом к земле, чтобы услышать, не раздастся ли отдаленный стук копыт казацких лошадей. Не одни только прусские дворянчики в германском представительном собрании провозгласили царя «отцом и покровителем». Все европейские биржи при каждой победе русских над венграми поднимали курс своих бумаг и понижали его при каждом поражении русских.

В заключение обратимся к заявлению «Times», что Россия может захватить Константинополь, если она не будет мешать Англии обосноваться в Египте. Что, собственно, хотят этим сказать? Что Англия предоставит России Константинополь, если Россия позволит Англии оспаривать Египет у Франции. Такова приятная перспектива, которую открывает вам «Times». Что касается любви России к Англии, то, как бы ни привлекали ее британские фунты, шиллинги и пенсы, достаточно процитировать слова *московской газеты*, относящиеся к декабрю 1851 г.: «Нет, надо, чтобы наступил черед вероломного Альбиона, и через некоторое время мы подпишем договор с этим народом только в Калькутте».

Есть только одна альтернатива для Европы: либо возглавляемое Москвой азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу и поставить таким образом между собой и Азией 20 миллионов героев, чтобы выиграть время для передышки, необходимой для ее социального возрождения.

Написано К. Марксом на английском языке.

Напечатано в «Le Socialisme» № 18

от 15 марта 1908 г.

¹ Для настоящего издания перевод сделан с французского текста. *Ред.*

ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ¹.

1. Организация Международного товарищества.

Временный центральный совет предлагает в общем *проект организации* в том виде, как он был дан во временном уставе. Двухгодичный опыт показал правильность этого проекта и возможность его применения в условиях различных стран без ущерба для единства действий. Местопребыванием Центрального совета на следующий год мы предлагаем Лондон, так как положение дел на континенте не таково, чтобы можно было рассчитывать на какое бы то ни было изменение в этом смысле.

Центральный совет должен избираться конгрессом (§ 5 временного устава) с правом кооптации.

Генеральный секретарь избирается конгрессом на один год, это единственное оплачиваемое должностное лицо Товарищества. Мы предлагаем платить ему 2 ф. ст. в неделю.

Единый годичный взнос для каждого отдельного члена Товарищества определяется в полпенни (может быть одно пенни). Стоимость членского билета (книжки) оплачивается дополнительно.

Призывая членов Товарищества создавать общества взаимопомощи и устанавливать между ними интернациональную связь, мы предоставляем инициативу в этом деле (создание обществ взаимопомощи, материальная и моральная поддержка сиротам членов Товарищества) швейцарцам, которые первые предложили это на сентябрьской конференции прошлого года.

2. Интернациональное объединение действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом.

а) Этот вопрос, вообще говоря, охватывает всю деятельность Международного товарищества, цель которого объединить до сих

¹ Настоящая инструкция была написана Марксом для делегатов временного Центрального совета на Женевский конгресс Международного товарищества рабочих, который состоялся 3—8 сентября 1866 г. *Ред.*

пор разрозненные действия рабочего класса разных стран, направленные к его освобождению, и сделать их общими.

б) Одной из особых функций, которую наше общество выполняло до сих пор с успехом, является противодействие проискам капиталистов, всегда готовых, в случае стачек и локаутов, использовать иностранных рабочих, как орудие против местных рабочих. Одна из великих целей Товарищества—добиться того, чтобы рабочие различных стран не только *чувствовали*, но и *действовали*, как братья и товарищи в борьбе за освобождение.

в) Одним из крупных мероприятий, предлагаемых нами для «интернационального объединения действий», является *статистическое обследование положения рабочего класса во всех странах, которое должно быть предпринято самим рабочим классом*. Чтобы действовать успешно, надо знать тот материал, на который необходимо воздействовать. Предпринимая такое большое дело, рабочие докажут, что они способны взять свою судьбу в собственные руки. Поэтому мы предлагаем следующее:

В каждой местности, где существуют секции нашего Товарищества, немедленно приступить к работе и собирать материалы по различным пунктам, указанным в прилагаемой схеме обследования.

Конгресс призывает всех рабочих Европы и Соединенных Штатов Америки принять участие в собирании статистических сведений о рабочем классе; доклады и материалы следует отсылать Центральному совету. Центральный совет на основании этих материалов должен составить общий доклад и присоединить к нему материалы в качестве приложений.

Этот доклад вместе с приложениями представляется следующему годовичному конгрессу и, после утверждения им, печатается на средства Товарищества.

Общая схема обследования, которая в каждой местности может быть подвергнута изменениям.

1. Наименование производства.
2. Возраст и пол занятых в нем лиц.
3. Число занятых в нем лиц.
4. Жалование и заработная плата: (а) учеников; (б) поденная или сдельная оплата труда; размер оплаты труда посредниками. Средний недельный, годовой заработок.
5. (а) Продолжительность рабочего дня на фабриках. (б) Продолжительность рабочего дня у мелких предпринимателей и в дома-

шнем производстве, в случае наличия всех этих видов производства.

(в) Ночной и дневной труд.

6. Перерывы на еду и обращение с рабочими.

7. Состояние мастерской и условия работы: теснота помещения, плохая вентиляция, недостаток солнечного света, применение газового освещения. Чистота и т. д.

8. Род занятий.

9. Влияние работы на физическое состояние.

10. Моральные условия. Воспитание.

11. Состояние производства. Является ли оно сезонным или работает более или менее равномерно в течение всего года, испытывает ли значительные колебания, подвергается ли иностранной конкуренции, обслуживает ли оно главным образом внутренний или внешний рынок и т. д.

3. О г р а н и ч е н и е р а б о ч е г о д н я .

Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения должны потерпеть неудачу, является *ограничение рабочего дня*.

Оно необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса, который составляет большую часть народа, так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, общения между собою, социальной и политической деятельности.

Мы предлагаем *установленный законом 8-часовой рабочий день*. Такое ограничение является общим требованием рабочих Соединенных Штатов Америки; решение конгресса сделает его общей платформой рабочего класса во всем мире.

К сведению континентальных членов Товарищества, опыт которых в фабричном законодательстве сравнительно невелик, мы прибавляем, что никакое ограничение, установленное законом, не достигнет цели, и капитал будет нарушать его, если не будет точно указано *то время дня*, которое должны занять эти 8 часов труда. Продолжительность этого времени должна определяться 8 часами труда и сверх того — перерывами для еды. Например, если различные перерывы для еды занимают *один час*, определенное законом время дня должно охватывать 9 часов, скажем, от 7 утра до 4 пополудни или от 8 утра до 5 пополудни и т. п. Ночной труд может быть разрешен только в виде исключения в производствах или отраслях производства, точно установленных законом. Необходимо стремиться к полной отмене ночного труда.

Этот параграф касается только взрослых мужчин или женщин, последним, впрочем, совершенно должен быть запрещен *какой бы то ни было ночной труд*, а также всякий труд, вредный для более слабого женского организма, отравляющий его или подвергающий его каким-либо другим вредным воздействиям. Под взрослыми мы понимаем всех лиц, достигших 18-летнего возраста.

4. Труд детей и подростков (обоего пола).

Мы считаем тенденцию современной промышленности привлечь детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы. При разумном общественном строе *каждый ребенок* с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только умом, но и руками.

Однако в настоящее время детей и подростков обоего пола, с которыми мы имеем дело, следует разделить на *три группы*, требующие различного отношения к себе: в первую группу должны входить дети от 9 до 12 лет, во вторую — от 13 до 15 лет, в третью — 16 и 17-летние. Мы предлагаем, чтобы для первой группы закон ограничил труд в какой бы то ни было мастерской или на дому *двумя* часами; для второй — *четырьмя* и для третьей — *шестью* часами. Для третьей группы должен быть перерыв по крайней мере в один час для еды или для отдыха.

Желательно, может быть, начальное школьное обучение начинать до 9-летнего возраста; но мы касаемся здесь только самого необходимого противодействия против тенденций социального строя, который низводит рабочего до степени простого орудия накопления капитала и превращает задавленных нуждой родителей в рабовладельцев, продающих своих собственных детей. *Права* детей и подростков должны быть защищены. Они не в состоянии сами выступить в свою защиту. Поэтому долг общества вступить за них.

Если средний и высший классы пренебрегают своими обязанностями по отношению к собственным детям, это их ошибка. Пользуясь привилегиями этих классов, ребенок вынужден страдать от их предрасудков.

Для рабочего класса дело обстоит совершенно иначе. Рабочий не свободен в своих действиях. В очень многих случаях он даже слишком невежествен, чтобы правильно понимать интересы своего ребенка или нормальные условия человеческого развития. Как бы то ни было — наиболее просвещенная часть рабочего класса вполне сознает, что будущее его класса, следовательно человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Она знает, что прежде всего дети и подростки должны быть ограждены от разрушительного действия современной системы производства. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания в общественную силу*, а при данных условиях этого можно добиться только посредством *общих законов*, к соблюдению которых принуждает государственная власть. Требуя таких законов, рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, власть, которою теперь пользуются против него, он превращает в свое орудие. Рабочие достигают путем общего законодательного акта того, чего они напрасно добивались бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий.

Исходя из этого, мы говорим, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием.

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание*.

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение*, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. Расходы на технические школы должны частично покрываться путем продажи их продукции.

Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физического упражнения и политехнического обучения поднимает рабочий класс значительно выше уровня высшего и среднего классов.

Само собой разумеется, что применение труда всех лиц от 9 до 17 лет (включительно) ночью и во всех вредных для здоровья производствах должно быть строго запрещено законом.

5. К о о п е р а т и в н ы й т р у д .

Международное товарищество рабочих ставит себе целью объединить *тихийное движение* рабочего класса и придать ему единство, а вовсе не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы. Поэтому конгрессу не следует высказываться за какую-либо *особую систему* кооперации, а следует ограничиться провозглашением нескольких общих принципов.

(а) Мы считаем, что кооперативное движение является одной из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме. Большая заслуга этого движения заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы *подчинения труда* капиталу — республиканской и благотворной системой *ассоциации свободных и равных производителей*.

(б) Однако в рамках карликовых предприятий, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в огромную и гармоничную систему свободного и кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя*, такие изменения, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, т. е. государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям.

(в) Мы рекомендуем рабочим взяться скорее за *кооперативное производство*, нежели за *кооперативную торговлю*. Последняя затрагивает только поверхность современного экономического строя, первая подрывает его основы.

(г) Мы рекомендуем всем кооперативным обществам превращать часть своего общего дохода в фонд для пропаганды своих принципов как делом, так и словом, иначе говоря, содействуя учреждению новых кооперативных фабрик, а также распространяя свое учение.

(д) Для того, чтобы избежать превращения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (*sociétés par actions*), рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить, в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент.

6. Профессиональные союзы. Их прошлое, настоящее и будущее.

(а) Их прошлое.

Капитал является концентрированной общественной силой, тогда как рабочий располагает только своей рабочей силой. Следовательно, *договор* между капиталом и трудом никогда не может быть заключен на справедливых условиях, справедливых даже с точки зрения общества, в котором собственность на материальные средства существования и труда противостоит живой производительной силе. Социальная сила рабочих заключается только в их численности. Но сила численного превосходства уничтожается их разобщенностью. Разобщенность рабочих создается и продолжает существовать вследствие *неизбежной конкуренции между ними самими*.

Профессиональные союзы возникли сначала благодаря *стихийным* попыткам рабочих устранить или по меньшей мере ослабить эту конкуренцию, чтобы завоевать такие условия договора, которые позволили бы им жить хоть несколько лучше рабов. Непосредственная задача профессиональных союзов ограничивалась поэтому повседневными нуждами, попытками остановить непрерывное наступление капитала, одним словом, — вопросами заработной платы и рабочего времени. Такая деятельность профессиональных союзов не только законна, но и необходима. Без нее нельзя обойтись, пока существует современный способ производства. Наоборот, эта деятельность должна получить всеобщее распространение путем создания профессиональных союзов во всех странах и объединения этих профессиональных союзов. С другой стороны, — сами того не сознавая, профессиональные союзы становились *организационными центрами* для рабочего класса, подобно тому как средневековые муниципалитеты и коммуны были организационными центрами для буржуазии. Если профессиональные союзы нужны для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они еще более важны как *организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала*.

(б) Их настоящее.

Занятые исключительно местной и непосредственной борьбой с капиталом, профессиональные союзы еще не вполне осознали, какую силу они представляют собою для борьбы против самой системы наемного рабства. Поэтому они держались слишком в стороне от общего социального и политического движения. Однако недавно в

них, повидимому, пробудилось сознание их великой исторической миссии; об этом можно судить, например, по их участию в политическом движении в Англии в последнее время, по более широкому пониманию ими своей функции в Соединенных Штатах и из принятой на состоявшейся недавно большой конференции делегатов тред-юнионов в Шеффилде следующей резолюции: «Настоящая конференция, придавая важное значение деятельности Международного товарищества в целях объединения рабочих всех стран в общий братский союз, самым настоятельным образом рекомендует различным обществам, представленным здесь, войти в это Товарищество, необходимое, по мнению конференции, для прогресса и благосостояния всех трудящихся».

(в) Их будущее.

Независимо от своих первоначальных целей, они должны теперь научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей главной задачей его *полное освобождение*. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, направленное к этой цели. Считая себя представителями всего рабочего класса и борцами за его интересы, они должны привлекать в свои ряды и неорганизованных рабочих. Они должны особенно заботиться об интересах рабочих хуже всего оплачиваемых профессий, как например, сельскохозяйственных рабочих, беспомощных вследствие их особых условий. Профессиональные союзы должны убедить весь мир в том, что они борются не за узкие личные интересы, а за освобождение угнетенных миллионов.

7. Прямые и косвенные налоги:

(а) Никакое изменение формы налогового обложения не может вызвать существенного изменения в отношениях между трудом и капиталом.

(б) Тем не менее, если нужно выбирать между двумя системами налогового обложения, мы рекомендуем *полную отмену косвенных налогов и общую замену их прямыми налогами*.

Потому, что при прямых налогах товары дешевле и они не влияют на производство, в то время как косвенные налоги повышают цены товаров, так как торговцы прибавляют к этим ценам не только сумму косвенных налогов, но и проценты и прибыль на капитал, авансированный на их уплату;

Потому, что косвенные налоги скрывают от каждого отдельного лица сумму, которую он платит государству, тогда как

прямой налог ничем не замаскирован, взимается открыто, и даже самый темный человек не может не видеть, какую сумму он платит. Прямые налоги побуждают каждого контролировать правительство, тогда как косвенные налоги подавляют всякое стремление к самоуправлению.

8. И н т е р н а ц и о н а л ь н ы й к р е д и т .

Инициатива должна быть предоставлена французам.

9. П о л ь с к и й в о п р о с .

(а) Почему европейские рабочие поднимают этот вопрос? Прежде всего потому, что буржуазные писатели и агитаторы сговорились умалчивать о нем, хотя они покровительствуют всем национальностям на континенте, даже Ирландии. Какова причина этого замалчивания? Причина та, что и аристократы и буржуа смотрят на темную азиатскую державу на востоке Европы, как на последний оплот против поднимающейся волны рабочего движения. Эту державу можно действительно сломить только восстановлением Польши на демократических основах.

(б) При современном изменившемся положении Центральной Европы, и в частности Германии, более чем когда-либо необходима демократическая Польша. Без нее Германия сделается форпостом Священного союза, при ней она войдет в сотрудничество с республиканской Францией. До тех пор, пока не будет решен этот важный европейский вопрос, рабочее движение всегда будет встречать преграды, терпеть поражения, и развитие его будет задерживаться.

(в) Особенно рабочий класс Германии должен взять на себя инициативу в этом вопросе, потому что Германия одна из участниц разделов Польши.

10. А р м и я .

(а) Гибельное влияние больших постоянных армий на *производство* достаточно доказывалось на буржуазных конгрессах всевозможных наименований, на мирных, экономических, статистических, филантропических и социологических конгрессах. Поэтому мы считаем совершенно излишним распространяться по этому вопросу.

(б) Мы предлагаем всеобщее вооружение народа и всеобщее обучение пользованию оружием.

(в) Мы допускаем как необходимую переходную меру небольшие постоянные армии в качестве школ для обучения командного состава милиции; каждый гражданин должен в течение очень короткого времени служить в этих армиях.

11. Р е л и г и о з н ы й в о п р о с .

Инициатива должна быть предоставлена французам.

Написано К. Марксом на английском языке.

Напечатано в «The Working Man»

1 и 6 марта 1867 г.

Без подписи ¹.

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Маркса своей дочери Женни от 5 сентября 1866 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXV, стр. 477). *Ред.*

В РЕДАКЦИЮ «ZEITUNG FÜR NORDDEUTSCHLAND»¹.

Мне кажется, что попавшая, вероятно по недосмотру, в № 5522 Вашей газеты заметка о том, что «живущий в Лондоне доктор Маркс... намеревается, повидимому, объехать континент с целью пропаганды в пользу этого дела («очередного восстания» в Польше)», — есть не что иное, как неизвестно с какой «целью» состряпанная полицейская фальшивка.

Карл Маркс.

Лондон, 18 февраля 1867 г.

*Печатается по копии,
записанной рукой Кугельмана.*

¹ Вместо этого письма в редакцию газета «Zeitung für Norddeutschland» напечатала 21 февраля 1867 г. следующую заметку: «Согласно заявлению, присланному нам г. Карлом Марксом из Лондона, сообщение английских газет (см. № 5522 «Z. f. N.») о том, что он якобы должен принять активное участие в подготовке очередного восстания в Польше и с этой целью объехать континент, является вымыслом». *Ред.*

Фридрих Энгельс.

РЕЦЕНЗИИ НА «КАПИТАЛ», ТОМ I.

Печатаемые ниже рецензии на I том «Капитала» были написаны Энгельсом с целью разрушить тот заговор молчания, которым окружила «Капитал» буржуазная пресса. Энгельс не ограничился помещением рецензий в немногочисленных еще тогда рабочих или близких рабочему движению органах печати; в письме к Марксу от 11 сентября 1867 г. Энгельс предложил написать «критику книги с буржуазной точки зрения, дабы пустить дело в ход». Маркс ответил: «Твой план раскритиковать книгу с буржуазной точки зрения — лучшее военное средство» (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 445). Для осуществления этого плана Энгельс послал ряд рецензий в буржуазные органы через своих друзей. Часть этих рецензий все же не попала в печать и публикуется здесь в переводе с рукописей. Ред.

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «RHEINISCHE ZEITUNG».]

*Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии.
Том I. Процесс производства капитала. Мейснер, 1867.*

Всеобщее избирательное право к числу существовавших до сих пор парламентских партий прибавило еще новую, *социал-демократическую*. Во время последних выборов в северо-германский рейхстаг она выставила в большинстве крупных городов, во всех фабричных округах своих собственных кандидатов и провела шесть или восемь депутатов. По сравнению с предпоследними выборами она выказала значительно большую силу, и можно поэтому предполагать, что по крайней мере пока она находится еще в процессе роста. Было бы глупостью продолжать обходить благопристойным молчанием существование, деятельность и доктрины этой партии в стране, где благодаря всеобщему избирательному праву последнее слово ныне принадлежит самым многочисленным и беднейшим классам.

Как бы ни расходились между собой немногочисленные социал-демократические парламентарии, все же можно с уверенностью сказать, что все фракции этой партии будут приветствовать настоящую книгу как свою *теоретическую библию*, как арсенал, из которого они почерпнут самые существенные свои аргументы. Уже по одной этой причине она заслуживает особенного внимания. Но и по своему содержанию она способна возбудить интерес. Если главная аргументация *Лассалья*, — а Лассаль в политической экономии был только учеником Маркса, — ограничивалась постоянным повторением так называемого рикардовского закона заработной платы, то здесь мы имеем перед собой произведение, автор которого с бесспорно редкой ученостью рассматривает все отношение между капиталом и трудом в его связи со всей экономической наукой, ставит себе конечной целью «раскрыть *экономический закон движения* современного общества» и на основании безусловно добросовестных исследований, сделанных с несомненным знанием предмета, приходит к заключению, что весь «капиталистический способ производства» должен быть уничтожен. Мы хотели бы, однако, особое внимание обратить на то, что не только в конечных выводах этого труда, но и на всем его протяжении автор представляет в совершенно новом свете целый ряд важнейших пунктов поли-

тической экономии и приходит в чисто научных вопросах к таким результатам, которые сильно отличаются от всей прежней общепринятой политической экономии и которые патентованным экономистам, если они не хотят допустить крушения своей прежней доктрины, придется подвергнуть серьезной критике и научно опровергнуть. В интересах науки желательно, чтобы полемика именно вокруг этих пунктов развернулась в специальной литературе возможно скорее.

Маркс начинает с изложения отношения между товаром и деньгами; самое существенное из этого уже давно было опубликовано в особом труде. Затем он переходит к капиталу, и здесь мы тотчас же подходим к центральному пункту всего труда. Что такое капитал? — Деньги, которые превращаются в товар с тем, чтобы из товара снова превратиться в большую, чем первоначальная, сумму денег. Покупая хлопок за 100 талеров и продавая его за 110, я реализую свои 100 талеров как капитал, как самовозрастающую стоимость. Но тогда возникает вопрос, откуда берутся эти 10 талеров, которые я зарабатываю при этом процессе, каким образом путем двукратного простого обмена 100 талеров превращаются в 110 талеров? Ведь политическая экономия как раз предполагает, что при всяком обмене обмениваются равные стоимости. И Маркс разбирает всевозможные случаи (колебания цен товаров и т. д.), чтобы доказать, что при предпосылках, из которых исходит политическая экономия, образование 10 талеров *прибавочной стоимости* из первоначальных 100 талеров *невозможно*. И, тем не менее, этот процесс происходит ежедневно, а экономисты не дают нам объяснения этого факта. Это объяснение дает Маркс и притом следующим образом: загадку эту можно решить лишь в том случае, если мы найдем на рынке товар совершенно особого рода, товар, потребительная стоимость которого состоит в том, чтобы производить меновую стоимость. Этот товар существует, это — *рабочая сила*. Капиталист покупает на рынке рабочую силу и заставляет ее работать на себя с тем, чтобы продать ее продукт. Поэтому нам прежде всего надо исследовать рабочую силу.

Что такое стоимость рабочей силы? Согласно известному закону, это — стоимость тех средств существования, которые необходимы для того, чтобы рабочий мог поддерживать свое существование и продолжать свой род в соответствии с уровнем, исторически складывающимся в данной стране и в данную эпоху. Мы предполагаем, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Мы, далее, предполагаем, что эта стоимость выражается в *шестичасовом* труде в день, или в *половине* рабочего дня. Капиталист же

утверждает, что купил рабочую силу на *целый* рабочий день, и заставляет рабочего работать 12 или более часов. Таким образом, при двенадцатичасовом труде он приобрел продукт шести рабочих часов, не заплатив за него. Из этого Маркс делает вывод: *всякая прибавочная стоимость*, куда бы она ни шла—на прибыль ли капиталиста, земельную ренту, или налог и т. д., — есть *неоплаченный труд*.

Из того, что фабрикант заинтересован выколачивать ежедневно возможно большее количество неоплаченного труда, и из противоположного интереса рабочего возникает борьба вокруг продолжительности рабочего дня. В заслуживающей особенного внимания иллюстративной части на протяжении около ста страниц Маркс описывает историю этой борьбы в английской крупной промышленности, борьбы, которая, несмотря на протест фритредерских фабрикантов, прошлой весной закончилась тем, что не только вся фабричная промышленность, но и все мелкое производство и даже вся домашняя промышленность поставлены в рамки фабричного закона, по которому максимальное ежедневное рабочее время женщин и детей моложе 18 лет, — а тем самым косвенным образом и мужчин, — в наиболее значительных отраслях промышленности установлено в 10½ часов. Он вместе с тем объясняет также, почему английская промышленность не только не пострадала от этого; но, наоборот, выиграла, ибо труд каждого в отдельности выиграл в интенсивности больше, нежели была сокращена его продолжительность.

Однако прибавочная стоимость может быть увеличена еще другим способом, чем удлинение рабочего времени за пределы времени, требующегося для производства необходимых средств существования или их стоимости. В данном рабочем дне, — скажем в 12 часов, — заключается, согласно прежнему предположению, 6 часов необходимого труда и 6 часов труда, употребленного на производство прибавочной стоимости. Если каким-нибудь способом удастся сократить необходимое рабочее время до 5 часов, то остается 7 часов для производства прибавочной стоимости. Это может быть достигнуто путем сокращения рабочего времени, требующегося для производства необходимых средств существования, другими словами — удешевлением средств существования, а последнее в свою очередь — усовершенствованиями в производстве. К этому пункту Маркс опять дает подробную иллюстрацию, рассматривая и исследуя три главных рычага; посредством которых могут быть произведены эти усовершенствования: 1) *кооперацию*, или умножение сил, возникающее из одновременного и планомерного сотрудничества многих;

2) *разделение труда* в том виде, в каком оно развивалось в период собственно мануфактуры (следовательно, примерно до 1770 г.), наконец, 3) *машины*, при помощи которых с того времени развивалась крупная промышленность. Эти исследования также имеют большой интерес и обнаруживают поразительное знание дела вплоть до технологических деталей.

Мы не можем вдаваться в дальнейшие подробности исследований относительно прибавочной стоимости и заработной платы, но, во избежание недоразумений, должны заметить, что и школьной экономии, как показывает Маркс множеством цитат, не безызвестен факт, что заработная плата меньше, нежели весь продукт труда. Надо надеяться, что эта книга даст случай господам профессорам представить нам подробные объяснения по этому, по меньшей мере странному пункту. Следует особенно подчеркнуть, что все фактические доказательства, которые приводит Маркс, взяты из самых лучших источников, по большей части из официальных парламентских отчетов. В этой связи мы поддерживаем предложение автора, косвенно сделанное им в предисловии: организовать также и в Германии через правительственных комиссаров, — которые, однако, не должны быть предубежденными бюрократами, — основательное исследование условий труда в различных отраслях промышленности и представить отчеты рейхстагу и публике.

Первый том кончается исследованием о накоплении капитала. По этому пункту уже много писали, однако мы должны сознаться, что и здесь дано кое-что новое, а старое освещено с новых сторон. Самое замечательное здесь — это попытка доказать, что наряду с концентрацией и накоплением капитала и в ногу с ними идет накопление избыточного рабочего населения и что оба эти процесса в конце концов делают, с одной стороны, необходимым, а с другой стороны, возможным социальный переворот.

Как бы ни относился читатель к социалистическим взглядам автора, все же мы, надеемся, показали, что здесь читатель имеет дело с трудом, который стоит гораздо выше обычной социал-демократической повседневной литературы. Добавим еще, что, за исключением несколько трудных диалектических вещей на первых 40 страницах, книга, несмотря на всю ее строгую научность, все же легко понятна и даже интересна благодаря саркастической, никого не щадящей манере автора.

*Написано Ф. Энгельсом
для «Rheinische Zeitung», напечатано не было.
Печатается по рукописи.*

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «DIE ZUKUNFT».]

*Карл Маркс. Капитал. Том I. Гамбург. Мейснер. 1867,
стр. 784,8°.*

Печальным для каждого немца фактом является, что мы, народ мыслителей, до сих пор дали так мало в области политической экономии. Наши знаменитости в этой области — в лучшем случае компиляторы, как Рау и Рошер, а если и встречается что-либо оригинальное, то мы имеем дело с протекционистами, как Лист (который, впрочем, списывал у одного француза), или социалистами, как Родбертус и Маркс. Наша официальная политическая экономия, очевидно, в самом деле поставила себе задачей толкать в объятия социализма всякого, кто серьезно занимается экономической наукой. Ведь были же мы свидетелями того, что вся официальная политическая экономия осмелилась в борьбе против Лассалля отрицать давно известный и признанный закон определения заработной платы и что защиту таких людей, как Рикардо, от нападков Шульце-Делича и др. предоставили Лассалю. К сожалению, верно, что даже с Лассалем эти господа не могли справиться в научном отношении, и — какого бы признания ни заслуживали их практические стремления — они должны были принять упрек, что вся их наука состоит в размазывании гармоний Бастиа, затушевывающих все противоречия и трудности. Признание Бастиа авторитетом и отрицание Рикардо — такова в настоящее время официальная политическая экономия в Германии. Да и как может быть иначе? Политическая экономия, к сожалению, составляет у нас область, которой никто научно не интересуется: она составляет или часть знаний, необходимых для государственного экзамена, или до-нельзя поверхностно изучаемое подсобное средство для политической агитации. Виновата ли в этом наша государственная раздробленность, наша, к сожалению, еще так мало развитая промышленность или наша традиционная в этой отрасли наук зависимость от заграницы?

При таких обстоятельствах всегда отрадно получить книгу, подобную упомянутой выше, где автор, с негодованием про-

тивопоставляя принятой ныне опошленной политической экономии или, как он чрезвычайно метко называет ее, «вульгарной экономии» ее предшественников-классиков, до Рикардо и Сисмонди включительно, вместе с тем относится критически также и к классикам и в то же время всегда стремится не сходить с пути строго научного исследования. Прежние работы Маркса, в особенности появившаяся в 1859 г. у Дункера в Берлине работа о деньгах, выделялись уже своим строго научным характером и беспощадностью критики, и, насколько нам известно, до сих пор вся наша официальная политическая экономия ничего не противопоставила им. Но если она не могла ничего возразить против той работы, то что же она сможет сделать с настоящей книгой о капитале, содержащей 49 листов? Мы хотим, чтобы нас правильно поняли. Мы не говорим, что против выводов этой книги ничего нельзя возразить, что Маркс полностью развернул свои доказательства; мы говорим только: мы не думаем, чтобы среди всех наших экономистов нашелся хоть один, который был бы в состоянии их опровергнуть. Исследования, которые содержатся в этой книге, отличаются величайшей научной точностью. Сошлемся прежде всего на мастерское диалектическое построение всего целого, на то, каким образом в понятии товара уже представлены деньги в качестве существующих в себе (*an sich*), как из денег развивается капитал. Мы признаем, что считаем шагом вперед вновь введенную категорию *прибавочной стоимости*, и не видим, что можно было бы возразить против утверждения, что в качестве товара на рынке выступает не *труд*, а *рабочая сила*; мы считаем совершенно правильным исправление закона Рикардо о норме прибыли (а именно, что вместо прибыли надо поставить прибавочную стоимость). Мы должны признать, что исторический подход, который пронизывает всю книгу и который позволяет автору видеть в экономических законах не вечные истины, а лишь формулировку условий существования известных переходящих состояний общества, кажется нам очень убедительным, и мы, к сожалению, напрасно стали бы искать у наших официальных экономистов той учености и тонкого понимания, с которыми изображены здесь различные исторические состояния общества и условия их существования. Нашим дипломированным экономистам до сих пор были совершенно чужды такие исследования, как исследования об экономических условиях и законах рабства, о различных формах крепостничества и личной зависимости и о происхождении свободных рабочих. Мы хотели бы также услышать мнение этих господ

относительно имеющихся здесь исследований о кооперации, разделении труда и мануфактуре, машинах и крупной промышленности в их исторических и экономических связях и результатах; эти господа во всяком случае могут узнать здесь кое-что новое. И что скажут они в особенности по поводу того прямо противоречащего всем традиционным теориям свободной конкуренции и, тем не менее, доказанного здесь на основании официального материала факта, что хотя в Англии, родине свободной конкуренции, не существует ныне почти ни одной отрасли труда, где бы рабочий день не был строго установлен путем государственного вмешательства и где бы не было фабричного надзора, все же по мере ограничения рабочего времени не только происходит подъем отдельных отраслей промышленности, но и отдельный рабочий в сокращенное время дает больше продукта, чем прежде в более продолжительное?

Нельзя, к сожалению, отрицать, что особенно резкий тон, в котором автор говорит об официальных *немецких* экономистах, имеет свое оправдание. Все они в той или иной мере принадлежат к «вульгарной экономии»; ради сегодняшней популярности они протитуировали свою науку и отреклись от ее классических корифеев. Они говорят о «гармониях» и путаются в банальнейших противоречиях. Пусть суровый урок, который дает им эта книга, пробудит их от летаргического сна и напомнит им, что политическая экономия — не дойная корова, снабжающая нас молоком, а наука, требующая серьезного и ревностного служения ей.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Die Zukunft» № 254

от 30 октября 1867 г.

(Приложение.)

Без подписи.

Печатается по рукописи.

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «ELBERFELDER ZEITUNG».]

К. Маркс о капитале. Гамбург, издательство Отто Мейснера, том I. 1867.

Пятьдесят листов ученого труда — для того, чтобы доказать, что весь капитал наших банкиров, купцов, фабрикантов и крупных землевладельцев есть не что иное, как накопленный неоплаченный труд рабочего класса! Мы вспоминаем, как в 1848 г. «*Neue Rheinische Zeitung*» от имени силезских крестьян выставила требование «силезского миллиарда». Тысяча миллионов талеров, утверждала газета, такова сумма, которая при отмене крепостного права и феодальных повинностей была незаконно отнята у одних только силезских крестьян и попала в карман крупных землевладельцев, и эту сумму газета требовала обратно. Но господа из блаженной памяти «*Neue Rheinische Zeitung*» подобны священной Сивилле с ее книгами: чем меньше им предлагают, тем больше они требуют. Что значит тысяча миллионов талеров в сравнении с той колоссальной претензией, которая теперь предъявляется от имени всего рабочего класса, ибо именно так мы должны понять это дело! Если весь накопленный капитал имущих классов есть не что иное, как «неоплаченный труд», то из этого, повидимому, прямо следует, что этот труд должен быть задним числом оплачен, т. е. что весь капитал, о котором идет речь, должен быть передан труду. Пожалуй, следовало бы тогда предварительно поговорить о том, *кто*, собственно, будет уполномочен получить этот капитал. Но шутки в сторону! При всем радикально-социалистическом подходе рассматриваемой книги к своей задаче, при всей жестокости и беспощадности, с которыми она выступает против людей, считающихся авторитетами, мы должны все же признать, что это — в высшей степени ученая работа, претендующая на строжайшую научность. В печати уже не раз шла речь о том, что Маркс собирается подытожить результаты своих многолетних занятий в виде критики всей существовавшей до сих пор политической экономии и этим подвести под социалистические стремления тот научный базис, которого им

до сих пор не смогли дать ни Фурье, ни Прудон, ни также Лассаль. Об этой работе уже давно и часто появлялись сообщения в прессе. В 1859 г. появился у Дункера в Берлине «первый выпуск», в котором, однако, речь шла о вещах, не имевших непосредственно практического интереса, и который поэтому обратил на себя мало внимания. Последующие выпуски не появились в свет, и казалось, что новая социалистическая наука не пережила своих родовых мук. Сколько остроумно было отпущено по адресу этого нового откровения, о котором столь часто возвещали миру и которому, казалось, никогда не суждено будет увидеть свет! И вот перед нами, наконец, «первый том», — как уже сказано, в 50 листов, — и никто не может отрицать, что он содержит достаточно и более чем достаточно нового, смелого и дерзкого и что все это преподнесено во вполне научной форме. На этот раз Маркс обращается со своими необычными положениями не к массам, а к людям науки. Им надлежит защитить законы их экономической теории, которые оспариваются здесь в самой своей основе, им надлежит доказать, что хотя капитал и является накопленным трудом, но не *неоплаченным* накопленным трудом. Лассаль был агитатором-практиком, и против него можно было ограничиться выступлениями практически агитационного характера, в повседневной прессе, на собраниях. Но здесь идет речь о систематической научной теории, здесь повседневная пресса решать не может, здесь решающее слово может сказать лишь наука. Надо надеяться, что такие люди, как Рошер, Рау, Макс Вирт и т. д., не упустят возможности защитить правоту доселе всеми признанной политической экономии против этого нового нападения, которым несомненно нельзя пренебречь. Социал-демократические семена во многих местах дали всходы среди молодого поколения и рабочего населения, они и так найдут для себя в этой книге достаточную пищу.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Elberfelder Zeitung» № 302

от 2 ноября 1867 г.

Без подписи.

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «DÜSSELDORFER ZEITUNG».]

*Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии.
Том I. Гамбург, Мейснер. 1867.*

Эта книга очень разочарует некоторых читателей. Уже в течение ряда лет в определенных кругах говорилось о ее появлении. В ней наконец-то должны были быть раскрыты подлинное тайное учение и панацея социализма, и иной читатель, увидев, наконец, извещение о ее выходе, мог вообразить, что из нее он узнает, как же, собственно, будет выглядеть коммунистическое тысячелетнее царство. Кто рассчитывал на это удовольствие, тот основательно заблуждался. Впрочем он узнает о том, как дела не должны обстоять, причем это разъясняется ему весьма отчетливо и резко на 784 страницах, и, у кого есть глаза, чтобы видеть, тот увидит, что здесь требование социальной революции выставлено достаточно ясно. Здесь речь идет не о рабочих ассоциациях с государственным капиталом, как у покойного Лассалья, здесь идет речь об *уничтожении капитала* вообще.

Маркс был и остался все тем же революционером, каким он был всегда, и он менее чем кто бы то ни было стал бы скрывать в научном сочинении эти свои взгляды. Но о том, что будет после социального переворота, он дает указания лишь в самых общих чертах. Мы узнаем, что крупная индустрия «приводит к созреванию противоречий и антагонизмов капиталистической формы процесса производства, а следовательно, в то же время и к созреванию элементов образования нового и моментов переворота старого общества», и далее, что уничтожение капиталистической формы производства «восстанавливает индивидуальную собственность, но на основе достижения капиталистической эры, кооперации свободных рабочих и их общей собственности на землю и на произведенные самим трудом средства производства».

Этим мы должны удовлетвориться, и, судя по вышедшему тому, обещанные II и III тома этого сочинения также дадут нам мало насчет этого интересного пункта. На этот раз мы должны удовольствоваться «Критикой политической экономии», а здесь мы всту-

паем на очень обширное поле. Мы здесь не можем, конечно, вдаваться в научную оценку делаемых в этой объемистой книге подробных выводов, мы не можем даже вкратце передать выставленных там основных положений. Более или менее известные основные положения социалистической теории все сводятся к тому, что в современном обществе рабочему не возмещается полная стоимость продукта его труда. Это положение красной нитью проходит и через всю рассматриваемую книгу, но оно гораздо более уточнено, последовательнее проведено со всеми вытекающими из него последствиями, теснее увязано с основными положениями политической экономии или же резче им противопоставлено, чем это делалось до сих пор. Эта часть работы весьма выгодно отличается от всех известных нам прежних подобных сочинений своим стремлением к строгой научности, и видно, что автор серьезно относится не только к своей теории, но и к науке вообще.

Особенно бросилось нам в глаза в этой книге следующее: положения политической экономии автор рассматривает не как вечно значимые истины, как это обыкновенно делается, а как результаты определенного исторического развития. В то время как даже естествознание все больше и больше превращается в историческую науку, — стоит напомнить хотя бы астрономическую теорию Лапласа, всю геологию и сочинения Дарвина, — политическая экономия была до сих пор столь же абстрактной, общезначимой наукой, как математика. Какая бы судьба ни постигла другие утверждения этой книги, мы считаем непреходящей заслугой Маркса то, что он положил конец этому ограниченному представлению. После появления этого сочинения уже нельзя будет, например, экономически стричь под одну гребенку рабский труд, крепостной труд и свободный наемный труд; нельзя будет законы, действительные для современной крупной промышленности, которая характеризуется свободной конкуренцией, без дальнейших оговорок переносить на отношения древности или на средневековые цехи или, когда эти современные законы не подходят к прежним отношениям, объявлять эти последние еретическими. Из всех народов немцы в наибольшей степени и, пожалуй, почти только они одни обладают историческим пониманием, и поэтому вполне в порядке вещей, что опять-таки именно немец вскрывает исторические связи также и в области политической экономии.

*Написано Ф. Энгельсом.
Напечатано в «Düsseldorfer Zeitung» № 316
от 17 ноября 1867 г.
Без подписи.*

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «DER ВЕОВАСНТЕР»¹.]

*Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии.
Том I. Гамбург, Мейснер, 1867.*

Как бы ни относиться к тенденции настоящей книги, мы все же считаем себя вправе сказать, что она принадлежит к числу тех произведений, которые делают честь немецкому уму. Характерно, что автор, хотя и пруссак, но пруссак рейнский, а рейнские пруссаки еще до недавнего времени любили называть себя «пруссаками поневоле»; к тому же автор провел последние десятилетия вдали от Пруссии в изгнании. Сама Пруссия давно уже перестала быть страной какой бы то ни было научной инициативы, в особенности же такая инициатива невозможна там в исторической, политической или социальной области. О Пруссии можно скорее сказать, что она является представительницей русского, а не немецкого духа.

Что касается самой книги, то в ней следует четко различать две весьма различные части: во-первых, ценное положительное изложение предмета и, во-вторых, тенденцию выводов, которые делает из него автор. Первое в большей своей части является прямым обогащением науки. Автор рассматривает там экономические отношения, применяя совершенно новый, материалистический, естественно-исторический метод. Примером может служить изложение проблемы денег, а также выполненное с большим знанием дела подробное исследование того, как различные последовательные формы промышленного производства, — в данном случае кооперация, разделение труда, а вместе с ним мануфактура в узком смысле и, наконец, машины, крупная промышленность и соответствующие ей общественные связи и отношения, — естественно развиваются одна из другой.

Что же касается тенденции автора, то и в ней мы можем разли-

¹ Основой для этой рецензии послужило письмо Маркса Энгельсу от 7 декабря 1867 г. (см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 483 — 484). *Ред.*

чать двойное направление. Поскольку он старается доказать, что современное общество, рассматриваемое экономически, чревато другой, высшей формой общества, постольку он лишь стремится в области общественных отношений установить в качестве закона тот же самый постепенный процесс преобразования, который Дарвин установил в области естественной истории. Такое постепенное изменение и на самом деле происходило до сих пор в общественных отношениях, начиная с глубокой древности, на протяжении средних веков до наших дней, и, насколько нам известно, еще никогда и никем в науке серьезно не утверждалось, что Адам Смит и Рикардо сказали последнее слово относительно дальнейшего развития современного общества. Наоборот, либеральное учение о прогрессе включает в себя также прогресс в социальной области, и лишь склонные к претенциозным парадоксам так называемые социалисты представляют дело таким образом, будто они одни взяли на откуп общественный прогресс. Следует признать большой заслугой Маркса по сравнению с обыкновенными социалистами то, что он показывает наличие прогресса даже и там, где крайне одностороннее развитие современных условий сопровождается непосредственно ужасающими последствиями. Это имеет место везде при изображении вытекающих из фабричной системы в целом контрастов богатства и бедности и т. д. Именно этим критическим пониманием предмета автор дал, — без сомнения против своей воли, — самые сильные аргументы против всякого патентованного социализма (*Sozialismus von Fach*)¹.

Совсем иначе дело обстоит с тенденцией, с субъективными выводами автора, с тем, каким образом он представляет себе и изображает конечный результат современного процесса общественного развития. Они не имеют ничего общего с тем, что мы называем положительной частью книги. Если бы место позволило, то можно было бы, пожалуй, показать, что эти его *субъективные* фантазии опровергаются его же собственным *объективным* изложением.

Если весь социализм Лассаля состоял в том, чтобы ругать капиталистов и льстить прусским юнкерам, то здесь мы находим прямо противоположное. Г-н Маркс ясно показывает историческую необходимость капиталистического способа производства, как он называет нынешнюю социальную фазу, и равным образом ненужность только потребляющего землевладельческого юнкерства. Если Лас-

¹ Речь идет об утопическом социализме. (См. письмо Маркса Энгельсу от 7 декабря 1867 г. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 483). *Ред.*

саль был преисполнен иллюзий насчет призвания Бисмарка ввести социалистическое тысячелетнее царство, то г. Маркс достаточно ясно дезавуирует своего неудачного ученика. Он не только определенно заявляет, что не имеет ничего общего со всем «королевско-прусским правительственным социализмом», но говорит также на стр. 762 и сл., что господствующая теперь во Франции и Пруссии система приведет в скором времени к господству над Европой русского кнута, если ей своевременно не будет положен предел.

Заметим в заключение, что мы здесь могли обратить внимание только на основные черты этого объемистого тома; при детальном разборе можно было бы отметить еще многое, что мы здесь должны были опустить. Но для этой цели существует ведь достаточно специальных журналов, которые, несомненно, подробнее остановятся на этом, во всяком случае замечательном издании.

Написано Ф. Эмьельсом.

Напечатано в «Ver Beobachter» № 303

от 27 декабря 1867 г.

Без подписи.

Печатается по рукописи.

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «GEWERBEBLATT AUS
WÜRTTEMBERG».]

*Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии.
Том I. Гамбург, Мейснер, 1867.*

Если мы обращаем внимание на эту книгу, то вовсе не из-за специфически социалистической тенденции, открыто обнаруживаемой автором уже в предисловии. Мы делаем это потому, что книга эта, *независимо* от ее тенденции, содержит научные исследования и фактический материал, заслуживающие всяческого внимания. Мы не станем здесь заниматься научной частью, так как это не входит в наши задачи, и ограничимся исключительно фактической стороной.

Мы не думаем, чтобы существовало какое-нибудь другое произведение, — на немецком или другом каком-нибудь языке, — в котором так ясно и полно был бы дан анализ основных черт новейшей истории промышленности со времен средних веков до настоящего дня, как на стр. 302—495 настоящей книги в трех главах: кооперация, мануфактура и крупная промышленность. Каждая отдельная сторона промышленного прогресса здесь на своем месте выделена по заслугам, и если даже кое-где прорывается специфическая тенденция, то все же надо отдать справедливость автору, что он нигде не подгоняет фактов под свою теорию, а, наоборот, стремится представить свою теорию как результат фактов. Эти факты он всегда заимствовал из лучших источников и, что касается новейшего времени, из источников подлинных, но не известных в настоящее время в Германии: из английских парламентских отчетов. Те из немецких деловых людей, которые рассматривают свою промышленность не только с точки зрения повседневного барыша, но как существенное звено во всем великом современном промышленном развитии всех стран и поэтому интересуются и тем, что не относится непосредственно к их отрасли, найдут здесь

богатый и поучительный источник и будут нам благодарны за то, что мы обратили на него их внимание. Ведь давно уже прошли те времена, когда каждая отрасль хозяйства отдельно и мирно существовала сама по себе, теперь они все зависят друг от друга и от прогресса как в самых отдаленных странах, так и в непосредственной близости, и от меняющихся конъюнктур мирового рынка. И если, как это можно ожидать, новые договоры Таможенного союза вскоре приведут к сокращению прежних покровительственных пошлин, то для всех наших фабрикантов станет необходимым познакомиться в общих чертах с историей современной промышленности для того, чтобы заранее знать, как вести себя при таких переменах. Большая образованность, которая до сих пор всегда спасала нас, немцев, несмотря на политическую раздробленность, была бы и в данном случае лучшим оружием, которое мы могли бы обратить против грубо-материалистических англичан.

Это приводит нас к другому вопросу. При новом законодательстве Таможенного союза скоро должен наступить момент, когда во входящих в союз странах сами фабриканты потребуют одинакового регулирования рабочего времени на фабриках. Очевидно, было бы несправедливо, если бы в одном государстве рабочее время, особенно женщин и детей, целиком зависело от усмотрения фабриканта, между тем как в другом оно подвергалось бы существенным ограничениям. Едва ли можно будет обойтись без соглашения относительно общих норм в этом отношении, в особенности если в самом деле покровительственные пошлины будут понижены. Но в этом отношении у нас в Германии нет достаточного, пожалуй, можно даже сказать, нет никакого опыта, и мы вынуждены ограничиваться теми уроками, которые можно извлечь из законодательства других стран, в особенности Англии, и из последствий этого законодательства. И здесь автор оказал большую услугу немецкой промышленности тем, что он дал историю английского законодательства и его результатов в самом подробном виде на основании официальных документов (ср. стр. 207—281, 399—496 и далее в отдельных местах). Вся эта сторона истории английской промышленности почти совершенно неизвестна в Германии, и читатель с удивлением узнает, что, после того как парламентским актом текущего года не меньше $1\frac{1}{2}$ миллиона рабочих поставлены под правительственный контроль, теперь не только почти весь промышленный труд, но и большая часть труда в домашней промышленности, а также часть земледельческого труда подчинены в Англии надзору чиновников, и продолжительность его подлежит прямому или косвенному ограничению. Мы при-

зывает наших фабрикантов не пугаться тенденции книги и серьезно изучить особенно эту часть ее; этот же самый вопрос несомненно раньше или позже станет и перед ними.

Написано Ф. Энгельсом.

*Напечатано в «Gewerbeblatt aus Württemberg»
(Приложение к «Staatsanzeiger für Württemberg» № 306
от 27 декабря 1867 г.)*

Без подписи.

Печатается по рукописи.

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «NEUE BADISCHE LANDESZEITUNG».]

*Карл Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Том I.
Гамбург, Мейснер, 1867.*

Мы предоставляем другим заняться теоретической и строго научной частью этого труда и критиковать новый взгляд автора на происхождение капитала. Но мы не можем не обратить внимания на то, что он предлагает нам вместе с тем огромную массу ценнейшего исторического и статистического материала, который почти весь без исключения почерпнут из официальных отчетов комиссий английскому парламенту. Не без основания подчеркивает он важность таких исследовательских комиссий для изучения внутреннего социального положения какой-либо страны. Такие комиссии, — если, конечно, туда попадают подходящие люди, — являются для народа лучшим средством узнать самого себя, и г. Маркс едва ли неправ, когда говорит, что подобные обследования, проведенные в Германии, дали бы результаты, от которых мы сами должны были бы прийти в ужас. Ведь не знал же ни один англичанин до работы этих комиссий о том, как живут беднейшие классы его страны! Понятно, разумеется, что без подобных обследований всякое социальное законодательство, как это теперь принято называть в Баварии, будет проводиться лишь со слабым знанием дела и часто совсем в темную. Так называемые «переписи» и «обследования» германских правительственных учреждений даже отдаленно не похожи по своей ценности на данные этих комиссий. Мы слишком хорошо знаем бюрократический шаблон: рассылают формуляры и остаются довольны, если они возвращаются так или иначе заполненными; за информацией, на основе которой эти формуляры заполняются, слишком часто обращаются как раз к тем, в чьих интересах затушевать истину. В противоположность этому возьмите обследования английских комиссий

об условиях труда в отдельных отраслях промышленности. Здесь заслушивают не только фабрикантов и мастеров, но и рабочих, до маленьких девочек включительно; да опрашиваются и не только они, но и врачи, мировые судьи, духовные лица, учителя и вообще все те, кто может дать хоть какие-либо сведения о данном предмете. При этом каждый вопрос и каждый ответ стенографируются, дословно печатаются, а ко всему материалу прилагается основанный на нем отчет комиссии с ее выводами и предложениями. Таким образом, отчет и материалы к нему вместе с тем конкретно показывают, выполнили ли и как выполнили члены комиссии свой долг, и значительно затрудняют пристрастное отношение отдельных членов. Подробности об этом, точно так же как и бесчисленную массу примеров, можно найти в вышеупомянутой книге. Здесь мы хотим подчеркнуть лишь один пункт, а именно, что в Англии в ногу с распространением свободы торговли и промышленности идет распространение законодательного ограничения рабочего дня для женщин и детей, и тем самым почти все отрасли промышленности ставятся под наблюдение правительства. Г-н Маркс дает нам подробное историческое изложение этого развития, показывая, как вначале в прядильных и ткацких предприятиях с 1833 г. рабочий день был таким способом ограничен 12 часами; как после **длительной** борьбы между фабрикантами и рабочими рабочий день был, наконец, установлен в 10 ½ часов и 6 ½ часов для детей и как, начиная с 1850 г., этому фабричному закону подчиняется одна отрасль промышленности за другой: сначала ситценабивные фабрики (уже с 1845 г.), потом с 1860 г. красильни и белильни, с 1861 г. кружевные и чулочные фабрики, с 1863 г. гончарное производство, фабрики обоев и т. д., наконец с 1867 г. почти все остальные сколько-нибудь значительные отрасли промышленности, о значении этого последнего акта 1867 г. можно судить по тому, что этот акт ставит под защиту и контроль закона труд не менее чем *полутора миллиона* женщин и детей. Мы особо подчеркнули этот пункт, так как у нас в Германии в этом отношении дела обстоят в целом, к сожалению, достаточно скверно, и мы должны быть благодарны автору за то, что он рассмотрел этот вопрос столь исчерпывающим образом и сделал его доступным и для немецкой публики. Того же мнения будет каждый гуманный человек, как бы он ни относился к теоретическим положениям г. Маркса.

Входить в рассмотрение остального ценного материала по истории промышленности и земледелия нам не позволяет место,

но, на наш взгляд, всякий интересующийся политической экономией, промышленностью, положением рабочих, историей культуры и социальным законодательством, на какой бы точке зрения он ни стоял, не может не прочесть этой книги.

Написано Эмьсом.

Напечатано в «Neue Badische Landeszeitung» № 20

от 21 января 1868 г.

Без подписи.

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «DEMOKRATISCHES WOCHENBLATT».]

«Капитал» Маркса.

I.

С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как та, которая лежит перед нами. Отношение между капиталом и трудом, та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система, здесь впервые исследовано научно и притом с такой основательностью и остротой, какая была возможна лишь для немца. Какими бы ценными ни были и ни оставались сочинения Оуэна, Сен-Симона, Фурье, только немцу удалось достичь тех высот, с которых ясно разворачивается перед глазами вся область современных социальных отношений, подобно тому как перед зрителем, стоящим на самой высокой вершине, открывается расположенная ниже горная местность.

Существовавшая до сих пор политическая экономия учит нас, что труд есть источник всякого богатства и мера всех стоимостей, так что два предмета, на производство которых затрачено одинаковое рабочее время, обладают также одинаковой стоимостью, и — так как в среднем обмениваться друг на друга могут лишь равные стоимости — то эти предметы должны обмениваться один на другой. Но вместе с тем эта политическая экономия учит, что существует особый род накопленного труда, который она называет капиталом; этот капитал, по ее мнению, благодаря содержащимся в нем вспомогательным источникам, повышает производительность живого труда в сотни и тысячи раз и за это требует известного вознаграждения, которое называется прибылью, или барышом. Как мы все знаем, дело в действительности обстоит так, что прибыли накопленного мертвого труда становятся все огромнее, капиталы капиталистов все колоссальнее, тогда как заработная плата живого труда делается все меньше, масса живущих только на заработную плату рабочих становится все многочисленнее и беднее. Как же

разрешить это противоречие? Как может оставаться прибыль капиталисту, если рабочему возмещается полная стоимость труда, которую он придает своему продукту? Ведь раз обмениваются только равные стоимости, то так должно быть и в данном случае. С другой стороны, как могут обмениваться равные стоимости, как может рабочий получать полную стоимость своего продукта, если, как признают многие экономисты, этот продукт делится между ним и капиталистом? Старая политическая экономия беспомощно стоит перед этим противоречием, она пишет или смущенно лепечет ничего не говорящие фразы. До сих пор даже социалистические критики политической экономии не были в состоянии сделать ничего больше, как только выдвинуть это противоречие; никто его не разрешил, пока, наконец, Маркс не проследил процесса возникновения этой прибыли вплоть до места ее рождения и таким образом не сделал все ясным.

При исследовании капитала Маркс исходит из того простого и общеизвестного факта, что капиталисты увеличивают стоимость своего капитала путем обмена; они покупают товар на свои деньги и продают его затем за большее количество денег, чем он им самим стоил. Например, капиталист покупает хлопок за 1 000 талеров и продает его затем за 1 100 талеров и таким образом «зарабатывает» 100 талеров. Этот избыток в 100 талеров сверх первоначального капитала Маркс называет *прибавочной стоимостью*. Откуда возникает эта прибавочная стоимость? По предположению экономистов, обмениваются лишь равные стоимости, и в области абстрактной теории это правильно. Следовательно, покупка хлопка и его перепродажа так же не могут доставить прибавочной стоимости, как и обмен одного серебряного талера на 30 зильбергрошей и обратный обмен разменной монеты на серебряный талер: от такого обмена никто не делается ни богаче, ни беднее. Но прибавочная стоимость не может возникнуть также благодаря тому, что продавцы продают товары выше их стоимости или покупатели покупают их ниже их стоимости, потому что каждый поочередно бывает то покупателем, то продавцом, и это таким образом снова выравнивалось бы. Не может она также образоваться и благодаря тому, что продавец и покупатель обманывают друг друга, так как это не создало бы никакой новой или прибавочной стоимости, а лишь иначе распределило бы наличный капитал между капиталистами. Несмотря на то, что капиталист покупает товары и продает их по их стоимости, он все же извлекает больше стоимости, чем вкладывает. Как же это происходит?

При современных общественных отношениях капиталист находит на товарном рынке *товар*, который обладает своеобразным свойством, заключающимся в том, что его *потребление есть источник новой стоимости, есть создание новой стоимости*, и этот товар — *рабочая сила*.

Какова стоимость рабочей силы? Стоимость всякого товара измеряется необходимым для его производства трудом. Рабочая сила существует в образе живого рабочего, который нуждается в определенной сумме средств существования как для себя, так и для содержания своей семьи, которая обеспечивает продолжение существования рабочей силы и после его смерти. Таким образом, необходимое для производства этих средств существования рабочее время и представляет стоимость рабочей силы. Капиталист оплачивает ее по понедельно и тем покупает право пользоваться недельным трудом рабочего. До этого пункта господа экономисты должны будут в общем согласиться с нами в вопросе о стоимости рабочей силы.

И вот капиталист ставит своего рабочего на работу. В течение определенного времени рабочий дает то количество труда, которое представлено в его недельной заработной плате. Если мы допустим, что его недельная заработная плата соответствует трем рабочим дням, то рабочий, начав работу в понедельник, в среду вечером уже *возместит* капиталисту *полную стоимость уплаченной заработной платы*. Но прекращает ли он после этого работу? Ни в коем случае. Капиталист купил его *недельный* труд, и рабочий должен работать еще три остальных дня недели. Этот *прибавочный труд* рабочего, сверх того времени, которое необходимо для возмещения его заработной платы, есть *источник прибавочной стоимости*, прибыли, источник постоянно возрастающего набухания капитала.

Пусть нас не упрекают в том, что допущение, будто рабочий в три дня выработывает полученную им заработную плату и остальные три дня работает на капиталиста, является произвольным. Требуется ли ему для возмещения заработной платы именно три дня, или два, или четыре, в данном случае это, конечно, совершенно безразлично и изменяется соответственно обстоятельствам; но основное заключается в том, что капиталист, наряду с трудом, который он оплачивает, выколачивает также труд, которого он *не оплачивает*, и это — отнюдь не произвольное допущение, ибо в тот самый день, когда капиталист стал бы как правило получать от рабочего столько труда, сколько он ему оплачивает в заработной плате, в этот самый

день он закрыл бы свое предприятие, так как вся его прибыль пошла бы тогда прахом.

Здесь мы имеем разрешение всех упомянутых противоречий. Происхождение прибавочной стоимости (значительную часть которой составляет прибыль капиталиста) теперь совершенно ясно и естественно. Стоимость рабочей силы оплачивается, но эта стоимость гораздо меньше той, которую капиталист в состоянии выколотить из рабочей силы, и эта разница, *неоплаченный труд*, как раз и образует долю капиталиста или, точнее говоря, класса капиталистов. Ибо даже и та прибыль, которую хлопко-торговец выручил в вышеприведенном примере из хлопка, должна, если только не имело место повышение цен на хлопок, состоять из неоплаченного труда. Торговец продал свой товар хлопчатобумажному фабриканту, который может выручить из своего фабриката, помимо упомянутых 100 талеров, еще прибыль для себя и который, стало быть, делит с торговцем присвоенный неоплаченный труд. Именно за счет неоплаченного труда содержатся вообще все нетрудовые члены общества. Из него оплачиваются государственные и коммунальные налоги, поскольку они падают на класс капиталистов, земельная рента землевладельцев и т. д. На нем покоится весь существующий общественный строй.

С другой стороны, было бы нелепо предполагать, что неоплаченный труд возник лишь при современных отношениях, когда производство ведется, с одной стороны, капиталистами, с другой — наемными рабочими. Напротив. Угнетенный класс во все времена должен был отдавать свой неоплаченный труд. В течение всего продолжительного периода времени, когда господствующей формой организации труда было рабство, рабы были принуждены работать гораздо больше, чем им это возмещалось в форме средств существования. При господстве крепостничества вплоть до отмены барщинных повинностей крестьян происходило то же самое; здесь разница между временем, в течение которого крестьянин работает для поддержания своего собственного существования, и прибавочным трудом на помещика выступает даже вполне наглядно, так как последняя работа производится отдельно от первой. Теперь изменилась форма, но существо дела осталось; пока «часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести средства существования для собственников средств производства» (Маркс, стр. 202).

II.

В предыдущей статье мы видели, что каждый рабочий, нанятый капиталистом, выполняет двойной труд. В течение одной части своего рабочего времени он возмещает авансированную ему капиталистом заработную плату, и эту часть труда Маркс называет *необходимым трудом*. Но после этого ему приходится продолжать работу, и в течение этого времени он производит для капиталиста *прибавочную стоимость*, значительную часть которой составляет прибыль. Эта часть труда называется *прибавочным трудом*.

Мы предполагаем, что рабочий три дня в неделю работает для возмещения своей заработной платы и три дня для производства прибавочной стоимости для капиталиста. Иначе говоря, это значит, что при двенадцатичасовом ежедневном труде он в шесть часов отработывает свою заработную плату и шесть часов работает для производства прибавочной стоимости. Из недели можно выжать только шесть, а если включить и воскресенье, семь рабочих дней, но из каждого отдельного дня можно выколотить шесть, восемь, десять, двенадцать, пятнадцать и даже больше рабочих часов. Рабочий продает капиталисту за однодневную заработную плату один рабочий день. Но *что такое рабочий день?* Восемь часов или восемнадцать?

Капиталист заинтересован в том, чтобы сделать рабочий день возможно длиннее. Чем он длиннее, тем больше производится прибавочной стоимости. Верное чутье подсказывает рабочему, что каждый час труда, который он работает сверх возмещения заработной платы, у него незаконно отбирается; он чувствует на собственной шкуре, что значит работать чрезмерно длительное время. Капиталист борется за свою прибыль, рабочий—за свое здоровье, за несколько часов ежедневного отдыха, чтобы иметь возможность не только работать, спать и есть, но проявлять себя в качестве человека и в других отношениях. Заметим еще мимоходом, что от доброй воли отдельных капиталистов совершенно не зависит, желают ли они вступать в эту борьбу или нет, так как конкуренция заставляет даже самых филантропических из них присоединяться к своим коллегам и устанавливать рабочее время такой же продолжительности, как и у них.

Борьба за рабочий день тянется, начиная с первого выступления на историческую арену свободных рабочих и до настоящего дня. В различных отраслях промышленности господствует различный по своей продолжительности установленный обычаем рабочий день,

но в действительности он соблюдается редко. Только там, где рабочий день установлен законом, который следит за его соблюдением, только там и можно сказать, что существует твердый рабочий день. Но до сих пор это имеет место почти исключительно только в фабричных округах Англии. Здесь установлен десятичасовой рабочий день для всех женщин и мальчиков от 13 до 18 лет (10 ½ часов в течение пяти дней, 7 ½ часов в субботу), а так как мужчины не могут работать без них, то и они подпадают под действие десятичасового рабочего дня. Английские фабричные рабочие завоевали этот закон путем многолетней выдержки, упорнейшей, решительнейшей борьбы с фабрикантами при помощи свободы печати, права коалиций и собраний, а также и искусного использования расколов в самом господствующем классе. Этот закон стал защитой английских рабочих. Постепенно он был распространен на все отрасли крупной промышленности, а в прошлом году — *почти на всю промышленность*, по крайней мере на все те отрасли, в которых заняты женщины и дети. По истории этого законодательного регулирования рабочего дня в Англии рассматриваемая книга содержит весьма исчерпывающий материал. Предстоящий «Северо-германский рейхстаг» будет обсуждать также промышленный устав, а вместе с тем и регулирование фабричного труда. Мы надеемся, что ни один из проведенных немецкими рабочими депутатов не приступит к обсуждению этого закона, не изучив предварительно книги Маркса. *Здесь можно будет много добиться.* Раскол в среде господствующих классов более благоприятен для рабочего класса, чем это когда-либо было в Англии, *так как всеобщее избирательное право вынуждает господствующие классы заигрывать с рабочими.* Четыре или пять представителей пролетариата являются при этих условиях *силой*, если только они сумеют использовать свое положение, если они прежде всего будут знать, о чем идет речь, будут знать то, чего не знают буржуа. А книга Маркса дает им для этой цели весь материал в готовом виде.

Мы опускаем еще целый ряд превосходных исследований, имеющих преимущественно теоретический интерес, и переходим к заключительной главе, в которой идет речь об аккумуляции, или накоплении, капитала. Здесь сначала доказывается, что капиталистический способ производства, т. е. способ производства, предполагающий наличие, с одной стороны, капиталистов, с другой — наемных рабочих, не только постоянно заново производит капитал для капиталиста, но вместе с тем непрерывно воспроизводит и нищету рабочих; так что тем самым обеспечено, чтобы всегда на одном полюсе су-

ществовали капиталисты, являющиеся собственниками всех средств существования, всего сырья и всех орудий производства, а на другом полюсе—огромная масса рабочих, которые вынуждены продавать свою рабочую силу этим капиталистам за некоторое количество средств существования, которых в лучшем случае хватает только на поддержание работоспособности рабочих и на то, чтобы вырастить новое поколение работоспособных пролетариев. Но капитал не просто воспроизводится; он все время увеличивается и разрастается, и вместе с этим растет его власть над лишенным собственности классом рабочих. И в той же степени, в какой он сам воспроизводится во все большем масштабе, современный капиталистический способ производства воспроизводит во все большем масштабе, во все возрастающем числе класс лишенных собственности рабочих. «Накопление капитала воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе, больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом... Итак, *накопление капитала есть увеличение пролетариата*» (стр. 600). Но благодаря развитию машинного производства, улучшениям в земледелии и т. д. для производства одного и того же количества продуктов требуется все меньше рабочих, и усовершенствование это, означающее образование излишка рабочих, идет быстрее, чем даже возрастает капитал. Что же делается с этим все возрастающим количеством рабочих? Они образуют промышленную резервную армию, которая во время плохого или среднего хода дел оплачивается *ниже* стоимости ее труда, бывает занята нерегулярно или попадает под опеку общественной благотворительности, но которая, как это ясно видно в Англии, необходима классу капиталистов во время особо оживленного состояния дел. *При всех обстоятельствах* она служит для того, чтобы сокрушать силу сопротивления регулярно занятых рабочих и держать их заработную плату на низком уровне. «Чем больше общественное богатство... тем больше относительное перенаселение, или промышленная резервная армия. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, или те слои рабочих, нищета которых обратно пропорциональна мукам их труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления*» (стр. 631).

Таковы некоторые из основных законов современной капиталистической общественной системы, доказанные строго научно,

и официальные экономисты, конечно, остерегаются даже сделать попытку их опровергнуть. Но все ли этим сказано? Ни в коем случае. С какой остротой Маркс выдвигает дурные стороны капиталистического производства, с такой же ясностью он доказывает, что эта общественная форма была необходима для того, чтобы развить производительные силы общества до такой высоты, которая сделает возможным одинаковое, достойное человека развитие для *всех* членов общества. Все прежние общественные формы были для этого слишком бедны. Только капиталистическое производство создает необходимые для этого богатства и производительные силы. Но в то же время в лице массы угнетенных рабочих оно создает общественный класс, который все более становится перед необходимостью взять эти богатства и производительные силы в свои руки, с тем, чтобы использовать их не в интересах класса-монополиста, как они используются в настоящее время, а в интересах всего общества.

Написано Ф. Эмельсом.

Напечатано в «Demokratisches Wochenblatt»

№№ 12, 13 от 21 и 28 марта 1868 г.

Без подписи.

[РЕЦЕНЗИЯ ДЛЯ «FORTNIGHTLY REVIEW».]

Карл Маркс о капитале.

Томас Тук в своих исследованиях о денежном обращении указывает, что деньги, функционируя как капитал, притекают обратно к своему исходному пункту, между тем как этого не бывает с деньгами, функционирующими только как средство обращения. Это различие (которое, впрочем, было установлено значительно раньше сэром Джемсом Стюартом) используется г. Туком только в качестве одного из звеньев в его аргументации против утверждений сторонников теории «сиггенсу» о влиянии выпуска бумажных денег на цены товаров. Наш автор, наоборот, делает это различие исходным пунктом своего исследования характера самого капитала и, в особенности, вопроса: каким образом деньги, эта независимая форма существования стоимости, превращаются в капитал?

Все деловые люди, говорит Тюрго, имеют то общее свойство, что они *покупают, чтобы продать*; их покупки — это аванс, который впоследствии им возмещается.

Покупка с целью продажи — таков в самом деле характер сделки, в которой деньги функционируют как капитал и которая делает необходимым их возвращение к их исходному пункту, в отличие от *продажи с целью покупки* — процесса, в котором деньги могут функционировать только как средство обращения. Таким образом, мы видим, что различный порядок, в котором акты продажи и покупки следуют друг за другом, придает деньгам два различных направления обращения. Для иллюстрации этих двух процессов наш автор дает следующие формулы:

Продажа с целью покупки; товар Т обменивается на деньги Д, которые вновь обмениваются на другой товар Т, или $T - D - T$.

Покупка с целью продажи: деньги обмениваются на товар, а этот последний вновь обменивается на деньги: $D - T - D$.

Формула $T - D - T$ представляет собою простое обращение товаров, в котором деньги функционируют как средство обращения, как сиггенсу. Эта формула проанализирована в первой главе разби-

раемой нами книги, в которой содержится новая и очень понятная (simple) 'теория стоимости и денег, чрезвычайно интересная в научном отношении, но которой мы здесь не касаемся, так как она нам в общем не нужна при рассмотрении того, что мы считаем основным во взглядах Маркса на капитал.

Формула Д — Т — Д, с другой стороны, представляет ту форму обращения, в которой деньги сами превращаются в капитал.

Процесс покупки с целью продажи: Д — Т — Д может, очевидно, быть сведен к Д — Д; это косвенный обмен денег на деньги. Предположим, что я покупаю за 1000 ф. ст. хлопок и продаю его за 1100 ф. ст.; тогда *в конечном счете* я обменял 1000 ф. ст. на 1100 ф. ст., деньги на деньги.

Если бы этот процесс всегда сводился к возвращению мне той денежной суммы, которую я авансировал, он был бы нелепым. Но если купец, который авансировал 1000 ф. ст., реализует 1100 ф. ст., или 1000 ф. ст., или даже только 900 ф. ст., его деньги прошли фазу, существенно отличающуюся от той, которая выражена формулой Т — Д — Т; эта формула означает продажу с целью покупки, продажу того, что вам не нужно, чтобы быть в состоянии купить то, что вам нужно. Сравним обе эти формулы.

Каждый процесс состоит из двух фаз, или актов, и оба эти акта тождественны в обеих формулах, но между самими этими двумя процессами большая разница. В Т — Д — Т деньги только посредник; товар, потребительная стоимость, составляет исходный и конечный пункт. В Д — Т — Д товар — промежуточное звено, в то время как деньги являются началом и концом. В Т — Д — Т деньги окончательно издержаны; в Д — Т — Д они только авансированы с намерением получить их обратно; они возвращаются к своему исходному пункту, и в этом мы имеем первое осязательное различие между обращением денег как средства *обращения* и обращением их как *капитала*.

В процессе продажи с целью покупки, Т — Д — Т, деньги могут вернуться к своему исходному пункту только при условии, что весь процесс будет повторен, что новое количество товара будет продано. Обратный приток поэтому независим от самого процесса. Но в Д — Т — Д этот обратный приток является необходимостью и предусмотрен с самого начала; если он не имел места, то где-то произошла задержка, и процесс остается неполным.

Продажа с целью покупки имеет в виду приобретение *потребительной* стоимости; покупка с целью продажи — приобретение *меновой* стоимости.

В формуле Т — Д — Т оба крайних члена, выражаясь эконо-

мически, тождественны. Они оба — товары; они, кроме того, имеют количественно одну и ту же стоимость, так как вся теория стоимости заключает в себе предположение, что нормально обмениваются только эквиваленты. В то же самое время эти два крайних члена $T - T$ суть различные по качеству потребительные стоимости, которые именно потому и обмениваются. В процессе $D - T - D$ вся операция на первый взгляд представляется лишенной смысла. Обменивать 100 ф. ст. на 100 ф. ст., к тому же еще окольным путем, представляется абсурдом. Одна денежная сумма может отличаться от другой денежной суммы только своей величиной. $D - T - D$ может иметь какой-нибудь смысл только при количественном различии своих крайних членов. Из обращения должно быть извлечено больше денег, чем было в него брошено. Хлопок, купленный за 1 000 ф. ст., продан за 1 100 ф. ст., 1 000 ф. ст. + 100 ф. ст.; формула, изображающая этот процесс, превращается таким образом в $D - T - D'$, в которой $D' = D + \Delta$, D плюс приращение. Это ΔD , это приращение, Маркс называет *прибавочной стоимостью*¹. Первоначально авансированная стоимость не только сохраняется, но и присоединяет к себе некоторое приращение, она *порождает стоимость, и именно этот процесс превращает деньги в капитал.*

В форме обращения $T - D - T$ крайние члены, конечно, также *могут* отличаться по стоимости, но это обстоятельство здесь совершенно не имеет значения; формула не лишается смысла, если оба крайних члена эквивалентны. Наоборот, их эквивалентность составляет условие ее нормального характера.

Повторение $T - D - T$ ограничено обстоятельствами, лежащими вне самого процесса обмена: требованиями потребления. Но в $D - T - D$ начало и конец тождественны по качеству, и именно в силу этого факта движение это есть или может быть постоянным. Нет сомнения, что $D + \Delta D$ количественно отличается от D ; но это все еще только ограниченная сумма денег. Если вы ее издержите, она перестает быть капиталом; если вы извлечете ее из обращения, она застывает в виде сокровища. Раз мы допустили, что в процессе заложен стимул к тому, чтобы стоимость порождала стоимость, то этот стимул существует для D' в такой же мере, в какой он существовал для D . Движение капитала становится постоянным и бесконечным, потому что при окончании каждой отдельной сделки цель достигнута не более, чем раньше. Выполне-

¹ Примечание. Во всех тех случаях, когда слово «стоимость» здесь употреблено без определения, оно всегда означает *меновую стоимость*.

ние этого бесконечного процесса превращает владельца денег в *капиталиста*.

На первый взгляд формула $D - T - D$ применима только к торговому капиталу. Но и промышленный капитал также представляет собою деньги, которые были обменены на товары и снова обменены на большую сумму денег. Конечно, в данном случае между покупкой и продажей есть много промежуточных операций, происходящих вне сферы простого обращения; но они ничего не изменяют в характере процесса. С другой стороны, мы видим тот же самый процесс в его самой сокращенной форме в ростовщическом капитале. Здесь формула сводится к $D - D'$, к стоимости, которая, так сказать, больше себя самой.

Но откуда берется это приращение D , эта прибавочная стоимость? Наши предыдущие исследования характера товаров, стоимости, денег и самого обращения не только не дают объяснения этого вопроса, но, повидимому, даже исключают всякую форму обращения, которая в результате приводит к такой вещи, как прибавочная стоимость. Вся разница между обращением товаров ($T - D - T$) и обращением денег как капитала ($D - T - D$) состоит как будто только в обратном порядке процесса; но как же эта перемена порядка может дать такой странный результат?

Более того: этот обратный порядок существует только для *одного* из трех участников процесса. Как капиталист, я покупаю товар у А и перепродаю его Б. А и Б являются простыми покупателями и продавцами товаров. Я сам при покупке у А являюсь только владельцем денег, а при продаже Б — владельцем товара, но ни в одной из этих сделок я не являюсь капиталистом, представителем чего-то *большого*, чем деньги или товар. Для А сделка началась продажей, для Б она началась покупкой, и если, с моей точки зрения, здесь есть обратный порядок формулы $T - D - T$, то, с их точки зрения, этого нет. Кроме того, ничто не может помешать А продать свой товар Б без моего посредничества, и в таком случае нет места для какой-нибудь прибавочной стоимости.

Предположим, что А и Б покупают непосредственно друг у друга то, что им необходимо. Поскольку речь идет о потребительной стоимости, они оба могут быть в выигрыше. А, может быть, даже в состоянии произвести больше своего товара, чем может произвести в то же самое время Б, и наоборот; в таком случае они оба будут в выигрыше. Иначе обстоит дело с меновой стоимостью. В этом последнем случае обмениваются равные количества стоимости независимо от того, служат ли деньги посредником или нет.

Если рассматривать простое товарное обращение абстрактно, т. е. исключив все обстоятельства, не вытекающие из его имманентных законов, то, кроме замены одной потребительной стоимости другой, в нем происходит только изменение формы товара. *Та же самая* меновая стоимость, то же самое количество общественного труда, воплощенного в предмете, остается в руках товаровладельца, будет ли это в форме самого товара, в форме ли денег, за которые он продан, или в форме второго товара, купленного за эти деньги. Это изменение формы само по себе столь же мало представляет изменение величины стоимости, как обмен билета в 5 ф. ст. на 5 соверенов. Поскольку здесь происходит только изменение *формы* меновой стоимости, здесь должен происходить обмен эквивалентов, — по крайней мере, если процесс совершается в чистом виде и при нормальных условиях. Товары *могут* быть проданы по ценам, которые выше или ниже их стоимости, но, если это имеет место, это есть нарушение закона товарного обмена. Следовательно, в своей чистой и нормальной форме товарный обмен не есть средство создания прибавочной стоимости. Отсюда и происходит ошибка всех экономистов, например Кондильяка, которые пытаются вывести прибавочную стоимость из товарного обмена.

Но предположим, что процесс совершается не при нормальных условиях и что обмениваются не эквиваленты. Пусть каждый продавец продает, например, свой товар на 10% выше его стоимости. *Ceteris paribus* [*при прочих равных условиях*] каждый из них теряет как покупатель то, что он выгадал как продавец. Получится то же самое, как в том случае, если бы стоимость денег упала на 10%. Обратное, но с тем же результатом, произойдет, если все покупатели будут покупать свои товары на 10% ниже их стоимости. Мы ни на волос не приблизимся к решению, если предположим, что каждый товаровладелец в качестве производителя продает товары выше их стоимости и в качестве потребителя покупает их выше их стоимости.

Последовательные защитники той иллюзии, что прибавочная стоимость возникает от номинальной надбавки к цене товаров, всегда предполагают существование класса, который покупает, никогда не продавая, который потребляет, не производя. В данной стадии нашего исследования существование такого класса еще не объяснимо. Но допустим это. Откуда же этот класс берет деньги, чтобы покупать? Очевидно, от товаропроизводителей, — все равно, в силу ли права или насилия, — без обмена. Продавать такому классу товары выше их стоимости значит только получить обратно часть тех денег, которые даны были совершенно безвозмездно. Таким образом, города

Малой Азии, платя дань римлянам, получали обратно часть этих денег, надувая римлян в торговле; но в конце концов все же эти города оставались в накладе. Таким образом, это не метод создания прибавочной стоимости.

Предположим случай надувательства. А продает Б вино стоимостью в 40 ф. ст. и получает в обмен рожь стоимостью в 50 фунтов стерлингов. А выгадал 10 ф. ст., а Б потерял 10 ф. ст., но вместе у них только 90 ф. ст., как и прежде. Стоимость перемещена, но не создана. Весь класс капиталистов известной страны не может, обманывая друг друга, увеличить свое коллективное богатство.

Поэтому: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, а если обмениваются не эквиваленты, то также не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение товаров не создает новой стоимости. В этом заключается причина того, почему здесь совершенно не приняты во внимание две самые старые и широко известные формы капитала: торговый капитал и ростовщический капитал. Для объяснения прибавочной стоимости, присваиваемой этими двумя формами капитала не просто надувательством, требуется ряд промежуточных звеньев, которые еще отсутствуют в этой стадии исследования. В дальнейшем мы увидим, что обе они — только производные формы, а также установим, почему исторически обе появляются гораздо раньше современного капитала.

Прибавочная стоимость не может, таким образом, возникнуть из обращения товаров. Но может ли она возникнуть вне его? Вне его товаровладелец есть просто производитель товара, стоимость которого определяется количеством содержащегося в нем труда и измеряется определенным общественным законом. Эта стоимость выражена в счетных деньгах, предположим, в 10 фунтах стерлингов. Но эта цена в 10 ф. ст. не есть в то же самое время цена в 11 ф. ст.; труд, содержащийся в товаре, создает стоимость, но не такую стоимость, которая порождает новую стоимость; он может прибавить новую стоимость к существующей стоимости, но лишь путем прибавления нового труда. Но как в таком случае может товаровладелец, вне сферы обращения, не приходя в соприкосновение с товаровладельцем, как может он производить прибавочную стоимость или, другими словами, превращать товары или деньги в капитал?

«Итак, капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть *вне* обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время *не* в обращении. Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на почве имманентных законов

товарообмена, т. е. *исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов*. Наш владелец денег, который представляет пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце концов из этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время *не* в сфере обращения. Таковы условия проблемы. *Hic Rhodus, hic salta*» [Здесь Родос, здесь и прыгай].

Перейдем теперь к решению.

«Изменение стоимости денег, которым предстоит превратиться в капитал, не может совершиться в самих деньгах: как покупательное средство и как платежное средство, они *реализуют* лишь цену товаров, покупаемых на них или оплачиваемых ими. А, поскольку они пребывают в своей денежной форме, не будучи обменены, они вообще никогда не могут изменить своей стоимости. Столь же мало может возникнуть это изменение из второго акта обращения, из перепродажи товара, потому что этим актом товар просто превращается из натуральной формы обратно в денежную форму. *Изменение должно произойти с товаром*, который покупается в первом акте Д—Т, но не с его меновой стоимостью, ибо обмениваются эквиваленты, товары оплачиваются по их стоимости. *Изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара*, т. е. из его потребления. Но извлечь меновую стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, *самая потребительная стоимость которого обладала бы специфическим свойством быть источником меновой стоимости, такой товар, фактическое потребление которого, как таковое, есть овеществление труда, а следовательно, соиздание стоимости*. И владелец денег находит на рынке такой своеобразный товар; это — способность к труду, или *рабочая сила*.

«Под рабочей силой или способностью к труду мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.

«Но для того, чтобы владелец денег мог фактически найти на рынке рабочую силу как особый товар, должны быть созданы различные предпосылки. Товарообмен сам по себе не предполагает никаких иных отношений зависимости, кроме тех, которые выте-

кают из его собственной природы. А раз это так, рабочая сила может выступать на рынке как товар лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносится на рынок или продается своим собственным владельцем, т. е. тем самым лицом, рабочей силой которого она является. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею; следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, свободной личностью. Собственник рабочей силы и собственник денег встречаются на рынке и вступают между собой в сделку как равноправные, свободные и независимые товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупает, в то время как другой — продает. Длительное существование этого рода отношения требует, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что если бы он продал ее целиком, раз навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар... Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу в качестве товара, состоит в том, что владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и вместе с тем был бы вынужден продавать в виде товара самую рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме.

«Для того, чтобы иметь возможность продавать какие-либо отличные от своей рабочей силы товары, надо, конечно, обладать средствами производства, например сырьем, орудиями труда и т. д. Сапоги нельзя сделать, не имея кожи. Работнику необходимы кроме того средства существования. Никто не может жить продуктами будущего, потребительными стоимостями, производство которых еще не закончено: с первого дня появления своего на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять прежде, чем он начнет производить и в то время как он производит. Если продукты производятся как *товары*, то они должны быть проданы *после* того, как закончено их производство, и только после своей продажи могут удовлетворять потребности производителя. Но времени, необходимому для производства, присоединяется таким образом время, необходимое для продажи.

«Таким образом, владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если он найдет на рынке *свободного рабочего*, свободного в двойном смысле: во-первых, он должен располагать своей рабочей силой, как свободная личность своим товаром; во-вторых, не должен иметь для продажи никакого другого

товара; должен быть гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для практического применения своей рабочей силы.

«Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда как особое подразделение товарного рынка. И нас он пока интересует столь же мало. Мы придерживаемся данного факта теоретически, как владелец денег придерживается его практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит, с одной стороны, владельцев денег и товаров, а, с другой стороны, — владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам: оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства.

«Те экономические категории, которые мы рассматривали раньше, также носят на себе следы своей истории. Существование продукта в качестве товара скрывает в себе определенные исторические предпосылки. Чтобы стать товаром, продукт должен производиться не как непосредственное средство существования для самого производителя. Если бы мы спросили себя: при каких условиях все или по крайней мере большинство продуктов принимают форму товара, то мы нашли бы, что это совершается лишь на основе совершенно своеобразного, *капиталистического* способа производства. Но такое исследование не связано с анализом товара. Товарное производство и товарное обращение могут существовать, несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенная непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости... или, если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известное развитие товарного обращения. Особенности форм денег, просто товарный эквивалент, средство обращения, платежное средство, сокровище и мировые деньги указывают в связи с преобладанием той или другой из этих функций на очень различные ступени развития общественного процесса производства. Тем не менее, как показывает опыт, достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы. Совершенно иное приходится сказать о капитале. Исторические условия его существования отнюдь не исчерпываются налично-

стью товарного и денежного обращения. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и средств существования находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы, и уже одна эта предпосылка заключает в себе целый мир особого исторического развития. Таким образом, капитал с самого своего возникновения возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства».

Рассмотрим теперь этот особенный товар — рабочую силу. Подобно всем другим товарам, она обладает меновой стоимостью; эта стоимость определяется таким же способом, каким и стоимость всех других товаров: рабочим временем, необходимым для ее производства и воспроизводства. Стоимость рабочей силы равна стоимости средств существования, необходимых для поддержания ее владельца в нормальном состоянии трудоспособности. Эти средства существования регулируются климатом и другими естественными условиями и уровнем, исторически установившимся в каждой стране. Они изменяются, но для данной страны, для данной эпохи они даны. Кроме того, они включают и средства существования для замещения истощенных рабочих, средства существования для их детей, чтобы дать возможность этому особому виду товаровладельцев увековечить себя. Они включают, наконец, для квалифицированного труда затраты на обучение.

Минимальная граница стоимости рабочей силы есть стоимость абсолютно необходимых физически средств существования. Если цена рабочей силы падает до этой границы, она падает ниже своей стоимости, так как последняя включает рабочую силу нормального, а не низшего качества.

Из характера труда явствует, что рабочая сила употребляется только *после* того, как она была продана, и во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается после того, как она действовала. Таким образом, везде рабочий оказывает кредит капиталисту. Маркс приводит из парламентских документов некоторые интересные примеры практических результатов этого оказываемого рабочими кредита; для ознакомления с ними мы отсылаем читателя к самой книге.

Потребляя рабочую силу, покупатель ее производит одновременно товары и прибавочную стоимость, но, чтобы рассмотреть этот процесс, мы должны оставить сферу обращения и перейти в сферу производства.

Здесь мы сразу находим, что процесс труда имеет двойкий характер. С одной стороны, это простой процесс производства потребитель-

ной стоимости как таковой; он может и должен существовать при всех исторических формах общественного бытия; с другой стороны, это процесс, совершающийся при специфических условиях капиталистического производства, как уже было указано ранее. Это нам теперь предстоит исследовать.

Процесс труда на капиталистической основе имеет две особенности. Во-первых, рабочий работает под контролем капиталиста, который следит за тем, чтобы ничего не растрачивалось и чтобы на каждый индивидуальный продукт труда затрачивалось не больше общественно-необходимого количества труда. Во-вторых, продукт является собственностью капиталиста, так как процесс труда совершается между двумя вещами, принадлежащими капиталисту: рабочей силой и средствами производства.

Капиталиста интересует потребительная стоимость лишь в той мере, в какой она является воплощением меновой стоимости и, особенно, прибавочной стоимости. Его задача — произвести товар, имеющий более высокую стоимость, чем сумма стоимости, вложенная в его производство. Но каким образом это можно сделать?

Возьмем какой-нибудь товар, например хлопчатобумажную пряжу, и рассмотрим заключающееся в ней количество труда. Предположим, что для производства 10 ф. пряжи требуется 10 ф. хлопка стоимостью в 10 шилл. (не принимая в расчет отбросов). Затем требуются известные средства труда, паровая машина, чесальные машины и другие машины, уголь, смазочные вещества и т. д. Для простоты мы назовем все это «веретенами» (spindle) и предположим, что доля снашивания, угля и т. д., необходимая для прядения 10 ф. пряжи, равна 2 шиллингам. Таким образом, мы имеем на 10 шилл. хлопка + на 2 шилл. веретен = 12 шиллингам. Если 12 шилл. представляют продукт 24 рабочих часов, или два рабочих дня, тогда хлопок и веретена в пряже воплощают труд двух рабочих дней. Сколько же прибавилось в процессе прядения?

Предположим, что *дневная* стоимость рабочей силы составляет 3 шилл. и что в этих 3 шилл. представлен шестичасовой труд. Далее, что шесть часов необходимы, чтобы один рабочий выпрял 10 ф. пряжи. В таком случае 3 шилл. прибавлены к продукту трудом; стоимость 10 ф. пряжи равна 15 шилл., или 1 шилл. 6 пенс. на фунт.

Этот процесс чрезвычайно прост, но он не дает никакой прибавочной стоимости. И не может давать, так как в капиталистическом производстве дело не происходит так просто.

Мы предположили, что *дневная* стоимость рабочей силы составляла 3 шилл. и что в этой сумме представлены 6 часов труда.

То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно *половины* рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал *целый* день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, которую она может создать в процессе труда, суть две различных величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие в стоимости. Ее способность производить потребительную стоимость только потому была *conditio sine qua non* [необходимым условием], что для созидания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но не это интересует нашего капиталиста; решающее значение для него имело то своеобразное обстоятельство, что эта рабочая сила является источником меновой стоимости, притом большей меновой стоимости, чем имеет она сама. Это та специфическая «услуга», которой ожидает от нее капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. Продавец рабочей силы реализует ее меновую стоимость и отчуждает ее потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Капиталист оплатил *дневную* стоимость рабочей силы; поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как эту рабочую силу можно заставить работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, представляет лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

«Рабочий, работая, таким образом, 12 часов, делает 20 ф. пряжи, в которых представлено на 20 шилл. хлопок, на 4 шилл. веретен и т. д., и труд его стоит 3 шилл., всего 27 шиллингов. Если 10 ф. хлопок впитывали 6 рабочих часов, то 20 ф. хлопок впитают 12 рабочих часов, равных 6 шиллингам. В этих 20 ф. пряжи теперь представлено 5 рабочих дней: 4 — в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 же впитан хлопком во время процесса прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней представляют 30 шилл., следовательно такова цена этих 20 ф. пряжи. Фунт пряжи попрежнему стоит 1 шилл. 6 пенсов. Но сумма стоимостей товаров, вложенных в процесс, составляла 27 шиллингов. Стоимость продукта возросла на $\frac{1}{3}$, по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом, 27 шилл. превратились в 30 шиллингов.

Они принесли прибавочную стоимость в 3 шиллинга. Наконец, фокус удался. Деньги превратились в капитал.

«Все условия проблемы нашли решение, и законы товарного обмена несколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент. Капиталист как покупатель оплачивал всякий товар — хлопок, веретена, рабочую силу — по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, 20 ф. пряжи, стоимостью в 30 шиллингов. Наш капиталист возвращается на рынок и продает фунт пряжи по 1 шилл. 6 пенс., ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости, и, тем не менее, он извлекает из обращения тремя шиллингами больше, чем первоначально бросил в него. Весь этот процесс, превращение его денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается *не* в ней. При посредстве обращения, потому что обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении, потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства. Таким образом, «*tout pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles*» [все к лучшему в этом лучшем из миров].

От указания способа производства прибавочной стоимости Маркс переходит к ее анализу. Из предыдущего очевидно, что только одна часть вложенного в производительное предприятие капитала непосредственно участвует в создании прибавочной стоимости, а именно капитал, авансированный на покупку рабочей силы. Только эта часть производит *новую* стоимость: капитал, вложенный в машины, сырье, уголь и т. д., правда, вновь появляется в стоимости продукта *pro tanto* [соответственной долей], он сохраняется и воспроизводится, но из него не получается прибавочной стоимости. Это побуждает Маркса предложить новое подразделение капитала на *постоянный* капитал — тот, который только воспроизводится: часть, вложенная в машины, сырье и все другие вспомогательные средства труда, — и *переменный* капитал, — тот, который не только воспроизводится, но который в то же самое время является непосредственным источником прибавочной стоимости: часть, которая затрачена на покупку рабочей силы, на заработную плату. Отсюда ясно, что, как бы ни был необходим постоянный капитал для производства прибавочной стоимости, он, однако, не участвует в нем непосредственно, и, кроме того, величина вложенного в производство постоянного капи-

тала не имеет ни малейшего влияния на величину прибавочной стоимости, производимой в этой отрасли¹. Следовательно, она не должна быть принята во внимание при установлении *нормы* прибавочной стоимости. Последняя может быть определена только сравнением величины прибавочной стоимости с величиной капитала, непосредственно участвующего в созидании ее, т. е. с величиной *переменной* капитала. Маркс поэтому определяет норму прибавочной стоимости ее отношением только к переменному капиталу: если дневная цена труда равна 3 шилл., а ежедневно создаваемая прибавочная стоимость также равна 3 шилл., тогда норма прибавочной стоимости равна 100%. До каких курьезов можно дойти, если считать, как это обычно принято, постоянный капитал активным фактором в производстве прибавочной стоимости, можно видеть на примере г-на В. Н. Сениора, «известного своими экономическими познаниями и своим прекрасным стилем оксфордского профессора, который был приглашен в 1836 г. в Манчестер, чтобы поучиться здесь политической экономии (у бумагопрядильных фабрикантов), вместо того, чтобы поучать ей в Оксфорде».

Рабочее время, в продолжение которого рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, Маркс называет «*необходимым трудом*»; время, проработанное, сверх этого, в продолжение которого производится прибавочная стоимость, он называет — «*прибавочным трудом*». Необходимый труд вместе с прибавочным трудом образует «*рабочий день*».

В рабочем дне время, потребное для необходимого труда, дано; но время, употребляемое для прибавочного труда, не установлено никаким экономическим законом; оно может быть более или менее продолжительным в известных границах. Оно никогда не может быть равно нулю, потому что тогда исчезло бы для капиталиста побуждение употреблять труд; вместе с тем общая продолжительность рабочего дня никогда не может достигнуть 24 часов по физиологическим причинам. Между рабочим днем, например, в 10 часов и рабочим днем в 24 часа есть, однако, много промежуточных ступеней. Законы товарного обмена требуют, чтобы продолжительность рабочего дня не превышала продолжительности, совместимой с нормальным снашиванием рабочего. Но каково это нормальное снашивание? Сколько часов ежедневного труда совместимо с нормальным снашиванием? Здесь мнения капиталистов резко отличаются от мнений рабочих,

¹ Мы должны здесь заметить, что *прибавочная стоимость* отнюдь не тождественна с *прибылью*.

и так как высшего авторитета в этом отношении нет, то вопрос решается *силой*. История определения продолжительности рабочего дня есть история борьбы за его границы между совокупным капиталистом и совокупным рабочим, между классом капиталистов и классом рабочих.

«Капитал, как было указано раньше, не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести средства существования для собственника средств производства, причем безразлично, будет ли этот собственник афинский *κλῆρος κατὰ πόλιν* [аристократ], этрусский теократ, *civis Romanus* [римский гражданин], норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный землевладелец или капиталист». Однако очевидно, что во всякой форме общества, где потребительная стоимость продукта важнее его меновой стоимости, прибавочный труд ограничен более или менее узким кругом общественных потребностей и что при этих условиях не обязательно существует стремление к прибавочному труду ради него самого. «Так, в классический период прибавочный труд в его крайней форме, в форме труда, убивающего работника, существовал почти исключительно в серебряных и золотых рудниках, где меновая стоимость производилась в ее самостоятельной денежной форме. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, крепостного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства, который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. прививается цивилизованный ужас чрезмерного труда. Поэтому труд негров в Южных Штатах Американского Союза носил сравнительно мягкий и патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того как экспорт хлопка становился жизненным интересом для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходящий в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становится фактором рассчитанной и рассчитывающей системы... аналогичной с *барщинным* трудом, например в дунайских княжествах». Здесь сравнение с капиталистическим производством становится особенно интересным,

потому что в *барщине* прибавочный труд обладает самостоятельной осязательной формой.

«Предположим, что рабочий день состоит из 6 часов необходимого труда и 6 часов прибавочного труда. В таком случае рабочий доставляет капиталисту еженедельно 36 часов прибавочного труда. Это равносильно тому, как если бы он работал 3 дня в неделю на себя и 3 дня в неделю на капиталиста. Но это распадение рабочего времени незаметно. Прибавочный труд и необходимый труд сливаются вместе.

«Поэтому то же самое отношение я мог бы, например, выразить и в таком виде, что рабочий в продолжение каждой минуты работает 30 секунд на себя и 30 секунд на капиталиста. Иначе обстоит дело с *барщинным трудом*. Оба вида труда пространственно отделены. Труд, который выполняет, например, валашский крестьянин для поддержания собственного существования, он выполняет на своем собственном поле, свой прибавочный труд на боярина он выполняет в господском поместьи. Обе части его труда существуют самостоятельно. В форме *барщинного труда* прибавочный труд точно отделен от необходимого труда». Мы должны воздержаться от цитирования дальнейших интересных иллюстраций современной социальной истории дунайских княжеств, которыми Маркс доказывает, что бояре, поддержанные русским вмешательством, так же хорошо умеют извлекать прибавочный труд, как всякий капиталистический предприниматель. Но то, что *règlement organique* [*кодекс барщинных работ*], при помощи которого русский генерал Киселев наделил бояр почти неограниченной властью над крестьянским трудом, выражает положительно, то английские фабричные законы выражают отрицательно. «Эти законы обуздывают стремление капитала к безграничному высасыванию рабочей силы посредством принудительного ограничения рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и землевладелец. Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничение фабричного труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставила выливать гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае истощило землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же вразумительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции».

Чтобы доказать тенденцию капитала к увеличению рабочего дня за разумные пределы, Маркс широко пользуется отчетами

фабричных инспекторов, комиссии о детском труде, отчетами о здравоохранении и другими парламентскими документами и резюмирует их в следующих выводах:

«Что такое рабочий день? Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, *дневную* стоимость которой он оплачивает? До каких пределов может быть удлинён рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полные 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. Само собой разумеется, что рабочий в продолжение всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что все время, которым он располагает, представляет рабочее время и должно целиком входить в процесс самовозрастания капитала... Но при своем безграничном слепом стремлении к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня... Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы... он ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы, в течение определенного срока он удлиняет время производства для рабочего, приводя таким образом к сокращению продолжительности его жизни».

Но разве это не противоречит интересам самого капитала? Разве капитал с течением времени не должен возместить стоимость этого дорогого снашивания? Теоретически это возможно. На практике же организованная торговля рабами в глубине Южных Штатов возвела снашивание рабочей силы рабов в течение семи лет в общепризнанный экономический принцип; на практике английский капиталист рассчитывает на предложение рабочих из земледельческих округов. «Он видит постоянное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно со способностью капитала поглощать живой труд, хотя перенаселение это и составляется из хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений. Конечно, с другой стороны, опыт показывает беспристрастному наблюдателю, как быстро капиталистическое производство, возникшее, выражаясь исторически, всего лишь со вчерашнего дня, уже успело в самом корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением элементов деревни и как даже эти сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и безграничное господство

среди них принципа естественного отбора. Если капитал имеет столь достаточные основания отрицать страдания современного поколения рабочих, то перспектива будущего вырождения человечества и в конце концов неизбежного его вымирания так же мало влияет на его практическую деятельность, как соображения относительно возможности падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. *Après moi le déluge* [после меня хоть потоп] — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению. Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. Свободная конкуренция навязывает отдельному капиталисту имманентные законы капиталистического производства в виде внешних принудительных законов.

Установление нормального рабочего дня есть результат многовековой борьбы между предпринимателем и рабочим. Интересно наблюдать два противоположных течения в этой борьбе. Вначале законы имеют целью принудить рабочих работать дольше; со времени первых рабочих статутов (23-й [статут] Эдуарда III, 1349 г.) до XV столетия господствующим классам никогда не удавалось вынудить у рабочего полное количество возможного труда. Но с введением пара и новейших машин дела приняли другой оборот. Введение женского и детского труда с такой быстротой опрокидывало все традиционные пределы рабочего времени, что XIX столетие началось системой чрезмерного труда, равной которой нет в истории человечества и которая уже в 1803 г. принудила законодательство издать законы об ограничении рабочего дня. Маркс дает полный отчет об истории английского фабричного законодательства вплоть до фабричного закона 1867 г. и приходит к следующим заключениям:

1) Машины и пар вызывают чрезмерный труд прежде всего в тех отраслях промышленности, в которых они применяются, и поэтому законодательные ограничения применяются прежде всего к этим отраслям; но в дальнейшем мы находим, что эта система чрезмерного труда распространяется также почти на все производства, даже на такие, в которых машины вовсе не применяются или в которых продолжают существовать самые примитивные способы производства (см. *Children's Employment Commission's Reports*) [Отчеты комиссии о детском труде].

2) С введением на фабриках женского и детского труда индивидуальный «свободный» рабочий теряет способность сопротивления натиску капитала и должен безоговорочно подчиниться. Это вынуждает его прибегнуть к коллективному сопротивлению: начинается борьба класса против класса, борьба рабочего класса против класса капиталистов.

Если мы теперь вернемся к тому моменту, когда мы исходили из того, что наш «свободный» и «равноправный» рабочий заключает договор с капиталистом, мы увидим, что при этом процессе производства весьма многое значительно изменилось. Этот договор со стороны рабочего не является добровольным договором. Время, на которое он волен ежедневно продавать свою рабочую силу, есть то время, на которое он принужден продавать ее; и только сопротивление рабочих, как массы, вынуждает к введению законов, запрещающих рабочим на основании «добровольного» договора продавать на погибель и рабство самих себя и своих детей. «На место пышного каталога неотъемлемых прав человека выступает скромная *Magna Charta* [великая хартия], фабричный закон».

Теперь нам предстоит анализировать норму прибавочной стоимости и ее отношение к массе производимой прибавочной стоимости. В этом исследовании мы предполагаем, как мы это делали до сих пор, что стоимость рабочей силы есть данная постоянная величина.

При этом предположении норма прибавочной стоимости определяет в то же самое время и ту массу ее, которую единичный рабочий доставляет в определенный срок капиталисту. Если стоимость нашей рабочей силы равна 3 шилл. в день, представляющим 6 часов труда, а норма прибавочной стоимости составляет 100%, тогда переменный капитал в 3 шилл. производит каждый день прибавочную стоимость в 3 шилл., или рабочий доставляет каждый день 6 часов прибавочного труда.

Так как переменный капитал есть денежное выражение совокупной стоимости всей рабочей силы, которая одновременно употребляется капиталистом, то общая сумма прибавочной стоимости, производимой рабочей силой, получается путем умножения этого переменного капитала на норму прибавочной стоимости; другими словами, она определяется отношением между числом одновременно употребляемых рабочих сил и степенью эксплуатации. Каждый из этих факторов может изменяться, так что уменьшение одного может компенсироваться увеличением другого. Переменный капитал, необходимый для применения 100 рабочих при норме прибавочной стоимости в 50% (например, при 3-часовом прибавочном труде ежедневно),

произведет не больше прибавочной стоимости, чем половина этого переменного капитала, применяющего 50 рабочих при норме прибавочной стоимости в 100% (например, при 6-часовом прибавочном труде ежедневно). Таким образом, при известных обстоятельствах и в известных пределах, предложение труда, находящегося в распоряжении капитала, может стать независимым от предложения рабочих в данный момент.

Есть, однако, абсолютная граница этого увеличения прибавочной стоимости путем повышения ее нормы. Какова бы ни была стоимость рабочей силы, составляет ли необходимое рабочее время 2 или 10 часов, общая стоимость, которую рабочий может произвести изо дня в день, никогда не может достигнуть стоимости, в которой представлены 24 часа труда. Для получения одинаковых количеств прибавочной стоимости переменный капитал может быть возмещен удлинением рабочего дня только в этих пределах. Это важный элемент для объяснения впоследствии важных явлений, вытекающих из двух противоречивых тенденций капитала: 1) уменьшать число занятых рабочих, т. е. величину переменного капитала, и 2) в то же время производить возможно большее количество прибавочного труда.

Далее: «Производимые двумя различными капиталами массы прибавочной стоимости, при данной стоимости рабочей силы и одинаковой норме прибавочной стоимости, прямо пропорциональны величинам переменных составных частей этих капиталов... Этот закон явно противоречит всему опыту, основанному на внешней видимости явлений. Каждый знает, что бумагопрядильщик, который... применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли или прибавочной стоимости, чем пекарь, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного капитала. Для разрешения этого кажущегося противоречия требуются еще многие промежуточные звенья, как в элементарной алгебре требуются многие промежуточные звенья для того, чтобы понять, что $0 : 0$ может представлять действительную величину».

В данной стране при данной продолжительности рабочего дня масса прибавочной стоимости может быть увеличена только путем увеличения числа рабочих, т. е. при увеличении населения; это увеличение образует математическую границу производства прибавочной стоимости совокупным капиталом страны. С другой стороны, если число рабочих определено, эта граница устанавливается возможным удлинением рабочего дня. Мы впоследствии

увидим, что этот закон действителен только для той формы прибавочной стоимости, которую мы рассматривали до сих пор.

В этой стадии нашего исследования мы находим, что не всякая сумма денег может быть превращена в капитал, что для этого существует предельный минимум: цена единицы рабочей силы и средств производства, необходимых для приведения ее в движение. Предположим, что норма прибавочной стоимости составляет 50 %; тогда нашему начинающему капиталисту пришлось бы применять двух рабочих, чтобы жить самому так, как живет рабочий. Но это помешало бы ему делать какие-либо сбережения; целью же капиталистического производства является не только сохранение, но также и главным образом увеличение богатства. «Для того, чтобы жить только вдвое лучше обыкновенного рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости, ему пришлось бы применять восемь рабочих. Конечно, он сам, подобно своему рабочему, может прилагать свои руки непосредственно к процессу производства, но он все же будет хозяйчиком, чем-то средним между капиталистом и рабочим. Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого труда. Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленного мастера в капиталиста, ограничивая очень незначительным максимумом число рабочих, которых дозволялось держать отдельному мастеру. Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия». Та минимальная сумма стоимости, которая необходима для превращения владельца денег или товаров в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных отраслях производства.

В процессе производства, подробно рассмотренном выше, отношения между капиталистом и рабочим значительно изменились. Прежде всего капитал развился в командование над трудом, т. е. над самим рабочим. Олицетворенный капитал, капиталист наблюдает за тем, чтобы рабочий исполнял свое дело регулярно, стара-

тельно и с надлежащей степенью интенсивности. Далее, капитал развился в принудительное отношение, заставляющее рабочий класс выполнять больше труда, чем того требует тесный круг его собственных жизненных потребностей. Понуждая других к трудолюбию, выкачивая прибавочный труд и эксплуатируя рабочую силу, капитал по своей энергии, ненасытности и эффективности далеко превосходит в этом отношении все прежние системы производства, покоившиеся на прямом принудительном труде.

«Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он дан ему исторически. Поэтому непосредственно он не изменяет способа производства. Поэтому производство прибавочной стоимости в той форме, которую мы до сих пор рассматривали, т. е. посредством простого удлинения рабочего дня, представлялось не зависимым от какой бы то ни было перемены в самом способе производства. В старомодной пекарне оно было не менее действенным, чем в современной бумагопрядильне.

«Если мы рассматриваем процесс производства с точки зрения процесса труда, то рабочий относится к средствам производства не как к капиталу, а просто как к средствам и материалу своей производительной деятельности. На кожевнном заводе, например, он обращается с кожей просто как с предметом труда. Он дубит кожу не капиталисту. Иное получится, если мы будем рассматривать процесс производства с точки зрения процесса созидания прибавочной стоимости. Средства производства тотчас же превращаются в средства впитывания чужого труда. И уже не рабочий употребляет средства производства, а средства производства употребляют рабочего. Не он потребляет *их* как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют *его* как фермент *их* собственного жизненного процесса; а жизненный процесс капитала заключается лишь в его прогрессивном движении как самовозрастающей стоимости. Плавильные печи и мастерские, которые ночью отдыхают и не впитывают труда, представляют «чистую потерю» для капиталиста. Поэтому плавильные печи и мастерские обосновывают известное «притязание на ночной труд» рабочих сил (см. Reports of Children's Empl. Commission, 4-th Report 1865, pages 79—85) [Отчеты комиссии о детском труде, 4-й отчет 1865 г., стр. 79—85]. Простое превращение денег в средства производства превращает последние в юридический титул, в принудительный титул на чужой труд и прибавочный труд».

Однако имеется другая форма прибавочной стоимости. Когда достигнут крайний предел продолжительности рабочего дня, у ка-

питалиста остается еще другой способ увеличения прибавочного труда: сократить продолжительность необходимого труда увеличением производительности труда и понижением вследствие этого стоимости труда. Эта форма *прибавочной стоимости* будет рассмотрена в следующей статье.

Самуэль Мур.

*Написано Ф. Эмельсом для «Fortnightly Review»,
июнь 1868 г., напечатано не было.
Печатается по рукописи.*

[ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ФЕНИИ В МАНЧЕСТЕРЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ¹.]

На чрезвычайном заседании Генерального совета Международного товарищества рабочих, происходившем в среду вечером в помещении совета, 16, Castle Street, East W., было принято следующее обращение:

«Обращение Генерального совета Международного товарищества рабочих.

Достопочтенному Гасорну Харди, министру ее величества.

В настоящем обращении нижеподписавшиеся, представители Товарищества рабочих во всех частях Европы, заявляют:

Что казнь ирландских заключенных, приговоренных к смерти в Манчестере, нанесет большой ущерб моральному влиянию Англии на европейском континенте. Казнь четырех заключенных, которая основана на ложном показании и на ошибочном приговоре, что официально подтверждается фактом помилования Мэгайра, будет носить характер не судебного акта, а политической мести. Но если бы даже приговор Манчестерского суда и показание, на которое он опирается, не были бы опорочены самим британским правительством, последнему теперь пришлось бы выбирать между кровавой практикой старой Европы и великодушной гуманностью молодой заокеанской республики.

Смягчение приговора, о котором мы просим, будет не только актом справедливости, но и актом политической мудрости.

¹ В сентябре 1867 г. в Манчестере был организован успешный побег из тюрьмы двух ирландских революционеров, руководителей фенианской организации. Пять человек, случайно схваченных полицией, были приговорены к смертной казни. Один из них был затем помилован, другому смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Остальные были казнены 23 ноября 1867 г. Настоящее обращение было опубликовано в «Le Courrier Français» от 24 ноября 1867 г. *Ред.*

По поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих:

Джон Уэстон, председатель.

Р. Шоу, секретарь для Америки.

Эжен Дюпон, секретарь для Франции.

Карл Маркс, секретарь для Германии.

Герман Юнг, секретарь для Швейцарии.

П. Лафарг, секретарь для Испании.

Жабицкий, секретарь для Польши.

Деркиндерен, секретарь для Голландии.

Бессон, секретарь для Бельгии.

Г. Эккариус, генеральный секретарь».

Написано К. Марксом на английском языке.

*Печатается по копии,
переписанной рукой Жени Маркс
20 ноября 1867 г.*

ПЛАГИАТОРЫ.

«*Social-Demokrat*» от 22 сентября. Общее собрание членов Всеобщего германского рабочего союза.

Карл Маркс. «*Капитал. Критика политической экономии*». 1867. Глава: «Рабочий день».

Прения о рабочем дне.

Фон-Гоффиттен (владелец «*Social-Demokrat*») говорит:

1) «Рабочая сила в наши дни есть товар... Покупная цена» (следовало бы сказать: *стоимость*) «какого-либо предмета» (следовало бы сказать: *товара*) «определяется рабочим временем, необходимым для его производства. Рабочий должен работать определенное число часов, чтобы воспроизвести ту стоимость, которую он получил за свою рабочую силу; это — *необходимая часть рабочего дня*, но ни в коем случае не *самый рабочий день*. Чтобы составить его целиком, к нему нужно» (почему?) «присоединить неопределенную часть; хотя эта часть и неопределенна, она все же имеет свои *необходимые границы*».

1) «Мы исходили из предположения, что *рабочая сила* покупается и продается по ее *стоимости*. Стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства. Следовательно, если для производства средств существования рабочего, потребляемых им в среднем ежедневно, требуется 6 часов, то в среднем он должен работать по 6 часов в день, чтобы ежедневно производить свою рабочую силу, или чтобы воспроизводить *стоимость*, получаемую при ее продаже. *Необходимая часть его рабочего дня* составляет в таком случае 6 часов и является поэтому, при прочих равных условиях, *величиной данной*. Но этим еще не опреде-

ляется *величина самого рабочего дня...*

Правда, одна из его частей определяется рабочим временем, необходимым для постоянного воспроизводства самого рабочего, но его совокупная величина изменяется вместе с длиной, или продолжительностью, прибавочного труда... Хотя, таким образом, рабочий день есть не устойчивая, а текучая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь *в известных границах*» (стр. 198, 199).

2) «Одна» (граница), «именно *максимальная граница* опирается в физическую возможность» (как может граница опираться в возможность!) «того, как долго человек вообще в состоянии работать, так как для поддержания своего существования он должен ведь также спать, отдыхать, одеваться и заботиться о своей чистоте. *Минимальная граница* определяется требованиями, которые зависят от данного *состояния культуры* каждой эпохи. В зависимости от этого *состояния культуры* и существующего законодательства различны и продолжительность рабочего дня и прибавочного труда. В соответствии с этим мы имеем 8-, 12-, 16-, даже 18-часовой рабочий день».

2) «Однако *минимальные пределы* его (рабочего дня) не могут быть определены. Правда, если мы предположим, что линия продолжения = *bc* или прибавочный труд = 0, то мы получим минимальную границу, а именно ту часть дня, которую рабочий необходимо должен работать для поддержания собственного существования. Но при капиталистическом способе производства необходимый труд всегда составляет лишь *одну* часть его рабочего дня, а потому рабочий день никогда не может сократиться до размеров этого минимума. Зато у рабочего дня есть *максимальная граница*. Он не может быть продлен за известный предел. Максимальный предел этот определяется двояко. Во-первых, *физическим пределом рабочей силы*. Человек может расходовать в продолжение суток, естественная продолжитель-

ность которых равна 24 часам, лишь определенное количество жизненной силы, и мера этой затраты физической энергии образует меру физически возможного для него рабочего времени. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение известной части дня сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части дня человек должен удовлетворять другие физические потребности— питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. Помимо этих чисто *физических границ* удлинение рабочего дня наталкивается на *границы морального свойства*: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры... Но как те, так и другие границы (т. е. максимальная физическая и моральная границы) весьма растяжимого свойства и открывают самый широкий простор. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 и т. д. часов» (стр. 199).

Совершив плагиат, господин фон-Гофштетен превращает в бессмыслицу заимствованный им отрывок. Так, например, *максимальный предел* рабочего дня определяется, по г. фон-Гофштетену, чисто *физическими*, а его *минимальный предел* — *моральными* границами, и это после того, как раньше он, как попугай, повторял за мной, что *необходимая часть рабочего дня*, т. е. его абсолютный минимальный предел, определяется *рабочим временем*, *необходимым* для поддержания рабочей силы!

3) «Опыт Англии показал, что при более коротком рабочем дне достигается тот же прибавочный труд, так как при этом труд делается гораздо интенсивнее».

4) «Стремление капиталистов направлено, таким образом, на то, чтобы *поставить себе целью* возможно более длинный рабочий день» (Какая бессмыслица! Стремление поставить целью!). «Но у рабочего только один единственный товар — это его рабочая сила, и если в ней перейдена известная черта» (что это значит: «*черта в рабочей силе* перейдена?»), «то он должен сказать: *я использован*» (1), «я убит» (Браво!) (После того как он уже убит, он все же должен задним числом заявить об этом!). «Поэтому» (потому что он должен сказать это!) «мера работы должна быть в интересах рабочего определенной, чтобы этот товар, рабочая сила, сохранялся и мог быть *использован* возможно дольше. Этим рабочий требует лишь осуществления своего несомненного права» (Только что он жаловался на то, что он уже *использован*, а теперь требует, в качестве своего несомненного права, чтобы его *использовали!*).

5) «В Англии эта величина (рабочего дня) «установлена законодательным порядком в 10 часов» (1), «и там существуют фа-

3) Об интенсификации труда и достижении такого же или даже большего «прибавочного труда» при помощи принудительного законодательного сокращения рабочего дня в Англии см. стр. 401—409.

4) «Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной... Я хочу (говорит он) сохранить свое единственное достояние — рабочую силу... *Пользование* моей рабочей силой и *расхищение* ее — совершенно различные вещи... Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарообмена. Итак, я требую рабочего дня *нормальной* продолжительности и т. д...» (стр. 201—202).

5) «Действующий теперь *фабричный закон* 1850 г. (не в Англии, а в *отдельных*, поименованных Марксом отраслях

бричные инспектора, которые сообщают министерству о соблюдении этого закона. Во многих странах существуют также законы, ограничивающие детский труд: в Австрии, в Швейцарии, Америке, и в *Бельгии* (!) «подобные законы *подготавливаются*» (!). «В *Пруссии* также есть подобные законы, но они существуют только на бумаге и никогда не приводились в исполнение. В Америке по окончании войны, имевшей своим последствием освобождение рабов, было даже выдвинуто требование восьмичасового рабочего дня. Также и «конгресс Международного товарищества рабочих» предложил в 1866 г. восьмичасовой рабочий день».

промышленности Соединенного королевства) устанавливает средний рабочий день в 10 часов... Созданы особые контролеры, наблюдающие за исполнением закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел, *фабричные инспектора*, отчеты которых публикуются парламентом каждое полугодие (стр. 207).

...Действующие, а не подготавливаемые ограничения труда малолетних в некоторых штатах Северной Америки (стр. 244), общее ограничение рабочего дня во Франции (стр. 248), для детей в некоторых кантонах Швейцарии (стр. 251), в Австрии (стр. 252), в Бельгии же не существует ничего подобного... (там же). Были бы достойны похвалы предписания фон-дер Гейдта и Мантейфеля... если бы они исполнялись (там же). В *Северо-Американских Соединенных Штатах* всякое самостоятельное рабочее движение парализовалось, пока часть республики обезображивалась рабством... Но смерть рабства тотчас же породила новую, юную жизнь. Первым плодом гражданской войны была *агитация за восьмичасовой рабочий день*... Одновременно «конгресс Международного товарищества рабочих» решил:

...«Мы предлагаем признать 8 часов труда *законным пределом рабочего дня*» (стр. 279—280).

Подобно г. фон-Гофштетену также и следующий за ним оратор, г. Гейб из Гамбурга, искажает изложенную Марксом историю фабричного законодательства в Англии. Оба они одинаково тщательно замалчивают источник своей мудрости.

Написано К. Марксом.

Напечатано в приложении к «Zukunft» № 291

от 12 декабря 1867 г.

Без подписи¹.

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Маркса Энгельсу от 7 декабря 1867 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIII, стр. 484). *Ред.*

· МОЙ ПЛАГИАТ У Ф. БАСТИА.

В¹ некий последователь Бастиа делает открытие, что я украл у Ф. Бастиа, — да к тому же еще искаживши, — определение *величины стоимости* товаров «*общественно-необходимым рабочим временем*», потребным для производства этого товара. Я мог бы, пожалуй, не обращать внимания на это *qui pro quo* [недоразумение]. Но если этот бастианец № 1 находит мое определение стоимости по существу тождественным с определением Бастиа, то бастианец № 2 почти одновременно заявляет в *лейпцигском «Literarisches Zentralblatt»* от².

Таким образом, в результате сложения бастианца № 1 с бастианцем № 2 получится в итоге, что вся армия бастианцев должна была бы перейти теперь в мой лагерь и принять целиком мои взгляды на капитал. Понятно, что только после жестокой душевной борьбы я решаюсь отказаться от удовольствия, которое такая аннексия может доставить.

Определение стоимости, содержащееся в моей работе «*Капитал*», 1867 г., имеется уже в моем, написанном двумя десятилетиями раньше, сочинении против Прудона «*Ницета философии*», Париж, 1847 (стр. 49 и сл.³). Мудрствования же Бастиа о стоимости появились в свет только несколько лет спустя. Поэтому я не мог списать у Бастиа, но Бастиа, конечно, мог списать у меня. Однако Бастиа в действительности не дает никакого анализа стоимости.

¹ В рукописи пропуск, оставлено место для названия; речь идет о рецензии Фаухера на «Капитал» в «*Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte*», Jg. 5, В. 20, 1867, р. 206—219. *Ред.*

² В рукописи оставлено место для даты и цитаты. Маркс имеет ввиду следующее место в напечатанной 4 июля 1868 г. в «*Literarisches Zentralblatt*» № 28 рецензии на «Капитал»: «Опровержение теории стоимости — единственная задача того, кто борется против Маркса, ибо если согласиться с этой аксиомой, тогда необходимо признать почти все сделанные Марксом с железной логикой выводы». *Ред.*

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 330 и сл. *Ред.*

Он пережевывает бессодержательные мысли для утешительного доказательства, что «мир полон великих, прекрасных, насущных услуг».

Немецкие бастианцы, как известно, все национал-либералы. Я оказываю им, следовательно, тоже «великую прекрасную услугу», указывая на *специфически прусское происхождение* премудрых открытий Бастиа. Ведь старик Шмальц был прусским правительственным советником и даже, если не ошибаюсь, тайным правительственным советником. Кроме того, он отличался тонким нюхом на демагогов. Итак, этот старый Шмальц опубликовал в 1818 г. в Берлине «Handbuch der Staatswirtschaftslehre» [«Руководство к изучению политической экономии»]. Французский перевод его руководства появился в 1826 г. в Париже под названием: «Economie Politique» [«Политическая экономия»]. Переводчик этой книги, Анри Жюффруа, фигурировал на титульном листе этой книги тоже в звании «прусского правительственного советника». Следующая цитата дает не только по существу, но и по форме квинтэссенцию представления Бастиа о стоимости:

«Труд других вообще никогда не дает нам ничего иного, кроме *экономии времени*; и эта экономия времени и есть все то, что составляет его *стоимость* и его *цену*. Столяр, например, который изготовляет для меня стол, и слуга, который относит мои письма на почту, чистит мою одежду или доставляет необходимые мне вещи, оба оказывают мне *услуги* совершенно одинакового характера: и тот и другой *сберегают* мне и то время, которое я сам был бы вынужден употребить на эту работу, и то время, которое мне пришлось бы посвятить на то, чтобы приобрести навыки и умение, которых требует эта работа» (Schmalz, цит. соч., т. I, стр. 304).

Итак, мы знаем теперь, откуда у Бастиа его сало или, вернее, его жир (Schmalz).

Написано К. Марксом в июле 1868 г.

Печатается впервые по рукописи.

**[РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 7 ИЮЛЯ 1868 г. ПРОТИВ
Ф. ПИА¹.]**

Генеральный совет Международного товарищества рабочих снимает с себя всякую ответственность за речь, произнесенную на публичном митинге в Клевеленд Холл Феликсом Пиа, который не имеет никакого отношения к Товариществу.

Написано К. Марксом на английском языке.

Печатается по протоколам Генсовета.

¹ На собрании, посвященном годовщине июньского восстания парижского пролетариата 1848 г., состоявшемся в Лондоне 29 июня 1868 г., французский эмигрант якобинец Пи, выступил с призывом к террористическим актам против правительства Наполеона III. В бельгийской газете «La Sigaie» в отчете об этом собрании Феликс Пиа был изображен как один из руководителей I Интернационала. Настоящая революция была предложена Марксом на заседании Генерального совета от 7 июля 1868 г. и опубликована в «La Sigaie» № 29 от 19 июля 1868 г. и в ряде других газет. *Ред.*

**[РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 14 ИЮЛЯ 1868 г. О ПОВЕ-
ДЕНИИ БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ
К ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ].**

Совет Международного товарищества рабочих отмечает новое до-
казательство раболепства британского правительства по отношению
к России—через месяц после того, как русское правительство
указом уничтожило название Польши, британское правительство
изъяло в бюджете прилагательное *польские* перед словом *эми-
гранты*.

Написано К. Марксом на английском языке¹.

Печатается по протоколам Генсовета.

¹ Настоящая резолюция была предложена Марксом на заседании Генерального совета от 14 июля 1868 г. и опубликована в «Beehive» № 352 от 18 июля 1868 г. *Ред.*

ПРЕЗИДЕНТУ И ПРАВЛЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО ГЕРМАНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА.

Лондон, 18 августа 1868 г.

Для окончания подготовительных работ к Брюссельскому конгрессу на 22 августа назначено заседание Исполнительной комиссии Генерального совета Международного товарищества рабочих, а на 25 августа — пленарное заседание Генерального совета. Так как мне поручено выступить докладчиком на обоих заседаниях, то я лишен возможности последовать почетному приглашению и принять участие в съезде Всеобщего германского рабочего союза в Гамбурге.

Я с удовольствием вижу, что в программу вашего съезда включены вопросы, которые действительно должны быть исходными пунктами всякого серьезного рабочего движения: агитация за полную политическую свободу, нормирование рабочего дня и планомерное международное сотрудничество рабочего класса в деле осуществления той великой всемирно-исторической задачи, которую он должен разрешить для всего общества. В добрый час, за работу!

С демократическим приветом

Карл Маркс.

Напечатано в «Social-Demokrat»

№ 100 от 28 августа 1868 г.

[ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА БРЮССЕЛЬСКОМУ КОНГРЕССУ М. Т. Р.]

1867—1868 гг. будут знаменовать собой эпоху в истории Товарищества. После известного периода мирного развития оно выросло и сделалось настолько мощным, что стало вызывать ожесточенные нападки правящих классов и враждебные действия правительств. Оно вступило в фазу борьбы.

Французское правительство, разумеется, идет впереди всех в своих реакционных мероприятиях против рабочего класса. Еще в прошлом году нам пришлось указать на некоторые его тайные маневры. Оно следило за нашей корреспонденцией, конфисковало наш устав и материалы конгресса. После многих бесплодных попыток получить эти документы обратно они были возвращены только после официального воздействия лорда Стэнли, английского министра иностранных дел. Но в этом году империя, сбросив маску, попыталась с помощью налетов полиции (*coups de police*) и судебного преследования просто уничтожить Международное товарищество. Порожденная классовой борьбой, наиболее ярким выражением которой являются июньские дни 1848 г., империя вынуждена была попеременно играть роль официального спасителя буржуазии и покровителя пролетариата, отечески пекущегося о нем. Растущая мощь Интернационала, проявившаяся во время стачек в Рубэ, Амьене, Париже, Женеве и т. д., поставила нашего мнимого покровителя перед необходимостью либо использовать наше Товарищество в собственных целях, либо уничтожить его. Сначала империя готова была заключить сделку на весьма умеренных условиях. Когда манифест парижан, прочитанный на Женевском конгрессе, был конфискован на французской границе, наш Исполнительный комитет в Париже потребовал от министра внутренних дел объяснения причин этой конфискации. Тогда г. Руэ пригласил одного из членов Комитета для беседы, во время которой заявил, что готов разрешить ввоз манифеста во Францию при условии некоторых изменений в тексте. Когда делегат Парижского исполнительного комитета отказался от этого, Руэ добавил: «Все-таки, если бы вы

внесли в него несколько слов благодарности императору, который так много сделал для рабочего класса, можно было бы что-нибудь сделать».

Предложение г. Руэ, правой руки императора, было категорически отвергнуто. С этого момента императорское правительство стало искать повода для роспуска Товарищества. Его раздражение против Товарищества усилилось из-за антишовинистской агитации наших французских членов Товарищества после немецкой войны. Затем, в скором времени, когда паника, вызванная заговором фениев, достигла крайних пределов, Генеральный совет обратился к английскому правительству с петицией, требуя смягчения приговора трем жертвам из Манчестера и определяя приговор о повешении их как акт политической мести. В то же время он созывал в Лондоне открытые митинги для защиты прав Ирландии. Империя, всегда стремившаяся заслужить благосклонность британского правительства, нашла, что наступил благоприятный момент для нанесения удара Интернационалу. Она стала производить ночные обыски, энергично рылась в частной переписке и с большим шумом объявила, что открыт центр заговора фениев и что Интернационал является одним из главных органов этого заговора. Однако все ее усердные розыски ни к чему не привели. Сам прокурор с отвращением отказался поддерживать обвинение. После того как попытка превратить Международное товарищество в тайное общество заговорщиков провалилась самым жалким образом, ей оставалось только возбудить преследование против нашей парижской секции, как против нелегального общества, которое состояло более чем из 20 членов. Французские судьи, прошедшие школу империи, разумеется, поспешили вынести приговор о роспуске Товарищества и об аресте его Исполнительного комитета в Париже. Суд имел наивность заявить во вступительной части своего приговора, что существование Французской империи не совместимо с существованием Товарищества рабочих, которое осмелилось провозгласить истину, справедливость и нравственность своими основными принципами. Результаты этих преследований дали себя почувствовать и в департаментах, где вслед за приговорами в Париже начались мелочные придирки со стороны префектов. Однако эти правительственные преследования не только не уничтожили Товарищество, но, напротив, дали новый толчок его развитию, заставив империю прекратить покровительственное заигрывание с рабочим классом.

В Бельгии Международное товарищество сделало огромные ус-

печи. Угольные магнаты бассейна Шарлеруа, которые своими постоянными вымогательствами довели углекопов до возмущения, выставили против безоружных рабочих войска, перебившие множество рабочих. Среди вызванной таким образом паники наша бельгийская секция взяла в свои руки дело горняков, показала воочию их жалкое бедственное экономическое положение, поспешила на помощь семьям убитых и раненых и озаботилась о юридической защите заключенных, которые, в конце концов, все были оправданы судом присяжных. После событий в Шарлеруа успех Интернационала в Бельгии был обеспечен. Бельгийский министр юстиции Жюль Бара выступил в палате депутатов с обвинениями против Международного товарищества, а самое существование его он выдвинул в качестве главного предлога для восстановления закона против иностранцев. Он осмелился даже угрожать, что не разрешит созыва Брюссельского конгресса. Бельгийскому правительству пора, наконец, понять, что для существования в Европе мелких государств нет больше никаких оправданий, если они не являются убежищами свободы.

В Италии успехам Товарищества помешала реакция, последовавшая непосредственно за засадой в Ментане¹. Одним из первых шагов ее было ограничение права союзов и публичных собраний. Но многочисленные письма, попавшие в наши руки, целиком подтверждают, что итальянский рабочий класс все более и более проявляет свою самостоятельность и становится совершенно независимым от всех старых партий.

В Пруссии Интернационал не может существовать легально в силу закона, который запрещает всякие сношения с иностранными обществами. Кроме того, политика прусского правительства по отношению к «Всеобщему германскому рабочему союзу» — это жалкое подражание бонапартизму. Всегда готовые напасть друг на друга, милитаристские правительства идут плечом к плечу, выступая в крестовый поход против своего общего врага, рабочего класса. Однако, несмотря на все эти мелкие преследования, небольшие группы, разбросанные по всей Германии, уже давно сплотились вокруг нашего женевского центра. «Всеобщий германский рабочий союз», секции которого большей частью находятся в Северной Германии, на своем конгрессе, состоявшемся недавно в Гамбурге, постановил

¹ 3 ноября 1867 г. при Ментане генерал Фальс с двумя французскими бригадами напал на отряд Гарибальди и решил победу в пользу папских войск. *Ред.*

действовать в согласии с Международным товариществом рабочих, хотя он и лишен возможности присоединиться к нему официально. В порядок дня Нюрнбергского конгресса, на котором было представлено более ста рабочих обществ, большей частью из Центральной и Южной Германии, был поставлен вопрос о непосредственном присоединении к Интернационалу. По просьбе его распорядительного комитета мы послали в Нюрнберг делегата.

В Австрии рабочее движение принимает все более и более революционный характер. В начале сентября в Вене должен был состояться конгресс с целью установления братского союза между рабочими различных национальностей, населяющих империю. Австрийские рабочие также послали обращение английским и французским рабочим, в котором они высказываются за принципы Интернационала. Генеральный совет уже назначил делегата в Вену, когда либеральное правительство Австрии, которое не сегодня так завтра должно было пасть под ударом феодальной реакции, оказалось настолько пронизательным, что запретило конгресс и вызвало этим гнев рабочих.

В борьбе, которую вели женевские строительные рабочие, было поставлено на карту самое существование Интернационала в Швейцарии. Предприниматели выдвинули в качестве предварительного условия какого бы то ни было соглашения со своими рабочими выход последних из Интернационала. Рабочие с негодованием отказались выполнить это требование. Благодаря помощи, полученной ими при посредстве Интернационала из Франции, Англии, Германии и т. д., рабочие добились, наконец, сокращения рабочего дня на один час и увеличения заработной платы на 10%. С этого времени Интернационал, уже пустивший глубокие корни в Швейцарии, отмечает еще более быстрый рост числа своих членов. В августе текущего года немецкие рабочие, живущие в Швейцарии (около 50 обществ), на своем конгрессе в Нейенбурге единогласно постановили вступить в Интернационал.

В Англии неопределенность политического положения, разложение старых партий и подготовка к предстоящей выборной кампании отвлекли многих наших самых активных членов и несколько затормозили нашу пропаганду. Тем не менее мы вступили в переписку с многочисленными провинциальными тред-юнионами, многие из которых сообщили о своем присоединении. В Лондоне среди недавно присоединившихся обществ наиболее многочисленными являются союз кожевников и союз сапожников Сити.

Наш Генеральный совет постоянно поддерживает связь с Национальным рабочим союзом Соединенных Штатов. На своем последнем конгрессе в августе 1867 г. Американский союз решил послать делегата на Брюссельский конгресс, но за недостатком времени не смог принять особых мер, необходимых для осуществления этого постановления.

Скрытая мощь рабочего класса Соединенных Штатов недавно проявилась в законодательном установлении восьмичасового рабочего дня во всех мастерских федерального правительства и в проведении подобных же законов законодательными учреждениями многих штатов. Тем не менее, чтобы заставить соблюдать закон о восьмичасовом рабочем дне, нью-йоркские рабочие, например в данный момент, вступили в ожесточенную борьбу с упорно сопротивляющимся капиталом. Этот факт доказывает, что даже при самых благоприятных политических условиях всякий серьезный успех пролетариата зависит от его организации, которая объединяет и концентрирует его силы, и что даже организации пролетариата в национальном масштабе всегда грозит опасность быть разбитой вследствие неорганизованности рабочего класса других стран, из которых каждая в отдельности и все вместе конкурируют на мировом рынке, оказывая воздействие друг на друга. Только международное объединение рабочего класса может обеспечить ему окончательную победу. Необходимость такого объединения породила Международное товарищество рабочих. Оно не является порождением какой-либо секты или теории. Это — плод самопроизвольного роста пролетарского движения, в свою очередь порожденного естественными и неудержимо развивающимися тенденциями современного общества. Международное товарищество рабочих, глубоко убежденное в великом значении своей миссии, не позволит ни запугать, ни отклонить себя с пути. Отныне его судьба неразрывно связана с историческим развитием класса, в руках которого возрождение человечества.

Лондон, 1 сентября 1868 г.

Написано К. Марксом на английском языке.

Напечатано в «Times» 9 сентября 1868 г.

Без подписи ¹.

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Маркса Зигфриду Мейеру от 14 сентября 1868 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXV, стр. 529). *Ред.*

К РАСПУСКУ ЛАССАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА.

«Правительство *знает*, и буржуазия также знает, что все нынешнее немецкое рабочее движение только *терпимо*, оно существует лишь до тех пор, пока это *угодно* правительству. Пока правительству выгодно, чтобы это движение существовало, чтобы у буржуазной оппозиции вырос новый, независимый противник, до тех пор оно будет терпеть это движение. Но с того момента, когда это движение превратит рабочих в самостоятельную силу, когда оно вследствие этого станет опасным для правительства, такому положению сразу наступит конец. Приемы, с помощью которых покончили с агитацией прогрессистов в печати, союзах и собраниях, пусть послужат предостережением для рабочих. Те же самые законы, предписания и мероприятия, которые применялись в свое время по отношению к прогрессистам, могут быть в любой день направлены против рабочих и положат конец их агитации; *они и будут применены, как только эта агитация станет опасной*. Чрезвычайно важно, чтобы рабочие ясно разбирались в этом вопросе, чтобы они не впади в то самое заблуждение, в какое впадала буржуазия при новой эре, когда ее тоже *только терпели*, а она уже считала свое положение прочным. И если бы кто-либо вообразил, что теперешнее правительство освободит печать, право союзов и собраний от нынешних оков, то он принадлежит именно к тем людям, с которыми не стоит разговаривать. А без свободы печати, без права союзов и собраний рабочее движение невозможно».

Это сказано на 50—51-й страницах¹ брошюры Фридриха Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», Гамбург, 1865 г. Тогда была сделана попытка поставить Всеобщий германский рабочий союз — в свое время единственное организованное объединение социал-демократических рабочих в Германии — под крылышко министерства Бисмарка, внушая рабочим надежду, что правительство октроирует всеобщее избира-

¹ Стр. 73 настоящего тома. *Ред.*

тельное право. Ведь «всеобщее, равное и прямое избирательное право» проповедывалось Лассалем в качестве единственного и непогрешимого средства для завоевания политической власти рабочим классом; что же в таком случае удивительного, если на столь второстепенные вещи, как свобода печати, право союзов и собраний, за которые ведь выступала и буржуазия, — или, по крайней мере, утверждала, что выступает, — смотрели пренебрежительно? Если такими вещами интересовалась буржуазия, разве именно это не было основанием, чтобы рабочие держались в стороне от агитации за них? Против такого взгляда была направлена вышеназванная брошюра. Руководители Всеобщего германского рабочего союза считали, что их учить нечему, и автор брошюры получил лишь то удовлетворение, что лассальянцы его родного города Бармена подвергли отлучению его самого и его друзей.

А как обстоят дела в настоящее время? «Всеобщее, прямое и равное избирательное право» существует уже два года. Уже два раза производились выборы в рейхстаг. Рабочие, вместо того, чтобы стоять у государственного руля и по рецепту Лассаля декретировать «государственную помощь», еле-еле протащили в рейхстаг с полдюжины депутатов. Бисмарк — союзный канцлер, а *Всеобщий германский рабочий союз* — *распущен*.

Но почему всеобщее избирательное право не принесло рабочим обещанного тысячелетнего царства, — об этом они также могли бы узнать у Энгельса. В вышеуказанной брошюре говорится на стр. 48¹:

«Что же касается самого всеобщего и прямого избирательного права, то стоит только отправиться во Францию, чтобы убедиться, какие безобидные выборы можно проводить при его помощи, когда есть многочисленное тупое сельское население, хорошо организованная бюрократия, хорошо вышколенная пресса, союзы, в достаточной степени придавленные полицией, и никаких политических собраний. Много ли представителей рабочих вводит всеобщее и прямое избирательное право во французскую палату? А ведь французский пролетариат по сравнению с немецким значительно более концентрирован и имеет более продолжительный опыт борьбы и организации.

Тут возникает еще другой вопрос. В Германии сельского населения вдвое больше, чем городского, т. е. в Германии $\frac{2}{3}$ населения живет сельским хозяйством и $\frac{1}{3}$ — промышленностью. И так как крупное землевладение является в Германии правилом, а мел-

¹ Стр. 71—72 настоящего тома. *Ред.*

кий парцелльный крестьянин — исключением, то иными словами это значит, что если $\frac{1}{3}$ рабочих находится под командой капиталистов, то $\frac{2}{3}$ находятся под командой феодальных господ. Пусть же люди, которые все время нападают на капиталистов, но не находят ни одного негодующего словечка против феодалов, хорошенько запомнят это. В Германии феодалы эксплуатируют вдвое большее количество рабочих, чем буржуазия. Но это далеко еще не все. Патриархальное хозяйство в старых феодальных имениях приводит к наследственной зависимости сельских батраков или безземельных крестьян (Häusler) от их «милостивого господина», зависимости, сильно затрудняющей сельскохозяйственным пролетариям приобщение к движению городских рабочих. Попы, систематическое отупление деревни, скверное школьное обучение, изолированность деревенских жителей от всего мира довершают остальное. Сельскохозяйственный пролетариат представляет собой ту часть рабочего класса, которая позже всего и с наибольшим трудом уясняет себе свои собственные интересы, свое собственное общественное положение; иными словами, — это та часть, которая дольше всего остается бессознательным орудием в руках эксплуатирующего ее привилегированного класса. А что же это за класс? В Германии это — *не буржуазия, а феодальное дворянство*. Но даже во Франции, где ведь почти не существует других, кроме свободных, владеющих землей крестьян, где у феодального дворянства давно уже отнята всякая политическая власть, всеобщее избирательное право не привело рабочих в палату, а, наоборот, почти совсем устранило их оттуда. Каков же был бы результат всеобщего избирательного права в Германии, где феодальное дворянство является еще реальной социальной и политической силой и где на одного промышленного рабочего приходится два сельскохозяйственных рабочих? В Германии борьба против феодальной и бюрократической реакции — а та и другая у нас теперь неотделимы, — равносильна борьбе за духовное и политическое освобождение сельского пролетариата, и пока сельский пролетариат не втянут в движение, до тех пор городской пролетариат в Германии не может достигнуть и не достигнет ни малейшего успеха, до тех пор всеобщее и прямое избирательное право является для пролетариата не оружием, а *западной*.

Может быть, это весьма откровенное, но необходимое разъяснение воодушевит феодалов на выступление в пользу всеобщего и прямого избирательного права. Тем лучше!»

Всеобщий германский рабочий союз был распущен не просто при господстве всеобщего избирательного права, но именно *потому*,

что господствует всеобщее избирательное право. Энгельс заранее предсказал Союзу, что он будет раздавлен, как только он делается *опасным*. На своем последнем общем собрании Союз постановил: 1) выступить за завоевание *полной политической свободы* и 2) действовать совместно с Международным товариществом рабочих. Оба эти решения означают по существу полный разрыв со всем прошлым Союза. Тем самым Союз вышел из своего прежнего положения секты на широкую дорогу массового рабочего движения. Но в высших сферах, повидимому, вообразили, что это, так сказать, противоречит уговору. В другое время этому не придали бы такого значения, но иначе обстоит дело со времени введения всеобщего избирательного права, когда приходится бдительно охранять пролетариат деревень и мелких городов от подобных крамольных стремлений! Всеобщее избирательное право было последним гвоздем, вколоченным в гроб Всеобщего германского рабочего союза.

Союзу делает честь, что он погиб именно вследствие этого разрыва с ограниченным лассальянством. И какова бы ни была организация, которая придет ему на смену, она будет построена поэтому на гораздо более общей принципиальной основе, а не на нескольких вечно повторяемых лассалевских фразах о государственной помощи. С того момента, как члены распущенного Союза начали мыслить, вместо того, чтобы верить, исчезла последняя преграда, стоявшая на пути к слиянию всех немецких социал-демократических рабочих в одну большую партию.

Написано Ф. Энгельсом.

Напечатано в «Demokratisches Wochenblatt»

№ 40 от 3 октября 1868 г.

Без подписи 1.

¹ Об авторстве Энгельса см. письмо Энгельса Марксу от 24 сентября 1868 г. и письмо Маркса Энгельсу от 25 сентября 1868 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIV, стр. 102—104). *Ред.*

К РОСПУСКУ ЛАССАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА.

В появившейся под вышеприведенным заголовком статье (в предшествующем номере) к концу цитаты из брошюры Энгельса, где говорится о всеобщем избирательном праве, следует добавить следующее примечание:

Завещанный Лассалем Союзу «президент человечества» *Бернгард Беккер* осыпал в то время «партию Маркса», т. е. *Маркса, Энгельса и Либкнехта*, самыми гнусными оскорблениями*. Теперь тот же Беккер в своем грязном памфлете «Разоблачения о трагической кончине Фердинанда Лассалья», обнажающем его собственную жалкую душонку и представляющем интерес лишь благодаря опубликованным в нем украденным документам, следующим образом «поправляет» Энгельса:

«Но почему же не ведется агитация за безусловную свободу союзов, собраний и печати? Почему рабочие не пытаются сбросить с себя оковы, наложенные на них в период реакции? (стр. 133)... Только путем дальнейшего развития демократической основы можно будет оживить лассальянство и превратить его в чистый социализм. А для этого необходимо, между прочим, не щадить большие интересы юнкерства или богатых помещиков, а социалистическую теорию надо дополнить и развернуть, применив ее к огромной массе сельскохозяйственных рабочих, число которых в Пруссии далеко превосходит население городов» (стр. 134).

Читатель видит, что автор вышеупомянутой брошюры¹ (Ф. Энгельс) может быть доволен влиянием, оказанным им на своих противников.

*Написано Ф. Энгельсом.
Напечатано в «Demokratisches Wochenblatt»
№ 41 от 10 октября 1868 г.
Без подписи.*

* В настоящее время это благородное занятие продолжает графиня Гатцфельд — «мать» ферстерлинг-мендовской карикатуры на Всеобщий германский рабочий союз.

¹ «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». *Ред.*

[ЗАМЕТКА О М. ГИРШЕ.]

Необыкновенная серьезность, с которой английская и в особенности лондонская печать говорит о *Международном товариществе рабочих* и его *Брюссельском конгрессе* (один «Times» поместил об этом четыре передовых статьи), вызвала настоящую свистопляску в немецкой буржуазной прессе. Она, немецкая пресса, поучает прессу английскую насчет ее заблуждения — веры в значение Международного товарищества рабочих в Англии! Она делает открытие, что английские тред-юнионы, которые через посредство Международного товарищества рабочих оказывали парижским, женевским и бельгийским рабочим значительную денежную поддержку для борьбы против капитала, вовсе *не* находятся в связи с этим самым Международным товариществом рабочих!

«Все это, — пишут нам из Лондона, — основывается, повидимому, на утверждении некоего *М. Гирша**, которого Шульце-Делич специально посылал в Англию, чтобы устроить этот скандал. Ведь это говорит *М. Гирш*, а *М. Гирш* — человек, достойный уважения! Почтеннейший Гирш (Ehrenhirsch) показался лондонским тред-юнионистам (членам тред-юнионов, профессиональных союзов) подозрительным, так как у него не было никаких рекомендаций от Международного товарищества рабочих. Его просто *одурачили*. Не удивительно поэтому, что Гирш дает маху¹. Если бы только к нему отнеслись серьезно, ему могли бы и без особого желания откровенничать сообщить то, о чем знает весь Лондон, а именно, что всеобщий совет тред-юнионов, находящийся в Лондоне, состоит из шести или семи членов, из которых трое, *Оджер* (секретарь всеобщего совета и делегат сапожников), *Р. Эппльгарт* (делегат объединенных плотников и столяров), *Хауэлл* (делегат каменщиков и секретарь Лиги ре-

* Имеется в виду д-р Макс Гирш, «знаменитый» экономист дункеровской «*Volkszeitung*». В Лондоне до его исследовательской экспедиции в неведомые ему английские края, повидимому, даже и не подозревали о существовании этого новейшего спасителя общества.

¹ Игра слов: «Kein Wunder daher, dass der Hirsch Böcke schießt». *Ред.*

формы), являются одновременно членами Генерального совета Международного товарищества рабочих. Далее, он узнал бы, что остальные из присоединившихся тред-юнионов (в одном только Лондоне их около 50, не считая провинциальных тред-юнионов) представлены в Генеральном совете Международного товарищества рабочих еще *пятью членами*, именно *Р. Шоу, Бекли, Коном, Хейлзом и Морисом*, а кроме того каждый тред-юнион имеет право и обыкновение посылать в Генеральный совет делегатов в особых случаях. Далее, от англичан в Генеральном совете Международного товарищества рабочих представлены:

Кооперативные общества, пославшие трех делегатов на Брюссельский конгресс, — *Вильямом Уэстоном и Вильямсом*;

Лига реформы — *Деллом, Кауелом Степни и Лекрафтом*; все трое также члены Исполнительной комиссии Лиги реформы;

Ассоциация национальной реформы, создание покойного агитатора Бронтерра О'Брайена, через посредство своего председателя *А. А. Уолтона и Милнера*;

наконец, *атеистическая народная агитация*, представленная своим знаменитым оратором, *г-жой Гарриет Лоу и г. Коплендом*.

Отсюда видно, что не существует ни одной сколько-нибудь значительной организации британского пролетариата, которая не была бы прямо, через своих собственных вождей, представлена в Генеральном совете Международного товарищества рабочих. Наконец, «Beehive», руководимый *Джорджем Поттером*, официальный орган английских тред-юнионов, является в то же время и официальным органом Генерального совета Международного товарищества рабочих, о заседаниях которого он еженедельно дает отчеты.

Открытия почтеннейшего Гирша и последовавшее за ними ликование немецкой буржуазной печати доставили, в свою очередь, благодарную пищу для лондонского корреспондента «Weser-Zeitung» и лондонского Δ корреспондента «Augsburgerin»¹. Эта личность (ибо в обеих газетах промышляет одно и то же лицо) живет по причинам, лучше всего известным ей самой, в нескольких часах езды от Лондона, в глухом углу. Здесь он стряпает свои стыдливые извлечения из «Times», «Morning Star» и «Saturday Review», приправляя их эстетическим соусом по вкусу своей публики. Время от времени, как в данном случае, эта личность пережевывает также сплетни немецких газет, помещая их под фальшивой датой в «We-

¹ Аугсбургская «Allgemeine Zeitung». Ред.

ser-Zeitung» и в «Augsburgerin». Вышеупомянутый корреспондент «Weser-Zeitung» и «Augsburgerin» — не кто иной, как пресловутый литературный люмпен-пролетарий *Элард Бискамп*. Давно уже изгнанный из всякого порядочного общества, несчастный ищет в водке исцеления сердечных ран, которые нанесла ему Пруссия, произведя аннексию его родины Кургессена и его друга *Эдгара Бауэра*.

Написано К. Марксом.

Опубликовано в «Demokratisches Wochenblatt»

№ 42 от 17 октября 1868 г.

Без подписи ¹.

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Маркса Энгельсу от 4 октября 1868 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIV, стр. 111). *Ред.*

КАКИМ ОБРАЗОМ ПИСЬМО г-на ГЛАДСТОНА БАНКУ в 1866 г. ДОСТАВИЛО РОССИИ ЗАЕМ в 6 МИЛЛИОНОВ ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ.

Письмо г. Гладстона от 11 мая 1866 г. приостановило действие банкового закона 1844 г. на следующих условиях:

1) Минимальная учетная ставка должна быть повышена до 10%.

2) Если банк нарушит определенную законом границу выпуска банкнот, прибыль от этого выпуска сверх нормы должна переходить от банка правительству.

В результате банк повысил минимальную учетную ставку до 10% (что для рядовых купцов и промышленников означает от 15 до 20%) и не нарушил буквы закона 1844 г. в отношении выпуска банкнот. Вечером банк собирал у своих друзей и прочих близких людей в Сити банкноты с тем, чтобы вновь выпустить их на следующее утро. Однако дух закона был нарушен тем, что, подчиняясь указанию правительства, допустили, чтобы резерв банка упал до нуля, а этот резерв, по замыслам закона 1844 г., составляет единственный имеющийся в распоряжении банка актив, гарантирующий пассив его банкового отделения.

Следовательно, письмо г. Гладстона приостановило действие закона Пила таким образом, что это увековечило и даже искусственно усилило его наихудшие последствия. Ни письмо сэра Льюиса 1857 г., ни письмо лорда Джона Росселя 1847 г. не заслуживают такого же упрека.

Банк удерживал 10%-ый минимум учетной ставки более трех месяцев. В Европе на эту ставку смотрели как на плохое предзнаменование.

И вот, после того как г. Гладстоном была таким образом создана чрезвычайно нездоровая атмосфера недоверия к платежеспособности Англии, появляется на сцену лорд Кларендон, известный участник парижской конференции, и помещает в «Times» разъяснительное письмо английским посольствам на континенте. Он прямо сообщает континенту, что *Английский банк не обанкротился* (хотя в действи-

тельности дело обострялось именно так согласно закону 1844 г.), но что до известной степени обанкротились английская торговля и промышленность. Непосредственным действием письма был не «наплыв» в банк английских обывателей с требованием возвращения вкладов, а «наплыв» в Англию требований (уплаты денег) со стороны европейских стран¹. (Г-н Уоткин употребил в свое время это выражение в палате общин.) В летописях истории английской торговли это была совершенно неслыханная вещь. Золото перевозилось из Лондона во Францию, между тем как официальный минимум учетной ставки в Лондоне был 10%, а в Париже в то же время он был от 3½ до 3%. Это доказывает, что изъятие золота не было обычной коммерческой сделкой. Оно было исключительно результатом письма лорда Кларендона.

После того как 10%-ый минимум учетной ставки, таким образом, поддерживался более трех месяцев, последовала неизбежная реакция. 10%-ая минимальная ставка, которая еще несколько дней тому назад была официальной ставкой банка, была быстро снижена до 2%. Между тем все английские ценности, железнодорожные акции, акции банков, горнопромышленные акции и все виды вложения капитала внутри страны совершенно обесценились, и их старательно избегали. Даже консоли пали. (Однажды, во время паники, банк отказал в выдаче ссуды под консоли.) Затем пробил час помещения денег за границей. Были размещены займы иностранных правительств на лондонском рынке на самых выгодных условиях. Главным из них был русский заем в 6 миллионов стерлингов. Этот заем, который только несколько месяцев тому назад на Парижской бирже провалился самым жалким образом, теперь приветствовали на Лондонской бирже как неожиданное счастье. Только на прошлой неделе Россия выпустила новый заем в 4 миллиона фунтов стерлингов. В 1866 г., как и теперь (9 ноября 1868 г.), Россия почти погибала под тяжестью финансовых затруднений, принявших вследствие происходящего в ней аграрного переворота чрезвычайно грозный характер.

Однако то, что закон Пия открывает России английский денежный рынок, это — наименьшая из услуг, оказываемых ей этим законом. Этот закон ставит Англию, богатейшую страну в мире, буквально в зависимость от милости правительства Московии, самого несостоятельного из всех европейских правительств.

¹ А «run» (for money) of Europe upon England; здесь игра слов: буквально — «наплыв Европы на Англию». Ред.

Предположим, что русское правительство в начале мая 1866 г. поместило в одно из отделений Английского банка на имя какой-либо частной фирмы, немецкой или греческой, от одного до полутора миллиона стерлингов. Внезапным и неожиданным изъятием этой суммы она могла вынудить банковое отделение сразу прекратить платежи, если бы даже в эмиссионном отделении имелось больше 13 миллионов стерлингов золотом. Следовательно, банкротство Английского банка могло быть вызвано одной лишь телеграммой из С.-Петербурга.

Чего Россия не могла сделать в 1866 г., она, может быть, будет в состоянии сделать в 1876 г., если закон Пизия не будет отменен.

К. Маркс.

*Напечатано в «Diplomatic Review»
2 декабря 1868 г.*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ И АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Около месяца тому назад несколько граждан образовали в Женеве *Центральный инициативный комитет* нового интернационального общества под названием *Международный альянс социалистической демократии*, поставившего «своей специальной задачей изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа равенства» и т. д.

Программа и регламент, напечатанные этим инициативным комитетом, были сообщены *Генеральному совету Международного товарищества рабочих* лишь на заседании от 15 декабря.

Согласно этим документам вышеупомянутый *Международный альянс полностью растворяется в Международном товариществе рабочих*, в то время как он был основан вне *Товарищества*.

Наряду с *Генеральным советом Международного товарищества рабочих*, избранным на Женевском, Лозаннском и Брюссельском конгрессах, будет существовать, согласно регламенту инициаторов, другой, сам себя назначивший, *Центральный совет в Женеве*.

Наряду с местными группами *Международного товарищества рабочих* будут существовать местные группы *Альянса социалистической демократии*, которые через свои национальные бюро, функционирующие вне национальных бюро *Международного товарищества*, будут обращаться к *Центральному бюро Альянса* с просьбой об их приеме в *Международное товарищество*; таким образом, *Центральный комитет Альянса* присваивает себе право приема в *Международное товарищество*.

Наконец, и *всеобщий конгресс Международного товарищества рабочих* будет иметь двойника — *всеобщий конгресс Международного альянса*, так как, согласно регламенту инициаторов, «во время ежегодного рабочего конгресса делегация *Международного альянса социалистической демократии*, в качестве секции *Международного товарищества рабочих*, будет проводить свои открытые заседания в отдельном помещении».

Считая,

что наличие второй международной организации, функционирующей внутри и вне *Международного товарищества рабочих*, послужило бы вернейшим средством для его дезорганизации;

что всякая другая группа лиц в любом месте была бы в праве последовать примеру женевской инициативной группы и под более или менее благовидными предложениями вводить в *Международное товарищество рабочих* другие международные товарищества с иными специальными задачами;

что таким образом *Международное товарищество рабочих* вскоре превратилось бы в игрушку в руках интриганов любой нации и любой партии;

что, кроме того, согласно уставу *Международного товарищества рабочих*, в его ряды допускаются лишь национальные¹ секции (см. пункты 1 и 6 устава);

что секциям *Международного товарищества* запрещено составлять для себя уставы и организационные регламенты, противоречащие общему уставу и организационному регламенту *Международного товарищества* (см. пункт 12 организационного регламента);

что устав и организационный регламент *Международного товарищества рабочих* могут быть пересмотрены лишь всеобщим конгрессом при условии, если за такой пересмотр выскажутся две трети присутствующих делегатов (см. пункт 13 организационного регламента);

что этот вопрос был предрешен резолюцией против Лиги мира, единогласно принятой на всеобщем конгрессе в Брюсселе;

что в этой резолюции конгресс заявил, что в существовании Лиги мира нет никакого смысла, так как, согласно ее недавним заявлениям, ее цель и принципы тождественны с целью и принципами *Международного товарищества рабочих*;

что некоторые члены женевской инициативной группы в качестве делегатов на Брюссельском конгрессе голосовали за эту резолюцию,—

Генеральный совет *Международного товарищества рабочих* на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно постановил:

1) Все пункты регламента *Международного альянса социалистической демократии*, определяющие его отношения с *Международным товариществом рабочих*, объявляются аннулированными и не имеющими силы;

¹ В других рукописных копиях настоящего документа, хранящихся в ИМЭЛ, значится: «местные и национальные». *Ред.*

2) *Международный альянс социалистической демократии* не принимается в *Международное товарищество рабочих* в качестве секции.

По поручению Генерального совета *Международного товарищества рабочих*:

Джордж Оджер — председатель заседания.

Р. Шоу — секретарь-корреспондент для Америки.

Э. Дюпон — » » Франции.

К. Маркс — » » Германии.

Ж. Жоаннар — » » Италии.

Жабицкий — » » Польши.

П. Лафарг — » » Испании.

Бернар — » » Бельгии.

Г. Юнг — » » Швейцарии.

И.-Г. Эккариус — секретарь Генерального совета.

Лондон, 28 декабря 1868 г.

*Написано К. Марксом на французском языке*¹.

Печатается по копии с рукописи К. Маркса, переписанной неизвестным лицом.

¹ Об авторстве Маркса см. его письма Энгельсу от 15 декабря 1868 г. и 13 января 1869 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIV, стр. 147 и 153). *Ред.*

**ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ — ЦЕНТРАЛЬНОМУ БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО АЛЬЯНСА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ.**

Лондон, 9 марта 1869 г.

Граждане!

Согласно пункту 1 нашего устава в Международное товарищество рабочих принимаются

«все рабочие общества, стремящиеся к одной и той же цели, а именно к защите, развитию и *полному освобождению рабочего класса*».

Так как секции рабочего класса в каждой стране и рабочий класс различных стран поставлены в весьма различные условия и к настоящему моменту достигли различных ступеней развития, то отсюда с необходимостью вытекает, что их теоретические взгляды, отражающие действительное движение, также разнятся друг от друга.

Однако общность действий, установленная Международным товариществом рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на всеобщих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы.

Таким образом, в функции Генерального совета не входит критическое рассмотрение программы Альянса. Не наша задача — заниматься исследованием того, является ли эта программа или не является адекватным выражением пролетарского движения. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *общей тенденции* нашего Товарищества, т. е. *полному освобождению рабочего класса*.

В вашей программе есть одна фраза, которая с этой именно точки зрения является ошибочной. Пункт 2 гласит: «Он (Альянс) прежде всего добивается политического, экономического и социального *уравнения классов*».

Уравнение классов, понимаемое буквально, сводится к «гармонии капитала и труда», столь назойливо проповедуемой бур-

жуазными социалистами. Не *уравнение классов* — бессмыслица, на деле неосуществимая — а, наоборот, *уничтожение классов* — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного товарищества рабочих.

Если, однако, иметь в виду контекст, в котором находится эта фраза — «*уравнение классов*», — то она кажется вкравшейся туда простой опечаткой; Генеральный совет не сомневается в том, что вы не откажетесь устранить из вашей программы фразу, дающую повод к столь опасным недоразумениям.

Наше Товарищество в соответствии со *своими принципами* предоставляет каждой секции свободно формулировать ее теоретическую программу, за исключением тех случаев, когда нарушается общая тенденция Товарищества. Ничто, следовательно, не препятствует превращению секций Альянса в секции Международного товарищества рабочих.

Если вопрос о роспуске Альянса и о вступлении его секций в Международное товарищество рабочих будет окончательно решен, то, согласно нашему регламенту, необходимо будет сообщить Генеральному совету о местонахождении и численности каждой новой секции.

*По поручению Генерального совета
Международного товарищества рабочих.*

Написано К. Марксом на французском языке ¹.

Публикуется по рукописи.

¹ Об авторстве Маркса см. его письмо Энгельсу от 5 марта 1869 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIV, стр. 171). *Ред.*

ДОКЛАД О ЦЕХОВЫХ ТОВАРИЩЕСТВАХ ГОРНЯКОВ В УГОЛЬНЫХ КОПЯХ САКСОНИИ*.

Первый попавшийся *тариф заработной платы рабочих*, например Нидервюршнитцской компании, показывает нам общее положение горнорабочих в угольных копях Рудных гор. Недельная заработная плата взрослых горняков составляет от 2 до 3 талеров 12 зильбергрошей 6 пфеннигов, подростков — от 1 талера 10 зильбергрошей до 1 талера 20 зильбергрошей. Недельная заработная плата среднего горнорабочего составляет приблизительно $2\frac{2}{3}$ талера. По требованию предпринимателя рабочие должны работать сдельно. *Тарифом заработной платы* предусмотрено, чтобы сдельная оплата не могла хоть сколько-нибудь значительно превысить обычную поденную. О своем отказе от работы каждый рабочий обязан сообщать за месяц вперед, а именно первого числа каждого месяца. Следовательно, если он откажется работать сдельно на предложенных условиях, то его *принудят* делать это, по крайней мере, в течение еще 4—8 недель. При таких обстоятельствах просто смешно болтать о регулировании сдельной платы по взаимному соглашению, о свободном договоре между рабочим и капиталистом!

Заработная плата выдается в два приема: 22-го числа каждого месяца выплачивается часть суммы в виде аванса и 8-го числа следующего месяца — остаток заработной платы за истекший месяц. Капиталист, таким образом, удерживает у себя заработную плату, которую он *должен* своим рабочим, в среднем за полных три недели, — это принудительный господский заем, тем более приятный, что он приносит деньги, а процентов по нему выплачивать не надо.

Смены рабочих, как правило, двенадцатичасовые, и вышеприведенная недельная заработная плата уплачивается за шесть две-

* Генеральный совет Международного товарищества рабочих постановил опубликовать *нижеследующий доклад Карла Маркса*, секретаря Генерального совета для Германии, как в английском оригинале, так и в немецком переводе.

надцатичасовых дней. В двенадцатичасовой рабочий день входят два часа (2 получаса и 1 целый час) на еду, или так называемое *время отдыха*. При спешной работе смены восьмичасовые (т. е. каждый рабочий в течение 48 часов работает в трех сменах) с *получасовым перерывом на еду* — и даже шестичасовые. В последнем случае «не разрешается никакого перерыва для отдыха».

Уже вышеизложенное рисует мрачную картину положения этих горнорабочих. Однако, чтобы понять, в каком крепостном состоянии они находятся, нужно рассмотреть *уставы товариществ горняков*. Возьмем эти уставы для угольных копей: I) знатного и могущественного князя *Шенбургского*; II) *Нидервюринитцской* компании; III) *Нидервюринитц-Кирхбергской* компании и IV) *Объединенной мугауской* компании.

Поступления товариществ горняков состоят: 1) из вступительных сумм и взносов рабочих, штрафных денег, не востребовавшей заработной платы и т. д. и 2) из взносов капиталистов. Рабочие платят 3 или 4% от своего заработка, хозяева вносят в I случае — 7 зильбергрошей 5 пфеннигов ежемесячно за каждого горнорабочего, платящего членские взносы; во II случае — 1 пфенниг с каждого шеффеля проданного угля; в III случае — в качестве первого взноса и для основания кассы товарищества горняков — 500 талеров, в дальнейшем такие же взносы, как и рабочие; наконец, в IV случае — так же, как и во II, но только с основным взносом в 100 талеров для каждой из объединившихся компаний.

Разве не поражает нас здесь картина самой дружной гармонии между капиталом и трудом? Кто еще тут осмеливается гордиться вздором о противоположности их интересов? Но, как сказал великий немецкий мыслитель Ганзман, в денежных делах нет места чувствительности. Стало быть, встает вопрос, во что обходится рабочему великодушие «высоких владельцев копей»? Посмотрим!

Господа капиталисты в одном случае (III) вносят то же, что и рабочие, во всех остальных — значительно меньше. За это они требуют следующих прав *в отношении собственности на кассу товарищества*:

I. *Право собственности на кассу товарищества не принадлежит* членам товарищества горняков; они не могут также требовать чего-либо большего, кроме выдач из кассы, на которые они согласно уставу в известных случаях имеют право, в особенности *не могут предлагать раздела кассы и ее наличности* даже в случае прекращения производства на том или ином предприятии. «В случае полного прекращения производства в каменноугольных копях князя Шен-

бургского в Ольснице» — после удовлетворения имеющихся претензий — *«право распоряжения остатком принадлежит князю — владельцу копей».*

II. «В случае ликвидации объединения Нидервюршнитцских каменноугольных копей одновременно должна быть произведена ликвидация и кассы товарищества горняков... Право распоряжения оставшейся еще наличностью *принадлежит дирекции».* Члены товарищества горняков не имеют *никакого права собственности на кассу товарищества.*

В III случае, как во II.

IV. «Касса товарищества считается *неотчуждаемой собственностью* ныне существующих и имеющих еще вступить в будущем членов товарищества... Только в неожиданном случае полной ликвидации всех входящих в объединение каменноугольных копей, тем самым влекущей за собой ликвидацию и товарищества горняков...» — вот в этом неожиданном случае можно, казалось бы, ожидать, что рабочие разделят между собой возможный остаток наличности. Не тут-то было! В этом случае «директора объединений, ликвидирующихся в последнюю очередь, вносят свои предложения в *королевское окружное управление.* Только названная инстанция *решает* вопрос о судьбе наличности».

Другими словами: рабочие уплачивают большую часть взносов в кассу товарищества, а капиталисты *присваивают себе собственность на эту кассу.* На первый взгляд капиталисты делают подарок своим рабочим. В действительности же рабочих принуждают делать подарок своим капиталистам. Последним вместе с правом собственности достается, само собой, и право контроля над кассой.

Председателем правления кассы является управляющий угольными копиями. Ему принадлежит главное управление кассой, он разрешает все сомнительные случаи, определяет размер денежных штрафов и т. д. За ним следует *секретарь товарищества горняков,* являющийся в то же время кассиром. Он либо назначается капиталистом, либо, если его выбирают рабочие, должен быть им утвержден. Далее следуют *рядовые члены правления.* Они обычно избираются рабочими, но в одном случае (III) капиталист назначает троих из этих членов правления. Что это вообще за «правление», видно из правила, что оно должно *«устраивать заседание, по крайней мере, один раз в год».* Фактически распоряжается председатель. Члены правления служат ему подручными. Этот господин председатель, т. е. управляющий копиями, является и во всем остальном могущественным властелином. Он может сокращать время для испытания новых

членов, выдавать экстренные пособия, даже (III) выгонять рабочих, если ему покажется, что у них дурная репутация, и он всегда может апеллировать к господину капиталисту, решение которого *во всем, что касается товарищества горняков*, является окончательным. Так князь Шенбургский и директора акционерных обществ могут изменять уставы товариществ, повышать взносы рабочих, уменьшать пособия больным и пенсии, обставлять новыми препятствиями и формальностями обращения в кассу, — короче говоря, *делать все, что им заблагорассудится, с деньгами рабочих*, с единственной оговоркой насчет санкции правительственных властей, которые до сих пор ни разу еще не обнаружили хотя бы только *желания* познакомиться с положением и нуждами рабочих. В угольных копях III группы директора даже оставляют за собой право выгонять из товарищества горняков каждого рабочего, *которого они предали суду, но судом оправданного!*

И за какие же блага горнорабочие так слепо подчиняют свои собственные дела чужому произволу? Послушаем!

1) *В случае болезни* они получают врачебную помощь и недельное пособие: в угольных копях I — треть своей заработной платы, в III — половину заработной платы, во II и IV — половину или, если болезнь вызвана несчастным случаем во время работы, то соответственно $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$ заработной платы. 2) *Инвалиды* получают пенсию в зависимости от продолжительности срока службы, а следовательно в зависимости от их взносов в кассу товарищества, от $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{2}$ последнего заработка. 3) *В случае смерти* члена союза его вдова получает пособие от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ пенсии, на которую имел право ее муж, и ничтожное еженедельное подаяние на каждого ребенка. 4) Пособие на *похороны* в случае смерти членов семьи.

Светлейшему князю и просвещенным капиталистам, которые сочинили эти уставы, и отечески заботливому правительству, которое их утвердило, следовало бы разрешить такую задачу: если горнорабочий при полном заработке в среднем в $2 \frac{2}{3}$ талера в неделю почти умирает с голоду, то как может он существовать на пенсию, например, в $\frac{1}{20}$ этого заработка, скажем, на 4 зильбергроша в неделю?

Нежная забота уставов об интересах капитала ярко проявляется в отношении к несчастным случаям в шахтах. За исключением предприятий II и IV, никакого специального пособия не выдается, если болезнь или смерть вызваны несчастным случаем «на посту». *Ни в одном из случаев пенсия не увеличивается, если инвалидность последовала от несчастного случая в шахтах.* Причина этого очень проста. Эта статья порядком увеличила бы выдачи из кассы и очень

скоро разоблачила бы природу капиталистических подарков перед самыми близорукими людьми.

Уставы, пожалованные саксонскими капиталистами, тем отличаются от пожалованной Луи Бонапартом конституции, что последняя все еще ждет своего увенчания, в то время как первые уже имеют его, а именно в следующей общей им всем статье: «Каждый рабочий, оставляющий службу в объединении добровольно или *будучи к этому вынужден*, тем самым выходит из товарищества горняков и *теряет все претензии и права как на кассу последнего, так и на внесенные им самим деньги*».

Следовательно, человек, проработавший 30 лет в одной из угольных копей и вносивший свою долю в кассу товарищества, теряет все права на пенсию, купленные такой дорогой ценой, как только капиталисту *вздумается его уволить!* Эта статья превращает наемного рабочего в крепостного, привязывает его к месту, заставляет его переносить самое оскорбительное обращение. Если он не любитель пинков, если он сопротивляется понижению заработной платы до голодной нормы, если он отказывается платить произвольные денежные штрафы, если он смеет настаивать на официальной проверке мер и весов, он получает всегда один и тот же стереотипный ответ: пошел вон, но твои взносы в кассу и твои права на нее не последуют за тобой!

Кажется парадоксом ожидать от людей, находящихся в таком унижительном положении, мужественной независимости и чувства собственного достоинства. Однако эти горнорабочие — к их чести будь сказано — находятся в рядах передовых борцов немецкого рабочего класса. Поэтому их хозяева начинают испытывать сильное беспокойство, несмотря на громадную опору, которую представляет для них теперешняя организация товариществ горняков. Новейший и самый гнусный из уставов этих товариществ (III, относящийся к 1862 г.) содержит следующую чудовищную оговорку насчет стачек и союзов: «Каждый член товарищества горняков *должен всегда быть доволен оплатой, причитающейся ему на основании тарифа заработной платы*, никогда не должен принимать участия в коллективных действиях, имеющих целью вынудить повышение своего заработка, не говоря уже о том, чтобы путем подстрекательства побуждать своих товарищей к таковым».

Почему Ликурги акционерного общества *Нидервюриниц-Кирхбергских* каменноугольных копей, гг. Б. Крюгер, Ф. В. Швамкруг и Ф. В. Рихтер, не соизволили также постановить, что отныне каждый *покупатель угля «должен всегда быть доволен» ценой на уголь,*

установленной по их высочайшему соизволению? Но это было бы уже слишком даже для «ограниченных верноподданнических понятий» г. фон-Рохова.

В результате агитации среди горнорабочих недавно опубликован *предварительный проект устава* для объединения товариществ горняков всех саксонских угольных копей (Цвикау, 4869). Он составлен рабочим комитетом под председательством г. *И. Г. Динтера*. Главные его пункты следующие: 1) Все товарищества объединяются в один общий союз. 2) Члены сохраняют свои права, пока они живут в Германии и уплачивают свои взносы. 3) Общее собрание всех взрослых членов является высшей властью. Оно избирает исполнительный комитет и т. д. 4) Взносы хозяев в кассу товарищества должны достигать половины взносов, уплачиваемых рабочими.

Этот проект никоим образом не выражает взглядов наиболее сознательных саксонских горнорабочих. Скорее он исходит от той части, которая хотела бы проводить реформы с разрешения капитала. На этом проекте лежит печать нереальности. В самом деле, что за наивное представление, будто капиталисты, до сих пор неограниченные властители над товариществами горняков, уступят свою власть демократическому общему собранию рабочих и все же будут платить взносы!

Основное зло как раз в том и состоит, что *капиталисты вообще делают взносы*. Пока это будет продолжаться, нельзя отнять у них управления кассой и товариществом горняков. Чтобы быть настоящими рабочими обществами, товарищества горняков должны опираться исключительно на взносы рабочих. Только таким путем могут они превратиться в профессиональные союзы, защищающие отдельных рабочих от произвола отдельных хозяев. Могут ли незначительные и сомнительные преимущества, которые дают взносы капиталистов, когда-либо возместить то состояние крепостничества, в которое капиталисты загоняют рабочих? Пусть саксонские горнорабочие постоянно помнят: сколько капиталист вносит в кассу товарищества, *столько же и даже больше экономит он на заработной плате*. Союзы такого рода имеют своеобразное влияние: они приостанавливают действие закона спроса и предложения к *исключительной выгоде капиталиста*. Иными словами: давая капиталу *необычную власть* над отдельными рабочими, они снижают заработную плату даже *ниже* ее обычного среднего уровня.

Но должны ли рабочие — разумеется, после возмещения приобретенных прав — подарить существующие кассы капиталистам?

Этот вопрос может быть решен только *судебным порядком*. Несмотря на то, что эти уставы получили *высочайшее утверждение*, некоторые их статьи резко нарушают общепринятые принципы гражданского права о договорах. При всех обстоятельствах, однако, отделение денег рабочих от денег капиталистов остается непременным предварительным условием любой реформы товариществ горняков.

Взносы владельцев саксонских угольных копей в кассы товариществ являются невольным признанием, что капитал до известной степени ответственен за несчастные случаи во время работы на производстве, угрожающие наемному рабочему увечьем или смертью. Но вместо того, чтобы допускать, как делается сейчас, чтобы эта ответственность становилась предлогом для расширения деспотизма капитала, рабочим надлежит агитировать за то, чтобы *эта ответственность была установлена законом*.

*Написано Ф. Энгельсом
на английском языке.*

Напечатано в «Social-Demokrat» № 33

от 17 марта 1869 г.

Без подписи ¹.

¹ Об авторстве Энгельса см. письмо Маркса Энгельсу от 13 февраля 1869 г. и Энгельса Марксу от 17 и 21 февраля 1869 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIV, стр. 161—162).

Доклад был зачитан в Генеральном совете 23 февраля 1869 г., а ватем переведен Марксом на немецкий язык для «Social-Demokrat», «Zukunft» и «Demokratisches Wochenblatt». *Ред.*

БЕЛЬГИЙСКИЕ ИЗБИЕНИЯ.

К РАБОЧИМ ЕВРОПЫ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

В Англии редко проходит неделя без стачки, и притом крупной стачки. Если бы правительство в таких случаях натравливало своих солдат против рабочего класса, то эта страна стачек превратилась бы в страну избиений, но не надолго. После нескольких попыток подобным образом применять насилие это правительство перестало бы существовать. В Соединенных Штатах тоже — в течение последних лет — стачки стали повторяться чаще и приобретать все большие размеры, иногда сопровождаясь даже беспорядками. Но кровопролитий не было. В некоторых больших военных государствах континентальной Европы эра стачек может быть отнесена к окончанию гражданской войны в Америке. Но и там кровопролитий не было. Существует лишь одна страна в цивилизованном мире, где каждую стачку немедленно и рьяно превращают в предлог для официального избиения рабочего класса. Эта обетованная страна — *Бельгия*, образцовое государство континентального конституционализма, уютный, хорошо отгороженный маленький рай помещиков, капиталистов и попов. Бельгийское правительство устраивает свое ежегодное избиение рабочих с точностью, не уступающей ежегодному обращению земли вокруг солнца. Нынешнее избиение отличается от прошлогоднего лишь большим количеством жертв, более отвратительной жестокостью со стороны смехотворной в прочих отношениях армии, более шумным ликованием клерикальной и капиталистической прессы и вызывающей вздорностью предлогов, выдвинутых правительственными палачами.

Теперь даже невольные признания капиталистической прессы доказали, что совершенно законная стачка пудлинговщиков на Кокерильском железодельном заводе в Серене приняла характер беспорядков лишь потому, что на место происшествия неожиданно направили сильный отряд кавалерии и жандармерии, чтобы спровоцировать население. С 9 по 12 апреля эти отважные воины не только храбро нападали с саблями и штыками на безоружных рабочих, но без разбора убивали и ранили также мирных прохожих, силой вламывались в частные дома и развлекались даже тем, что несколько раз неистово штурмовали здание вокзала в Се-

рене, в котором забаррикадировались проезжающие. Когда прошли эти ужасные дни, распространился слух, что г. Камп, мэр Серена, состоит агентом Кокерильской акционерной компании, что бельгийский министр внутренних дел, некий г. Пирме, в то же время является владельцем большей части акций соседних рудников, на которых также происходила стачка, и что его королевское высочество граф Фландрский вложил в кокерильское предприятие 1 500 000 франков. Отсюда делали скоропалительный и поистине странный вывод, будто серенское избиение было своего рода *государственным переворотом* акционерной компании, который фирма Кокериль совместно с бельгийским министром внутренних дел тайно подстроила для того, чтобы запугать своих недовольных подданных. Но вскоре эта клевета была блестяще опровергнута последующими событиями в каменноугольном районе в Боринаже, где бельгийский министр внутренних дел, вышеупомянутый г. Пирме, не является, новидимому, главным акционером. Когда в этом районе разразилась почти всеобщая стачка рудокопов, там были сосредоточены многочисленные войска, которые открыли военные действия в Фрамери ружейной пальбой, в результате которой 9 рудокопов было убито и 20 тяжело ранено; *после* этого маленького введения был оглашен закон о беспорядках, — довольно курьезно называемый по-французски «*предварительным* увещеванием», — а затем бойня продолжалась.

Некоторые политики объясняют эти невероятные факты побуждениями высокого патриотизма. Бельгийское правительство, говорят они, которое как раз в это время вело переговоры со своим французским соседом по некоторым щекотливым вопросам, должно было продемонстрировать героизм своей армии. Отсюда и разделение армии по всем правилам науки, демонстрирующее сначала неудержимую стремительность бельгийской кавалерии в Серене, а затем непоколебимую мощь бельгийской пехоты в Фрамери. Что может быть более верным средством к устрашению иностранцев, чем эти незатейливые битвы, в которых никак нельзя потерпеть поражения, и эти отечественные поля сражений, где сотни убитых, изувеченных и взятых в плен рабочих создают столь блестящий ореол для неуязвимых воинов, которые все до одного остаются невредимы?

Другие политики, наоборот, подозревают бельгийских министров в том, что они состоят на жалованьи у Тюильрийского дворца и периодически разыгрывают эту ужасную пародию гражданской войны, чтобы доставить Луи Бонапарту повод стать спасителем общества в Бельгии, как он стал им во Франции. Но разве кто-либо когда-либо обвинял бывшего губернатора Эйра, организо-

вашего избиение негров на острове Ямайке, в том, что он намеревался оторвать этот остров от Англии и сделать его добычей Соединенных Штатов? Споры нет, бельгийские министры — превосходные патриоты в духе Эйра. Подобно тому как он был беззастенчивым орудием вест-индских плантаторов, они являются беззастенчивым орудием бельгийских капиталистов.

Бельгийский капиталист прославился на весь мир своей необыкновенной любовью к тому, что он называет *свободой труда* (la liberté du travail). Он так любит свободу тех, кто — без различия пола и возраста — работает на него всю свою жизнь, что он всегда отвергает с негодованием всякий фабричный закон, нарушающий эту свободу. Он содрогается при мысли о том, что простой рабочий может оказаться настолько безнравственным, что станет претендовать на более высокое призвание, чем призвание обогащать своего хозяина и естественного повелителя. Ему мало того, чтобы его рабочий был жалким девольником, который работает сверх меры за ничтожную плату; как всякий рабовладелец, он хочет вдобавок превратить его в невольника, заискивающего, раболепного, подавленного, нравственно развращенного, благоговейно-покорного. Отсюда его бешеная злоба против стачек. Стачка для него — богохульство, бунт рабов, предвестие социальной катастрофы. Отдайте государственную власть, как в Бельгии, в полное, безраздельное и бесконтрольное распоряжение вот таких людей, жестоких вследствие явной трусости, и вам не придется удивляться по поводу того, что в подобной стране применяются, как законные и нормальные орудия понижения заработной платы и повышения прибыли, сабля, штык и ружье. И действительно, какой еще цели может служить бельгийская армия? Когда по распоряжению официальной Европы Бельгия была объявлена *нейтральной страной*, следовало, разумеется, запретить ей такую обременительную роскошь, как армия, за исключением, быть может, нескольких солдат, предназначенных для того, чтобы составлять королевскую гвардию и устраивать парады в королевском театре марионеток. Однако на территории в 536 квадратных льё Бельгия содержит более многочисленную армию, чем Соединенное королевство или Соединенные Штаты. Военные заслуги этой нейтрализованной армии роковым образом измеряются числом ее *разбойничьих вылазок* против рабочего класса.

Легко понять, что *Международное товарищество рабочих* не оказалось желанным гостем в Бельгии. Преданное анафеме духовенством, осыпанное клеветой в органах респектабельной прессы, оно вскоре оказалось на ножах с правительством. Последнее усердно

пыталось от него избавиться, возложив на него ответственность за стачки углекопов в Шарлеруа в 1867 — 1868 гг., стачки, которые закончились, по неизменному бельгийскому правилу, официальными избиениями, а затем и судебным преследованием жертв. Но эта интрига не удалась: Товарищество предприняло активные шаги, благодаря которым рудокопы в Шарлеруа были признаны *невиновными*, а тем самым было признано *виновным* само правительство. Раздраженные этой неудачей, бельгийские министры излили свою злобу в яростных выступлениях в палате депутатов, возводя обвинения на *Международное товарищество рабочих* и торжественно заявляя, что они никогда не допустят, чтобы *всеобщий конгресс* Товарищества собрался в Брюсселе. Несмотря на их угрозы, конгресс состоялся именно в Брюсселе. Но теперь, наконец, Интернационалу все же суждено склониться перед 536 квадратными лё бельгийского всемогущества. Его преступное соучастие в недавних событиях было доказано с полной очевидностью. Эмиссары Брюссельского центрального комитета в Бельгии и некоторые из местных комитетов изобличены в тяжелых и явных преступлениях. Они, во-первых, усиленно стремились успокоить возбужденных стачечников и предостеречь их от правительственных ловушек. В некоторых местностях они действительно предотвратили кровопролитие. И, кроме того, эти злонамеренные эмиссары расследовали на местах, проверили путем свидетельских показаний, тщательно записали и публично разоблачили кровавые неистовства защитников порядка. Простой процедурой заключения в тюрьму они были сразу превращены из обвинителей в обвиняемых. Затем были произведены налеты на жилища членов Брюссельского комитета, все их бумаги были конфискованы, некоторые из них арестованы по обвинению в принадлежности к Товариществу, *«основанному в целях посягательства на жизнь и собственность частных лиц»*. Другими словами, их обвиняли в принадлежности к *Товариществу тугов*, в обиходе известному под названием Международного товарищества рабочих. Подстрекаемое нелепыми измышлениями клерикальной прессы и дикими воплями капиталистической прессы, это наглое правительство пигмеев делает решительно все для того, чтобы утонуть в болоте насмешек, после того как оно выкупалось в море крови.

Бельгийский центральный комитет в Брюсселе уже заявил о своем намерении организовать исчерпывающее расследование избиений в Серене и в Боринаже и опубликовать затем его результаты. Мы намерены распространить эти разоблачения по всему миру, чтобы всем раскрыть глаза на заносчивость бельгийских капитали-

стов, излюбленное изречение которых гласит: *La liberté, pour faire le tour du monde, n'a pas besoin de passer par ici (la Belgique)* — чтобы обойти весь мир, свобода вовсе не должна пройти через Бельгию.

Быть может, бельгийское правительство воображает, что так же, как оно получило передышку после революции 1848—1849 гг., сделавшись полицейским агентом всех реакционных правительств континента, оно и теперь снова сможет избежать грозящей ему опасности, если будет усердно разыгрывать роль жандарма в борьбе капитала против труда. Но это — серьезная ошибка. Вместо того, чтобы замедлить катастрофу, бельгийское правительство только ускорит ее. Сделав имя Бельгии нарицательным именем и посмешищем для народных масс всего мира, оно устранит последнее препятствие, которое еще мешает деспотам стереть название этой страны с карты Европы.

Генеральный совет *Международного товарищества рабочих* обращается к рабочим Европы и Соединенных Штатов с призывом открыть денежную подписку для облегчения страданий вдов, жен и детей бельгийских жертв, а также для покрытия расходов, связанных с защитой на суде арестованных рабочих и с расследованием, предпринятым Брюссельским комитетом.

По поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих:

Р. Эппльгарт, председатель. *Р. Шуу*, секретарь для Америки. *Бернар*, секретарь для Бельгии. *Эжен Дюпон*, секретарь для Франции. *Карл Маркс*, секретарь для Германии. *Жюль Жоаннар*, секретарь для Италии. *А. Жабицкий*, секретарь для Польши. *Г. Юнг*, секретарь для Швейцарии. *Кауел Стенни*, казначей.

Г. Эккариус, секретарь Генерального совета.

Лондон, 4 мая 1869 г.

Все взносы в пользу жертв бельгийских избиений следует направлять по адресу Генерального совета: 256, High Holborn, London, W C.

*Написано К. Марксом на английском языке*¹.

Печатается по листовке

«The Belgian Massacres.

To the Workmen of Europe and the United States».

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Маркса Людвигу Кугельману от 11 мая 1869 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, стр. 12—13). *Ред.*

ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНОМУ РАБОЧЕМУ СОЮЗУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Товарищи рабочие!

В учредительной программе нашего Товарищества мы заявляли: «Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана». Теперь наступила ваша очередь воспрепятствовать войне, которая, несомненно, отбросила бы назад на неопределенное время растущее движение рабочего класса по обе стороны океана.

Едва ли нужно убеждать вас в том, что нынешние европейские державы страстно желают вовлечь Соединенные Штаты в войну с Англией. Достаточно беглого взгляда на данные торговой статистики, чтобы убедиться, что русский экспорт сырья, — а в России для экспорта ничего другого нет, — быстро отступал перед американской конкуренцией, пока гражданская война внезапно не изменила положения. Перековывать теперь американские плуги в мечи означало бы спасти от грозящего банкротства эту деспотическую державу, которую ваши премудрые республиканские государственные мужи избрали своим ближайшим советником. Но совершенно независимо от особых интересов того или иного правительства, разве все наши общие угнетатели не заинтересованы в том, чтобы превратить наше крепнущее международное сотрудничество в междоусобную войну.

В приветственном обращении к мистеру Линкольну по поводу его переизбрания президентом мы выразили свое убеждение в том, что американская гражданская война будет иметь такое же огромное значение для развития рабочего класса, какое американская война за независимость имела для развития буржуазии. И в самом деле, победоносное окончание войны против рабовладения открыло новую эру в истории рабочего класса. Именно с этого вре-

мени возникает в Соединенных Штатах независимое рабочее движение, на которое с озлоблением взирают ваши старые партии и профессиональные политики. Чтобы дать этому движению созреть, нужны годы мира. Чтобы его сокрушить, нужна война между Соединенными Штатами и Англией.

Первым осязательным результатом гражданской войны было несомненное ухудшение положения американского рабочего. В Соединенных Штатах, как и в Европе, сваливали друг на друга чудовищного вампира — национальный долг, — чтобы взвалить его на плечи рабочего класса. Цены на предметы первой необходимости, — говорит один из ваших государственных деятелей, — поднялись с 1860 г. на 78%, в то время как заработная плата неквалифицированного рабочего возросла только на 50%, а квалифицированного на 60%. «Нищета, — жалуется он, — растет теперь в Америке быстрее, чем население». К тому же на фоне страданий рабочего класса еще резче выступает кричащая роскошь финансовой аристократии, аристократии выскочек и других паразитов, порожденных войной. Но при всем этом положительным результатом гражданской войны было освобождение рабов и моральный импульс, который был этим дан вашему собственному классовому движению. Новая война, не оправданная ни высокими целями, ни великой социальной необходимостью, война в духе старого мира, ковала бы цепи для свободного рабочего вместо того, чтобы разбить их у раба. Рост обнищания, который принесет с собой эта война, сразу даст вашим капиталистам и повод и средства, чтобы бездушным мечом постоянной армии преградить рабочему классу путь его смелых и справедливых стремлений.

Вот почему на вас возлагается славная обязанность доказать миру, что теперь, наконец, рабочий класс выступает на арену истории уже не в качестве покорных наемников, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где так называемые хозяева кричат о войне.

От имени Генерального совета Международного товарищества рабочих:

Британской национальности: *Р. Эппльгарт*, плотник; *М. Дж. Бун*, механик; *Дж. Бекли*, маляр; *Дж. Хейлз*, ткач эластичных тканей; *Гарриэт Лоу*; *Б. Лекрафт*, столяр; *Дж. Милнер*, портной; *Дж. Оджер*, сапожник; *Дж. Росс*, сапожник; *Р. Шоу*, маляр; *Кауэл Степни*; *Дж. Уоррен*, чемоданщик; *Дж. Уэстон* — мастер по производству поручней.

Французской национальности: *Э. Дюпон*, мастер музыкальных инструментов; *Жюль Жоаннар*, литограф; *Поль Лафарг*.

Немецкой национальности: *Г. Эккариус*, портной; *Ф. Лесснер*, портной; *В. Лимбург*, сапожник; *Карл Маркс*.

Швейцарской национальности: *Г. Юнг*, часовщик; *А. Мюллер*, часовщик.

Бельгийской национальности: *П. Бернар*, маляр.

Датской национальности: *Дж. Кон* — сигарное производство.

Польской национальности: *Жабицкий*, наборщик.

Б. Лекрафт, председатель.

Кауел Степни, казначей.

Георг Эккариус, генеральный секретарь.

Лондон, 12 мая 1869 г.

*Написано К. Марксом на английском языке*¹.

Печатается по листовке

*«Address to the National labour union of the
United States».*

¹ Об авторстве Маркса см. письмо Маркса Людвигу Кугельману от 11 мая 1869 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, стр. 12—13). *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «ВОСЕМНАДЦАТОГО БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА».

Мой безвременно скончавшийся друг *Иосиф Вейдемейер* * имел намерение издавать в Нью-Йорке с 1 января 1852 г. политический еженедельник. Он предложил мне написать для этого журнала историю *coup d'état* [государственного переворота]. Я писал для него еженедельно до середины февраля статьи под заглавием «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Тем временем первоначальный план Вейдемейера потерпел неудачу. Вместо этого он весной 1852 г. стал издавать ежемесячный журнал «*Die Revolution*», второй выпуск которого и состоит из моего «Восемнадцатого брюмера». Несколько сот экземпляров этого сочинения проникли тогда в Германию, не поступив, однако, на книжный рынок. Один немецкий книготорговец, который корчил из себя крайнего радикала и которому я предложил взять на себя сбыт моего сочинения, с неподдельным моральным негодованием отклонил такую «несвоевременную затею».

Из сказанного видно, что предлагаемое сочинение написано под непосредственным впечатлением событий и что его исторический материал не идет далее февраля (1852 г.). Настоящее второе издание обязано своим появлением отчасти спросу на книжном рынке, отчасти настоянию моих друзей в Германии.

Из сочинений на ту же тему, появившихся приблизительно одновременно с моим, заслуживают внимания только два: «*Napoléon le Petit*» [«Наполеон Маленький»] *Виктора Гюго* и «*Coup d'état*» [«Государственный переворот»] *Прудона*.

Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными личными нападками на того, кто несет юридическую ответственность за государственный переворот. Само событие появляется у него, как гром из ясного неба. Он видит в нем лишь акт насилия со стороны одного индивидуума. Он не замечает, что изображает этого индивидуума вели-

* Во время гражданской войны в Америке занимал пост военного начальника округа Сен-Луи.

ким, а не маленьким, приписывая ему беспримерную в мировой истории мощь личной инициативы. Прудон, с своей стороны, старается представить государственный переворот как результат предшествовавшего исторического развития. Но незаметно для него самого историческое изображение переворота превращается у него в историческую апологию героя государственного переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я же показываю, как *классовая борьба* создала во Франции обстоятельства и отношения, позволившие посредственному и смешному персонажу разыграть роль героя.

В переработке предлагаемое сочинение утратило бы свой своеобразный колорит. Я ограничился поэтому исправлением опечаток и устранением ставших уже непонятными намеков.

Заключительные слова моего сочинения: «Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона будет низвергнута с высоты Вандомской колонны» — уже сбылись.

Полковник Шаррас открыл атаку на наполеоновский культ в своем сочинении о походе 1815 г. С тех пор, особенно в последние годы, французская литература при помощи оружия исторического исследования, критики, сатиры и шутки навсегда покончила с наполеоновской легендой. За пределами Франции этот резкий разрыв с традиционной народной верой, эта колоссальная революция в умах обратила на себя мало внимания и еще меньше была понята.

В заключение выражаю надежду, что мое сочинение будет способствовать устранению ходячей — особенно теперь в Германии — псевдонаучной фразы о так называемом *цезаризме*. При этой поверхностной исторической аналогии забывают самое главное — что в древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, в то время как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов. Забывают меткое замечание *Сисмонди*: римский пролетарий жил за счет общества, тогда как современное общество живет за счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов, — политические фигуры, порожденные этой борьбой, могут иметь между собою не более общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил.

Карл Маркс.

Лондон, 23 июня 1869 г.

КАРЛ МАРКС.

В Германии родоначальником немецкого рабочего движения привыкли считать Фердинанда Лассалья. Между тем нет ничего ошибочнее такого взгляда. Если шесть-семь лет тому назад во всех фабричных районах, во всех крупных городах, центрах рабочего населения, пролетариат массами стекался к нему, если его поездки были триумфальными шествиями, которым могли бы позавидовать короли, — то не была ли тут уже заранее незаметно подготовлена почва, на которой так быстро созрели плоды? Если рабочие восторженно приветствовали его слова, то потому ли, что слова эти были для них новы, или же потому, что сознательным рабочим они давно уже были более или менее известны?

Нынешнее поколение живет торопливо и забывает быстро. Движение 40-х годов, которое достигло своего кульминационного пункта в революции 1848 г. и закончилось с наступлением реакции 1849—1852 гг., уже забыто вместе с его политической и социалистической литературой. Необходимо поэтому напомнить, что до революции 1848 г. и во время нее среди рабочих, в особенности в Западной Германии, существовала хорошо организованная социалистическая партия и что хотя после кёльнского процесса коммунистов она и распалась, но отдельные ее члены продолжали незаметно готовить ту почву, которой воспользовался впоследствии Лассаль. Необходимо далее напомнить и о том, что существовал человек, который сделал целью своей жизни, наряду с организацией этой партии, научное изучение так называемого социального вопроса, т. е. критику политической экономии, и который еще до 1860 г. опубликовал важные результаты своих исследований. Лассаль был чрезвычайно талантлив и разносторонне образован, это был человек большой энергии и почти беспредельной гибкости (*Versatilität*); он был прямо-таки создан для того, чтобы при любых обстоятельствах играть политическую роль. Но он не был ни первым инициатором немецкого рабочего движения, ни оригинальным мыслителем. Все содержание его произведений было им заимствовано и притом заимствовано не

Carl Marx

Man hat sich in Deutschland die Meinung verbreitet, dass die deutsche Literatur die deutsche Wissenschaften zu einem Stande gebracht hat, den man in keinem anderen Lande finden kann. In der That ist es nicht anders, als wenn man in einem Lande die Wissenschaften betrachtet, und man sieht, dass sie sich nicht anders verhalten, als wenn man in einem anderen Lande die Wissenschaften betrachtet. Die deutsche Literatur hat die deutsche Wissenschaften zu einem Stande gebracht, den man in keinem anderen Lande finden kann. In der That ist es nicht anders, als wenn man in einem Lande die Wissenschaften betrachtet, und man sieht, dass sie sich nicht anders verhalten, als wenn man in einem anderen Lande die Wissenschaften betrachtet.

Die deutsche Literatur hat die deutsche Wissenschaften zu einem Stande gebracht, den man in keinem anderen Lande finden kann. In der That ist es nicht anders, als wenn man in einem Lande die Wissenschaften betrachtet, und man sieht, dass sie sich nicht anders verhalten, als wenn man in einem anderen Lande die Wissenschaften betrachtet. Die deutsche Literatur hat die deutsche Wissenschaften zu einem Stande gebracht, den man in keinem anderen Lande finden kann. In der That ist es nicht anders, als wenn man in einem Lande die Wissenschaften betrachtet, und man sieht, dass sie sich nicht anders verhalten, als wenn man in einem anderen Lande die Wissenschaften betrachtet.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ ЭНГЕЛЬСА «КАРЛ МАРКС». 1869 г.

без искажений; у него был предшественник, стоявший неизмеримо выше его в интеллектуальном отношении, о существовании которого он, правда, умалчивал, вульгаризируя в то же время его учение; имя его — Карл Маркс.

Карл Маркс родился 5 мая 1818 г. в Трире, там же получил он свое гимназическое образование. Он изучал юридические науки в Бонне, а затем в Берлине, где вскоре, однако, занятия философией отвлекли его от изучения права. После пятилетнего пребывания в «метрополии интеллигенции» он в 1841 г. возвратился в Бонн с намерением занять кафедру в тамошнем университете. В то время в Пруссии царил первая «новая эра». Фридрих-Вильгельм IV заявил, что любит «здравомыслящую оппозицию», и в ряде мест были сделаны попытки организовать таковую. И вот в Кёльне была основана «Rheinische Zeitung». В ней Маркс с неслыханной для того времени смелостью критиковал прения рейнского областного ландтага в статьях, которые произвели огромное впечатление. В конце 1842 г. он взял на себя редактирование газеты и доставил цензуре столько хлопот, что ему была оказана особая честь — из Берлина прислали специального цензора для «Rheinische Zeitung». Когда и это не помогло, для газеты была установлена двойная цензура: каждый ее номер, кроме обычной цензуры, подвергался еще во второй инстанции цензуре кёльского правительственного президента. Но и это средство несколько не помогло против «закоренелой злонамеренности» «Rheinische Zeitung», и в начале 1843 г. министерство издало распоряжение, согласно которому «Rheinische Zeitung» должна была в конце первого квартала прекратить свое существование. Маркс тотчас же сложил с себя обязанности редактора, потому что акционеры газеты хотели попытаться покончить дело миром, но из этого тоже ничего не вышло, и газета перестала выходить.

Критика прений рейнского ландтага заставила Маркса заняться изучением вопросов о материальных интересах, и тут он пришел к новым взглядам, не предусмотренным ни юриспруденцией, ни философией. Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к мнению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества. Но наука о гражданском обществе — это политическая экономия, а *эту* науку можно было основательно изучить не в Германии, а только в Англии или во Франции.

После женитьбы на дочери тайного советника фон-Вестфалена в Трире (сестре будущего прусского министра внутренних дел фон-Вестфалена) Маркс переселился летом 1843 г. в Париж, где посвятил себя главным образом изучению политической экономии и истории великой французской революции. В то же время он стал издавать вместе с Руге «Deutsch-Französische Jahrbücher», из которых, однако, вышел в свет всего лишь один том. В 1845 г., будучи выслан Гизо из Франции, он переехал в Брюссель и оставался там, занимаясь изучением тех же вопросов, до начала февральской революции. Как мало был он согласен с бывшим тогда в ходу социализмом, даже в той его форме, которая особенно претендовала на научность, доказывает его критика большого сочинения Прудона «Philosophie de la misère» [«Философии нищеты»], появившаяся в 1847 г. под названием «Misère de la philosophie» [«Нищета философии»], Брюссель — Париж. Уже в этой работе содержится много существенных пунктов его подробно развитой теперь теории. «Манифест коммунистической партии» (Лондон, 1848 г.), написанный перед февральской революцией и принятый рабочим конгрессом в Лондоне, в основном также его произведение.

После того, как Маркс был выслан бельгийским правительством, которое действовало под влиянием паники, вызванной февральской революцией, он по приглашению французского временного правительства вернулся в Париж. Бурный поток революции отеснил на задний план все научные занятия; теперь надо было непосредственно вмешаться в движение. После того как Маркс в течение первых бурных дней вел борьбу с бессмысленной затеей агитаторов, которые хотели организовать во Франции добровольческие отряды немецких рабочих для превращения Германии в республику, он отправился вместе со своими друзьями в Кёльн и основал там «Neue Rheinische Zeitung», которая просуществовала до июня 1849 г. и которую до сих пор еще хорошо помнят на Рейне. Свобода печати 1848 г., пожалуй, нигде не была использована с таким успехом, как тогда этой газетой, издававшейся в одной из прусских крепостей. После тщетных попыток правительства прикончить газету путем судебного преследования — Маркса дважды привлекали к суду присяжных за нарушение законов о печати и за призыв к отказу от уплаты налогов, и оба раза он был оправдан — газета прекратила свое существование во время майских восстаний 1849 г., так как Маркс был выслан из страны под предлогом, что он утратил свое прусское подданство; под аналогичными предложениями были высланы и остальные редакторы.

Маркс должен был поэтому опять возвратиться в Париж, откуда он снова был выслан и еще летом 1849 г. переехал в Лондон, где он живет и сейчас.

В Лондоне собрался тогда весь *fine fleur* [цвет] континентальной эмиграции всех наций. Создавались всевозможные революционные комитеты, объединения, временные правительства *in partibus infidelium*¹, происходили всякого рода препирательства и ссоры; господа, принимавшие в них участие, наверное, вспоминают теперь этот период как самый злополучный в своей жизни. Маркс держался в стороне от всех этих интриг. Некоторое время он продолжал издавать свою «*Neue Rheinische Zeitung*» в виде ежемесячного обозрения (Гамбург, 1850 г.), а затем уединился в Британском музее и стал изучать политико-экономическую литературу его огромной, большей частью еще неизвестной библиотеки. В то же время он регулярно посылал корреспонденции в «*New-York Tribune*». Вплоть до начала гражданской войны в Америке он был, собственно говоря, редактором этой первой англо-американской газеты по вопросам европейской политики.

Государственный переворот 2 декабря побудил его написать брошюру «*18 брюмера Луи Бонапарта*», Нью-Йорк, 1852 г.; как раз теперь она выходит новым изданием (в Гамбурге у Мейснера) и не мало будет содействовать уяснению того шаткого положения, в которое именно теперь попал Бонапарт. Герой государственного переворота изображен здесь в своем натуральном, неприкрашенном виде, без того ореола славы, каким окружил его минутный успех. Филистер, считающий своего Наполеона III величайшим человеком нашего века и не могущий поэтому понять, как же этот изумительный гений неожиданно делает теперь промах за промахом и совершает одну политическую ошибку за другой, — этот самый филистер может в упомянутой работе Маркса кое-чему научиться.

Хотя Маркс за все время своего пребывания в Лондоне очень мало заботился о том, чтобы заставить о себе говорить, тем не менее Карл Фогт вынудил его, после итальянской кампании 1859 г., вступить в полемику, нашедшую свое завершение в книге Маркса «*Господин Фогт*» (Лондон, 1860 г.).

В это же самое время появился первый плод его политико-экономических исследований — «*К критике политической экономии*», первый выпуск, Берлин, 1859 г. Этот выпуск содержит в себе только

¹ Дословно «в стране неверных»; употребляется иронически для обозначения титула, сана, звания, не имеющего реального значения. *Ред.*

теорию денег, которая изложена с совершенно новой точки зрения; продолжение заставило себя ждать потому, что автор тем временем открыл так много новых материалов, что счел необходимым их дополнительное изучение.

Наконец, в 1867 г. в Гамбурге был издан «*Капитал*. Критика политической экономии», том первый. Книга эта — результат научной работы целой жизни. Это — политическая экономия рабочего класса в ее научном выражении. Здесь дело идет не о политической пропаганде, не об агитационных фразеях, а о строго научных выводах. Как бы ни относиться к социализму, все же всякий должен будет признать, что здесь социализм впервые изложен научно и что именно Германии было суждено разрешить эту задачу и в данной области. Ныне всякий, кто еще хочет бороться с социализмом, должен будет справиться с Марксом; и если ему это удастся, он сможет уже не упоминать о *dii minorum gentium* [меньших богах].

Но книга Маркса представляет интерес еще и с другой стороны. Это — первое сочинение, в котором полно и ясно изображены фактические отношения между капиталом и трудом в той классической форме, которую они приобрели в Англии. Парламентские обследования дали для этого обильный, охватывающий почти сорокалетний период и до сих пор почти неизвестный даже в Англии материал о положении рабочих почти во всех отраслях промышленности, о женском и детском труде, о ночной работе и т. д. Все это здесь впервые стало доступным для читателя. Далее следует история фабричного законодательства в Англии, которое от скромного начинания в виде первого закона 1803 г. дошло теперь до ограничения рабочего времени почти во всех отраслях как фабричной, так и домашней промышленности 60 часами в неделю для женщин и подростков моложе 18 лет и 39 часами в неделю для детей моложе 13 лет. С этой стороны книга Маркса представляет величайший интерес для всякого, кто связан с промышленностью.

В течение долгих лет Маркс несомненно был тем из немецких писателей, который подвергался наиболее изощренной клевете; зато никто не станет отрицать, что он мужественно боролся и что его удары всегда метко попадали в цель. Но полемика, в которой он «положил не мало труда», была для него в сущности только вынужденной самообороной. По-настоящему же, в конце концов, он интересовался своей наукой, которую в течение двадцати пяти лет он изучал и обдумывал с добросовестностью, не имеющей себе равной, с такой добросовестностью, которая не позволяла ему опубликовать свои выводы в систематизированном виде, прежде чем он

сам не был удовлетворен их формой и содержанием, прежде чем он не убедился окончательно, что не осталось ни одной не прочитанной им книги, ни одного не взвешенного им возражения, что каждый вопрос им исчерпан до конца. В нашу эпоху, эпоху эпигонов, оригинальные мыслители крайне редки, и если какой-либо человек является не только оригинальным мыслителем, но и владеет непревзойденной в своей области эрудицией, то он вдвойне заслуживает признания.

Кроме своей науки, Маркс, как это и следовало ожидать, занят рабочим движением; он является одним из основателей «Международного товарищества рабочих», которое в последнее время заставило так много говорить о себе и которое показало себя силой уже во многих пунктах Европы. Мы думаем, что не ошибемся, если скажем, что и в этой организации, которая во всяком случае знаменует эпоху в рабочем движении, немецкий элемент занимает — и именно благодаря Марксу — подобающее ему влиятельное место.

Написано Ф. Эмьсом.

Напечатано в «Zukunft» № 185

от 2 августа 1869 г.

и в «Demokratisches Wochenblatt» № 34

от 21 августа 1869 г.

Без подписи.

Печатается по рукописи.

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ЧЕТВЕРТОМУ ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Граждане!

Делегаты различных секций представят вам подробные отчеты об успехах нашего Товарищества в соответствующих странах. Отчет вашего Генерального совета коснется главным образом партизанских боев между капиталом и трудом — мы имеем в виду стачки, которые в течение последнего года волновали европейский континент и о которых говорили, будто они вызваны не нищетою рабочих и не деспотизмом капиталистов, а тайными интригами нашего Товарищества.

Через несколько недель после окончания нашего последнего конгресса произошла памятная стачка ленточников и красильщиков шелка в Базеле. Базель до наших дней сохранил много особенностей средневекового города с его местными традициями, узкими предрассудками, чванными богачами-патрициями и патриархальной властью хозяина над рабочим. Еще несколько лет тому назад один базельский фабрикант хвастался секретарю английского посольства, что «отношения между хозяевами и рабочими здесь лучше, чем в Англии», что «в Швейцарии рабочего, который покинул бы хорошего хозяина ради лучшей заработной платы, *презирали бы его же товарищи рабочие*» и что «наше преимущество заключается главным образом в продолжительности рабочего дня и низкой заработной плате». Как видите, *патриархальность*, видоизмененная под влиянием современности, сводится к тому, что хозяин хорош, а заработная плата плоха, что рабочий чувствует себя, как средневековый вассал, а эксплуатируется, как современный наемный раб.

Об этой патриархальности можно судить и на основании произведенного швейцарскими властями обследования детского труда на фабриках и состояния начальных народных школ. Было установлено, что «в базельских школах воздух худший в мире, что тогда как на открытом воздухе на 10 000 частей приходится только

4 части углекислого газа, а в закрытых помещениях не должно быть больше 10 частей, в базельских общественных школах количество его возрастало до 20,81 части до полудня и до 53,94 после полудня». По этому поводу член базельского Большого совета г. Турнейзен хладнокровно заявил: «Не беспокойтесь! Родители прошли через такие же плохие школьные помещения, как и нынешние, и, однако, вышли из них живыми».

Теперь станет понятным, почему экономическая борьба базельских рабочих не могла не ознаменовать новой эпохи в социальной истории Швейцарии. Нет ничего более характерного, чем исходный пункт этого движения. В силу старинного обычая ленточники в Михайлов день освобождаются от работы на несколько часов раньше, чем обычно. На фабрике «Дюбарри и сыновья» один из хозяев грубо, с повелительным жестом, заявил ткачам, потребовавшим в обычное время этой ничтожной льготы: «Тот, кто уйдет с фабрики, будет уволен раз и навсегда». После тщетных протестов 104 ткача из 172-х покинули мастерскую, не веря, впрочем, в свое окончательное увольнение, так как хозяин и рабочие были связаны письменным договором, обязывавшим предупреждать об уходе или увольнении за 14 дней. Вернувшись на следующее утро, они увидели, что фабрика окружена жандармами, не допускавшими в нее вчерашних мятежников, к которым присоединились теперь все их товарищи. Столь неожиданно уволенные с работы ткачи со своими семьями были одновременно выселены из хижин, которые они арендовали у своих предпринимателей; последние к тому же разослали циркулярные письма окрестным лавочникам, чтобы лишить выброшенных на улицу людей кредита на съестные припасы. Начатая таким образом борьба продолжалась с 9 ноября 1868 г. до весны 1869 г. Рамки нашего отчета не позволяют нам входить в подробности. Достаточно отметить, что борьба началась произвольным и злым актом капиталистического деспотизма, свирепым локаутом, который привел к стачкам. Эти стачки время от времени прерывались компромиссами, которые снова и снова нарушались хозяевами; высшего напряжения борьба достигла тогда, когда базельский «высокий и достопочтенный Государственный совет» тщетно пытался запугать рабочих военными мерами и чем-то вроде осадного положения.

Во время этой борьбы рабочим оказало поддержку Международное товарищество рабочих. Но это не все. Товарищество, — говорили хозяева, — впервые занесло в добрый старый город Базель современный бунтарский дух. Их величайшей заботой поэтому стало — снова изгнать из Базеля этого злого пришельца. Они

приложили большие, но тщетные старания к тому, чтобы в качестве одного из условий мира заставить своих подчиненных отказаться от участия в Товариществе. Терпя в своей войне против Интернационала поражение за поражением, они пытались излить свою злобу в нелепых выходках. Имея несколько филиальных отделений своих предприятий в Лоррахе, в Бадене, эти республиканцы побудили великогерцогского посланника добиться там закрытия секций Интернационала; впрочем, это мероприятие вскоре было отменено баденским правительством. Когда аугсбургская «Allgemeine Zeitung», — газета, имеющая мировое распространение, — осмелилась поместить беспристрастные сообщения о базельских событиях, эти рассерженные герои в дурацких письмах угрожали прекратить на нее подписку. Они специально отправили в Лондон агента с фантастическим поручением установить размеры главного «денежного сундука» Интернационала. Если бы эти правоверные христиане жили во времена зарождения христианства, они прежде всего заглянули бы в текущий счет св. Павла в Риме.

Эта дикарская неуклюжесть привела к тому, что они получили несколько иронических уроков житейской мудрости от женевской капиталистической прессы. Однако спустя несколько месяцев неотесанные базельские провинциалы смогли бы с ростовщическими процентами вернуть женевским знатным господам их комплименты.

В марте в Женеве вспыхнула стачка строительных рабочих и стачка наборщиков; обе корпорации в свое время примкнули к Интернационалу. Стачка строительных рабочих была вызвана тем, что хозяева нарушили договор, который был годом раньше торжественно заключен с рабочими. Стачка наборщиков была только завершением тянувшегося уже десять лет конфликта, который рабочие все время тщетно пытались уладить в пяти комиссиях, следовавших одна за другой. Как и в Базеле, хозяева сразу превратили местную стычку со своими рабочими в крестовый поход против Международного товарищества рабочих.

Женевский Государственный совет отправил на вокзалы полицейских, чтобы встретить и изолировать от всякого контакта со стачечниками тех иностранных рабочих, которых хозяева ухитрились заманить из-за границы. Он разрешил «золотой молодежи», многообещающим бездельникам из «Молодой Швейцарии», с револьверами в руках нападать на улицах и в общественных местах на рабочих и работниц. Он по разным поводам натравливал на рабочих наемных убийц своей полиции, в частности в памятный день 24 мая, когда он разыграл в Женеве, в малом масштабе, сцены, подобные

тем парижским сценам, которые Распайль заклеил как «адские оргии кастетов». Когда женевские рабочие на открытом собрании приняли обращение к Государственному совету, в котором они призывали его произвести расследование по поводу этих адских полицейских оргий, Государственный совет ответил издевательской отповедью. Он, очевидно, хотел, по наущению своих хозяев-капиталистов, довести женевское население до восстания, подавить это восстание вооруженной силой, очистить от Интернационала швейцарскую почву и подчинить рабочих декабрьскому режиму. План был расстроен благодаря энергичным действиям и сдерживающему влиянию нашего женевского Федерального комитета. Хозяева в конце концов были вынуждены уступить.

А теперь послушайте некоторые обвинения, брошенные по адресу Интернационала женевскими капиталистами и их приспешниками. На открытом собрании они приняли обращение к Государственному совету, в котором встречается следующая фраза: «Комитет Интернационала в Женеве разоряет Женевский кантон, *повинуясь приказам, полученным из Лондона и Парижа*; он хочет уничтожить здесь всякую промышленность и всякий труд». Одна из их газет утверждала, что «вожаки Интернационала являются тайными агентами императора, которые в надлежащий момент, по всей вероятности, выступают в качестве общественных обвинителей против нашей маленькой Швейцарии».

И это говорят те самые люди, которые только что проявили столь страстное желание при первом требовании пересадить на швейцарскую почву декабрьский режим; говорят те самые финансовые магнаты, действительные правители Женевы и других швейцарских городов, о которых вся Европа знает, что они уже давно из граждан Швейцарской республики превратились в простых вассалов французского «Crédit Mobilier» и других международных мошеннических организаций.

Избиения, которыми бельгийское правительство в апреле текущего года ответило на стачки сталелитейщиков в Серене и углекопов в Боринаже, были подробно освещены в обращении Генерального совета к рабочим Европы и Соединенных Штатов. Мы считали это обращение тем более необходимым, что при бельгийском образцовом конституционном правительстве подобные избиения рабочих являются не случайностью, а правилом. За ужасающей военной драмой последовал судебный фарс. Начался процесс против нашего бельгийского Генерального комитета в Брюсселе; его помещение было разгромлено полицией, многие из его членов подвергнуты одиноч-

ному заключению; во время процесса судебный следователь нашел письмо одного рабочего с просьбой прислать 500 «Интернационалов»; он сразу пришел к заключению, что на поле действия предполагалась отправка боевой дружины в 500 человек. Эти 500 «Интернационалов» были лишь 500 экземпляров «L'Internationale», еженедельного органа нашего брюссельского комитета.

Нашлась адресованная в Париж одним членом Интернационала телеграмма, в которой тот заказывал некоторое количество пороха *. После продолжительных розысков опасное вещество действительно было обнаружено в Брюсселе. Оно оказалось порошком для истребления насекомых. И, наконец, не менее важный факт: бельгийская полиция льстила себя надеждой, что во время одного из обысков она нашла на тот неуловимый клад, который не давал покоя пытливым мыслям капиталистов континента, а именно — на сокровища Интернационала, большая часть которых якобы хранится в надежном месте в Лондоне и за счет которых систематически финансируются все отделы Товарищества на континенте. Бельгийский следователь думал, что это сокровище заперто в некоем несоргаемом ящике, запрятанном в укромном месте. Он пробирается к нему, взламывает замок и находит — несколько кусков угля. Вероятно, от прикосновения руки полицейского чистое золото Интернационала мгновенно превратилось в уголь.

Из стачек, разразившихся в декабре 1868 г. в некоторых хлопчатобумажных районах Франции, самой значительной была стачка в Соттевилль-ле-Руан. Фабриканты департамента Соммы незадолго до того собрались в Амьене, чтобы решить, каким образом они могли бы продавать свои товары на английском рынке дешевле, чем сами английские фабриканты. Убедившись в том, что кроме покровительственных пошлин, именно сравнительно низкий уровень заработной платы во Франции давал им до сих пор возможность ограждать Францию от английских хлопчатобумажных изделий, они естественно заключили, что еще большее снижение заработной платы во Франции позволит им наводнить Англию французскими хлопчатобумажными изделиями. Они несколько не сомневались в том, что французские рабочие-хлопчатобумажники с гордостью примут на себя все издержки завоевательной войны, которую их хозяева столь патриотично решили вести по ту сторону канала. Вскоре после этого распространился слух, что хлопчатобумажные фабриканты Руана и его окрестностей на тайном совещании услови-

* — powder (что означает также порошок). *Ред.*

лись проводить такую же политику. Вслед за этим в Соттевиль-ле-Руан было внезапно объявлено о значительном снижении заработной платы, и тогда нормандские ткачи впервые восстали против натиска капитала. Они действовали под влиянием момента. У них до этого не было профессиональных союзов, и они не обеспечили себе никаких средств сопротивления. Нужда заставила их обратиться к Руанскому комитету Интернационала, который немедленно доставил им кое-какую поддержку от рабочих Руана, соседних округов и Парижа. Приблизительно в конце декабря 1868 г. Руанский комитет обратился к Генеральному совету — в момент наибольшей нужды в английских хлопчатобумажных округах, в момент беспримерной нищеты в Лондоне и общего застоя во всех отраслях британской промышленности. Такое положение вещей продолжается в Англии до сих пор. Несмотря на эти в высшей степени неблагоприятные обстоятельства, Генеральный совет считал, что особый характер руанского конфликта побудит английских рабочих к действию. Представлялся наиболее подходящий случай показать капиталистам, что та международная промышленная война, которую они ведут путем сокращения заработной платы то в одной, то в другой стране, встретит, наконец, препятствие в международном объединении рабочего класса. На наш призыв английские рабочие сразу ответили первым взносом в пользу Руана, а Лондонский совет тред-юнионов постановил созвать в столице совместно с Генеральным советом грандиозный митинг сочувствия нормандским братьям. Эти мероприятия были приостановлены известием о том, что стачка в Соттевиле внезапно прекратилась. Неудача этой экономической борьбы была широко компенсирована ее моральным эффектом. Она завербовала в ряды революционной армии труда нормандских хлопчатобумажных рабочих; она вызвала к жизни профессиональные союзы в Руане, Эльбефе, Дарнетале и их окрестностях и вновь закрепила братский союз между английским и французским рабочим классом.

В течение зимы и весны 1869 г. пропаганда нашего Товарищества во Франции была парализована вследствие насильственного роспуска нашей парижской секции в 1868 г., полицейских придирок в департаментах и всеобщих парламентских выборов во Франции, поглотивших все интересы.

По окончании выборов вспыхнули многочисленные стачки в горнопромышленных районах Луары, в Лионе и во многих других местностях. Экономические факты, обнаружившиеся во время этой борьбы между хозяевами и рабочими, поразили взор публики, опровергая те яркие заманчивые картинки, на которых изобража-

лось процветание рабочего класса под эгидой Второй империи. Требования, предъявленные рабочими, были столь умеренны по своему характеру и столь неотложны по существу, что капиталисты вынуждены были, демонстративно оказав ожесточенное сопротивление, выполнить их целиком. Единственная странная черта этих стачек заключалась в их внезапном взрыве после кажущегося затишья и в том, с какой быстротой они следовали одна за другой. Причина этого, однако, была проста и очевидна. Успешно испробовав свои силы в борьбе против всенародного деспота во время выборов, рабочие, естественно, решили после выборов испробовать их против своих частных деспотов. Одним словом, выборы пробудили их духовные силы. Правительственная пресса, получающая, как известно, плату за лживые сообщения и лживое истолкование неприятных фактов, приписала, конечно, эти события тайному приказу лондонского Генерального совета, который, как она говорила, посылает своих эмиссаров с места на место, чтобы внушить вполне довольным своей участью французским рабочим, что работать сверх сил, получать недостаточную плату и терпеть грубое обращение — плохо. Издаваемый в Лондоне французский полицейский листок «L'International» (см. номер от 3 августа) соблаговолил открыть миру тайные побуждения нашей вредной деятельности. «Самое странное, — говорится там, — это — то, что стачки было предписано начинать в таких местах, где нужда вовсе не дает себя чувствовать. Эти неожиданные вспышки, возникшие как нельзя кстати для некоторых из наших соседей, которые в первую очередь должны были бы опасаться войны, заставляют многих призадуматься: не произошли ли эти стачки по просьбе какого-нибудь иностранного Маккиавелли, сумевшего добиться расположения этого всемогущего Товарищества?» И в тот самый момент, когда этот французский листок обвинял нас в том, что мы посредством стачек создаем для французского правительства внутренние затруднения, чтобы избавить графа Бисмарка от внешней войны, одна из прусских газет обвиняла нас в том, что посредством стачек мы создаем затруднения для Северо-германского союза, чтобы сокрушить немецкую промышленность в интересах иностранных фабрикантов.

Какова связь между Интернационалом и стачками во Франции, мы покажем на двух типичных примерах. Что касается первого случая, стачки в Сент-Этьене и последовавшей затем бойни в Рикамари, то даже само французское правительство уже не осмеливается утверждать, что Интернационал имел какое бы то ни было отношение к делу. Во втором случае, в Лионе, не Интернационал толкнул ра-

бочих на стачки, а, наоборот, стачки толкнули рабочих в ряды Интернационала.

Горнорабочие Сент-Этьена, Рив-де-Жье и Фюмери спокойно, но твердо требовали от директоров горнопромышленных компаний сокращения рабочего дня, который достигал 12 часов тяжелой работы под землей, и пересмотра тарифа заработной платы. Потерпев неудачу в своей попытке мирного соглашения, они 11 июня забастовали. Для них, конечно, было жизненным вопросом обеспечить себе поддержку тех рудокопов, которые еще не начали бастовать. Чтобы воспрепятствовать этому, директора горнопромышленных компаний потребовали и получили от префекта департамента Луары целый лес штыков. 12 июня стачечники обнаружили, что шахты находятся под усиленной военной охраной. Горнопромышленные компании выплачивали каждому солдату по 1 франку в день, чтобы обеспечить усердие солдат, предоставленных им правительством. Солдаты отблагодарили компании, задержав 16 июня около 60 рудокопов, которые пытались вступить в переговоры со своими собратьями, находившимися в шахтах. В тот же день после полудня арестованные были отправлены в Сент-Этьен под охраной отряда (150 человек) 4-го линейного полка. Перед тем, как эти храбрые воины отправились в путь, один из инженеров Дорианских копей роздал им 60 бутылок водки, заявив при этом, что в пути они должны зорко следить за арестованными, так как эти горнорабочие — дикари, варвары и каторжники. Таким образом, и водкой и наставлениями было подготовлено кровавое столкновение. За отрядом последовала толпа горнорабочих с женами и детьми, которая окружила его в узком ущельи, на высотах Монселя, в округе Рикамари, и потребовала выдачи арестованных. Солдаты ответили отказом, и на них посыпались камни; тогда, без всякого предупреждения, они стали беспорядочно стрелять в толпу из своих ружей, убили 15 человек, в том числе двух женщин и ребенка, и многих тяжело ранили. Страдания раненых были ужасны. В числе жертв была бедная девочка 12 лет, Жени Пти; ее имя будет жить вечно в истории мучеников за рабочий класс. Она была ранена сзади двумя пулями: одна из них застряла в ноге, другая пробила спину, раздробила руку и вышла через правое плечо. «Ружье (chasseur) еще раз поработало на славу».

Впрочем, на этот раз правительство быстро сообразило, что оно совершило не только преступление, но и грубый промах. Буржуазия не приветствовала его как спасителя общества. Весь муниципальный совет г. Сент-Этьена подал в отставку, отметив в своем заявлении подлое поведение солдат и настаивая на их удалении из-

города. Вся французская пресса разразилась криками ужаса. Даже такие консервативные газеты, как «*Moniteur Universel*», открыли подписку в пользу потерпевших. Правительству *пришлось* отозвать ненавистный полк из Сент-Этьена.

При таких затруднительных обстоятельствах явилась блестящая идея — возложить на алтарь общественного негодования козла отпущения, всегда находящегося под рукой, а именно: Международное товарищество рабочих. Во время судебного разбирательства так называемые бунтовщики были подразделены обвинительным актом на 10 категорий, причем весьма искусно оттенялись различные степени виновности. Первая категория, окрашенная в самую густую краску, состояла из рабочих, особо подозреваемых в том, что они повиновались некоему тайному *«приказу»* из-за границы, изданному Интернационалом. Улики были, конечно, подавляющие, о чем свидетельствует следующая краткая выдержка из одной французской газеты: «Допрос очевидцев не дал возможности *точно* установить участие Международного товарищества. Очевидцы подтверждают *лишь* присутствие во главе банд каких-то *неизвестных* людей в белых блузах и кепках. *Ни один из неизвестных не был задержан и не находится на скамье подсудимых.* На вопрос — *верите ли вы* во вмешательство Международного товарищества? — один из свидетелей ответил: *я верю в него, но у меня нет никаких доказательств».*

Вскоре после бойни в Рикамари серию экономических боев начали лионские сучильщики шелка, в большинстве своем женщины. Нужда заставила их обратиться к Интернационалу, который — главным образом через своих членов во Франции и в Швейцарии — помог им одержать победу. Несмотря на все попытки запугать их полицейскими мерами, они открыто заявили о своем присоединении к нашему Товариществу и официально вступили в него, уплатив Генеральному совету установленные взносы. В Лионе, как и до того в Руане, женщины-работницы сыграли благородную и выдающуюся роль в этом движении. Другие отрасли промышленности в Лионе последовали примеру сучильщиков шелка. Таким образом, в течение нескольких недель мы приобрели около 10 000 новых членов среди этого героического населения, более тридцати лет тому назад написавшего на своем знамени лозунг современного пролетариата: «Жить работая или умереть сражаясь».

Между тем французское правительство продолжает свою мелочную травлю Интернационала. В Марселе оно запретило нашим членам собраться для выборов делегата на Базельский конгресс.

Такая же подлая выходка повторилась и в других городах. Но рабочие на континенте, как и повсюду, начинают, наконец, понимать, что вернейший путь к тому, чтобы завоевать свои естественные права, это — использовать их явочным порядком.

Австрийские рабочие, особенно рабочие Вены, хотя и начали свое классовое движение лишь после событий 1866 г., сразу заняли выгодные позиции. Они сразу же выступили под знаменами социализма и Интернационала, к которому они теперь *коллективно* присоединились через своих делегатов на недавно состоявшемся Эйзенхакском съезде.

В Австрии, более, чем где бы то ни было, либеральная буржуазия проявила свои эгоистические инстинкты, свое умственное убожество и свою мелкую озлобленность против рабочего класса. Либеральное министерство, видя, что междоусобная борьба рас и национальностей раздирает империю и подвергает ее опасности, набрасывается на рабочих, которые одни только провозглашают братство всех рас и национальностей. Сама буржуазия, которая завоевала новое положение не вследствие собственного героизма, а лишь вследствие знаменитого поражения австрийской армии, едва ли в состоянии, — да и она сама это знает, — защитить свои новые приобретения от покушений династии, аристократии и клерикальной партии; и, тем не менее, она растрчивает свои лучшие силы в позорных попытках лишить рабочий класс права коалиции, свободы собраний, свободы печати и свободы совести. В Австрии, как и во всех других государствах континента, Интернационал заменил собой вчерашний «красный призрак». Когда 13 июля в Брюнне, центре хлопчатобумажной промышленности в Моравии, было, в меньшем масштабе, организовано избиение рабочих, событие было приписано тайному подстрекательству Интернационала, агенты которого, как оказалось, были, к сожалению, наделены редкой способностью делаться невидимыми. Когда некоторые вожди венских рабочих предстали перед судом, прокурор клеймил их как орудие иностранцев. Чтобы показать, как он добросовестно изучил дело, он допустил лишь маленькую ошибку и перепутал буржуазную «Лигу мира и свободы» с Международным товариществом рабочих.

Если в самой Австрии рабочее движение, таким образом, подвергалось преследованиям, то в Венгрии его подвергли открытой и наглой травле. На этот счет Генеральный совет получил из Пешта и Пресбурга самые достоверные сообщения. Одного примера будет достаточно, чтобы показать обращение властей с венгерскими ра-

бочими. Венгерский министр внутренних дел фон-Венкхейм как раз находился в Вене по государственным делам. Пресбургские рабочие, которым в течение месяцев не разрешались открытые собрания и даже устройство вечеров для сбора средств в пользу общества помощи больным, послали, наконец, делегатов в Вену, чтобы передать там жалобу знаменитому фон-Венкхейму. Пыхтя и дымя своей сигарой, великий муж встретил их грозным окриком: «Вы — рабочие. А вы усердно работаете? Остальное вас не касается. Никаких обществ вам не надо; и если вы лезете в политику, мы сумеем принять против вас надлежащие меры. Я ничего для вас не сделаю. Рабочие могут роптать, сколько им угодно». На вопрос рабочих, будет ли полицейский произвол попрежнему царить бесконтрольно, либеральный министр ответил: «Да, и я беру на себя за это ответственность». После несколько затянувшихся, но бесплодных объяснений рабочие ушли от министра, заявив ему: «Поскольку государственные дела влияют на положение рабочих, рабочие должны и, конечно, будут заниматься политикой».

В Пруссии и в остальной Германии прошлый год был ознаменован организацией профессиональных союзов по всей стране. На состоявшемся недавно Эйзенахском съезде делегаты от 150 000 немецких рабочих в самой Германии, Австрии и Швейцарии организовали новую социал-демократическую партию, в программу которой дословно вошли основные принципы нашего устава. Лишенные законом права создавать секции нашего Товарищества, они, тем не менее, официально вступили в него, постановив приобрести индивидуальные членские карточки в Генеральном совете. На своем съезде в Бармене Всеобщий германский рабочий союз также подтвердил свое согласие с принципами нашего Товарищества, одновременно заявив, что прусский закон воспрещает ему присоединиться к нам.

Новые секции нашего Товарищества возникли в Неаполе, Испании и Голландии.

В Барселоне издается теперь испанский, в Амстердаме — голландский орган нашего Товарищества.

Лавры, собранные бельгийским правительством на славных полях сражения в Серене и Фрамери, вызвали, повидимому, злобную зависть великих держав. Неудивительно поэтому, что в текущем году и Англия может похвастаться своим собственным избиением рабочих. Уэльские рудокопы, в лисвудской Большой шахте, близ Моулда в Денбишире, неожиданно получили извещение о снижении заработной платы от директора шахты, которого они уже

давно имели основание считать самым неисправимым и придиричивым деспотом. Поэтому несчастные, получив поддержку от соседних углекопов, напали на него, заняли его дом и отправили всю его мебель на железнодорожную станцию, вообразив в своей детской наивности, что таким способом они освободятся от него навеки. Началось, конечно, судебное следствие против бунтовщиков, но один из них был освобожден тысячной толпой и выведен из города. 28 мая двое из зачинщиков должны были быть доставлены в здание суда в Моулде полицейскими под охраной отряда 4-го «собственного его величества» линейного полка. Толпа рудокопов пыталась освободить арестованных и, встретив сопротивление полиции и солдат, засыпала их камнями; тогда солдаты без всякого предупреждения ответили на град камней градом пуль из своих ружей нового образца (ружья Снайдера). Пять человек, из них две женщины, были убиты и очень многие ранены. До этого момента между бойней в Моулде и бойней в Рикамари много сходства, но дальше это сходство исчезает. Во Франции солдаты отвечали только перед своими командирами. В Англии они должны были подвергнуться допросу следователя перед судом присяжных; но этот следователь был глухой и выживший из ума старый болван, которому пришлось выслушивать показания свидетелей через слуховую трубку, а уэльский суд присяжных, на который он опирался, представлял собой преисполненный предрасудков классовый суд. Этот суд признал бойню «убийством, заслуживающим оправдания».

Во Франции бунтовщики были приговорены к тюремному заключению от 3 до 18 месяцев и вскоре после суда амнистированы. В Англии они были присуждены к 10 годам каторжных работ. Во Франции вся печать оглашалась криками возмущения по адресу солдат. В Англии печать была полна одобрения по адресу солдат и негодования по адресу их жертв. Тем не менее, английские рабочие много выиграли, освободившись от большой и опасной иллюзии. До сих пор они воображали, что их жизнь охраняется формальностями закона о беспорядках и подчинением военной силы гражданским властям. Теперь из официального заявления либерального министра внутренних дел Брюса в палате общин они знают, во-первых, что любой сельский чиновник, какой-нибудь любитель охоты на лисиц или поп имеет право без предварительного оглашения закона о беспорядках приказать войскам стрелять в тех, кого ему вздумается назвать толпой бунтовщиков; и, во-вторых, что солдат может стрелять по собственному почину под предлогом самозащиты. Либеральный министр забыл прибавить, что для таких случаев

каждый человек должен быть вооружен за счет государства ружьем новейшего образца для самозащиты от солдат.

На недавнем всеобщем съезде английских тред-юнионов в Бирмингеме была принята следующая резолюция: «Так как местные рабочие организации почти всюду исчезли и заменены организациями национального масштаба, а распространение принципа свободной торговли вызывает такое соперничество между нациями, что интересы рабочих постепенно исчезают из поля зрения и приносятся в жертву бешеной международной конкуренции между капиталистами, — мы полагаем, что рабочие организации должны расширяться все больше и становиться интернациональными. И так как Международное товарищество рабочих стремится сплотить и расширить интересы трудящихся масс, которые повсюду одинаковы, съезд, будучи убежден, что осуществление его принципов приведет также к прочному миру между всеми народами, горячо рекомендует рабочим Соединенного королевства, и особенно всем организованным корпорациям, поддерживать это Товарищество, а также присоединяться к нему».

В мае текущего года война между Соединенными Штатами и Англией казалась неминуемой. Поэтому Генеральный совет послал председателю американского Национального рабочего союза Силвису обращение, призывающее рабочий класс Соединенных Штатов требовать сохранения мира, в то время как его так называемые хозяева кричат о войне. Ввиду внезапной смерти доблестного борца за наше общее дело Силвиса нам кажется уместным, в знак уважения к его памяти, привести в заключение настоящего отчета ответ, который мы получили от него на наше письмо: «Получил вчера ваше любезное письмо от 12-го текущего месяца и приложенное к нему воззвание. Для меня было большим счастьем получить эти приветливые строки от наших товарищей рабочих за океаном. Наше дело — общее дело. Идет война бедных против богатых. Во всех частях света труд одинаково угнетен, а капитал одинаково является тираном. Вот почему я говорю, что наше дело общее. От имени рабочих Соединенных Штатов протягиваю товарищескую руку вам и — в вашем лице — тем, кого вы представляете, а также и всем униженным и эксплуатируемым труженикам и труженицам Европы. Двигайте вперед благое дело, которое вы предприняли, до тех пор, пока полный успех не увенчает ваши усилия. Таково и наше намерение. В результате последней войны у нас образовалась гнуснейшая в мире денежная аристократия. Эта денежная власть быстро пожирает живые силы народа. Мы объявили ей

войну и намерены победить. Если сможем, добьемся победы через избирательную урну; если нет, обратимся к более сильным средствам. В крайних случаях бывает необходимо небольшое кровопускание»).

По распоряжению Совета:

Р. Эппльгарт, председатель.

Кауел Степни, казначей.

Георг Эккартус, генеральный секретарь.

*Написано К. Марксом на английском языке*¹.

Напечатано в «Report of the Fourth annual congress of the International Working men's association, held at Basle, in Switzerland», вышедшей отдельной брошюрой в сентябре 1869 г.

¹ Авторство Маркса подтверждается протоколом заседания Генсовета от 29 августа 1869 г., а также письмом Лесснера Марксу от 6 и 7 сентября 1869 г. (Базельский конгресс I Интернационала, ИМЭЛ, 1934 г.). *Ред.*

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [О ПРАВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ.]

1. Право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником ту власть, которой покойный обладал *при жизни*, а именно *власть* при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда*. Например, земля дает землевладельцу при жизни власть под титулом ренты присваивать без всякой компенсации плоды чужого труда. Капитал дает ему власть делать то же самое под титулом прибыли и процента. Собственность на ценные бумаги дает ему возможность жить, не трудясь, плодами чужого труда и т. д.

Наследование не создает этой возможности перекладывать плоды труда одного человека в карман другого—оно касается лишь смены лиц, обладающих этой возможностью. Как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются *не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества*, которая основана на частной собственности на средства производства, т. е. на землю, сырье, машины и пр. Точно так же право передавать рабов по наследству не есть причина рабства, а, наоборот, рабство есть причина перехода рабов по наследству.

2. Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой. Предположим, что средства производства из источника частного благосостояния превратились в источник общественного благосостояния; тогда право наследования (поскольку оно имеет какое-либо социальное значение) отомрет само собою, ибо человек оставляет после своей смерти лишь то, чем он владел при жизни. Поэтому наша великая цель должна заключаться в уничтожении тех институтов, которые дают некоторым людям *в течение их жизни* экономическую власть присваивать плоды труда многих. Там, где общество находится на достаточном уровне развития, а рабочий класс обладает достаточной силой, чтобы упразднить такого рода институты, он должен сделать это *прямым путем*. Например, аннулируя госу-

дарственный долг, можно, разумеется, вместе с тем избавиться от перехода облигаций по наследству. С другой стороны, не обладая достаточной властью, чтобы аннулировать государственный долг, было бы глупо пытаться отменить право наследования в отношении облигаций.

Исчезновение права наследования будет естественным результатом того социального переустройства, которое упразднит частную собственность на средства производства; но *отмена права наследования* никогда не может стать *отправной точкой* такого социального преобразования.

3. Одна из крупных ошибок, сделанных лет 40 тому назад учениками Сен-Симона, заключалась в том, что они рассматривали *право наследования* не как *юридическое следствие*, а как экономическую причину нынешней организации общества. Это нисколько не помешало им увековечить в своей социальной системе частную собственность на землю и на другие средства производства. Они не сомневались в том, что возможны выборные и пожизненные собственники, подобно тому как существовали выборные короли.

Признать отмену *права наследования отправной точкой* социальной революции означало бы только отвлекать рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество. Это было бы так же нелепо, как отменять договорное право между покупателем и продавцом, сохраняя нынешний порядок обмена товарами.

Это было бы ошибочно теоретически и реакционно на практике.

4. Рассматривая законы наследования, мы неизбежно предполагаем, что *частная собственность* на средства производства продолжает существовать. Если бы частная собственность уже не существовала при жизни людей, она не могла бы передаваться ими и от них после их смерти. Поэтому все мероприятия, касающиеся права наследования, могут *относиться* только к *переходному состоянию общества*, когда, с одной стороны, нынешняя экономическая основа общества еще не преобразована, а с другой стороны, рабочие массы накопили достаточно сил, чтобы *заставить принять переходные мероприятия*, рассчитанные на то, чтобы произвести в конце концов радикальное переустройство общества.

Рассматриваемое с этой точки зрения изменение законов о наследовании составляет лишь одно из *многочисленных других переходных мероприятий*, которые все ведут к той же цели.

Таковыми переходными мероприятиями в отношении законов о наследовании могут быть только:

а) более широкое применение уже существующих во многих государствах налогов на наследство и обращение получаемых этим путем средств на цели социального освобождения;

б) ограничение права наследования по завещанию, которое — в отличие от *права наследования без завещания*, или *семейного права наследования* — представляется произвольным и суверенным преувеличением даже самого принципа частной собственности.

*Написано К. Марксом на английском языке*¹.

Напечатано в «Report of the Fourth annual congress of the International Working men's association, held at Basle, in Switzerland», вышедшей отдельной брошюрой в сентябре 1869 г.

¹ Авторство Маркса подтверждается протоколом Генерального совета от 3 августа 1869 г. *Ред.*

**[РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПОЛИТИКЕ
ГЛАДСТОНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИРЛАНДСКИМ
ЗАКЛЮЧЕННЫМ.]**

«Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов (ответе, содержащемся в письме г. Гладстона к г. О'Ши 18 октября 1869 г., к г. Исааку Бутту 23 октября 1869 г.) г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унижительными и для жертв дурного правительства и для представляемого им народа;

что Гладстон, несмотря на свое официальное положение, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедывать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той «политики завоевания», разоблачением которой г. Гладстон ниспроверг министерство своих противников — тори;

что Генеральный совет Международного товарищества рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Международного товарищества рабочих и всем связанным с ним рабочим организациям Европы и Америки».

Написано Е. Марксом на английском языке.

Напечатано в «Reynolds Weekly»

от 21 ноября 1869 г.

Без подписи 1.

¹ Настоящая резолюция была предложена Марксом на заседании Генерального совета от 16 ноября 1869 г. и принята последним 30 ноября 1869 г. с одной лишь поправкой: в первом абзаце опущено слово «умышленно». *Ред.*

[НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ¹.]

К стр. 1. Земельная собственность, первоначальный источник всякого богатства, стала великой проблемой, от решения которой зависит будущее рабочего класса.

Не имея намерения обсуждать здесь все доводы, приводимые защитниками частной собственности на землю, юристами, философами и экономистами, мы лишь отметим прежде всего, что первоначальный факт завоевания они прикрывают *«естественным правом»*. Если завоевание составляет естественное право немногих, в таком случае народ должен только собрать достаточные силы для приобретения естественного права и завоевать обратно то, что было у него отнято.

В ходе истории завоеватели пытаются придать нечто вроде общественной санкции своему первоначальному праву, вытекающему из грубой силы, посредством законов, установленных ими самими. Затем появляется философ, который заявляет, что эти законы возникают из взаимного согласия членов общества. Если в самом деле частная собственность на землю основана на таком взаимном согласии, то она, очевидно, должна быть уничтожена в тот момент, когда большинство общества не пожелает более защищать ее.

Однако, оставляя в стороне так называемые «права» собственности, мы утверждаем, что экономическое развитие общества, рост и концентрация населения, необходимость применения в земледелии коллективного и организованного труда, а также машин и подобных изобретений делают национализацию земли *«общественной необходимостью»*, и никакие рассуждения о правах собственности не могут предотвратить этой необходимости.

Перемены, продиктованные общественной необходимостью, рано или поздно пробьют себе путь, потому что настоятельные потребности общества должны быть удовлетворены, и законодательство всегда вынуждено будет приспособляться к ним.

¹ Настоящая рукопись является, вероятно, дополнением к основной рукописи Маркса о национализации земли, написанной им по просьбе Эпльгарта. Основная рукопись не найдена. *Ред.*

Мы нуждаемся в ежедневно растущем производстве, требования которого не могут быть удовлетворены тем, что кучке людей разрешено регулировать его соответственно их прихотям и частным интересам или невежественно истощать почву. Все новейшие методы, как орошение, дренаж, паровой плуг, химическая обработка и т. п., будут широко применяться в земледелии. Но научные познания, которыми мы обладаем, и технические способы земледелия, которыми мы располагаем, как машины и т. п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе.

Обработка земли в крупном масштабе даже при современной капиталистической форме, низводящей самого производителя до уровня простого вьючного животного, дает результаты, значительно превосходящие обработку отдельных мелких участков, — а если применять ее в национальном масштабе, разве она не даст несомненно большего импульса для производства? Постоянно возрастающие потребности населения, с одной стороны, и постоянный рост цен сельскохозяйственных продуктов — с другой, неопровержимо доказывают, что национализация земли стала общественной необходимостью.

Уменьшение сельскохозяйственной продукции, являющееся результатом индивидуального злоупотребления, становится невозможным, когда обработка земли ведется под контролем нации, за ее счет и для ее блага.

К стр. 5. Часто ссылаются на Францию, но со своей *крестьянской собственностью* она гораздо дальше от национализации земли, чем Англия со своим лэндлордизмом. Во Франции, правда, земля доступна всякому, кто может ее купить, но именно этот легкий доступ привел к раздроблению земли на мелкие участки, обрабатываемые людьми с небольшими средствами, живущими только доходами от своего собственного физического труда и труда своих семейств. Эта форма земельной собственности и необходимая при этом обработка земли мелкими участками не только исключает всякое применение современных улучшений в земледелии, но в то же самое время превращает земледельца в самого решительного врага всякого социального прогресса и особенно национализации земли.

Прикованный к земле, к которой он должен приложить всю свою жизненную энергию для получения сравнительно ничтожного дохода, вынужденный отдавать большую часть своего продукта государству в качестве налогов, судебной клике в виде судебных издержек и ростовщику в форме процентов, абсолютно ничего не зная об общественном движении вне своего ограниченного поля деятельности, он все еще с фанатической привязанностью цеп-

ляется за свой клочок земли и за свое лишь номинальное право собственности на него. Таким путем французский крестьянин был вовлечен в роковой антагонизм с промышленным рабочим классом.

Поскольку крестьянская собственность является величайшим препятствием для национализации земли, Франция, в ее современном состоянии, конечно, не является той страной, где надо искать разрешения этой великой проблемы.

Национализация земли и отдача ее мелкими участками отдельным лицам или трудовым товариществам при буржуазном правительстве только привела бы к беспощадной конкуренции между ними, а следовательно к росту «ренды», и принесла бы новые выгоды землевладельцам, живущим за счет класса производителей. На конгрессе Интернационала в Брюсселе в 1868 г. один из моих друзей сказал: «Мелкая частная собственность осуждена наукой, а крупная частная собственность — справедливостью. Остается, таким образом, только одно из двух: либо земля должна стать собственностью сельских товариществ, либо собственностью всей нации. Будущее решит этот вопрос».

Я же, наоборот, говорю: будущее решит, что земля может быть только национальной собственностью. Отдать землю в руки товариществ сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить все общество исключительно одному классу производителей. Национализация земли произведет полную перемену в отношениях между трудом и капиталом и в конечном счете совершенно уничтожит капиталистическое производство как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. И только тогда исчезнут классовые различия и привилегии вместе с экономической основой, от которой они произошли, и общество превратится в ассоциацию «производителей». Жить за счет чужого труда станет делом прошлого. Не будет больше существовать правительства или государства, отдельных от самого общества.

Земледелие, горное дело, фабричная промышленность — одним словом, все отрасли производства — постепенно будут организованы наиболее эффективным образом. *Национальная централизация средств производства* станет естественной основой общества, состоящего из ассоциации свободных и равных производителей, действующих сознательно по общему и рациональному плану. Такова цель, к которой ведет великое экономическое движение XIX столетия.

Написано Е. Марксом на английском языке.

Печатается по рукописи от 3 декабря 1869 г.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ В ЖЕНЕВЕ¹.

Генеральный совет на своем внеочередном заседании 1 января 1870 г. постановил:

1. В «*Égalité*» от 11 декабря 1869 г. мы читаем:

«Несомненно, что Генеральный совет пренебрегает вещами крайне важными... Мы напоминаем Генеральному совету о его обязанностях, указанных в 1-м пункте регламента... Генеральный совет *обязан* выполнять постановления конгресса... Мы могли бы задать Генеральному совету много вопросов, ответы на которые составили бы довольно пространный документ... Мы это сделаем позднее... В ожидании и т. д.»

Генеральный совет не знает ни в уставе, ни в регламенте такого пункта, который *обязывал бы его* вступать в переписку или в полемику с «*Égalité*» или давать «ответы» на «вопросы» какой бы то ни было газеты. Представителем секций Романской Швейцарии перед Генеральным советом является только *Федеральный совет Романской Швейцарии*. Если Федеральный совет обратится к нам единственно законным путем, т. е. через своего *секретаря*, с запросами или обвинениями, то Генеральный совет всегда готов будет ему ответить. Но Романский федеральный совет не имеет права ни *отрекатся* от своих функций в пользу редакторов «*Égalité*» и «*Progrès*», ни позволять этим газетам *узурпировать* его функции. Вообще говоря, опубликование переписки Генерального совета с национальными и местными комитетами неизбежно принесло бы большой вред общим интересам Товарищества.

¹ Генеральный совет поручил секретарям для отдельных стран разослать настоящее письмо в отдельные секции Интернационала в качестве конфиденциального сообщения. В архиве ИМЭЛ имеется несколько рукописных текстов публикуемого письма Генерального совета, переписанного разными лицами. Для настоящего издания принят за основу текст, переписанный Марксом и включенный им в «Конфиденциальное сообщение», пересланное Брауншвейгскому комитету соц.-дем. партии Германии. Важнейшие из имеющихся разночтений оговорены в подстрочных примечаниях. *Ред.*

В самом деле, если бы другие органы *Интернационала* стали подражать «*Progrès*» и «*Égalité*», то Генеральный совет был бы поставлен перед альтернативой — либо дискредитировать себя в глазах общества своим молчанием, либо нарушить свои обязанности, отвечая публично¹.

«*Égalité*» совместно с «*Progrès*» предложили «*Travail*» со своей стороны обрушиться на Генеральный совет². Чем не Лига общественного блага!

2. Допуская, что поставленные «*Égalité*» вопросы *исходят от Федерального совета Романской Швейцарии*, мы ответим на них, но лишь с тем условием, чтобы нам впредь не ставили вопросов подобным образом.

3. *Вопрос о бюллетене.*

Резолюция Лозаннского конгресса, вошедшая в регламент, предписывает, чтобы национальные комитеты посылали Генеральному совету *документальные данные* о пролетарском движении и чтобы Генеральный совет публиковал затем *на разных языках* бюллетень, «так часто, как это ему *позволяют его денежные средства*» («*As often as its means permit, the General Council shall publish a report etc.*»).

Обязательство, возложенное на Генеральный совет, было, таким образом, связано с *условиями*, которые остались невыполненными. Не была даже проведена предписанная уставом *статистическая анкета*, относительно которой выносились постановления на ряде следовавших один за другим всеобщих конгрессов и проведения которой Генеральный совет требовал ежегодно. Что касается *денежных средств*, то Генеральный совет давно прекратил бы свое существование, не будь местных взносов в Англии и личных пожертвований его членов.

¹ В рукописи, переписанной женой К. Маркса, здесь вычеркнуты слова: «*Progrès*», — который не высылается Генеральному совету, несмотря на то, что всеобщие конгрессы трижды принимали соответствующие постановления, — положил начало узурпации функций Федерального совета». *Ред.*

² В рукописи, переписанной женой К. Маркса, далее вычеркнуто следующее место: «Представляется весьма вероятным, что те же самые лица, которые в прошлом году, тотчас же после их запоздалого вступления в ряды нашего Товарищества, выдвинули опасный план основания внутри Международного товарищества рабочих другого интернационального общества, действующего под их личным управлением и помещающегося в Женеве, — вновь вернулись к этому плану, все еще будучи уверены, что их специальной задачей является узурпация верховного руководства Международным товариществом. Генеральный совет напоминает Романскому федеральному комитету, что он отвечает за руководство газетами «*Égalité*» и «*Progrès*». *Ред.*

Таким образом, регламент, принятый Лозаннским конгрессом, остался мертвой буквой¹.

Что касается Базельского конгресса, то он обсуждал не вопрос о *выполнении* уже существующего регламента, а вопрос о своевременности выпуска бюллетеня и *не вынес никакого решения* по этому поводу.

Впрочем, Генеральный совет полагает, что первоначально поставленная задача издания им бюллетеня в настоящее время всецело выполняется различными органами *Интернационала*, которые выходят на различных языках и обмениваются между собой. Было бы нелепо делать при помощи дорого стоящих бюллетеней то, что уже делается без издержек. С другой стороны, бюллетень, который публиковал бы то, что не печатается в органах *Интернационала*, только помог бы нашим врагам заглянуть за кулисы.

4. *Вопрос об отделении Генерального совета от Английского федерального совета.*

Задолго до основания «*Égalité*» это предложение ставилось периодически в самом Генеральном совете одним или двумя из его английских членов. Но оно всегда отклонялось почти единогласно.

Хотя революционная инициатива будет исходить, вероятно, от Франции, только Англия может послужить *рычагом* для серьезной экономической революции. Это — единственная страна, где уже нет *крестьян* и где земельная собственность сосредоточена в немногих руках. Это — единственная страна, в которой *капиталистическая форма*, т. е. объединение труда в широком масштабе под властью капиталистических предпринимателей, охватила почти все производство. Это — единственная страна, в которой *огромное большинство населения состоит из наемных рабочих* (wages labourers). Это — единственная страна, в которой классовая борьба и организация рабочего класса в *тред-юнионах* достигли известной степени зрелости и всеобщности. Благодаря своему господству на мировом рынке Англия является единственной страной, где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться во всем мире. Если Англия является классической страной лэндлордизма и капитализма, то, с другой стороны, в ней созрели более, чем где бы то ни было, *материальные условия для их уничтожения*. Генеральный совет поставлен теперь в *счастливое положение*.

¹ В рукописи, переписанной женой К. Маркса, вычеркнуты слова: «Именно так и посмотрел на это Базельский конгресс». *Ред.*

ние благодаря тому, что *этот великий рычаг пролетарской революции непосредственно находится в его руках*. Какой глупостью или, можно даже сказать, каким преступлением было бы передать этот рычаг в руки одних англичан!

Англичане обладают всеми необходимыми *материальными предпосылками* для социальной революции. Чего им недостает, так это *духа обобщения и революционной страсти*. Только Генеральный совет в состоянии восполнить этот пробел и ускорить таким образом подлинно революционное движение в этой стране, а следовательно и *повсюду*. Крупные результаты, которых мы в этом смысле уже достигли, засвидетельствованы наиболее умными и влиятельными органами господствующих классов, как, например, «*Pall Mall Gazette*», «*Saturday Review*», «*Spectator*», «*Fortnightly Review*», не говоря уже о так называемых радикальных членах *палаты общин и палаты лордов*, которые недавно оказывали еще большое влияние на *лидеров* английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти искоренили *английский дух* в рабочем классе и толкнули его к революционному социализму.

Единственный способ осуществить такой поворот состоит в том, чтобы действовать как *Генеральный совет Международного товарищества рабочих*. В качестве Генерального совета мы можем побуждать к принятию таких мер (как например основание «Лиги земли и труда»), которые впоследствии, при их осуществлении, примут в глазах публики вид стихийных выступлений английского рабочего класса.

Если бы помимо *Генерального совета* был основан *Федеральный совет*, каковы были бы непосредственные результаты этого? Занимая промежуточное положение между *Генеральным советом Интернационала и Генеральным советом тред-юнионов*, Федеральный совет не пользовался бы никаким авторитетом. С другой стороны, *Генеральный совет Интернационала* выпустил бы *из рук этот великий рычаг*. Если бы мы работе, которая ведется серьезно и не на виду, предпочли балаганную трескотню, то мы, может быть, и допустили бы такую ошибку, как публичный ответ на вопрос «*Égalité*», почему «Генеральный совет взваливает на себя столь обременительное нагромождение функций»?

Англию нельзя просто поставить в ряд с другими странами. Ее следует рассматривать как *метрополию капитала*.

5. *Вопрос о резолюциях Генерального совета об ирландской амнистии.*

Если Англия является крепостью лэндлордизма и европейского капитализма, то единственный пункт, где можно нанести сильный удар официальной Англии, представляет собой *Ирландия*.

Во-первых, Ирландия является главной крепостью английского лэндлордизма. Если он рухнет в Ирландии, то он должен будет рухнуть и в Англии. В Ирландии эта операция осуществима во сто раз легче, потому что *экономическая борьба сосредоточена там исключительно на земельной собственности*, потому что там эта борьба есть в то же время и *национальная борьба* и потому что народ в Ирландии настроен более революционно и более ожесточен, чем в Англии. Лэндлордизм в Ирландии поддерживается исключительно при помощи *английской армии*. Как только прекратится принудительная уния этих двух стран, в Ирландии вспыхнет социальная революция, хотя и в устаревших формах. Английский лэндлордизм потеряет не только крупный источник своих богатств, но также *важнейший источник своей моральной силы как представителя господства Англии над Ирландией*. С другой стороны, английский пролетариат делает своих лэндлордов неязвимыми в самой Англии, пока оставляет неприкосновенным их могущество в Ирландии.

Во-вторых, *английская буржуазия* не только эксплуатировала ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса в Англии путем *вынужденного переселения* ирландских бедняков, но она, кроме того, разделила пролетариат на два враждебных лагеря. Революционный пыл кельтского рабочего не гармонирует с солидной и медлительной натурой англо-саксонского рабочего. *Во всех крупных промышленных центрах Англии* существует, наоборот, глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетариатом. Средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату и *жизненный уровень*. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию. Он смотрит на него почти так же, как смотрели *poor whites* [белые бедняки] южных штатов Северной Америки на черных рабов. Эта рознь между пролетариями в самой Англии искусственно культивируется и поддерживается буржуазией. Она знает, что в этой розни заключается *подлинная тайна сохранения ее могущества*.

Эта рознь воспроизводится и по ту сторону Атлантического океана. Вытесняемые с родной земли быками и баранами, ирландцы переселяются в Соединенные Штаты, где они составляют значительную, все возрастающую часть населения. Их единственная мысль, их единственная страсть — ненависть к Англии. Английское и американское правительства, т. е. классы, которые представлены

этими правительствами, культивируют эти страсти, чтобы увековечить *межнациональную борьбу*, являющуюся тормозом для всякого серьезного и искреннего союза между рабочими по обе стороны Атлантического океана, а следовательно тормозом для их общего освобождения.

Ирландия — это единственный предлог для английского правительства содержать *большую постоянную армию*, которую в случае нужды, как это уже бывало не раз, бросают против английских рабочих, — после того, как в Ирландии эта армия прошла курс обучения солдатчине. Наконец, в Англии в настоящее время повторяется то, что в чудовищных размерах можно было видеть в древнем Риме. Народ, поработавший другой народ, кует свои собственные цепи.

Таким образом, позиция Международного товарищества в ирландском вопросе весьма ясна. Его главная задача — ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии.

Резолюции Генерального совета об ирландской амнистии служат лишь введением к другим резолюциям, в которых будет сказано, что, не говоря уже о международной справедливости, *предварительным условием освобождения английского рабочего класса* является превращение существующей *принудительной унии*, т. е. порабощения Ирландии, в *равный и свободный союз*, если это возможно, или *полное отделение*, если это необходимо¹.

Кроме того, учение «*Égalité*» и «*Progrès*» о связи или, вернее, об отсутствии связи между социальным и политическим движениями; насколько нам известно, никогда не было признано ни на одном из наших конгрессов. Оно *противоречит нашему уставу*. В уставе сказано:

«That the *economical emancipation* of the working classes is the great end to which every political movement ought to be subordinate as

¹ В рукописи, переписанной женой К. Маркса, здесь вычеркнуты слова: «Затруднения и даже опасности, которые возникают перед членами Генерального совета, поскольку они становятся на такую платформу, ясны уже из того факта, что «Beehive» в своих отчетах не только опустил *наши резолюции*, но даже не упомянул о самом факте, что Генеральный совет занимается ирландским вопросом, — и, таким образом, Совет был вынужден напечатать свои резолюции, чтобы переслать их каждому *тред-юниону* в отдельности. Легко теперь «*Égalité*» говорить, что это — *местное политическое движение*», что следовало бы разрешить Федеральному совету самому заниматься подобными мелочами и что не надо *улучшать* современные правительства». «*Égalité*» мог бы с тем же основанием заявить, будто мы питаем намерение *улучшить* бельгийское правительство, разоблачая произведенные им избиения». *Ред.*

a means). [«Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»].

Во французском переводе, изданном Парижским комитетом в 1864 г., слова «*as a means*» («как средство») были выброшены. В ответ на запрос Генерального совета Парижский комитет сослался в оправдание на крайнюю стесненность своего политического положения.

Существуют и другие искажения подлинного текста устава. Первое положение вводной части устава гласит: «The struggle for the emancipation of the working classes means... a struggle... for equal rights and duties, and the abolition of all class rule». [«Борьба за освобождение рабочего класса означает... борьбу... за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства»].

В парижском переводе говорится о «равных правах и обязанностях», т. е. в нем воспроизводится общая фраза, которую можно встретить почти в каждом демократическом манифесте за последние сто лет и которая имеет разный смысл в устах представителей различных классов, но в этом переводе вычеркнуто конкретное требование «уничтожения всякого классового господства».

Затем во втором абзаце вводной части устава мы читаем: «That the economical subjection of the man of labour to the monopoliser of the means of labour, that is the sources of life etc.» [«Экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни», и т. д.]. В парижском переводе вместо «*means of labour, that is the sources of life*» [средств труда, т. е. источников жизни], — выражения, включающего, наряду с остальными средствами труда, также и землю, — поставлено слово «капитал».

Первоначальный подлинный текст был восстановлен во французском переводе, который был опубликован в Брюсселе в 1866 г. 6. *Вопрос о Либкнехте и Швейцере.*

В «*Égalité*» говорится: «Обе эти группы принадлежат к Интернационалу». Это неверно. Группа эйзенахцев, которую «*Progrès*» и «*Égalité*» хотят превратить в группу гражданина Либкнехта, принадлежит к Интернационалу. Группа Швейцера к нему не принадлежит.

Швейцер сам подробно разъяснил в своей газете «*Social-Démocrate*», почему лассалевская организация не могла войти в состав Интернационала, не уничтожив самое себя. Сам того не сознавая, он сказал правду. Его искусственная сектантская организация находится в противоречии с действительной организацией рабочего класса

«*Progrès*» и «*Égalité*» потребовали от Генерального совета открыто высказать свой «*ззгляд*» на личные разногласия между Либкнехтом и Швейцером. Так как гражданин *И.-Ф. Беккер* (на которого газета Швейцера *клеветает* так же, как на Либкнехта) — один из членов *редакционного комитета «Égalité»*, то поистине странно, что издатели этой газеты не осведомлены лучше о фактах. Они должны были бы знать, что Либкнехт в «*Demokratisches Wochenblatt*» открыто предложил Швейцеру признать *Генеральный совет арбитром в их разногласиях* и что Швейцер не менее открыто отказался признать авторитет Генерального совета.

Генеральный совет употребил все средства, чтобы положить конец этому скандалу. Он поручил своему секретарю для Германии вступить в переписку со Швейцером, что и было исполнено; но все попытки Совета разбились о решение Швейцера сохранить во что бы то ни стало вместе с сектантской организацией свою самодержавную власть.

Дело Генерального совета — выбрать благоприятный момент, когда его *открытое вмешательство* в этот спор принесет больше пользы, нежели вреда.

По поручению Генерального совета и т. д.

Написано К. Марксом на французском языке.

Печатается по рукописи К. Маркса.

ГЛАВНЫЙ СОВЕТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИШЕСТВА РАБОЧИХ

Членам Комитета Русской Секции в Женеве.

Граждане.

В своем заседании 22 го Марта Главный Советь объявил, единодушным вотум, что ваша программа и статуть согласны съ общими статутами Международного Товарищества Рабочихъ. Они послышны привить вамъ въ составъ Интернационала. И съ удовольствіемъ принимаю почетную обязанность, которую Вы мнѣ предлагаете, быть вашимъ представителемъ при Главномъ Советѣ.

Вы говорите въ вашей программѣ:

... что императорское что вступилое Польшу, есть торжизъ, одинаково пренятствующій политическою и социальной свободѣ обоимъ народамъ — какъ русскаго такъ и польскаго.

Вы могли бы прибавить, что русскій насильственный захватъ Польшы есть глубная онора и настоящія причина существованія военнаго режима въ Германіи, и вследствие того, на цѣломъ континентѣ. Поэтому, работа надъ развитіемъ ильей Польшы, русскіе социальности возлагаютъ на себя высокую задачу, заключающуюся въ томъ уничтоженіи военнаго режима, которое существенно необходимо какъ предварительное условіе для общаго освобожденія европейскаго пролетариата.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мнѣ прислали изъ Петербурга сочиненіе Флеровскаго: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи.“ Это настоящее открытіе для Европы. *Русскій оптимизмъ*, распространенный на континентѣ даже такъ-называемыми революционерамъ, безпоходно разоблаченъ въ этомъ сочиненіи. Достоинство его не пострадаетъ, если я скажу, что оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вполне удовлетворяетъ критикъ съ точки зрѣнія чисто теоретической. Это — трудъ серьезнаго и безстрашнаго труженника, безпристрастнаго критика, мощнаго художника и, прежде всего, человека, возмущеннаго противъ света во всѣхъ его видахъ, истерическаго и невозможнаго національнума, живности, и страстно дѣлающаго все страданія и все страшенія провинциальнаго класса.

Таки труды какъ Флеровскаго и какъ вашего урты Мэриншевскаго дѣлають дѣятельную часть Россіи и доказываютъ, что ваша страна тоже начинаеть участвовать въ общемъ движеніи вашего вѣка.

Привѣтъ и братство.

КАРЛЪ МАРКСЪ

Лондонъ 24 Марта 1870

ПИСЬМО МАРКСА ЧЛЕНАМЪ КОМИТЕТА РУССКОЙ СЕКЦИИ ВЪ ЖЕНЕВѢ,

НАПЕЧАТАННОЕ ВЪ «НАРОДНОМЪ ДѢЛѢ».

1870 г.

ГЛАВНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЖЕНЕВЕ.

Граждане!

В своем заседании 22-го марта Главный совет объявил единодушным вóтом, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного товарищества рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном совете.

Вы говорите в вашей программе:

...«что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, одинаково препятствующий политической и социальной свободе обоих народов — как русского, так и польского».

Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии и вследствие того на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата.

Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России». Это — настоящее открытие для Европы. *Русский оптимизм*, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса.

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века.

Привет и братство.

Карл Маркс.

Лондон, 24 марта 1870 г.

*Напечатано в «Народном Деле» № 1,
Женева, апрель 1870 г. 1.*

¹ Текст воспроизводится точно по «Народному Делу». Ред.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ¹.

Вскоре после учреждения «*Интернационала*» русский Бакунин (хотя я знаю его с 1843 г., но я оставляю в стороне все, что не является безусловно необходимым для понимания последующего) имел свидание с Марксом в Лондоне. Последний принял его там в Международное товарищество, для которого Бакунин обещал работать, не покладая рук. Бакунин поехал в Италию, получил там посланные Марксом *Временный устав* и «*Обращение к рабочему классу*»², прислал «восторженный» ответ, но не сделал ничего. После нескольких лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он опять появляется в Швейцарии. Там он примыкает не к «*Интернационалу*», а к «*Ligue de la paix et de la liberté*» [«Лига мира и свободы»]. После конгресса этой Лиги мира (в Женеве в 1867 г.) Бакунин входит в *Исполнительный комитет* последней, но встречает там противников, которые не только противодействуют его «диктаторскому» влиянию, но и устанавливают за ним надзор как за «подозрительным русским». Вскоре после Брюссельского конгресса Интернационала (сентябрь 1868 г.) происходит конгресс *Лиги мира* в Лозанне. На этот раз Бакунин выступает с зажигательной речью и — замечу мимоходом — нападает на западно-европейскую буржуазию в таком тоне, который пускают в ход москвиты-оптимисты, осуждающие западную цивилизацию для прикрашивания своего собственного варварства. Он предлагает ряд резолюций, которые, будучи *нелепы сами по себе*, рассчитаны на то, чтобы навести ужас на буржуазных кретин и дать возможность г. Бакунину *выйти* из Лиги мира и *вступить* в Интернационал. Достаточно сказать, что его программа, предложенная Лозаннскому конгрессу, содержит такие нелепости,

¹ 28 марта 1870 г. К. Маркс, по поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих, переслал через Л. Кугельмана Брауншвейгскому комитету соц.-дем. партии Германии письмо Генерального совета к Федеральному совету Романской Швейцарии (см. стр. 343), сопроводив его подробным сообщением о подрывной работе М. Бакунина в Интернационале. *Ред.*

² Речь идет об «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих». *Ред.*

как «равенство классов», «уничтожение права наследования как начало социальной революции» и тому подобную бессмысленную болтовню, кучу вздорных выдумок с претензией запугать ими кого-то, одним словом — самую пошлую импровизацию, рассчитанную исключительно на мимолетный эффект. Друзья Бакунина в Париже, где один русский участвует в издании «*Revue Positiviste*», и в Лондоне объявили всему миру о выходе Бакунина из Лиги мира как о событии и провозгласили его смехотворную программу — этот *olla podrida* [винегрет] из избитых общих мест, — как нечто поразительно ужасное и оригинальное.

Тем временем Бакунин вступил в «романскую секцию» *Интернационала* (в Женеве). Годы прошли, пока он решился на этот шаг. Но и нескольких дней не прошло, как господин Бакунин решил совершить переворот в *Интернационале* и превратить его в свое оружие.

За спиной Лондонского генерального совета — последний был осведомлен лишь тогда, когда все, повидимому, было уже *готово*, — Бакунин основал так называемый «*Alliance des Démocrates Socialistes*» [Альянс социалистической демократии]. Программа этого общества была та самая, которую Бакунин предложил Лозаннскому конгрессу Лиги мира. Таким образом это общество объявило себя с самого начала «обществом пропаганды» специально бакунинской тайной мудрости, а сам Бакунин, *один из самых невежественных людей в области социальной теории*, выступает здесь вдруг в качестве *основателя секты*. Теоретическая программа этого Альянса была всего лишь комедией. Суть дела заключалась в его практической организации. Это общество должно было стать *интернациональным* и иметь Центральный комитет в Женеве, т. е. состоять под личным руководством Бакунина. Вместе с тем оно должно было быть «*интегральной*» составной частью *Международного товарищества рабочих*. С одной стороны, его секции должны были иметь представительство на «ближайшем конгрессе» Интернационала (в Базеле), а с другой — созвать *наряду с ним* свой собственный конгресс, устраивая особые заседания и т. д.

Тогдашнее большинство *Федерального романского комитета* Интернационала в Женеве и составило те людские кадры, которые Бакунин с самого начала имел в своем распоряжении. И.-Ф. Беккер, у которого страсть к пропаганде нередко затемняет рассудок, был выдвинут на первый план. В Италии и Испании у Бакунина было несколько союзников.

Генеральный совет в Лондоне был вполне осведомлен обо всем

этом. Тем не менее, он предоставил Бакунину спокойно действовать до того момента, когда последний был вынужден доставить через И.-Ф. Беккера устав (и программу) «*Alliance des Démocrates Socialistes*» на утверждение Генеральному совету. На это последовало подробно мотивированное постановление, составленное вполне «юридически» и «объективно», но в своих «обоснованиях» полное иронии. Сводилось оно к следующему:

1. Генеральный совет *не дает согласия* на то, чтобы Альянс был секцией *Интернационала*.

2. Все параграфы устава Альянса, которые касаются его отношений к Интернационалу, объявляются *недействительными*.

В мотивировочной части этого постановления было ясно и решительно показано, что Альянс является не чем иным, как орудием для дезорганизации Интернационала.

Этот удар явился неожиданно. Бакунин превратил уже «*Égalité*», центральный орган французских членов Интернационала в Швейцарии, в свой орган и, кроме того, основал в *Локле* свою маленькую частную газету «*Progrès*», которая до сих пор еще играет ту же роль под редакцией одного фанатичного приверженца Бакунина, некоего *Гильома*.

После нескольких недель раздумья Центральный комитет Альянса посылает, наконец, за подписью женеваца Перрона ответ Генеральному совету. Из преданности делу Альянс готов пожертвовать *своей самостоятельной организацией*, но при одном условии: Генеральный совет должен объявить, что он признает «*радикальные*» принципы Альянса.

Генеральный Совет ответил, что в его функции не входит быть теоретическим судьей программ различных секций. Он заботится только о том, чтобы в них не было *ничего прямо противоречащего уставу [Интернационала] и его духу*. Поэтому он должен настаивать на том, чтобы из программы Альянса была вычеркнута нелепая фраза о «*равенстве классов*» (это было сделано). Что касается дальнейшего, то, *распустив свою самостоятельную международную организацию*, они могут вступить в Интернационал, причем должны прислать Генеральному совету список всех своих секций (отметим, что этого последнего требования они так и не выполнили).

Этим инцидент был исчерпан. *Номинально Альянс распустил* свою организацию, *фактически же* продолжал существовать под руководством Бакунина, который вместе с тем господствовал в жевевском «*Comité Romand Fédéral*» [«Федеральном романском комитете»] *Интернационала*. К прежним их органам присоединились

еще «*Federación*» в Барселоне, а после Базельского конгресса — и «*Eguaglianza*» в Неаполе.

Бакунин попытался тогда иными путями добиться своей цели — превращения Интернационала в свое личное орудие. Он предложил Генеральному совету, через наш женеvский Романский комитет, включить «*вопрос о наследовании*» в повестку дня Базельского конгресса. Генеральный совет согласился на это, чтобы сразу разбить Бакунина на-голову. План Бакунина был таков: когда Базельский конгресс примет предложенные Бакуниным в Лозанне «принципы» (?), то весь свет увидит, что не Бакунин перешел к Интернационалу, а Интернационал — к Бакунину. Из этого вытекало бы само собою, что лондонский Генеральный совет (который был против нового перетряхивания старого сен-симонистского хлама, о чем прекрасно знал Бакунин) должен будет выйти в отставку, и Базельский конгресс *переведет Генеральный совет в Женеву*, т. е. *Интернационал* попадет в полное распоряжение диктатора Бакунина.

Бакунин устроил настоящий *заговор*, чтобы обеспечить за собой большинство голосов на Базельском конгрессе. Не было даже недостатка в *поддельных* мандатах, как, например, мандат господина Гильома от Локля. Бакунин сам выпросил себе мандаты от Неаполя и Лиона. Против Генерального совета распространялись всякие лживые измышления. Одним рассказывали, что в нем преобладает *буржуазный элемент*, другим, — что это гнездо *авторитарного коммунизма* и т. д.

Результаты Базельского конгресса известны. Предложения Бакунина не прошли, и Генеральный совет остался в Лондоне.

Досада на эту неудачу, — а в глубине души Бакунин, может быть, связывал с удачей успех разных своих личных спекуляций — вылилась в полных раздражения статьях в «*Égalité*» и «*Progrès*». Эти газеты, между тем, все более и более принимали характер официальных оракулов. То одна, то другая швейцарская секция *Интернационала* подвергались отлучению за то, что принимали участие, вопреки категорическому предписанию Бакунина, в политическом движении. Наконец, долго сдерживаемая ярость против Генерального совета открыто прорвалась. «*Progrès*» и «*Égalité*» насмехались, нападали, заявляли, что Генеральный совет не выполняет своих обязанностей, не выпускает, например, трехмесячных бюллетеней; что Генеральный совет должен отказаться от непосредственного контроля над Англией и основать особый английский центральный комитет, который занимался бы только

английскими делами; что решение Генерального совета по поводу арестованных фениев является превышением его функций, ибо не его дело заниматься местными политическими вопросами. Далее, «*Progrès*» и «*Égalité*» встали на сторону Швейцера и категорически потребовали, чтобы Генеральный совет официально и публично высказался по вопросу о Либкнехте и Швейцере. Газета «*Le Travail*» (в Париже), в которую французские друзья Швейцера контрабандой протасили благоприятные для него статьи, удостоилась за это похвалы от «*Progrès*» и «*Égalité*»; последняя призывала «*Le Travail*» к совместной борьбе против Генерального совета.

Дело приняло такой оборот, что необходимо было вмешаться. Прилагаю буквальную копию письма Генерального совета к Романскому центральному комитету в Женеве. Документ этот слишком длинен для того, чтобы переводить его на немецкий язык.

Генеральный совет — Федеральному совету Романской Швейцарии в Женеве.

Генеральный совет на своем внеочередном заседании 1 января 1870 г. постановил:

1. В «*Égalité*» от 11 декабря 1869 г. мы читаем:

«Несомненно, что Генеральный совет пренебрегает вещами крайне важными... Мы напоминаем Генеральному совету о его обязанностях, указанных в 1-м пункте регламента... Генеральный совет обязан выполнять постановления конгресса... Мы могли бы задать Генеральному совету много вопросов, ответы на которые составили бы довольно пространный документ... Мы это сделаем позднее... В ожидании и т. д.»

Генеральный совет не знает ни в уставе, ни в регламенте такого пункта, который обязывал бы его вступать в переписку или в полемику с «*Égalité*» или давать «ответы» на «вопросы» какой бы то ни было газеты. Представителем секций Романской Швейцарии перед Генеральным советом является только *Федеральный совет Романской Швейцарии*. Если Федеральный совет обратится к нам единственно законным путем, т. е. через своего секретаря, с запросами или обвинениями, то Генеральный совет всегда готов будет ему ответить. Но Романский федеральный совет не имеет права ни *отрекатся* от своих функций в пользу редакторов «*Égalité*» и «*Progrès*», ни позволять этим газетам *узурпировать* его функции. Вообще говоря, опубликование переписки Генерального совета с национальными и местными комитетами неизбежно принесло бы большой вред общим интересам Товарищества.

В самом деле, если бы другие органы *Интернационала* стали

подражать «*Progrès*» и «*Égalité*», то Генеральный совет был бы поставлен перед альтернативой — либо дискредитировать себя в глазах общества своим молчанием, либо нарушить свои обязанности, отвечая публично.

«*Égalité*» совместно с «*Progrès*» предложили «*Travail*» со своей стороны обрушиться на Генеральный совет. Чем не Лига общественного блага!

2. Допуская, что поставленные «*Égalité*» вопросы *исходят от Федерального совета Романской Швейцарии*, мы ответим на них, но лишь с тем условием, чтобы нам впредь не ставили вопросов подобным образом.

3. Вопрос о бюллетене.

Резолюция Лозаннского конгресса, вошедшая в регламент, предписывает, чтобы национальные комитеты посылали Генеральному совету *документальные данные* о пролетарском движении и чтобы Генеральный совет публиковал затем *на разных языках* бюллетень, «так часто, как это ему позволяют его денежные средства» («*As often as its means permit, the General Council shall publish a raport etc.*»).

Обязательство, возложенное на Генеральный совет, было, таким образом, связано с *условиями*, которые остались невыполненными. Не была даже проведена предписанная уставом *статистическая анкета*, относительно которой выносились постановления на ряде следовавших один за другим всеобщих конгрессов и проведения которой Генеральный совет требовал ежегодно. Что касается *денежных средств*, то Генеральный совет давно прекратил бы свое существование, не будь местных взносов в Англии и личных пожертвований его членов.

Таким образом, регламент, принятый Лозаннским конгрессом, остался мертвой буквой.

Что касается Базельского конгресса, то он обсуждал не вопрос о выполнении уже существующего регламента, а вопрос о своевременности выпуска бюллетеня и не вынес никакого решения по этому поводу.

Впрочем, Генеральный совет полагает, что первоначально поставленная задача издания им бюллетеня в настоящее время всецело выполняется различными органами *Интернационала*, которые выходят на различных языках и обмениваются между собой. Было бы нелепо делать при помощи дорого стоящих бюллетеней то, что уже делается без издержек. С другой стороны, бюллетень, который публиковал бы то, что не печатается в органах *Интернационала*, только помог бы нашим врагам заглянуть за кулисы.

4. *Вопрос об отделении Генерального совета от Английского федерального совета.*

Задолго до основания «*Égalité*» это предложение ставилось периодически в самом Генеральном совете одним или двумя из его английских членов. Но оно всегда отклонялось почти единогласно.

Хотя революционная инициатива будет исходить, вероятно, от Франции, только Англия может послужить *рычагом* для серьезной экономической революции. Это — единственная страна, где уже нет *крестьян* и где земельная собственность сосредоточена в немногих руках. Это — единственная страна, в которой *капиталистическая форма*, т. е. объединение труда в широком масштабе под властью капиталистических предпринимателей, охватила почти все производство. Это — единственная страна, в которой *огромное большинство населения состоит из наемных рабочих* (*wages labourers*). Это — единственная страна, в которой классовая борьба и организация рабочего класса в *тред-юнионах* достигли известной степени зрелости и всеобщности. Благодаря своему господству на мировом рынке Англия является единственной страной, где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться во всем мире. Если Англия является классической страной лэндлордизма и капитализма, то, с другой стороны, в ней созрели более, чем где бы то ни было, *материальные условия для их уничтожения*. Генеральный совет поставлен теперь в счастливое положение благодаря тому, что *этот великий рычаг пролетарской революции непосредственно находится в его руках*. Какой глупостью или, можно даже сказать, каким преступлением было бы передать этот рычаг в руки одних англичан!

Англичане обладают всеми необходимыми *материальными предпосылками* для социальной революции. Чего им недостает, так это *духа обобщения и революционной страсти*. Только Генеральный совет в состоянии восполнить этот пробел и ускорить таким образом подлинно революционное движение в этой стране, а следовательно и *повсюду*. Крупные результаты, которых мы в этом смысле уже достигли, засвидетельствованы наиболее умными и влиятельными органами господствующих классов, как, например, «*Pall Mall Gazette*», «*Saturday Review*», «*Spectator*», «*Fortnightly Review*», не говоря уже о так называемых радикальных членах *палаты общин и палаты лордов*, которые недавно оказывали еще большое влияние на *лидеров* английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти

искоренили *английский дух* в рабочем классе и толкнули его к революционному социализму.

Единственный способ осуществить такой поворот состоит в том, чтобы действовать как *Генеральный совет Международного товарищества рабочих*. В качестве Генерального совета мы можем побуждать к принятию таких мер (как например основание «Лиги земли и труда»), которые впоследствии, при их осуществлении, примут в глазах публики вид стихийных выступлений английского рабочего класса.

Если бы помимо *Генерального совета* был основан *Федеральный совет*, каковы были бы непосредственные результаты этого? Занимая промежуточное положение между *Генеральным советом Интернационала* и *Генеральным советом тред-юнионов*, *Федеральный совет* не пользовался бы никаким авторитетом. С другой стороны, *Генеральный совет Интернационала* выпустил бы из рук этот великий рычаг. Если бы мы работе, которая ведется серьезно и не на виду, предпочли балаганную трескотню, то мы, может быть, и допустили бы такую ошибку, как публичный ответ на вопрос «*Égalité*», почему «Генеральный совет взваливает на себя столь обременительное нагромождение функций?»

Англию нельзя просто поставить в ряд с другими странами. Ее следует рассматривать как *метрополию капитала*.

5. *Вопрос о резолюциях Генерального совета об ирландской амнистии.*

Если Англия является крепостью лэндлордизма и европейского капитализма, то единственный пункт, где можно нанести сильный удар официальной Англии, представляет собой *Ирландия*.

Во-первых, Ирландия является главной крепостью английского лэндлордизма. Если он рухнет в Ирландии, то он должен будет рухнуть и в Англии. В Ирландии эта операция осуществима во сто раз легче, потому что *экономическая борьба сосредоточена там исключительно на земельной собственности*, потому что там эта борьба есть в то же время и *национальная борьба* и потому что народ в Ирландии настроен более революционно и более ожесточен, чем в Англии. Лэндлордизм в Ирландии поддерживается исключительно при помощи *английской армии*. Как только прекратится принудительная уния этих двух стран, в Ирландии вспыхнет социальная революция, хотя и в устаревших формах. Английский лэндлордизм потеряет не только крупный источник своих богатств, но также *важнейший источник своей моральной силы как представителя господства Англии над Ирландией*. С другой стороны, ан-

глийский пролетариат делает своих лэндлордов неуязвимыми в самой Англии, пока оставляет неприкосновенным их могущество в Ирландии.

Во-вторых, *английская буржуазия* не только эксплуатировала ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса в Англии путем *вынужденного переселения* ирландских бедняков, но она, кроме того, разделила пролетариат на два враждебных лагеря. Революционный пыл кельтского рабочего не гармонирует с солидной и медлительной натурой англо-саксонского рабочего. *Во всех крупных промышленных центрах Англии* существует, наоборот, глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетариатом. Средний английский рабочий ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату и *жизненный уровень*. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию. Он смотрит на него почти так же, как смотрели *poor whites* [белые бедняки] южных штатов Северной Америки на черных рабов. Эта рознь между пролетариями в самой Англии искусственно культивируется и поддерживается буржуазией. Она знает, что в этой розни заключается *подлинная тайна сохранения ее могущества*.

Эта рознь воспроизводится и по ту сторону Атлантического океана. Вытесняемые с родной земли быками и баранами, ирландцы переселяются в Соединенные Штаты, где они составляют значительную, все возрастающую часть населения. Их единственная мысль, их единственная страсть — ненависть к Англии. Английское и американское правительства, т. е. классы, которые представлены этими правительствами, культивируют эти страсти, чтобы увековечить *межнациональную борьбу*, являющуюся тормозом для всякого серьезного и искреннего союза между рабочими по обе стороны Атлантического океана, а следовательно тормозом для их общего освобождения.

Ирландия — это единственный предлог для английского правительства содержать *большую постоянную армию*, которую в случае нужды, как это уже бывало не раз, бросают против английских рабочих, — после того, как в Ирландии эта армия прошла курс обучения солдатчине. Наконец, в Англии в настоящее время повторяется то, что в чудовищных размерах можно было видеть в древнем Риме. Народ, порабошающий другой народ, кует свои собственные цепи.

Таким образом, позиция Международного товарищества в ирландском вопросе весьма ясна. Его главная задача — ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии.

Резолюции Генерального совета об ирландской амнистии служат лишь введением к другим резолюциям, в которых будет сказано, что, не говоря уже о международной справедливости, *предварительным условием освобождения английского рабочего класса является превращение существующей принудительной унии, т. е. порабощения Ирландии, в равный и свободный союз, если это возможно, или полное отделение, если это необходимо.*

Кроме того, учение «*Égalité*» и «*Progrès*» о связи или, вернее, об отсутствии связи между социальным и политическим движениями, насколько нам известно, никогда не было признано ни на одном из наших конгрессов. Оно *противоречит нашему уставу.* В уставе сказано:

«That the *economical emancipation* of the working classes is the great end to which every political movement ought to be subordinate as a means». [*Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство.*.]

Во французском переводе, изданном Парижским комитетом в 1864 г., слова «*as a means*» («как средство») *были выброшены.* В ответ на запрос Генерального совета Парижский комитет сослался в оправдание на крайнюю стесненность своего политического положения.

Существуют и другие искажения подлинного текста устава. Первое положение вводной части устава гласит: «The struggle for the emancipation of the working classes means... a struggle... for equal rights and duties, and the abolition of all class rule» [*Борьба за освобождение рабочего класса означает... борьбу... за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства*].

В парижском переводе говорится о «равных правах и обязанностях», т. е. в нем воспроизводится общая фраза, которую можно встретить почти в каждом демократическом манифесте за последние сто лет и которая имеет разный смысл в устах представителей различных классов, но в этом переводе *вычеркнуто* конкретное требование «*уничтожения всякого классового господства*».

Затем во втором абзаце вводной части устава мы читаем: «That the economical subjection of the man of labour to the monopoliser of the means of labour, that is the sources of life etc.» [*Экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни*], и т. д.]. В парижском переводе вместо «*means of labour, that is the sources of life*» [*средств труда, т. е. источников жизни*], — выражения, включающего, наряду с остальными средствами труда, также и землю, — поставлено слово «*капитал*».

Первоначальный подлинный текст был восстановлен во французском переводе, который был опубликован в Брюсселе в 1866 г.

б. Вопрос о Либкнехте и Швейцере.

В «*Égalité*» говорится: «*Обе эти группы принадлежат к Интернационалу*». Это неверно. Группа эйзенахцев, которую «*Progrès*» и «*Égalité*» хотят превратить в группу гражданина Либкнехта, принадлежит к *Интернационалу*. *Группа Швейцера к нему не принадлежит.*

Швейцер сам подробно разъяснил в своей газете «*Social-Demokrat*», почему *лассалевская организация* не могла войти в состав Интернационала, не уничтожив самое себя. Сам того не сознавая, он сказал правду. Его искусственная *сектантская организация* находится в противоречии с *действительной организацией рабочего класса*.

«*Progrès*» и «*Égalité*» потребовали от Генерального совета открыто высказать свой «*взгляд*» на личные разногласия между Либкнехтом и Швейцером. Так как гражданин *И.-Ф. Беккер* (на которого газета Швейцера *клеветает* так же, как на Либкнехта) — один из членов *редакционного комитета «Égalité»*, то поистине странно, что издатели этой газеты не осведомлены лучше о фактах. Они должны были бы знать, что Либкнехт в «*Demokratisches Wochenblatt*» открыто предложил Швейцеру признать *Генеральный совет арбитром в их разногласиях* и что Швейцер не менее открыто отказался признать авторитет Генерального совета.

Генеральный совет употребил все средства, чтобы положить конец этому скандалу. Он поручил своему секретарю для Германии вступить в переписку со Швейцером, что и было исполнено; но все попытки Совета разбились о непреклонное решение Швейцера сохранить во что бы то ни стало вместе с сектантской организацией свою самодержавную власть.

Дело Генерального совета — выбрать благоприятный момент, когда его *открытое вмешательство* в этот спор принесет больше пользы, нежели вреда.

По поручению Генерального совета и т. д.».

Несмотря на то, что Бакунин сильно интриговал в Лионе и Марселе и склонил на свою сторону несколько молодых горячих голов, французские комитеты так же, как и *Бельгийский генеральный совет* (Брюссель), заявили, что они *вполне солидарны* с этим письмом Генерального совета.

Отправка копии в Женеву несколько замедлилась, так как секретарь для Швейцарии Юнг был очень занят. Вследствие этого

копия эта разошлась на почте с официальным письмом Генеральному совету от *Перрэ*, секретаря романского Центрального комитета в Женеве.

Кризис разразился в Женеве до получения нашего письма. Некоторые редакторы «*Égalité*» восстали против направления, продиктованного Бакуниным. Бакунин и его приверженцы (шесть редакторов «*Égalité*» в том числе) хотели принудить женевский *Центральный комитет* к увольнению слушников. Но женевский комитет давно уже тяготился деспотизмом Бакунина, из-за которого он оказался вовлеченным в неприязненные отношения с другими немецкими комитетами в Швейцарии, с Генеральным советом и т. д. Поэтому он утвердил, вопреки желанию Бакунина, нежелательных последнему редакторов «*Égalité*». Вслед за этим шесть бакунистских редакторов вышли из редакции, надеясь, что это поведет к прекращению издания газеты.

В ответ на наше письмо женевский Центральный комитет заявил, что нападки на Генеральный совет появились в «*Égalité*» против его воли, что он никогда не одобрял проповедуемой этой газетой политики, что газета редактируется теперь под строгим контролем Комитета и т. д.

После этого Бакунин переехал из Женевы обратно в Тессин. Теперь у него имеется в Швейцарии только одна газета «*Progrès*» (Локль).

Вскоре умер *Герцен*. Бакунин, который с тех пор как задумал пролезть в *руководители европейского рабочего движения*, отрекся от Герцена, своего старого друга и учителя, — тотчас же после его смерти принялся расхваливать его. Почему? Герцен, хотя был и сам богатым человеком, получал ежегодно на пропаганду 25 000 франков от сочувствующей ему псевдо-социалистической панславистской партии в России. Благодаря своим хвалебным гимнам Бакунин получил в свое распоряжение эти деньги, а следовательно и «наследство Герцена», — несмотря на всю ненависть к институту наследования, — и вступил во владение как денежным, так и *моральным* наследством *sine beneficio inventarii* [без каких-либо ограничений].

В то же время в Женеве обосновалась колония молодых русских студентов-эмигрантов, которые действительно честно относятся к своим убеждениям и доказали свою честность тем, что главным пунктом своей программы выставили *борьбу с панславизмом*.

Они выпускают в Женеве журнал «*Народное Дело*». Около двух недель тому назад они прислали в Лондон свой устав и

программу с просьбой дать им разрешение на образование русской секции Интернационала. Разрешение было им дано.

В отдельном письме к Марксу они просили его быть временно их представителем в Генеральном совете. На это тоже было дано согласие. Вместе с тем они заявили, — как бы *извиняясь* перед Марксом, — что в ближайшем будущем сорвут с Бакунина маску, потому что этот человек ведет *двойную игру*: у него две совершенно *отличных одна от другой политики*, одна — в России, а другая в Европе.

Итак, игре этого в высшей степени опасного интригана будет скоро положен конец — по крайней мере, в рамках *Интернационала*.

Написано К. Марксом

на немецком и французском языках.

*Печатается по рукописи,
хранящейся в архиве ИМЭЛ.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ».

Настоящая работа была написана в Лондоне, летом 1850 г., еще под непосредственным впечатлением только что завершившейся контрреволюции; она была опубликована в 5-м и 6-м выпусках «Neue Rheinische Zeitung», политико-экономического обозрения, издававшегося под редакцией Карла Маркса, Гамбург, 1850 г. Мои политические друзья в Германии просят переиздать ее, и я иду навстречу их желанию, так как работа эта, к сожалению, и теперь еще не утратила интереса современности.

Она не претендует на то, чтобы дать самостоятельно исследованный материал. Напротив, все фактические данные, относящиеся к крестьянским восстаниям и Томасу Мюнцеру, заимствованы у Циммермана. Его книга, хотя в ней и имеется ряд пробелов, все еще является лучшей сводкой фактического материала. К тому же старик Циммерман относился с любовью к своей теме. Тот самый революционный инстинкт, который заставил его в этой книге выступить сторонником угнетенного класса, сделал его позже одним из лучших представителей крайней левой во Франкфурте¹.

Если же, однако, в изложении, которое дает Циммерман, не хватает внутренней связи; если ему не удается представить религиозно-политические контroversы (спорные вопросы) этой эпохи как отражение классово-борьбы того времени; если в этой классово-борьбе он видит лишь угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых; если его понимание общественных отношений, обусловивших как начало, так и исход борьбы, страдает весьма существенными недостатками, то все это было ошибкой той эпохи, в которую появилась книга. Напротив, представляя собой похвальное исключение из немецких идеалистических исторических произведений, она для своего времени написана еще очень реалистически.

¹ В предисловии к изданию «Крестьянской войны в Германии» 1875 г. Энгельс добавил здесь фразу: «Правда, с тех пор он несколько устарел». *Ред.*

В своем изложении я пытался, рисуя лишь в общих чертах исторический ход борьбы, объяснить происхождение крестьянской войны, позиции, занятые различными выступавшими в ней партиями, политические и религиозные теории, при помощи которых эти партии пытаются уяснить себе свою собственную позицию, наконец, самый исход борьбы, как необходимое следствие исторически сложившихся условий общественной жизни этих классов; я пытался показать таким образом, что политический строй Германии, восстания против него, политические и религиозные теории эпохи были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение. Это — единственное материалистическое понимание истории исходит не от меня, а от Маркса и находит свое выражение также в его работах о французской революции 1848—1849 гг.¹, напечатанных в том же обозрении, и в «18 брюмера Луи Бонапарта».

Параллель между германской революцией 1525 г. и революцией 1848—1849 гг. слишком бросалась в глаза, чтобы я мог тогда отказаться от нее. Однако, наряду со сходством в общем ходе событий, выразившимся в том, что тогда, как и теперь, те же княжеские войска подавляли одно за другим различные местные восстания, наряду с доходящим часто до смешного сходством в поведении городского бюргерства в обоих случаях, ясно и отчетливо выступали также и различия:

«Кто извлек выгоду из революции 1525 г.? — *Князья*. Кто извлек выгоду из революции 1848 г.? — *Великие князья, Австрия и Пруссия*. За мелкими князьями 1525 г. стояло мелкое бюргерство, приковывавшее их к себе налогами, а за великими князьями 1850 г., за Австрией и Пруссией, стоит современная крупная буржуазия, быстро подчиняющая их себе посредством государственного долга. А за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат».

К сожалению, я должен сказать, что этой формулировкой было оказано слишком много чести немецкой буржуазии. Как в Австрии, так и в Пруссии у нее была возможность «быстро подчинить себе посредством государственного долга» монархию, но никогда и нигде эта возможность не была использована.

Австрия в результате войны 1866 г. свалилась неожиданным подарком в руки буржуазии. Но буржуазия не умеет господство-

¹ Речь идет о «Классовой борьбе во Франции». *Ред.*

вать, она бессильна и ни на что не способна. Она умеет лишь одно: яростно набрасываться на рабочих, как только те начинают приходить в движение. Она остается еще у кормила правления только потому, что это нужно *венграм*.

А в Пруссии? Правда, государственный долг возрос с головокружительной быстротой, дефицит превратился в постоянное явление, государственные расходы растут из года в год, буржуазии принадлежит в палате большинство, без ее согласия не могут быть ни повышены налоги, ни заключены новые займы; но где же ее господство над государством? Еще несколько месяцев тому назад, когда государство опять стояло перед дефицитом, у буржуазии была самая выгодная позиция. Если бы у нее была хоть *некоторая* выдержка, она могла бы добиться значительных уступок. Что же она делает? Она считает достаточной уступкой то, что правительство *разрешает ей* класть к его ногам около 9 миллионов, и не на *один* год, нет — *ежегодно*, на все будущее время.

Я вовсе не хочу порицать заседающих в палате бедных «национал-либералов» в большей степени, чем они того заслуживают. Я знаю, что их покинули те, кто стоит за ними, — масса буржуазии. Эта масса не *хочет* господствовать. У нее все еще свеж в памяти 1848 г.

Почему германская буржуазия проявляет такую поразительную трусость, об этом мы скажем ниже.

В остальном приведенное выше положение вполне подтвердилось. Начиная с 1850 г., мелкие государства все более отступают на задний план, служа лишь орудием для прусских и австрийских интриг; между Австрией и Пруссией разгорается все более ожесточенная борьба за господство, и, наконец, в 1866 г. этот спор получает насильственное разрешение, после чего Австрия сохраняет за собой свои собственные провинции, Пруссия подчиняет себе прямо или косвенно весь север, а три юго-западных государства оказываются пока выставленными за дверь.

Для германского рабочего класса во всем этом драматическом государственном акте (Haupt- und Staatsaktion) имеет значение лишь следующее:

Во-первых, что рабочие получили благодаря всеобщему избирательному праву возможность непосредственного представительства в законодательном собрании.

Во-вторых, что Пруссия первая подала хороший пример, проглотив три других короны божьей милостью. Что и *после* этой операции она еще сохраняет все ту же незапятнанную корону божьей

милостью, которой она якобы владела раньше, этому не верят даже национал-либералы.

В-третьих, что в Германии существует еще только *один* серьезный противник революции — прусское правительство.

И, в-четвертых, что австрийские немцы должны, наконец, поставить пред собой вопрос, кем они хотят быть — немцами или австрийцами? Что им дороже — Германия или их внешнегерманские транслейтанские придатки?¹ Давно уже было ясно, что они должны отказаться либо от того, либо от другого, но это всегда затушевывалось мелкобуржуазной демократией.

Что касается остальных важных спорных вопросов, связанных с 1866 г., которые с того времени до тошноты обсуждались «национал-либералами», с одной стороны, и «народной партией», с другой, то история последних лет показывает, что обе эти точки зрения только потому находятся в такой жестокой вражде между собой, что они являются двумя противоположными полюсами одной и той же ограниченности.

В общественных отношениях Германии 1866 г. почти ничего не изменил. Несколько буржуазных реформ — единая система мер и весов, свобода передвижения, свобода промыслов и т. д., и все это в пределах, удобных бюрократии, — не достигают даже того, чем давно уже обладает буржуазия других западно-европейских стран, и оставляют неприкосновенным главное зло — бюрократическую систему концессий². Что же касается пролетариата, то обычная полицейская практика все равно совершенно свела на-нет все законы о свободе передвижения, о праве гражданства, об отмене паспортов и т. д.

Что гораздо важнее драматического государственного акта (Haupt-und Staatsaktion) 1866 г., — это начавшийся с 1848 г. в Германии подъем промышленности и торговли, развитие железных дорог, телеграфа и океанского пароходства. Как ни уступают эти успехи успехам, достигнутым в то же время Англией и даже Францией, для Германии они колоссальны и дали за двадцать лет гораздо больше, чем раньше давало целое столетие. Только теперь Германия втянута решительно и бесповоротно в *мировую торговлю*. Капиталы промышленников быстро увеличились, и соответственно этому выросло и обществен-

¹ Имеются в виду транслейтанские, т. е. расположенные за рекой Лейтой (приток Дуная), владения тогдашней Австрии: Венгрия, Трансильвания, Хорватия и Славония. *Ред.*

² См. примечание на стр. 63. *Ред.*

ное значение буржуазии. *Спекуляция*, вернейший признак промышленного подъема, распускается пышным цветом, приковывая к своей триумфальной колеснице графов и герцогов. Немецкий капитал — да будет ему земля пухом! — строит теперь дороги в России и в Румынии, в то время как еще пятнадцать лет тому назад немецкие железные дороги выпрашивали поддержку у английских предпринимателей. Чем же объяснить, что буржуазия не завоевала также и политического господства, что она ведет себя так трусливо по отношению к правительству?

Несчастье немецкой буржуазии в том, что она, по излюбленной немецкой привычке, всегда запаздывает. Время ее расцвета совпало с тем периодом, когда буржуазия других западно-европейских стран в политическом отношении уже находится в состоянии упадка. В Англии буржуазия смогла ввести в правительство своего собственного представителя — Брайта — только путем расширения избирательного права — меры, последствия которой должны положить конец всему буржуазному господству. Во Франции, где буржуазия, как таковая, как класс в целом, господствовала лишь в течение двух лет республики, в 1849 и 1850 гг., она смогла продлить свое социальное существование, только уступив свое политическое господство Луи Бонапарту и армии. А при бесконечно возросшем взаимодействии трех наиболее передовых стран Европы теперь уже невозможно, чтобы буржуазия могла спокойно установить свое политическое господство в Германии, если в Англии и во Франции оно уже изжило себя.

Своеобразная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами именно в том и состоит, что в ее развитии наступает поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества, следовательно в первую очередь ее капиталов, приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. *«За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»*. В той мере, в какой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства сообщения, в той же мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, который наступает не всюду одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что этот ее спутник — пролетариат — начинает перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство, или уступает его им целиком.

В Германии этот поворотный пункт для буржуазии наступил уже в 1848 г. И испугалась тогда немецкая буржуазия не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижские июньские бои 1848 г. показали ей, что ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что и здесь уже заложены семена для подобной же жатвы; и с этого момента острое политическое действия буржуазии было сломлено. Она стала искать союзников, продавать себя им за какую угодно цену, — и вплоть до сегодняшнего дня она не продвинулась вперед ни на шаг.

Все эти союзники по природе реакционны. Это — королевская власть со своей армией и своей бюрократией, это — крупная феодальная знать, это — мелкое юнкерство, это, наконец, — попы. Со всеми ними буржуазия вступала в договоры и соглашения, лишь бы сохранить свою драгоценную шкуру, пока, наконец, ей уже нечем стало торговать. И чем более развивался пролетариат, чем более он начинал сознавать себя как класс и действовать как класс, тем малодушнее становились буржуа. Когда на редкость скверная стратегия Пруссии при Садовой одержала верх над еще худшей, — как это ни странно, — стратегией Австрии, трудно было сказать, кто вздохнул с большим облегчением — прусский буржуа, который был тоже разбит при Садовой, или австрийский.

Наши крупные буржуа (*grossen Bürger*) поступают в 1870 г. точь в точь так же, как поступали в 1525 г. средние буржуа (*Mittelbürger*). Что касается мелких буржуа, ремесленных мастеров и лавочников, то они всегда одинаковы. Они надеются правдой или неправдой выбиться в ряды крупных буржуа, они боятся быть низвергнутыми в ряды пролетариата. Колеблясь между надеждой и страхом, они во время борьбы будут спасать свою драгоценную шкуру, а после победы примкнут к победителю. Такова уж их природа.

Нога в ногу с подъемом промышленности после 1848 г. развивалась социальная и политическая деятельность пролетариата. Уже та роль, которую играют в настоящее время немецкие рабочие в своих профессиональных союзах, кооперативных товариществах, политических организациях и собраниях, на выборах и в так называемом рейхстаге, свидетельствует о том, какой переворот произошел совершенно незаметно в Германии в течение последних двадцати лет. Немецким рабочим принадлежит величайшая честь: *они единственные* добились того, чтобы посылать в парламент рабочих и представителей рабочих, между тем как ни французы, ни англичане не смогли до сих пор этого достигнуть,

Однако и пролетариат не дорос еще до такого состояния, которое не допускало бы сравнения с 1525 г. Класс, исключительно и постоянно живущий на заработную плату, далеко еще не составляет большинства немецкого народа. Следовательно, и ему не обойтись без союзников. И последних можно искать лишь среди мелких буржуа, городского люмпенпролетариата, мелких крестьян и сельскохозяйственных батраков.

О мелких буржуа мы уже говорили. Они крайне ненадежны, и только когда одержана победа, они поднимают неимоверный крик в пивных. Тем не менее, среди них имеются и очень хорошие элементы, которые сами присоединяются к рабочим.

Люмпенпролетариат, представляющий собою совокупность всякого рода деклассированных элементов и сосредоточивающийся главным образом в больших городах, — наихудший из всех возможных союзников. Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно назойлив. Если французские рабочие при всякой революции писали на домах: *Mort aux voleurs!* — смерть вора! — и многих из них расстреливали, то это происходило не в силу их благоговения перед собственностью, а вследствие правильного понимания того, что необходимо прежде всего отделаться от этой банды. Всякий рабочий вождь, пользующийся этими босяками как своей гвардией или опирающийся на них, уже одним этим доказывает, что он — предатель движения.

Мелкие крестьяне — крупные принадлежат к буржуазии — бывают разного рода. Либо это — *феодалные крестьяне*, которые еще обязаны отбывать барщину милостивому господину. Так как буржуазия не позаботилась в свое время освободить их от феодального рабства, — а это было ее долгом, — не трудно будет убедить их в том, что теперь они могут ждать освобождения только от рабочего класса.

Либо это — *арендаторы*. В этом случае мы большею частью имеем те же отношения, что в Ирландии. Арендная плата доведена до такой высоты, что при среднем урожае крестьянин едва в состоянии прокормить себя и свою семью, при плохом же урожае он почти умирает с голода, не может вносить арендной платы и благодаря этому попадает в полную зависимость от милости землевладельца. Для таких людей буржуазия делает что-нибудь только тогда, когда ее вынуждают к этому. От кого же им ожидать спасения, как не от рабочих?

Остаются крестьяне, которые ведут хозяйство на *небольших участках собственной земли*. Они в большинстве случаев так обре-

менены ипотеками, что находятся в такой же зависимости от ростовщиков, как арендаторы от землевладельцев. И у них остается лишь очень скудный и к тому же благодаря колебаниям урожайности крайне неустойчивый заработок. Менее всего могут они ожидать чего-либо от буржуазии, потому что их разоряют именно буржуа — капиталисты-ростовщики. Однако они большею частью очень цепляются за свою собственность, хотя в действительности она принадлежит не им, а ростовщику. Все же их можно убедить в том, что они только тогда могут быть освобождены от ростовщика, когда зависящее от народа правительство превратит все ипотечные долги в долг государству и таким путем понизит процент. А этого может добиться только рабочий класс.

Всюду, где господствует средняя и крупная земельная собственность, наиболее многочисленный класс в деревне составляют *сельскохозяйственные батраки*. Так обстоит дело во всей Северной и Восточной Германии, и *здесь-то* и находят городские промышленные рабочие своих *наиболее многочисленных и естественных союзников*. Между землевладельцем или крупным арендатором и сельскохозяйственным батраком существуют те же отношения, как и между капиталистом и промышленным рабочим. Те же меры, которые помогают одному, должны помочь и другому. Промышленные рабочие могут себя освободить только в том случае, если превратят капитал буржуазии, т. е. сырье, машины и орудия, и средства существования, необходимые для производства, в общественную собственность, т. е. в свою сообща используемую собственность. Точно так же и сельскохозяйственные рабочие могут освободиться от своей ужасающей нищеты только в том случае, если прежде всего земля, являющаяся главным предметом их труда, будет изъята из частного владения крупных крестьян и еще более крупных феодалов и превращена в общественную собственность, сообща обрабатываемую кооперативными товариществами сельскохозяйственных рабочих. Здесь мы подходим к знаменитому решению Базельского международного рабочего конгресса о том, что в интересах общества необходимо обратить земельную собственность в общественную, национальную собственность. Это решение имело главным образом в виду те страны, где существует крупная земельная собственность и связанное с этим крупное хозяйство на больших участках земли, причем в этих больших имениях существует один хозяин и множество батраков. Но такое положение вещей в общем все еще преобладает в Германии, и поэтому решение Базельского конгресса, после Англии, было *в высшей степени своевременным именно для Германии*. Сельскохозяйственный

пролетариат, сельские батраки — это тот класс, который дает наибольшее число рекрутов в армии государей. Это — тот класс, который в настоящее время благодаря всеобщему избирательному праву посылает в парламент большую часть феодалов и юнкеров; но в то же время это — тот класс, который ближе всего стоит к городским промышленным рабочим, находится в одинаковых с ними условиях существования и испытывает даже еще большую нужду, чем они. Этот класс бессилён, так как он раздроблен и распылен; правительство и дворянство, однако, настолько хорошо знают его скрытую силу, что намеренно стараются привести в упадок школы, чтобы оставить его невежественным. Оживить этот класс и втянуть в движение — ближайшая и наиболее настоятельная задача немецкого рабочего движения. С того момента, когда масса сельских рабочих научится понимать свои собственные интересы, с этого момента всякое реакционное — феодальное, бюрократическое или буржуазное — правительство станет в Германии невозможным.

Написано Энгельсом.

Напечатано в брошюре «Der deutsche Bauernkrieg», Leipzig, 1870.

**[РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 26 АПРЕЛЯ 1870 г. ПРОТИВ
ГАЗЕТЫ «BEEHIVE»¹.]**

Принимая во внимание:

1) что Генеральный совет Международного товарищества рабочих рекомендовал различным секциям Интернационала на континенте и в Соединенных Штатах подписываться на газету «Beehive», как официальный орган Генерального совета, представляющий рабочее движение в английской прессе;

2) что газета «Beehive» не только выпускала из официальных отчетов Генерального совета такие резолюции, которые могли бы не понравиться ее хозяевам, но, умалчивая о них, систематически извращала содержание ряда заседаний Генерального совета;

3) что газета «Beehive», особенно после недавней перемены хозяина, все еще претендуя на то, что она является исключительно органом рабочего класса, фактически стала органом группы капиталистов, которая хочет руководить пролетарским движением и использовать его в своих собственных классовых и партийных целях, —

Генеральный совет Международного товарищества рабочих, на своем заседании 26 апреля 1870 г., единогласно постановил порвать всякую связь с газетой «Beehive» и довести эту резолюцию до сведения своих различных секций в Англии, на континенте и в Соединенных Штатах.

Написано К. Марксом на английском языке.

Печатается по рукописи.

¹ На заседании Генсовета от 22 ноября 1864 г. газета «Beehive» была объявлена органом I Интернационала. На заседании Генсовета от 26 апреля 1870 г. Маркс выступил с резолюцией о разрыве с «Beehive», которая была принята Генеральным советом и опубликована в «Volksstaat» от 11 мая 1870 г. и в «Égalité» 20 мая 1870 г. *Ред.*

[О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ ФРАНЦУЗСКИХ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.]

К ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Недавно, в связи с последним мнимым «заговором», французское правительство арестовало нескольких членов парижской и лионской секций и выступило в своих газетах с клеветническим заявлением, будто Международное товарищество рабочих является соучастником этого мнимого заговора.

Согласно нашему уставу специальные задачи всех наших секций в Англии, в Соединенных Штатах и на континенте состоят не только в том, чтобы служить организационными центрами пролетарской борьбы, но и в том, чтобы содействовать в различных странах всем политическим движениям, которые способствуют достижению нашей конечной цели, т. е. экономическому освобождению пролетариата. Но в то же время этот устав обязывает все секции нашего Товарищества действовать открыто. Если бы даже в уставе не было об этом ясного указания, то, во всяком случае, самая сущность пролетарского Товарищества несовместима с какими-либо формами тайного общества. Если конспирирует рабочий класс, составляющий огромное большинство каждой нации и создающий все богатства, — класс, представителем которого называет себя всякое, даже узурпаторское правительство, — то он конспирирует открыто, как солнце против мрака, — в полном сознании, что помимо него не может существовать никакой законной власти.

Если остальные подробности заговора, о котором сообщает французское правительство, *так же ложны и так же ни на чем не основаны*, как инсинуации этого правительства против Международного товарищества рабочих, то данный заговор займет достойное место в ряду двух предшествовавших ему заговоров, о которых никто не вспоминает без смеха. Преследования, которым подвер-

гаются наши французские секции, очевидно, представляют собой не что иное как маневры, связанные с политикой плебисцита.

Лондон, 3 мая 1870 г.

Р. Эппльгарт, председатель собрания.

О. Серрайе, секретарь для Бельгии и заместитель секретаря для Испании.

Д. Кон, секретарь для Дании.

Э. Дюпон, секретарь для Франции.

Дж. Агосса, секретарь для Италии.

Карл Маркс, секретарь для Германии.

А. Жабицкий, секретарь для Польши.

Г. Юнг, секретарь для Швейцарии.

И.-Г. Эккариус, секретарь для Соединенных Штатов и генеральный секретарь Совета.

Д. Гаррис, *Б. Лекрафт*, *Т. Моттерсхед*, члены финансового комитета.

Л. Бора, *Дж. Хейлз*, *В. Хейлз*, *Ф. Лесснер*, *Оджер*, *Дж. Уэстон*, *Ч. Мэррей*, *У. Таунсенд*, *Карл Пфендер*, *Дж. Милнер*, *И. Рюль*, члены Генерального совета.

*Написано К. Марксом*¹.

Печатается по тексту, опубликованному в «La Liberté» от 8 мая 1870 г.

¹ Об авторстве Маркса см. протокол заседания Генерального совета от 3 мая 1870 г. *Ред.*

**[РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 10 МАЯ 1870 г. ПРОТИВ
«ЛОНДОНСКОЙ СЕКЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»¹.]**

Ввиду того, что обращения, резолюции и манифесты, исходящие от *французского общества в Лондоне*, которое именует себя: «Международное товарищество рабочих, Французская федеральная секция», недавно были опубликованы в печати на континенте и приписаны «*Международному товариществу рабочих*»;

что «*Международное товарищество рабочих*» в настоящий момент подвергается жестоким преследованиям со стороны австрийского и французского правительств, которые всеми силами стремятся использовать самый незначительный повод для оправдания этих преследований;

что при таких обстоятельствах Генеральный совет навлек бы на себя серьезную ответственность, разрешив какому бы то ни было обществу, не принадлежащему к «*Интернационалу*», пользоваться и действовать его именем, —

Генеральный совет настоящим заявляет, что так называемая *Лондонская секция французской федерации* в течение двух лет уже не состоит в «*Интернационале*» и не имеет никакого отношения к Генеральному совету в Лондоне или к какой бы то ни было организации Товарищества на континенте.

Лондон, 10 мая 1870 г.

Написано Е. Марксом на английском языке.

Печатается по рукописи.

¹ Во французскую секцию I Интернационала в Лондоне входили буржуазно-республиканские, якобинские элементы французской эмиграции. Члены Генсовета Лафарг, Ш. Лонге и др., входившие во французскую секцию, систематически боролись против антипролетарских элементов в рядах секции и неоднократно разоблачали провокационный характер «левых» выступлений Пиа. Летом 1868 г. они порвали с секцией, которая тем самым перестала считаться секцией I Интернационала. Настоящая резолюция была опубликована в «*Égalité*» № 21 от 21 мая 1870 г. и в др. газетах. *Ред.*

**[РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 17 МАЯ 1870 г.
О СОЗЫВЕ КОНГРЕССА В МАЙНЦЕ¹.]**

Принимая во внимание:

что Базельский конгресс назначил Париж местом созыва для очередного конгресса Международного товарищества рабочих;

что при сохранении нынешнего режима во Франции конгресс не сможет собраться в Париже;

что в то же время для подготовки созыва конгресса требуется немедленно вынести соответствующее постановление;

что § 3 устава обязывает Совет изменить в случае необходимости место созыва, назначенное предыдущим конгрессом;

что Центральный комитет Германской социал-демократической рабочей партии предложил Генеральному совету перенести место созыва очередного конгресса в Германию, —

Генеральный совет на своем заседании от 17 мая единогласно постановил созвать очередной конгресс Международного товарищества рабочих на 5 сентября настоящего года в Майнце.

Написано К. Марксом на английском языке².

Печатается по протоколам Генсовета.

¹ Конгресс I Интернационала в Майнце не состоялся из-за начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войны. Вместо очередного конгресса в 1871 г. состоялась Лондонская конференция (17—23 сентября). *Ред.*

² Настоящая резолюция была опубликована в «Volksstaat» № 42 от 25 мая 1870 г. за подписью К. Маркса. *Ред.*

ЛОКАУТ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ В ЖЕНЕВЕ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ—
РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ЕВРОПЫ
И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Товарищи рабочие!

Женевские строительные предприниматели после зрелого размышления пришли к заключению, что «неограниченная свобода труда» — наилучшее условие для счастья трудящегося населения. Чтобы обеспечить эту благодать своим рабочим, они 11 июня решили применить уловку английского изобретения, объявив локаут больше чем 3 000 рабочих, работавших у них до этого времени.

Так как профессиональное движение только недавно пустило корни в Швейцарии, то те же женевские строительные предприниматели в большом негодовании обозвали его английским импортом. Два года тому назад они издевались над своими рабочими за недостаток у них патриотизма, потому что те пытались пересадить на швейцарскую почву такое иноземное растение, как ограничение рабочего времени и установление твердой заработной платы. У них не было ни малейшего сомнения в том, что это дело рук злостных подстрекателей, потому что их местные рабочие, предоставленные самим себе, разумеется, только о том и мечтают, как бы побольше изводить себя работой по 12—14 часов в день и получать за это столько, сколько хозяину заблагорассудится платить. Они открыто заявляли, что обманутые рабочие действовали по указке из Лондона и Парижа вроде швейцарских дипломатов, привыкших слушаться приказов из Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа. Между тем, ни уговорами, ни насмешками, ни угрозами рабочих нельзя было убедить, что ограничение рабочего времени десятью часами в день и установление твердой заработной платы за час работы оскорбляет достоинство швейцарского гражданина; нельзя было их также спровоцировать на какие-нибудь необдуманные поступки, которые дали бы пред-

принимателям удобный предлог для законных репрессий против союзов.

Наконец, в мае 1868 г. Камперо, бывший в то время министром юстиции и полиции, добился соглашения, в силу которого рабочий день был ограничен 9 часами зимой и 11 — летом с заработной платой от 45—50 сантимов в час. Это соглашение было подписано в присутствии министра предпринимателями и рабочими. Весной 1869 г. многие предприниматели отказались платить за 11 часов летней работы больше, чем за 9 часов зимней. Было достигнуто снова соглашение об оплате 45 сантимов в час для всех строительных рабочих. Хотя это соглашение явно имело в виду также штукатуров и маляров, тем не менее они должны были продолжать работу на прежних условиях, так как они были еще недостаточно организованы, чтобы добиться новых условий. 15 мая этого года они потребовали одинаковых условий с другими цехами, и так как им в этом было категорически отказано, они со следующей недели бросили работу. 4 июня предприниматели вынесли решение о том, что если штукатуры и маляры до 9 июня не приступят к работе, то 11 июня все строительные рабочие будут уволены. Эта угроза была в точности выполнена. Не довольствуясь увольнением рабочих, предприниматели требовали, чтобы федеральное правительство насильно распустило союз и изгнало иностранцев из Швейцарии. Их благожелательная и поистине либеральная попытка восстановить *«неограниченную свободу труда»* потерпела неудачу; помешал протест многолюдного собрания швейцарских нестроительных рабочих.

Женевские профессиональные союзы других отраслей промышленности избрали комитет по делам уволенных рабочих. Некоторые домовладельцы, заключившие со строительными предпринимателями контракты на новые постройки, считали, что их обязательства кончились¹, и они предложили рабочим перейти к ним продолжать работу попрежнему. Эти предложения были приняты без долгих размышлений. Многие холостые рабочие покидают Женеву при первой возможности. Тем не менее, около 2 000 семейств остаются лишенными необходимых средств к существованию. Поэтому Генеральный совет Международного товарищества рабочих обращается ко всем честным рабочим и работницам цивилизованного мира с призывом оказать женевским строительным рабочим моральную и материаль-

¹ В немецком тексте: ввиду перерыва в работе. *Ред.*

ную поддержку в их справедливой борьбе против капиталистического деспотизма.

По поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих:

Б. Лекрафт, председатель.

Джон Уэстон, казначей.

Георг Эккариус, генеральный секретарь.

256, High Holborn,

Лондон, 5 июля 1870 г.

*Написано К. Марксом на английском языке*¹.

Печатается по листовке.

¹ Авторство Маркса подтверждается протоколом заседания Генерального совета от 24 июня 1870 г., а также письмом Эккариуса Марксу от 22 июня 1870 г. *Ред.*

[ПРОЕКТ ПОВЕСТКИ ДНЯ КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛА В МАЙНЦЕ¹.]

1. О необходимости отмены национального долга. Дискуссия о праве на вознаграждение².

2. Соотношение между политической деятельностью и социальным движением рабочего класса.

3. Практические мероприятия по превращению земельной собственности в собственность общественную.

4. О превращении эмиссионных банков в национальные банки.

5. Условия кооперативного производства в национальном масштабе.

6. О необходимости для рабочего класса вести всеобщую статистику труда согласно резолюциям Женевского конгресса 1866 г.

7. Вторичное обсуждение вопроса о способах устранения войны.

Примечание: Бельгийский генеральный совет предложил следующий вопрос:

Практические мероприятия по образованию сельскохозяйственных секций внутри Интернационала и установлению солидарности между сельскохозяйственным пролетариатом и пролетариатом других отраслей промышленности.

Генеральный совет полагает, что этот вопрос входит в пункт 3.

Написано К. Марксом³.

Печатается по тексту,

опубликованному в «La Liberté» № 162

от 31 июля 1870 г.

за подписью А. Серрайн.

¹ Созыву Майнцкого конгресса помешала франко-прусская война. *Ред.*

² Имеется в виду вознаграждение держателей облигаций национального долга. *Ред.*

³ Об авторстве Маркса см. его письмо Г. Юнгу от 14 июля 1870 г. *Ред.*

[ЗАМЕТКА В «BERLINER REFORM».]

Из Лондона к нам поступила следующая заметка от *Карла Маркса*: «Рассказанный в № 83 Вашей газеты анекдот¹ из периода моего пребывания в Берлине в 1861 г. страдает только «одним недостатком», а именно: он целиком выдуман. Это — в качестве фактической поправки».

Напечатано в «*Berliner Reform*»

17 июня 1863 г.

¹ Речь идет о заметке в «*Berliner Reform*», в которой сообщалось, что Маркс, будучи в 1861 г. в Берлине, вел переговоры с Лассалем об издании газеты или обозрения, но «на сцену выступили многообразные опасения за успех предприятия», и сам Маркс сказал, что трудность положения состоит в том, что Лассаль ничего не понимает в политической экономии («*Berliner Reform*» № 83 от 10 апреля 1863 г.). *Ред.*

[ВОЗЗВАНИЕ ЛОНДОНСКОГО НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО СОЮЗА¹]

Лондонский немецкий рабочий просветительный союз, в согласии с представителем польского национального правительства, уполномочил нижеподписавшийся комитет организовать сбор денег для Польши среди немецких рабочих в Англии, Германии, Швейцарии и Соединенных Штатах. Если таким путем полякам может быть оказана лишь незначительная материальная помощь, все же это будет им большой моральной поддержкой.

Польский вопрос — это немецкий вопрос. Без независимой Польши нет независимой и единой Германии, нет освобождения Германии от русского верховенства, которое началось с первым разделом Польши. Немецкая аристократия уже давно признала царя верховным тайным покровителем страны. Немецкая буржуазия взирает безмолвно, пассивно и равнодушно на избиение героического народа, единственного, который еще защищает Германию от московитского потопа. Часть буржуазии понимает опасность, но охотно жертвует общегерманскими интересами в пользу интересов отдельных немецких государств, дальнейшее существование которых обусловлено раздроблением Германии и сохранением русской гегемонии. Другая часть буржуазии считает самодержавие на востоке, точно так же, как и бонапартистский режим (*die Herrschaft des Staatsstreichs*) на западе, необходимой опорой *порядка*. Наконец, третья часть до такой степени поглощена важным занятием выколачивания денег, что совершенно утратила способность понимать и видеть связь великих исторических событий. Громкими демонстрациями в защиту Польши немецкое бюргерство 1831 и 1832 гг. принудило, по крайней мере, Союзный сейм к решительным действиям. В наши дни Польша находит самых ярких своих противников, а Россия, следовательно, своих самых полезных агентов — среди либеральных корифеев так называемого *Национального союза*. Всякий сам может сделать вывод, насколько это либеральное руссофильство связано с *прускими вергами*.

В настоящий роковой момент долг рабочего класса Германии перед Польшей, перед заграницей, и этого требует его собственная честь, заявить громкий протест против немецкого предательства по отношению к Польше, которое в то же время является предательством по отношению к Германии и Европе. *Восстановление Польши* — вот что должно быть огненными буквами начертано на знамени рабочего класса Германии, после того как буржуазный либерализм вычеркнул со своего знамени этот славный лозунг. Английский рабочий класс снискал себе неуязвимую историческую славу, разбив посредством массовых, полных энту-

¹ Настоящее воззвание было опубликовано Лондонским немецким рабочим просветительным союзом по предложению Маркса, о чем свидетельствует письмо Экарриуса Вольфу от 2 ноября 1863 г. *Ред.*

взама митингов неоднократные попытки господствующих классов организовать интервенцию в пользу американских рабовладельцев, и это несмотря на то, что продолжение американской гражданской войны взваливает на плечи миллиона английских рабочих бремя самых тяжких страданий и лишений.

Если полицейские условия и не позволяют рабочему классу в Германии организовать такие массовые демонстрации в пользу Польши, то они все же нисколько не вынуждают его к тому, чтобы своим равнодушием и молчанием заклеить себя перед всем миром как соучастника предательства.

Нижеподписавшийся комитет просит направлять пожертвования г. *Боллетеру*, владельцу помещения Союза № 2, по адресу Nassau Street, Soho, W. London. Использование денег производится под контролем Союза, и, как только цель сбора это позволит, в использовании средств будет дан публичный отчет.

Боллетер, Бергер, Эжкарис, Крюгер, Лесснер, Лимбург, Линден, Мацрат, Тачки, Тупс, Вольф.

*Печатается по листовке,
опубликованной в Лондоне в 1863 г.*

•

ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИЙ В ШЛЕЗВИГЕ.

РЕДАКТОРЪ «MANCHESTER GUARDIAN».

Милостивый государь!

Ходят нелепейшие слухи о сравнительной численности сражающихся в датской войне армий. Обыкновенно считают, что немецкие войска превосходят своей численностью датские и что на одного датчанина приходится по крайней мере три немца. Чтобы показать, как мало соответствует это действительности, считаю необходимым сделать подробное сообщение о численности каждой армии, по крайней мере о пехоте, так как в настоящее время достать точные сведения относительно кавалерии и артиллерии не представляется возможным.

Перед началом враждебных действий в Шлезвиге находились следующие датские войска:

Первая дивизия, командующий генерал-лейтенант Герлах:

	Батальоны:
1-я бригада, 2-й и 22-й пехотные полки	4
2-я бригада, 3-й и 18-й пехотные полки	4
3-я бригада, 17-й и 19-й пехотные полки	4

Вторая дивизия, генерал-майор Дю-Плат:

4-я бригада, 4-й и 6-й пехотные полки	4
5-я бригада, 7-й и 12-й пехотные полки	4
6-я бригада, 5-й и 10-й пехотные полки	4

Третья дивизия, генерал-майор Стемман:

7-я бригада, 1-й и 11-й пехотные полки	4
8-я бригада, 9-й и 20-й пехотные полки	4
9-я бригада, 16-й и 24-й пехотные полки	4

Всего батальонов 36

или по 800 человек в батальоне (полный состав 870 человек рядовых и офицеров), допустим	28 800 чел.
Кавалерия, 4 $\frac{1}{2}$ полка по 560 человек	2 500 »
Артиллерия, около	3 000 »

Всего датских вооруженных сил 34 300 чел.

Исключим несколько батальонов, как линейных, так и резервных, посланных в Шлезвиг в первых числах февраля, относительно которых невозможно было установить какие-либо сведения.

Австрийцы послали на фронт 6-й армейский корпус, состоящий из следующих войск:

Бригада генерала Гондрекюра:	Батальоны:
Пехотный полк короля прусского	3
То же барона Мартини	3
Батальон егерей № 18	1

Бригада генерала Ностица:	
Пехотный полк короля бельгийского	3
То же великого герцога гессенского	3
Батальон егерей № 9	1
Бригада генерала Томаса:	
Пехотный полк графа Коронини	3
То же принца Гольштинского	3
Батальон егерей, номер не указан	1
Бригада генерала Дормуса:	
Два пехотных полка и один батальон егерей, номера и названия не указаны	7
<hr/>	
Всего батальонов	28
или по 800 человек в батальоне (это — большое число при нынешней организации австрийской армии)	
Кавалерия, около	2 000 »
Артиллерия, около	2 600 »
<hr/>	
Всего около	27 000 чел.

• Пруссаки послали следующие войсковые части:

1. Объединенный армейский корпус принца Фридриха-Карла:

Шестая дивизия:		Батальоны:
11-я бригада, 20-й и 60-й полки	6	
12-я бригада, 24-й и 64-й полки	6	
кроме того, 35-й полк легкой пехоты	3	
Тринадцатая дивизия:		
25-я бригада, 13-й и 53-й полки	6	
26-я бригада, 15-й и 55-й полки	6	
7-й батальон егерей	1	
2. Гвардейская дивизия генерала Мюльбе:		
4-я бригада, 3-й и 4-й полки гвардейской пехоты	6	
2-я бригада, 3-й и 4-й полки гвардейских гренадеров	6	
Гвардейские егеря	1	
<hr/>		
Всего	41	
или по 800 человек в батальоне		32 800 чел.
Кавалерия	3 000 »	
Артиллерия	3 000 »	
<hr/>		
		38 800 чел.
С австрийцами	27 000 »	
<hr/>		
Вся союзная армия 65 800 чел.		

т. е. меньше, чем два солдата союзных войск на одного датчанина. Если принять во внимание обороноспособность датских укреплений в Данневирке, в Дюппеле и в Фридериици, то это как раз то численное превосходство, какое требуется для обеспечения успеха. Такое же почти точно превосходство сил в 1815 г. Веллингтон и Блюхер имели над Наполеоном.

Ф. Энгельс.

Напечатано в «Manchester Guardian»
от 16 февраля 1864 г.

[ПОРЯДОК ДНЯ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1865 г. ¹.]

25-го сентября и следующие дни состоится конференция делегатов важнейших секций Товарищества во Франции, Германии, Швейцарии и Бельгии, где совместно с членами Центрального совета будут обсуждаться следующие вопросы:

- 1) Вопросы, касающиеся конгресса*.
- 2) Вопросы, касающиеся организации Товарищества.
- 3) Объединение действий при помощи Товарищества в борьбе между трудом и капиталом в отдельных странах.
- 4) Профессиональные союзы — их прошлое, настоящее и будущее.
- 5) Кооперативный труд.
- 6) Прямые и косвенные налоги.
- 7) Сокращение рабочего дня.
- 8) Женский и детский труд.
- 9) Московитское вторжение в Европу и восстановление единой и независимой Польши.
- 10) Постоянные армии; их влияние на интересы производящих классов.

Всем профессиональным союзам, обществам взаимопомощи и рабочим ассоциациям предлагается прислать делегатов; конференция откроется в 6 часов вечера.

*Печатается по листовке,
опубликованной в Лондоне в 1865 г.
Без подписи ².*

* Предполагается (в будущем году) созвать всеобщий конгресс представителей различных рабочих организаций Европы и Америки.

¹ Предусмотренный временным уставом I Интернационала конгресс в Брюсселе в 1865 г. не состоялся. Вместо него 25—28 сентября 1865 г. состоялась Лондонская конференция, которая обсудила и утвердила порядок дня будущего конгресса; конгресс состоялся в Женеве 3—8 сентября 1866 г. *Ред.*

² Порядок дня Лондонской конференции 1865 г. был выработан и предложен на заседании Генсовета комиссией, работой которой руководил Маркс. При обсуждении проекта порядка дня на заседании Генсовета 25 июля 1865 г. к 9 вопросам, предложенным комиссией, был добавлен 10-й пункт о постоянной армии и изменен порядок вопросов. *Ред.*

[ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ECHO DE VERVIERS».]

Милостивый государь!

Рассчитывая на Ваше чувство справедливости и на Ваше стремление «распространять истину и просвещение в среде рабочего класса», просим Вас опубликовать прилагаемое письмо, копия которого послана гражданину В[езинье].

Преданный Вам Юнг.

Господин В[езинье]!

В № 293 «*Echo de Verviers*» от 16 декабря 1865 г. помещена статья с видимой целью ознакомить трудящихся с теми принципами, которыми руководствуются члены Центрального совета¹ *Международного товарищества рабочих*; гражданин Ле Любе, который по особому поручению сделал об этой статье доклад на заседании Совета, признал, что хотя она и является анонимной, но принадлежит Вашему перу.

После обсуждения этой статьи Центральный совет, на заседании 9 января 1866 г., принял следующее решение: «Потребовать от гражданина В[езинье] доказательства приведенных им фактов; в случае отказа или невозможности доказать эти факты, исключить его из *Международного товарищества рабочих*». Ввиду того, что Ваша статья совершенно расходится с истиной, Центральный совет счел необходимым восстановить все факты; в сознании своей миссии и вверенных ему полномочий, Центральный совет не намерен бороться клеветой против клеветы, выдвигать лживые обвинения против лживых обвинений и унижаться до личных выпадов, но он предоставит обвиняемым самим оправдать себя; он ни перед чем не остановится и, вопреки фальшивым друзьям, не оставит на себе ни тени подозрения.

Следующие места статьи должны быть особенно отмечены:

I.

«Вскоре все французские и итальянские члены подали в отставку, мотивируя свой уход участием гг. Толена и Фрибура в Комитете и их интригами» («*Echo de Verviers*» № 293).

Из девяти французских членов [Комитета] ушли только двое — гг. Денуаль и Ле Любе, причем последний вскоре вновь занял свое место; что же касается итальянцев, то из них только один (гражданин Вольф) ушел, ссылаясь не на «уча-

¹ В настоящем документе Генеральный Совет Международного товарищества рабочих обозначается как «*Conseil central*» (Центральный совет) и «*Comité central*» (Центральный комитет). Эти термины были в употреблении первое время до тех пор, пока, наконец, в 1866 г. было установлено наименование «Генеральный совет». *Ред.*

стие в Комитете гг. Голена и Фрибура и их интриги», а на решение Центрального совета, принятое, по предложению постоянной комиссии, касательно гражданина Лефора, — решение, за которое он сам голосовал за несколько часов перед тем в качестве члена постоянной комиссии.

II.

«Комитет продолжал работать и работает без них и по сей день» («*Echo de Verviers*» № 293).

Один из двух ушедших членов-французов, бывший секретарь для Франции гражданин Ле Любе, вскоре вернулся в качестве делегата секции в Детфорде, так что Комитет не долго работал без него.

III.

«Он (Комитет) напечатал Манифест и временный устав; Манифест принадлежит перу видного публициста латинской расы» и т. д. («*Echo de Verviers*» № 293).

Манифест и устав были опубликованы до ухода итальянских и двух французских членов; Манифест написан не видным публицистом латинской расы, а писателем германской расы; Манифест был принят единогласно всеми членами Центрального совета, в том числе французами и итальянцами, еще до того, как публицист латинской расы успел ознакомиться с ним; последний не только не является автором Манифеста, но если бы он был знаком с этим документом и его антибуржуазной тенденцией, он создал бы против него оппозицию из итальянских членов Совета; однако он приехал слишком поздно, и ему удалось только помешать итальянским членам перевести Манифест на итальянский язык; ясно, что Вы никогда не читали этого Манифеста и что публицист латинской расы не поблагодарит Вас за то, что Вы Манифест приписали ему.

IV.

«Добивался ли Комитет достижения той цели, которую он сам себе поставил, — полного освобождения трудящихся?»

Нет! Вместо этого он потерял целый год драгоценного времени на то, чтобы устроить конференцию и выработать программу того конгресса, который должен собраться в Женеве» и т. д. («*Echo de Verviers*» № 293).

Центральный совет приступил к работе лишь в начале 1865 г.; таким образом, до конференции прошло 9 месяцев; он употребил эти 9 месяцев «драгоценного времени» на установление международных связей и расширение связей в Англии. Каждую неделю, в течение нескольких месяцев, делегации, состоящие из членов Совета, посылались в различные рабочие общества с предложением вступить в Товарищество. Вот итоги этой работы. Ко времени созыва конференции *Международное товарищество рабочих* насчитывало в Англии 14 000 членов; в числе прочих присоединились к Товариществу общества сапожников и каменщиков, имеющие очень большое значение; наиболее влиятельные и видные члены этих огромных рабочих организаций (тред-юнионов) были членами Центрального совета; была основана газета, задачи которой ясны из ее названия («*Workman's Advocate*») — газета, которая всюду и везде защищает интересы рабочего класса.

Было основано общество борьбы за всеобщее избирательное право в Англии (Reform League); это общество насчитывает много тысяч членов; секретарь и большинство членов его Исполнительного комитета избраны из нашей среды.

Во Франции — несколько тысяч членов.

В Париже — сильное, деятельное и безупречное правление во главе организации, насчитывающей свыше 2 000 членов, с секциями в Лионе, Руане, Нанте, Кане, Нефшато, Пон-Левеке, Пантене, Сен-Дени, Лизье, Пуато, Бельвиле и т. д.

В Швейцарии: в Женеве — правление, составленное из лучших людей, стояло во главе организации, насчитывающей 500 членов, с секциями в Лозанне, Веве, Монтрё и Невшательском кантоне.

В Бельгии движение начиналось при самых благоприятных auspiciis, и Центральный комитет имел основание думать, что вслед за Бельгией скоро последует Испания.

V.

«Нет, Комитет даже не пригласил на свою конференцию в сентябре 1865 г. ни одного делегата ни из Германии, которая насчитывает столько рабочих обществ, ни от многочисленных английских обществ, ни от великолепно организованных итальянских обществ, ни от тех обществ, которые существуют во Франции, ибо Толен, Фрибур и К^о не были посланы каким-либо обществом французских рабочих, а делегировали себя сами и не предъявили никаких доказательств того, что они облечены полномочиями. Они не только не являлись делегатами французских рабочих обществ, но их присутствие на Лондонской конференции было единственной причиной, помешавшей этим обществам послать своих делегатов. Мы могли бы назвать несколько таких обществ, которые на этом основании отказались принять участие» и т. д. (*Echo de Verviers* № 293).

Согласно общему принципу только секции Международного товарищества рабочих и примкнувшие к нему общества могли быть представлены на конференции; состояние же наших финансов заставило нас ограничить число наших делегатов до самого низкого минимума.

Из Германии, которая насчитывает столько рабочих обществ, могли бы быть представлены только потребительские общества, организованные Шульце-Деличем, и общества, входящие в основанный Лассалем Всеобщий германский рабочий союз. Из них первые, без ведома их членов, являлись только орудием прусской либеральной буржуазии, одним из матадоров которой состоит Шульце-Делич; что же касается лассалевских обществ, то они находились и до сих пор находятся в состоянии полного распада; часть из них вошла в соглашение с Бисмарком, а другая часть, тогда еще не реорганизованная, признавала руководство швейцарского делегата на конференции И.-Ф. Беккера. Во время заседаний конференции последний получил мандат от рабочих зولينгенских заводов, в то время как Женевский немецкий рабочий просветительный союз уже был представлен им же; Лондонский немецкий рабочий просветительный союз был представлен своими делегатами — членами Центрального совета.

Помимо тех препятствий, которые рабочие встречают при образовании обществ в Германии, законодательство еще запрещает им принадлежать к иностранным обществам; все же несколько секций [Товарищества] образовались на севере и юге Германии.

Принимая во внимание все эти трудности, следует ли удивляться, что Германия не была так хорошо представлена, как этого хотел бы Центральный совет?

Английские общества были хорошо представлены английскими членами Центрального совета. Председатель Оджер состоит секретарём Совета тред-юнио-

нов (высшего совета всех профессиональных союзов Англии); генеральный секретарь Криммер одновременно является членом Исполнительного комитета плотников, а секретарь лиги реформы Хауэлл — членом Исполнительного комитета каменщиков; и он и секретарь общества каменщиков Кулсон являются делегатами этого общества в Центральном совете; член правления одного из обществ взаимного страхования жизни Уилер также является членом Центрального совета.

Спожники (их 5 000 человек) были представлены Оджером, Морганом и Коном, тогда как Шоу¹ представил маляров и штукатуров и т. д.

Гражданин Вольф, участник конгресса итальянских рабочих в Неаполе в 1865 г., и другие итальянские члены Совета, несмотря на очень активное участие в деятельности Совета, никогда не могли завербовать ни одного члена в Италии; Центральный совет весьма сожалеет, что итальянские члены, даже до своего ухода, не пользовались достаточным доверием со стороны «великолепно организованных итальянских обществ», чтобы уговорить хотя бы одно из них примкнуть к Международному товариществу.

«... ни от тех обществ, которые существуют во Франции, ибо Толен, Фрибур и К⁰ не были посланы каким-либо обществом французских рабочих, а делегировали себя сами».

Члены лионской секции выражали сожаление по поводу того, что недостаток средств помешал им послать делегатов, но так же, как это сделали члены секции в Кане и Нефшато, они прислали обращение и тем самым приняли участие в деятельности Центрального совета.

Толен, Фрибур, Лимузен и Варлен были избраны парижской секцией путем всеобщего голосования; эта секция состоит из рабочих всех специальностей и из нескольких сот членов ассоциации «Кредит труду». Руководитель этой ассоциации Белюз также состоит членом секции; все они приняли или могли принять участие в выборе делегатов. Лимузен, один из четырех парижских делегатов, состоит секретарем правления журнала «*Association*» — международного органа кооперативных обществ.

Г-н Кларюль был делегирован обществом парижских типографов. По приглашению Центрального совета на конференцию прибыли из Парижа гг. Шили, Дюмениль-Мариньи и др. и приняли в ней очень активное участие.

Каким же другим обществам, о которых вы говорите, присутствие Толена, Фрибура и К⁰ мешало послать делегатов на конференцию? Не имели ли Вы в виду Общество второго декабря, единственное общество, разрешенное во Франции при нынешнем режиме?

Отчет о конференции появился во всех либеральных парижских газетах, не вызвав ни единого возражения, ни единого протеста со стороны членов Международного товарищества и французских кооперативных обществ; мандаты, полученные делегатами, были проверены и утверждены комиссией Центрального совета.

В самом начале конференции парижские делегаты представили подробный и точный отчет о своей деятельности и состоянии финансов и для проверки представили свои книги и всю переписку в распоряжение Центрального совета; Центральный совет может только приветствовать те успешные мероприятия, которые были применены парижским правлением для создания и укрепления Международного товарищества во Франции.

¹ В «*Echo de Verviers*» ошибочно напечатано Шем. Ред.

VI.

«Бельгия послала очень способного делегата, г. Де-Папа, но он был единственным представителем страны, насчитывающей множество обществ» («*Echo de Verviers*» № 293).

Весьма прискорбно, что Бельгия прислала только одного делегата и что этот делегат как раз представлял меньшинство избирателей. Но все же Бельгия была достойным образом представлена в лице Сезара Де-Папа.

VII.

«Из Швейцарии, или, вернее, Женевы, прибыло два делегата, оба не-швейцарцы, именно: французский и баденский политические эмигранты, которые приехали на конференцию вместе с двумя вышеупомянутыми якобы французскими делегатами; итого — пять или шесть человек одинакового удельного веса и только один настоящий и серьезный делегат, бельгиец» («*Echo de Verviers*» № 293).

Швейцарские делегаты были избраны путем всеобщего голосования членами различных секций Международного товарищества в Швейцарии, Грюглианского общества, в котором состоят только швейцарцы, и немецкого общества.

Немецкий рабочий просветительный союз тоже принял участие в выборах наряду с Международным товариществом в Швейцарии. Избранием своих делегатов члены Товарищества от Швейцарии завоевали себе почетное место в истории Международного товарищества.

Их делегаты приехали на конференцию не с «двумя якобы французскими делегатами», а с четырьмя парижскими делегатами.

Один из делегатов конференции, гражданин Беккер, принял швейцарское подданство более 20 лет тому назад; он награжден званием гражданина города Бьенна в благодарность за услуги, оказанные им делу всемирной демократии; будучи рабочим, он отличился как агитатор, воин, организатор и писатель; свои разносторонние таланты он всегда отдавал на службу трудящимся; смешно видеть, как такие исполины подвергаются нападению пигмеев; ясно, что их достоинство может подвергаться обсуждению только со стороны людей заведомо честных и бескорыстных.

VIII.

«Можно ли назвать этот результат удовлетворительным?» («*Echo de Verviers*» № 293).

Центральный совет состоит почти исключительно из рабочих, привыкших к молоту и напильнику, и лишь ценой личных жертв они могут сменить их на перо; они прибегают к перу не для того, чтобы продать его бонапартистам, а для того, чтобы защищать или пропагандировать какое-нибудь благородное дело; если даже результат бывает не так хорош, как рабочие вообще могли бы ожидать, то мы все же убеждены, что они учтут и бессонные ночи после длинного и утомительного трудового дня и ту мучительную тревогу, которую их братьям пришлось пережить, прежде чем довести дело до настоящего положения.

IX.

«Поддаваясь пагубному влиянию, он [Центральный совет] включил в программу женеvского конгресса вопросы, лежащие вне задач Товарищества, как вопрос о необходимости уничтожить русское влияние в Европе» («*Echo de Verviers*» № 294).

Что это за пагубное влияние, которому поддался Центральный совет, когда включил в свою программу необходимость уничтожения московитского (а не русского, что означает совсем другое) влияния в Европе? Необходимость «уничтожения московитского влияния в Европе» принципиально признана в нашем Манифесте, который безусловно не был издан под чьим-либо пагубным влиянием.

Какие же еще вопросы были внесены в программу под этим пагубным влиянием?

Х.

«Эта огромная ошибка уже повлекла за собой роковые последствия: поляки явились толпами, требуя, чтобы их приняли в Комитет, и скоро они в нем окажутся в подавляющем большинстве» («*Echo de Verviers*» № 294).

Толпы поляков вовсе не требовали, чтобы их приняли в Центральный совет, и вместо того, чтобы иметь в нем подавляющее большинство, они не составляют в нем и двадцатой части.

Как можно вести разумный разговор с автором, который заявляет, что «Комитет выработал и поставил на голосование программу, состоящую из двенадцати вопросов, которые охватывают почти все важнейшие проблемы политической экономии, но не поставил ни одного научного вопроса», а несколькими строками ниже, даже не переведя дух, признает «научное значение этих самых вопросов»?

Центральный совет вовсе не желает быть нетерпимым; наоборот, он всегда старался окружить себя самыми просвещенными людьми из всех искренних сторонников дела трудящихся; он стремился всеми доступными ему средствами пропагандировать свои великие принципы и объединять рабочих всех стран. С этой целью в Швейцарии были основаны три газеты: «*Le Journal de l'Association Internationale des Travailleurs*» и «*La Voix de l'Avenir*» на французском языке и «*Vorbote*» на немецком языке; в Англии издается одна газета — «*The Workman's Advocate*», единственная английская газета, которая, исходя из права наций на самоопределение, признает, что ирландцы имеют право сбросить английское иго.

Центральный совет не может быть судьей своих собственных деяний. Женевскому конгрессу предстоит решить, достоин ли Совет того доверия, которое ему было оказано, и не изменил ли он легкомысленно великой миссии, которая была на него возложена.

Ваш покорный слуга Г. Юнг.

От имени Центрального совета Международного товарищества рабочих.

15 февраля 1866 г.

Печатается по тексту,
опубликованному в «*Echo de Verviers*» № 43
от 20 февраля 1866 г.

**[ОТЧЕТ О РЕЧИ МАРКСА НА ЮБИЛЕЙНОМ ПРАЗДНИКЕ ЛОНДОНСКОГО
НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО СОЮЗА 28 ФЕВРАЛЯ 1867 г.]**

Карл Маркс говорил о наемном труде и капитале и с большой ясностью показал, как капитал создается самими рабочими, как с помощью продукта их же собственного труда их держат в рабстве и как капитал систематически используется для того, чтобы крепче заковывать их в цепи. Так называемый свободный рабочий обладает, конечно, сознанием, что он — свободный рабочий, но тем более он находится во власти капитала, так как вынужден продавать свой труд за жалкую заработную плату, чтобы удовлетворить свои самые насущные жизненные потребности. В большинстве случаев свободный рабочий находится в худшем материальном положении, чем раб и крепостной. Рабочему классу незачем уничтожать личную собственность, ибо она давно уничтожена и изо дня в день уничтожается; но что действительно следует уничтожить, так это собственность буржуазную, которая основывается только на обмане.

Что касается социальных отношений в Германии, то Маркс отметил, что в этой области немецкий пролетариат первый может успешно применить радикальные средства. Во-первых, немцы больше других освободились от всяких религиозных предрассудков; во-вторых, им не пришлось пройти через стадию длительного буржуазного движения, подобно рабочим других стран, и в-третьих, географическое положение Германии заставит немецких рабочих объявить борьбу восточному варварству, ибо оттуда, из Азии, исходила всякого рода реакция против Запада. Все это будет толкать партию рабочих на революционный путь, по которому они должны пойти, чтобы полностью себя освободить.

Написано Экариссом.

Напечатано в «Vorboten» № 3, март 1867 г.

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОНЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

К ЧЛЕНАМ, МЕСТНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И КО ВСЕМ РАБОЧИМ.

Пролетарии!

Получаемые нами письма свидетельствуют, что члены Товарищества продолжают пропагандировать принципы Международного товарищества и увеличивать число его секций. Особенно следует отметить работу, проделанную в Швейцарии, где большая часть наших секций деятельно организует разного рода рабочие общества и связывает их с нами.

В Бельгии, после маршьенского избиения, делаются похвальные усилия сплотить весь бельгийский пролетариат под нашей эгидой.

Но в других странах различные обстоятельства затрудняли развитие нашей пропаганды.

В Германии, которая до 1848 г. так интересовалась изучением социальных вопросов, почти все активные силы поглощены развивающимся в ней объединительным движением.

Во Франции, где рабочему классу оставлена лишь тень свободы, распространение наших идей и нашего Товарищества осуществлялось не так быстро, как можно было бы надеяться, имея в виду, что помощь, которую *благодаря нам* английские рабочие организации оказали французским рабочим организациям во время их последних стачек, должна была бы обеспечить нам поддержку всего французского пролетариата. Теперь, когда во Франции борьба между буржуазией и рабочим классом вступает в фазу, которую мы назовем *английской*, т. е. принимает весьма острый характер, рабочим следовало бы понять, что для того, чтобы успешно противостоять силам капиталистов, необходима мощная организация, которая объединила бы различные пролетарские элементы.

В Англии развернулось широкое движение в пользу политических реформ; поэтому здесь экономическое движение на время оказалось отнесенным на задний план. Но теперь, когда движение за политические реформы приостановилось, когда обследование *трэд-юнионов* приняло характер смотра сил рабочего класса, мы полагаем, что наступил момент, когда все рабочие общества должны понять пользу нашей организации.

Уже много раз роль нашего Товарищества получала должную оценку на собраниях рабочих делегатов, и большое число организаций уже вступило в наши

ряды. Англия, с ее мощно организованным пролетариатом, призвана быть одной из наших самых прочных опор.

Соединенные Штаты, повидимому, обрели новые силы в кровопролитной войне, через которую они только что прошли; рабочий класс уже сплотился и сумел оказать давление на американское буржуазное правительство, заставив законодательные собрания нескольких штатов принять закон о восьмичасовом рабочем дне. В связи с выборами будущего президента различным политическим партиям пришлось публично изложить свои убеждения; радикальная партия устами Уэда, председателя Сената, признала необходимым прежде всего заняться специально проблемой труда и капитала; она открыто высказалась за преобразование капиталистической и земельной собственности. Так как в этой стране рабочий класс располагает значительными организационными силами, он сможет настоять на осуществлении своих пожеланий.

В настоящее время во всех цивилизованных странах рабочий класс пришел в движение; в странах, где фабричная промышленность наиболее развита, как в Америке и Англии, рабочий класс создал наиболее сплоченную организацию, и борьба между буржуазией и пролетариатом носит здесь наиболее острый характер.

Силы капитала подавили индивидуальные человеческие силы; рабочий на фабрике — это только винтик машины. Чтобы вернуть себе свою индивидуальность, рабочие должны объединиться, образовать товарищества для защиты своей заработной платы, своей жизни. До настоящего времени эти товарищества носили местный характер; но силы капитала, вследствие новых промышленных изобретений, растут с каждым днем; товарищества, ограниченные национальными рамками, обнаруживают во многих случаях свое бессилие. Изучая борьбу английского рабочего класса, можно видеть, как предприниматели, чтобы оказать сопротивление своим рабочим, либо привозят иностранных рабочих, либо передают работу в те страны, в которых рабочие руки всего дешевле. Если, при наличии такого положения вещей, рабочий класс хочет успешно продолжать свою борьбу, то необходимо, чтобы национальные товарищества превратились в международные.

Пусть все рабочие внимательно рассмотрят эту новую точку зрения на проблему, пусть они убедятся, что, объединяясь под нашим знаменем, они защищают свой хлеб и хлеб своих детей.

Генеральный совет призывает всех способствовать превращению будущего конгресса, который соберется 2 сентября 1867 г. в Лозанне, в блестящую демонстрацию рабочего класса.

«Согласно постановлениям первого конгресса каждая секция имеет право послать одного делегата на конгресс. Секции, насчитывающие более 500 членов, могут послать по одному делегату от каждых 500 членов сверх этого числа. Секции, не имеющие достаточных средств, чтобы послать делегата, могут соединиться с другими секциями для оплаты расходов делегата, уполномоченного быть представителем этих секций».

На конгрессе будут обсуждаться следующие вопросы:

1) Каковы *практические* средства, способные превратить Международное товарищество в общий центр борьбы рабочего класса (женщин и мужчин) за свое освобождение от гнета капитала?

2) Каким путем рабочий класс может использовать для своего освобождения тот кредит, который он предоставляет буржуазии и правительствам?

Привет и братство!

Секретари-корреспонденты:

Э. Дюпон — для Франции; *К. Маркс* — для Германии; *Жабицкий* — для Польши; *Г. Юнг* — для Швейцарии; *П. Фокс* — для Америки; *Бессон* — для Бельгии; *Картер* — для Италии; *П. Лафарг* — для Испании; *Хансен* — для Голландии и Дании;

Дж. Оджер, председатель.

Г. Эккариус, вице-председатель.

В. Делл, казначей.

Шоу, секретарь-казначей.

Питер Фокс, генеральный секретарь.

16, Castle-street, Oxford-street.

*Перевод сделан по тексту,
опубликованному в «La Tribune du Peuple» № 8
от 31 августа 1867 г.*

АНГЛИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ФЕНИИ ¹.

Лондон, 21 февраля 1870 г.

Молчание европейской печати о гнусностях, совершаемых английским олигархически-буржуазным правительством, вызвано различными мотивами. Прежде всего английское правительство *богато*, а печать, как вы знаете, *неподкупна*. Кроме того английское правительство — образцовое правительство, как это признают лэндлорды, капиталисты континента и даже Гарибальди (см. его книгу); нельзя, следовательно, дурно отзываться об этом идеальном правительстве. Наконец, французские республиканцы настолько ограничены и эгоистичны, что весь свой гнев приберегают для империи. Ведь сообщить своим соотечественникам, что *в стране буржуазной свободы* карается 20 годами каторги то, что *в стране казарм* карается 6 месяцами тюрьмы, было бы преступлением, оскорбляющим свободу слова. Приводим некоторые подробности, взятые из английских газет, об обращении, которому подвергаются заключенные фении.

Мелкехи, помощнику редактора газеты «*The Irish People*» («Ирландский народ»), осужденному за участие в фенианском заговоре, в Дартмуре одели железный ошейник и впрягли его в нагруженную камнями тележку.

О'Донован-Росса, издатель «*The Irish People*», был брошен в темный карцер и в течение 35 суток находился там со скованными за спиной днем и ночью руками. С него не снимали цепей даже для принятия пищи — скудной похлебки, которую ему ставили на земляном полу тюрьмы.

Хотя *Киккэм*, один из редакторов «*The Irish People*», из-за нарыва не был в состоянии пользоваться своей правой рукой, его все же заставляли в холодные и туманные ноябрьские дни садиться вместе со своими товарищами по тюрьме на груды щебня и левой рукой разбивать камни и кирпичи. На ночь он возвращался в свою камеру, и все его питание состояло из шести унций хлеба и pintы теплой воды.

Арестованного *О'Лири*, старика в возрасте шестидесяти-семидесяти лет, посадили на три недели на хлеб и на воду за то, что он не хотел отречься от *язычества* (так, повидимому, тюремщик называет атеизм) и сделаться или папистом, или протестантом, или пресвитерианцем, или даже квакером, или, наконец, пе-

¹ Пересылая Энгельсу два номера «*Internationale*» со статьями о заключенных фениях, Маркс писал ему: «При сем два номера «*Internationale*»... Что касается статьи для первого номера, то я сделал набросок в частном письме к Де-Папу; он должен был переработать его в статью. Вместо того он напечатал его дословно и добавил в скобках ерунду, *par exemple* [например], что под *bodyly* [телесным] наказанием следует понимать удары кнута» (Маркс—Энгельсу, письмо от 9 марта 1870 г.). *Ред.*

рейти в одно из тех многочисленных вероисповеданий, из которых начальник тюрьмы разрешает ирландскому язычнику производить выбор.

Мартин Х. Кэри посажен в дом умалишенных, в Мильбанке. Запрещение говорить и прочие притеснения, которым он подвергался, довели его до сумасшествия.

Ричард Борк не в лучшем состоянии. Один из его друзей пишет, что его раскусод помутился; он лишился памяти; его манеры, все его поведение и его речь свидетельствуют о его безумии.

Политических заключенных швыряют из одной тюрьмы в другую, как будто это дикие звери. Их сажают в камеры с самыми гнусными мошенниками; заставляют чистить посуду, которой пользовались эти негодяи (*miserables*), надевать рубашки и теплое белье этих преступников, из которых многие заражены самыми отвратительными болезнями, и мыться в воде, в которой они уже мылись. Всем этим преступникам, до прибытия фениев в Портленд, позволяли беседовать с посетителями. Для заключенных фениев была сооружена особая клетка для свиданий. Она состоит из трех частей, разделенных толстыми железными решетками; тюремщик находится в среднем отделении, а заключенный и его друзья могут видаться только через двойную решетку.

В доках встречаются заключенные, которые поедают всех слизняков, а в Чатаме на лягушек смотрят, как на лакомство. Генерал Томас Борк заявляет, что он не удивился, увидев в супе мертвую мышь. Заключенные говорят, что день, когда в тюрьмы посадили фениев, был для них несчастным днем. Был введен гораздо более строгий режим,

* * *

К вышеприведенным выдержкам я добавляю несколько слов.

В прошлом году г. *Брюсу*, министру внутренних дел, великому либералу, великому полицейскому, великому собственнику рудников в области Уэльса, свирепому эксплуататору труда, был сделан запрос относительно жестокого обращения, которому подвергаются заключенные фении и в особенности *О'Донован-Росса*. Сперва он отрицал все, затем был вынужден это признать. Тогда г. Мур, ирландский депутат палаты общин, потребовал расследования этих фактов. *Радикальное министерство*, главой которого является полусвятой (его открыто сравнивали с Иисусом Христом) г. Гладстон, а одним из влиятельнейших членов — старый буржуазный демагог Джон Брайт, наотрез отказалось произвести это расследование.

В последнее время, когда слухи о жестоком обращении возобновились, некоторые члены парламента попросили у министра Брюса разрешения посетить заключенных, чтобы иметь возможность констатировать ложность этих слухов. Г-н Брюс отказал в разрешении, так как, — сказал он, — начальники тюрем опасаются, что подобного рода посещения вызовут среди заключенных чрезмерное возбуждение.

На прошлой неделе министру внутренних дел снова был сделан запрос. Его спросили, правда ли, что *О'Донован-Росса* после своего избрания депутатом от Типперэри был подвергнут телесному наказанию (т. е. высечен кнутом); г-н министр заявил, что с *О'Донованом-Россой* этого не случалось с 1868 г. (следовательно, это означало признание того, что в течение двух-трех лет секли кнутом политического заключенного).

Я посылаю вам также выдержки¹, касающиеся Майкла Терберта, фения, осужденного за фенианство к каторжным работам и отбывавшего свое наказание в тюрьме Спайк-Айленда, в графстве Корк, в Ирландии. Вы увидите, что сам коронер (судебный следователь) приписывает его смерть пыткам, которым его подвергали. Расследование происходило на прошлой неделе.

В течение двух лет *большие двадцати* рабочих-фениев умерли или сошли с ума вследствие человеколюбия этих добрых буржуа, поддерживаемых добрыми лэндлордами.

Вы, вероятно, знаете, что английская печать выражает лицемерное негодование по поводу гнусных законов о чрезвычайном положении, украшающих прекрасную Францию. Но из законов о чрезвычайном положении, за исключением некоторых коротких промежутков времени, состоит хартия Ирландии. С 1793 г. английское правительство по любому поводу регулярно и периодически приостанавливает в Ирландии действие *Habeas Corpus Bill* (закона, гарантирующего личную свободу), а в действительности — всякого закона, за исключением закона грубой силы. Таким образом, тысячи людей были арестованы в Ирландии без суда и следствия, без предания суду, даже без предъявления обвинения — по одному *только подозрению в фенианстве*. Не довольствуясь лишением их свободы, английское правительство подвергало их самым варварским пыткам. Приведем пример.

Одна из тюрем, в которых заживо погребали заподозренных фениев, это — тюрьма *Маунтджой* в Дублине. Инспектор этой тюрьмы Мэррей — дикий зверь. Он подвергал заключенных такому зверскому обращению, что некоторые из них сошли с ума. Тюремный врач О'Доннель — превосходный человек, сыгравший достойную уважения роль во время следствия о смерти Майкла Терберта, — писал в продолжение нескольких месяцев протестующие письма, направляя их сперва самому Мэррею. Так как Мэррей на них не отвечал, то О'Доннель обратился со своими донесениями к высшим властям; но Мэррей, который хорошо знает свое дело тюремщика, перехватил эти письма.

Наконец, О'Доннель обратился непосредственно к лорду Майо, бывшему в то время вице-королем Ирландии. У власти стояли тогда тори (Дерби — Дизраэли). Каков был результат выступлений О'Доннеля? Документы, относящиеся к этому делу, были опубликованы по распоряжению парламента, и... доктор О'Доннель был уволен со службы! Что же касается Мэррея, то он свой пост сохранил.

Затем приходит к власти так называемое радикальное министерство Гладстона, мягкого, елейного, великодушного Гладстона, проливавшего перед всей Европой такие горячие и такие искренние слезы по поводу судьбы Поэрио и других буржуа, с которыми плохо обошелся король-Бомба. Как же поступил этот кумир прогрессивной буржуазии? Оскорбляя ирландцев своими наглými ответами на их требования амнистии, он одновременно не только утвердил изверга Мэррея в его должности, но, чтобы выказать свою особую благодарность, присоединил к его посту главного тюремщика жирную синекуру! Таков апостол буржуазной филантропии!

Но ведь нужно пустить пыль в глаза публике; нужно сделать вид, что кое-что для Ирландии делается; и вот с большим шумом возвещается закон об урегулировании земельного вопроса (*Land Bill*). Но все это — лишь обман с конечной

¹ Здесь вставлено редакцией «L'Internationale»: «Они будут опубликованы в следующем номере». *Ред.*

целью произвести впечатление на Европу, соблазнить ирландских судей и адвокатов перспективами бесконечных процессов между лэндлордами и фермерами, привлечь к себе лэндлордов обещанием денежных пособий со стороны государства и завлечь более богатых фермеров некоторыми полууступками.

В длинном вступлении к своей высокопарной и путаной речи Гладстон признает, что даже те «доброжелательные» законы, которые либеральная Англия за последние сто лет пожаловала Ирландии, всегда приводили к разорению страны. И вот тот же человек, который сделал это откровенное признание, продолжает пытать людей, желающих положить конец этому вредному и нелепому законодательству.

Написано К. Марксом на французском языке.

Напечатано в «L'Internationale» № 59

от 27 февраля 1870 г.

Без подписи.

АНГЛИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ФЕНИИ¹.

Вторая статья.

Приводим опубликованные в одной английской газете результаты дознания о смерти Майкла Терберта, заключенного фения, скончавшегося в тюрьме Спайк-Айленда вследствие дурного обращения с ним.

* * *

В четверг 17 февраля г. Джон Мур, *коронер* [следователь] Мидлтонского округа, произвел в тюрьме Спайк-Айленда дознание по поводу осужденного Майкла Терберта, скончавшегося в больнице.

Путер Хэй, начальник тюрьмы, был вызван первым. Вот его показания:

Покойный Майкл Терберт поступил в эту тюрьму в июне 1866 г.; я не знаю, каково было состояние его здоровья в то время; он был присужден 12 января к 7 годам тюремного заключения; в течение некоторого времени он был, повидимому, нездоров, ибо в одной из тюремных книг имеется запись, что по указанию медицинского персонала его перевели в другое помещение, так как он не мог переносить одиночное заключение. Затем свидетель подробно останавливается на частых наказаниях, которым подвергался покойный за нарушения дисциплины и в особенности за то, что он непочтительно отзывался о медицинском персонале.

Иеремия Хьюберт Келли. Я припоминаю, что Майкл Терберт прибыл сюда из Маунтджойской тюрьмы; тогда было установлено, что он не может переносить одиночное заключение; соответствующее удостоверение было подписано доктором О'Доннелем. Однако я нашел его здоровым и послал на работу. Я припоминаю, что он пробыл в больнице с 31 января по 6 февраля 1869 г.; тогда он страдал болезнью сердца, и после этого его уже не посылали на публичные работы, но давали ему работу в камере. С 19 по 26 марта он находился в больнице из-за болезни сердца; с 24 апреля по 5 мая — из-за кровохарканья; с 19 мая по 1 июня, с 21 по 22 июня, с 22 июля по 15 августа — из-за болезни сердца; с 9 ноября по 13 декабря — в виду сильной слабости; наконец, в последний раз он был в больнице с 20 декабря до 8 февраля 1870 г. и умер там от водянки. Первые симптомы этой болезни обнаружилились 13 ноября, но они исчезли.

Я каждый день навещаю заключенных в камерах, и оказывается, что время от времени они подвергаются наказаниям; моя обязанность — откладывать наказание всякий раз, когда я считаю, что заключенный не в состоянии его вынести; так два раза я поступил по отношению к нему.

— Не думаете ли вы как врач, что пятеро суток на хлебе и воде были для

¹ По поводу второй статьи о заключенных фениях Маркс писал Энгельсу 9 марта 1870 г.: «При сем два номера «Internationale»... В номере втором мне ничего не принадлежит, кроме перевода сообщений из «Irishman». *Ред.*

него чрезмерным наказанием, независимо от того, в каком состоянии находилось его здоровье в Маунтджое и здесь?

— Я этого не думаю, у покойного был хороший аппетит, и я не думаю, чтобы эти меры вызвали водянку, от которой он умер.

Мартин О'Коннель, аптекарь, проживает на [острове] Спайк-Айленде. В июле прошлого года свидетель говорил доктору Келли, что Терберта не следовало наказывать, так как он страдал болезнью сердца; свидетель считает, что эти наказания оказали губительное влияние на здоровье заключенного, тем более, что в последний год он был отнесен к разряду инвалидов; свидетелю никогда не пришло бы в голову, что подобным образом могут наказывать инвалидов, если бы ему не случилось однажды посетить камеры в отсутствие доктора Келли; в виду состояния больного он убежден был, что пять дней карцера повредили бы его здоровью.

После этого *коронер* выражает свое глубокое возмущение таким обращением с заключенным. Заключенный находился, говорит коронер, попеременно то в больнице, то в карцере.

Суд выносит следующее решение:

«Мы заявляем, что Майкл Терберт, холостой, 36 лет, умер в больнице тюрьмы Спайк-Айленда 8 февраля 1870 г. от водянки. Так как, по мнению доктора О'Доннелля, он не мог вынести карцерный режим, то мы решительно и безоговорочно порицаем применение в отношении него частых наказаний, выражавшихся в переводе его на несколько дней в одиночное заключение на хлеб и на воду и применявшихся во время его пребывания в тюрьме на Спайк-Айленде, куда он прибыл в июне 1866 г. из Маунтджойской тюрьмы; мы осуждаем такое обращение».

* * *

Резюмируем: Терберт был заключен в Маунтджойскую тюрьму, где имеются только одиночные камеры. После нескольких месяцев пребывания в этой тюрьме доктор О'Доннелль требует, чтобы Терберта перевели на Спайк-Айленд, где одиночный режим не применяется; он основывается на том, что здоровье заключенного не позволит ему вынести одиночный режим.

Как отнеслись к требованию врача? В тюрьме на Спайк-Айленде заключенные, правда, содержатся вместе, но там имеются одиночные камеры для тех, которых подвергают наказанию; и на Терберта усердно налагают наказание за наказанием, чтобы держать его в убийственном для него одиночном заключении. Каждый раз, как этот несчастный покидает свою больничную койку, его сажают на хлеб и на воду, тогда как он нуждается в тщательном уходе для полного выздоровления. Негодяй, доктор Келли, покрывает авторитетом науки это убийство. Обратите внимание на показание Питера Хэя, начальника тюрьмы. В нем говорится, что большая часть наказаний была вызвана непочтительными выражениями заключенного по адресу врача; следовательно, доктор Келли не только не протестовал против дурного обращения с заключенным, но и давал повод к наложению на него наказаний. Он был одновременно доносчиком и палачом.

Таким образом, вердикт заклеил двух убийц — Питера Хэя и Келли. Но это и все: их не только не привлекают к ответственности, но они сохраняют свои должности; но всей вероятности, Гладстон даже даст им повышение; и они будут вкушать плоды своего преступления до дня народного суда. В то время как виновные считают себя в полной безопасности, народ готовит виселицы; будем надеяться, что Хэй и Келли, к чести человечества, не умрут на своих постелях, но

будут *линчеваны* в назидание грядущим негодьям, — на тот случай, если реакция восторжествует еще раз.

Какую ужасную мечь готовятся обрушить на свою голову с изумительной беззаботностью все эти презренные негодяи, начиная от монархов и их министров и кончая самыми подлыми их палачами! Знайте же, люди, наслаждающиеся чужими муками: нет ни одного злодеяния, ни одной подлости, ни одного несправедливого дела, ни одной слезы, которых бы мы не записали; мы на каждого составим счет, и есть уже не мало таких, которые изрядно обременены долгами. Пусть же те, кто еще не слишком далеко зашли по пути злодеяний и угнетения народа, остановятся и постараются загладить свою вину, пока еще есть время. Наступит день, когда поздно будет молить о пощаде: народ будет неумолим, ибо ему предстоит мстить за миллионы погибших.

Напечатано в «L'Internationale» № 60

от 6 марта 1870 г.

Без подписи.

СТАТЬИ ЖЕННИ МАРКС ПО ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ.

Первая статья.

Лондон, 27 февраля 1870 г.

«La Marseillaise» от 18 февраля опубликовала статью из «Daily News», в которой эта английская газета сообщает французской прессе подробности о выборах О'Донована-Россы. Ввиду того, что сообщения эти довольно-таки путаные, а лаконичные разъяснения таковы, что факты, которые они имеют претензию осветить, они изображают совсем в ложном свете, я прошу Вас не отказать напечатать мои комментарии к указанной статье.

Прежде всего «Daily News» сообщает, что О'Донован-Росса был осужден судом присяжных; но она не добавляет, что в Ирландии суд присяжных составляется из приспешников правительства, более или менее прямо назначаемых им.

Далее, говоря со священным ужасом о *treason felony* [государственной измене], либеральничаящие журналисты из «Daily News» забывают сказать, что эта новая категория английского уголовного кодекса была специально придумана для того, чтобы ирландских патриотов поставить на одну доску с гнуснейшими преступниками.

Возьмем случай с О'Донованом-Россой. Он был одним из редакторов «*Irish People*». Он был осужден, как и большинство фениев, за так называемые мятежные статьи. Стало быть, «La Marseillaise» не ошиблась, проводя аналогию между Рошфором и Россией.

Почему же «Daily News», которая считает необходимым информировать Францию об осужденных фениех, ничего не говорит о гнусном обращении с ними? Надеюсь, что Вы разрешите мне воспользоваться ее осторожное молчание.

Несколько времени тому назад О'Донован-Росса был посажен в темную одиночную камеру со связанными за спиной руками. Ни днем, ни ночью с него не снимали кандалов, так что ему приходилось ложиться на землю, чтобы вылизывать свою пищу — кашлицу на воде. Г-н Пиготт, редактор «*Irishman*», узнав об этих фактах от Россы, который рассказал ему о них в присутствии начальника тюрьмы и еще одного свидетеля, опубликовал их в своей газете, что побудило г. Мура, одного из ирландских депутатов *палаты общин*, потребовать парламентского расследования, чтобы выяснить, что творится в тюрьмах. Правительство решительно воспротивилось этому требованию. 36 членов голосовали за предложение Мура, а 171 — против; это — явление того же порядка, что и голосование, растоптавшее избирательное право.

И это произошло во время министерства ханжи Гладстона. Как видите, сей великий либеральный вождь не плохо издевается над гуманностью и правосу-

дием. Существуют Иуды, которые не носят очков (Il y a aussi des Judas qui ne portent pas des lunettes).

А вот и другой случай, также делающий честь Англии. О'Лири, заключенный фений в возрасте между шестьюдесятью и семьюдесятью годами, на три недели был посажен на хлеб и на воду за то, — нет, этого никогда не угадать читателям «*La Marseillaise*», — за то, что он назвал себя «язычником» и отказался объявить себя *протестантом, пресвитерианцем, католиком или квакером*. Ему предложили на выбор либо одну из перечисленных религий, либо пустой хлеб. Из этих пяти вол О'Лири—или «язычник О'Лири», как его называют, — выбрал то зло, которое ему казалось наименьшим: хлеб и воду.

Несколько дней тому назад *коронер* (судебный чиновник, от имени короны производящий дознания об обнаруженных трупах), осмотрев тело фения, умершего в тюрьме на *Спайк-Айленде*, в весьма резких выражениях осудил обращение, которому подвергался покойный.

В минувшую субботу молодой ирландец *Ганнер Худ* вышел из тюрьмы, где его продержали 4 года; в возрасте 19 лет он записался в английскую армию и служил в Канаде. В 1866 г. он был предан военному суду за мятежные статьи и присужден к двум годам каторжных работ. Выслушав приговор, Худ схватил свою фуражку и, подбросив ее в воздух, воскликнул: «Да здравствует ирландская республика!» Этот возглас, вырвавшийся у него от души, обошелся ему дорого. Его присудили еще к двум годам тюремного заключения и к пятидесяти плетям в придачу. Этот приговор был приведен в исполнение самым жестоким образом. Худа привязали к плугу, а двух здоровенных кузнецов вооружили *девятихвостками*. (Французский язык не имеет синонима английскому «кнуту». Только русские и англичане нашли здесь общий язык. Свой своему поневоле брат!)

Журналист Кэри в данный момент находится в той части тюрьмы, которая отведена для умалишенных; молчание и другие виды пыток, пережитые им, превратили его в живой труп, лишенный рассудка.

Полковник Борк; фений, человек, отличившийся не только на военной службе в американской армии, но и как писатель и живописец, также доведен до жалкого состояния; он уже не узнает самых близких своих родных. К этому списку ирландских мучеников я мог бы добавить еще не мало имен. Достаточно сказать, что со времени 1866 г., когда на помещение «*Irish People*» был произведен разбойничий налет, *20 фениев умерли или сошли с ума* в тюрьмах человеколюбивой Англии.

Написано Женни Маркс на французском языке.

Напечатано в «La Marseillaise» № 71

от 1 марта 1870 г.

За подписью: Дж. Вильямс¹.

¹ О том, что автором статей по ирландскому вопросу, опубликованных в «*La Marseillaise*» за подписью «Дж. Вильямс», была дочь К. Маркса — Женни, свидетельствует ряд писем Маркса и Энгельса (например, письмо Маркса Энгельсу от 5 марта 1870 г., письмо Энгельса Марксу от 7 марта 1870 г. и др.). *Ред.*

Вторая статья.

Лондон, 5 марта.

В заседании палаты общин 3 марта г. *Стэкпуль* сделал запрос г. Гладстону по поводу тюремного режима, которому подвергаются заключенные фении. Он сказал, между прочим, что доктор *Лайонс*, из Дублина, недавно заявил, что «дисциплина, плохое питание, личные ограничения и другие кары могут только причинить здоровью заключенных непоправимый вред».

Г-н Гладстон, заявивший, что он считает обращение с заключенными вполне удовлетворительным, закончил свою маленькую *речь* такой блестящей остротой: «Что касается здоровья О'Донована-Россы, то я, к своему удовольствию, могу сообщить, что г-жа О'Донован-Росса на своем *последнем* свидании с мужем была очень обрадована тем, что его *вид* стал значительно *лучше*». На всех скамьях благородного собрания это вызвало взрыв гомерического хохота! *Последнее свидание!* Заметьте, что г-жа О'Донован-Росса не только в течение ряда лет не виделась со своим мужем, но что она разъезжала по Америке для того, чтобы зарабатывать хлеб своим детям, читая публичные лекции по английской литературе.

Не забудьте также, что г. *Гладстон*, который так кстати умеет пошутить, прямо-таки просится во святые, являясь автором «Prayers» («Молитвы»), «Propagation of the Gospel» («Распространение евангелия»), «The functions of Laymen in the church» («Обязанности мирян в церкви») и совсем недавно изданной проповеди «Esse homo» [«Се — человек»].

Но разделяют ли узники великий оптимизм своего верховного тюремщика? Прочтите нижеследующие выдержки из письма О'Донована-Россы, которое каким-то чудом вышло из стен тюрьмы и с баснословным опозданием достигло своего назначения.

П и с ь м о Р о с с ы .

«Я вам говорил о лицемерии этих английских владык, которые, поставив меня в такое положение, что я вынужден был становиться на колени и локти, чтобы принимать пищу, морят меня голодом, лишают света и дают мне оковы и библию. Я не жалуясь на кары, которым хотят меня подвергнуть мои владыки; мое дело — терпеть; но я утверждаю, что имею право известить мир об обращении, которому меня подвергают, и что незаконно задерживать мои письма, в которых я рассказываю об этом обращении. Мелочные меры, принимаемые тюремными властями, чтобы помешать мне писать письма, столь же смешны, как и отвратительны. Самая оскорбительная процедура заключалась в том, что меня в течение нескольких месяцев раз в сутки раздевали догола и осматривали руки, ноги и все части тела. Это происходило в *Милльбанке* каждый день с февраля до мая 1867 г. Однажды я отказался раздеться. Тогда появились пять тюремщиков, они нещадно избили меня и сорвали с меня одежду».

Однажды мне удалось отправить письмо на волю; оно мне стоило посещения гг. *Нокса* и *Поллока*, двух *полицейских чиновников* (полицейских судей).

Какая ирония — посылать двух правительственных чиновников, чтобы установить истину об английских тюрьмах! Эти господа отказались записать все важное, что я хотел им сообщить. Когда я коснулся темы, которая им не понравилась, они меня остановили, сказав, что тюремная дисциплина их не касается. Не так ли, гг. *Поллок* и *Нокс*? Когда я вам сказал, что меня заставляли мыться в воде, уже служившей для этой цели поддожине английских заключенных, разве вы не отказались записать мою жалобу?

В *Чатаме* мне дали надергать некоторое количество пакли и сказали, что оставят без еды, если я не окончу работу к такому-то часу.

— Может быть, — воскликнул я, — вы меня накажете подобным же образом, если я выполню задание? Со мной уже это бывало в *Милльбанке*.

— Как же так? — спросил тюремщик.

Тогда я ему рассказал, что 4 июля, выполнив свое задание за десять минут до назначенного срока, я взял книгу. Когда чиновник увидал меня, то обвинил в лени, и меня посадили на хлеб и на воду в темную камеру на 48 часов.

Однажды я увидел своего друга *Эдуарда Дэффи*. Он был очень бледен. Спустя некоторое время я услышал, что *Дэффи* серьезно болен и что он выразил желание повидать меня (мы были очень дружны в Ирландии). Я просил начальника тюрьмы позволить мне навестить его. Он отказал наотрез. Это было в рождественские дни 1867 г., а через несколько недель один заключенный прошептал мне сквозь решетку моей камеры: «*Дэффи* скончался!»

Если бы нечто подобное случилось в России, какую трогательную повесть сочинили бы англичане! Если бы г. Гладстон присутствовал при такой смерти в Неаполе, какую картину нарисовал бы он! О слащавые фарисеи, промышляющие лицемерием, со словами священного писания на устах и с дьяволом в утробе!

Я должен посвятить несколько слов памяти *Джона Линча*. В марте 1866 г. я был вместе с ним во дворе на прогулке. За нами так бдительно следили, что он успел мне только шепнуть: «Меня убивает холод». Что сделали эти англичане? Они отвезли нас в Лондон за день до рождества. По прибытии в тюрьму с нас сняли наше теплое белье и оставили нас на целые месяцы в наших камерах дрожать от холода. Да, — они не могут этого отрицать, — они убили *Джона Линча*; но во время расследования они, тем не менее, выставили чиновников, готовых доказать, что с Линчем и *Дэффи* обращались весьма мягко.

Лживость наших английских порабитителей превосходит всякое воображение.

Если мне суждено умереть в тюрьме, я заклинаю мою семью и моих друзей не верить ни одному слову из того, что говорят эти люди. Да не заподозрят меня в личной злобе к тем, кто преследовал меня своею ложью! Я обвиняю только тиранию, которая делает необходимым применение таких методов.

Обстоятельства неоднократно заставляли меня вспоминать следующие слова Маккиавелли: «У тиранов имеется особый интерес распространять библию, дабы народная масса усваивала ее предписания и без сопротивления давала разбойникам грабить себя».

Пока народ рабов выполняет правила морали и повиновения, которые ему проповедуют священники, тиранам нечего бояться.

Если это письмо дойдет до моих соотечественников, я имею право требовать, чтобы они возвысили свой голос и потребовали справедливости для своих страждущих братьев. Пусть эти слова взбудоражат кровь, застывшую в их жилах!

Они запрягли меня в тележку, завязав веревку узлом на моей шее. Этот узел был прикреплен к оглобле, и два английских арестанта получили приказ не давать тележке подсакивать; но они пустили ее свободно, оглобля поднялась вверх, узел развязался. Если бы он, наоборот, затянулся, я погиб бы.

Я утверждаю, что они не имеют права ставить меня в такое положение, в котором моя жизнь зависит от действий другого.

Луч света проникает сквозь решетку моей темницы. Это — воспоминание о дне, проведенном в *Ньютаунгордсе*, где я встретил оранжистов¹ и риббонистов², забывших о своем ханжестве!

О'Донован-Росса,
политический каторжанин».

Написано Женни Маркс на французском языке.

Напечатано в «La Marseillaise» № 79

от 9 марта 1870 г.

Без подписи з.

Третья статья.

Лондон, 16 марта 1870 г.

Наиболее выдающимся событием прошлой недели было письмо О'Донована-Россы, о котором я вам сообщал в моей последней корреспонденции.

«*Times*» перепечатала письмо без комментариев, «*Daily News*» поместила комментарии без письма. «Как и следовало ожидать, — заявляет эта газета, — г. О'Донован-Росса избрал темой своего письма тюремные правила, которым его временно (for a while) подчинили».

Как гнусно звучит это «*временно*», когда речь идет о человеке, сидящем в заключении уже пять лет и приговоренном к *пожизненным* каторжным работам!

Г-н О'Донован-Росса жалуется, между прочим, что «его впрягали в тележку с веревкой на шее», причем его жизнь зависела от движений английских каторжников, его товарищей. Но, — восклицает «*Daily News*», — «разве несправедливо ставить человека в положение, в котором его жизнь зависит от действий других людей? Разве в вагоне или на пароходе жизнь человека не зависит также от действий другого?» После такого трюка благочестивый казуист укоряет О'Донована-Россу за то, что он не любит *библии* и предпочитает ей «*Irish People*». Это противопоставление *библии* и народа (People) способно привести в восторг его читателей.

«Г-н О'Донован-Росса, — продолжает «*Daily News*», — повидимому, воображает, что заключенные, отбывающие наказание за *мятежные статьи*, должны снабжаться сигарами и ежедневными газетами и что прежде всего они должны были бы иметь право свободной переписки со своими друзьями».

О добродетельный фарисей! Вы, стало быть, признаете, наконец, что О'Донован-Росса был приговорен к бессрочным каторжным работам за *мятежные статьи*, а не за покушение на *убийство* королевы Виктории, как вы коварно намекали в своем первом обращении к французской прессе.

«В конце-концов, — заключает эта бесстыдная газета, — с О'Донованом-Россой обращаются так, как он заслуживает, т. е. как с обыкновенным каторжником».

После чисто-гладстоновской газеты вот представитель другого оттенка либеральничавшей прессы, газета «*Daily Telegraph*», обычно отличающаяся более

¹ Оранжисты (orangemen) — члены тайного общества, имевшего свои отделения главным образом в Северной Ирландии и объединявшего ирландцев-протестантов. *Ред.*

² Риббонисты (ribbonmen) — члены тайного общества, вербовавшего своих членов среди ирландцев-католиков. *Ред.*

³ Принадлежность настоящей статьи Ж. Маркс подтверждается письмом Маркса—Энгельсу от 10 марта 1870 г. *Ред.*

грубыми выходками. — «Если мы удостаиваем, — заявляет она, — своего внимания письмо О'Донована-Россы, то не ради фениев, которые неисправимы, а исключительно ради благополучия Франции».

«Знайте же, — говорит она, — что всего несколько дней тому назад г. Гладстон в палате общин формально опроверг все эти наглые выдумки, и, конечно, не пайдется ни одного здравомыслящего француза, к какой бы партии или классу он ни принадлежал, который осмелился бы усомниться в этом заявлении английского джентльмена». Но если (допустим невозможное!) во Франции нашлись бы достаточно испорченные партии или люди, которые не поверили бы на-слово английскому джентльмену вроде г. Гладстона, то Франция во всяком случае не сможет устоять против доброжелательных советов г. Леви; он — не джентльмен и обращается к вам с такими словами: «Мы советуем нашим соседям-парижанам считать все сказки о зверствах, учиняемых над политическими заключенными в Англии, просто-напросто наглыми выдумками».

С довольствия г. Леви я приведу вам новый образчик того, чего стоят *слова* джентльменов, из которых состоит гладстоновский кабинет.

Как вы помните, в первом письме я упомянул о полковнике *Ричарде Борке* — фении, который, находясь в тюремном заключении, лишился рассудка от гуманных приемов английского правительства. Первым опубликовал это сообщение «*Irishman*». Затем г. Ундервуд обратился с письмом к министру внутренних дел г. Брюсу, требуя расследования режима, которому подвергаются политические заключенные.

Г-н Брюс ответил письмом, напечатанным в английских газетах и содержащим следующую фразу:

«Что касается Ричарда Борка, который находится в Уэкингской тюрьме, то г. Брюс должен отказать в производстве расследования по поводу *лишенных всякого основания и экстравагантных инсинуаций*, которые содержатся в присланных Вами выдержках из «*Irishman*».

Это заявление г. Брюса датировано 11 января 1870 г. Но в одном из своих последних номеров «*Irishman*» печатает ответ того же министра на письмо сестры Ричарда Борка, г-жи Барри, которая просила у него сведений о «внушающем тревогу» положении своего брата. К министерскому ответу от 24 февраля приложен официальный рапорт от 11 января, в котором тюремный врач и надзиратель, специально приставленный к Борку, заявляют, что последний сошел с ума. Следовательно, в тот самый день, когда г. Брюс публично назвал утверждения «*Irishman*» лживыми и лишенными всякого основания, в его кармане лежали несомненные и официальные доказательства этих утверждений! Заметим мимоходом, что ирландский депутат палаты общин г. Мур внесет министру запрос по поводу обращения с полковником Борком.

Недавно основанная газета «*Echo*» выступает в еще более ярких тонах либерализма, чем ее собратья. У нее есть к тому свои основания. Дело в том, что эта газета продается за одно су, в то время как другие газеты продаются за два, четыре или шесть су. Эта цена в одно су вынуждает ее, с одной стороны, к демократическим, так сказать, убеждениям, которые должны удержать подписчиков-пролетариев, а с другой стороны — к постоянным оговоркам, которые должны завоевать respectable подписчиков ее конкурентов.

В своей длинной тираде по поводу письма О'Донована-Россы «*Echo*» высказывает замечательное предположение, что, «может быть, сами амнистированные фении откажутся верить преувеличениям своих соотечественников». Как будто

г. Кинхэм, г. Кастелло и другие не опубликовали уже сообщений о своих тюремных страданиях, вполне совпадающих с письмом Россы! Но после всех своих хитроумных уверток «*Echo*», наконец, затрагивает большой вопрос. «Публикации «*Marseillaise*», — заявляет она, — вызовут скандал, который обойдет весь мир. Ум континентального человека, быть может, слишком ограничен, чтобы тревожно видеть различие между влодеяниями какого-нибудь Бомбы и строгостями Гладстона. Уж лучше было бы произвести расследование» и т. п.

Либеральствующий гладстоновский еженедельник «*Spectator*» руководится принципом, согласно которому все жанры плохи, кроме скучного. Вот почему в Лондоне его называют журналом семи мудрецов. Рассказав вкратце об О'Доноване-Россе и обругав его за нелюбовь к библии, журнал семи мудрецов выносит следующий вердикт:

«Фений О'Донован-Росса, повидимому, подвергался лишь тем страданиям, которые составляют обычный удел каторжников; но мы признаем, что хотели бы изменения этого режима. Расстрел мятежников бывает весьма справедливым, а иногда и очень благоразумным делом. Так же справедливо подвергать лишению свободы этих опаснейших преступников. Но и несправедливо и неблагоразумно подвергать их унижениям». Хорошо сказано, мудрый Соломон!

Наконец, выступает «*Standard*», главный орган торийской партии, партии консерваторов. Вы знаете, что английская олигархия состоит из двух фракций: земельной аристократии и плутократии. Если кто-нибудь в этих семейных распрях становится на сторону плутократов против аристократов, то его называют либералом, даже радикалом. Если он, напротив, становится на сторону аристократов против плутократов, то его называют тори.

«*Standard*» называет письмо О'Донована-Россы апокрифической повестью, вероятно сочиненной «А. Дюма!» Почему, — говорит эта газета, — «*Marseillaise*» не добавила, что г. Гладстон, архиепископ Кентерберийский и лорд-мэр ежедневно присутствуют при пытках О'Донована-Россы?

В палате общин один тори охарактеризовал свою партию как «*stupid party*» (глупая партия). Что же, «*Standard*» вполне заслуживает звание главного печатного органа глупой партии!

Прежде чем окончить это письмо, я должен предупредить французов, чтобы они не смешивали газетную шумиху с голосом английского пролетариата; этот голос, к несчастью для обеих стран, Ирландии и Англии, не находит отклика в английской печати.

Достаточно сказать, что свыше 200 000 мужчин, женщин и детей рабочего класса Англии выступили с громким протестом в Гайд-парке, требуя освобождения своих ирландских братьев, и что Генеральный совет *Международного товарищества рабочих*, находящийся в Лондоне и насчитывающий среди своих членов признанных вождей английского рабочего класса, резко заклеил обращение с заключенными фениями и выступил в защиту прав ирландского народа против английского правительства.

P. S. В связи с опубликованием в «*Marseillaise*» письма О'Донована-Россы Гладстон боится, как бы общественное мнение не вынудило его произвести парламентское публичное расследование режима, применяемого к политическим заключенным. Чтобы и на этот раз избежать расследования (мы знаем, сколько уж раз его растленная совесть противилась этому), этот дипломат только что опубликовал официальное, но анонимное опровержение фактов, приводимых Россой.

Пусть знают французы, что это опровержение представляет лишь воспроиз-

ведение показаний, данных надзирателем тюрьмы, полицейскими Ноксом, Поллоком и др. Эти господа очень хорошо знают, что Россия не в состоянии будет им ответить. За ним будут следить больше, чем когда-либо. Но я им отвечаю в следующем письме и приведу *факты*, установление которых не зависит от доброй воли тюремщиков.

Написано Женни Маркс на французском языке.

Напечатано в «La Marseillaise» № 89

от 19 марта 1870 г.

За подписью: Дж. Вильямс.

Четвертая статья.

Лондон, 18 марта 1870 г.

Как я вам сообщал в моем последнем письме, ирландский депутат палаты общин г. Мур интерpellировал вчера министерство по поводу обращения с заключенными в тюрьму фениями. Он сослался на ходатайство Ричарда Борка и четырех других заключенных, содержащихся в Маунтджойской тюрьме (в Дублине), и предложил правительству вопрос, считает ли оно совместимым со своей честью держать в тюрьме людей, которых оно само довело до сумасшествия. В заключение г. Мур потребовал полного, свободного и гласного «расследования».

Итак, г. Гладстон приперт к стене. В 1868 г. он категорически, с величайшим негодованием, отверг расследование, которого требовал тот же г. Мур. С тех пор он постоянно отвечал таким же отказом на периодически повторявшиеся требования расследования.

С какой же стати пойти теперь на уступки? Соваться в том, что испугались шума, поднятого по ту сторону Ламанша? Как бы не так! Что касается обвинений, выдвинутых против наших тюремных администраторов, то мы запросили объяснений от них.

Те единогласно ответили, что все это — выдумки. После этого, конечно, наша министерская совесть была удовлетворена. Но, по словам г. Мура (приводим их буквально), здесь, повидимому, «дело обстоит совсем неудовлетворительно; спокойствие совести правительства (the satisfaction of the minds of the government) обусловлено его доверием к своим подчиненным; «следовательно» (therefore), будет благоразумно и справедливо произвести расследование правильности заявлений тюремщиков».

«Вот этот человек: то черен он, то бел; что чувствовал вчера, за ночь забыть успел; несносен сам себе и прочим не в угоду, он мнения свои меняет, словно моду»¹. Уступая, наконец, требованиям, он это делает не без задней мысли.

Г-н Мур требует «полного, свободного и гласного расследования». Г-н Гладстон отвечает ему, что он несет ответственность за «форму» расследования, и мы знаем уже, что это будет не «парламентское расследование», а расследование королевской комиссии. Другими словами, следователи в этом громком деле, в котором г. Гладстон является главным обвиняемым, будут избраны и назначены самим г. Гладстоном.

Что касается Ричарда Борка, то г. Гладстон заявляет, что правительству уже 9 января было известно о его помешательстве. Следовательно, достойный собрат г. Гладстона, министр внутренних дел г. Брюс, бессовестно лгал, когда он

¹ Цитата из «Сатир» Буало. *Ред.*

заявил в своем письме, опубликованном 11 января, что этот факт вымышлен. «Но, — продолжает г. Гладстон, — душевная болезнь г. Борка не достигла той стадии, которая требовала бы его освобождения из каторжной тюрьмы. Не нужно забывать, что этот человек имел отношение к взрыву Кларкенуэлской тюрьмы. Каким образом? Ричард Борк содержался в заключении в Кларкенуэлской тюрьме, когда другим людям взбрело на ум взорвать эту тюрьму, чтобы его освободить. Следовательно, он имел отношение к этой безумной попытке, в организации которой подозревают английскую полицию, — к попытке, которая в случае успеха похоронила бы его самого под развалинами тюрьмы. «Впрочем, — говорит в заключение г. Гладстон, — мы уже освободили двух фениев, сошедших с ума в наших английских каторжных тюрьмах». «Нет, — прерывает его г. Мур, — я говорил о четырех душевнобольных, содержащихся в Маунтджойской тюрьме в Дублине». «Что за беда, — отвечает г. Гладстон. — Во всяком случае в наших тюрьмах двумя сумасшедшими меньше!»

Почему г. Гладстон так боится всякого напоминания о Маунтджойской тюрьме? Это очень ясно. На этот раз факты установлены не письмами заключенных, а Синей книгой, изданной в 1868 г. по распоряжению парламента.

После вооруженного столкновения между полицией и фениями английское правительство объявило в Ирландии осадное положение. Таким образом, все гарантии личной свободы были временно отменены. Следовательно, всякий «заподозренный в принадлежности к фениям» мог быть посажен в тюрьму и оставаться в ней без суда и следствия сколько заблагорассудится правительству. Одной из тюрем, переполненных «подозрительными», была Маунтджойская каторжная тюрьма в Дублине, инспектором которой был Джон Мэррей, а врачом — г. Мак-Доннель. Что же мы читаем в *Синей книге*, изданной в 1868 г. по распоряжению парламента?

В течение ряда месяцев г. Мак-Доннель сначала посылал инспектору Мэррею письма с протестами против жестокого обращения, которому подвергались заключенные по подозрению. Так как инспектор не отвечал на эти письма, г. Мак-Доннель написал три или четыре донесения начальнику тюрьмы. В одном из этих писем он указывает «несколько лиц», — я цитирую дословно, — «которые обнаруживают несомненные признаки помешательства». Он добавляет: «Я нисколько не сомневаюсь в том, что их помешательство является следствием тюремного режима. Не говоря уже о соображениях гуманности, получилось бы весьма серьезное дело, если бы кто-либо из этих заключенных, содержащихся в тюрьме не по приговору суда, а только по подозрению, покончил жизнь самоубийством».

Все эти письма, адресованные г. Мак-Доннелем начальнику тюрьмы, были перехвачены Джоном Мэрреем. Наконец, г. Мак-Доннель написал непосредственно министру вице-короля Ирландии, лорду Майо. Он пишет ему, например: «Никто не осведомлен лучше Вас, милорд, о том суровом режиме, которому с давних пор подвергаются заключенные по подозрению, о режиме одиночного заключения, более суровом, чем применяемый к каторжникам».

Каков был результат разоблачений, опубликованных по распоряжению парламента? Доктор Мак-Доннель был уволен, а Мэррей сохранил свою должность!

Все это происходило во времена торийского министерства. Когда г. Гладстону, наконец, удалось свергнуть лорда Дерби и г. Дизраэли при помощи пламенных декламаций, в которых он возлагал на английское правительство ответственность за движение фениев, он не только утвердил свирепого Мэррея в его должности, но в доказательство своего особого удовлетворения дал ему, кроме

его должности инспектора, еще жирную синекуру — должность Registrar of habitual criminals [регистратор преступников-рецидивистов]!

В своем последнем письме я утверждал, что анонимный ответ на письмо Россы, напечатанный в лондонских газетах, исходит непосредственно от министерства.

В настоящее время официально признано, что это — письмо министра внутренних дел г. Брюса. Приведем образчик его «министерской совестливости». «По поводу жалобы Россы на то, что он вынужден мыться в воде, в которой уже мылись другие каторжане, комиссары Нокс и Поллок заявили, — говорит г. Брюс, — что после тщательного расследования, произведенного ими, было бы излишним останавливаться на подобном вздоре». К счастью, донесение полицейских Нокса и Поллока было напечатано по распоряжению парламента. Что же они говорят на 23-й странице этого донесения? Что, согласно тюремным правилам, несколько каторжников моются в одной ванне, один за другим, и что «надзиратель не мог предоставить первую очередь О'Доновану-Россе, не оскорбляя других». — «Было бы излишним, однако, останавливаться на подобном вздоре».

Итак, согласно донесению полицейских Нокса и Поллока (г. Брюс неточно передал их слова), вздором является не утверждение О'Донована-Россы, что он был вынужден мыться в грязной воде после каторжников; нет, — эти господа считают вздором просто то, что О'Донован-Росса жалуется на это безобразие.

На том же заседании палаты общин, на котором г. Гладстон заявил о своей готовности произвести расследование по поводу обращения с содержащимися в тюрьмах фениями, об еще новый «*Coercion Bill*» для Ирландии, т. е. законопроект об отмене конституционных свобод и о введении осадного положения.

Согласно теоретической фикции конституционная свобода является правилом, а ее временная отмена — исключением; но согласно практике английского режима в Ирландии правилом является закон об осадном положении, а исключением — конституция. Гладстон пользуется аграрными преступлениями как предлогом, чтобы снова объявить Ирландию на осадном положении. Его истинный мотив — это желание задушить независимые дублинские газеты. Отныне жизнь или смерть всякой ирландской газеты будут зависеть от благоусмотрения г. Гладстона. Впрочем, этот *Coercion Bill* был обязательным дополнением к недавно введенному г. Гладстоном *Land Bill*'ю [земельному закону], который под предлогом помощи фермерам укрепляет ирландское крупное землевладение. Чтобы охарактеризовать этот закон, достаточно сказать, что его вдохновителем является лорд Дафферин, член правительства и крупный ирландский землевладелец. Только год тому назад этот доктор Санградо¹ напечатал толстую книгу, чтобы доказать, что из ирландского населения выпустили мало крови, что следовало бы сократить это население еще на треть, дабы Ирландия выполнила свою славную миссию — производить как можно больше речты для господ лэндлордов и как можно больше мяса и шерсти для английского рынка.

Написано Жюльи Маркс на французском языке.

Напечатано в «La Marseillaise» № 91

от 21 марта 1870 г.

За подписью: Дж. Вильямс.

¹ Доктор Санградо — персонаж из романа Лесажа «Жиль Бла». Он признавал только два лекарства от всех болезней: горячую воду и кровопускание. *Ред.*

Пятая статья.

Лондон, 22 марта.

В Лондоне имеется широко распространенная еженедельная газета — «*Reynolds's Newspaper*». Вот что она пишет об ирландском вопросе:

«В настоящее время другие нации считают нас самым лицемерным из всех народов, существующих на земле. Мы так громко и так восторженно расхваливали себя, так преувеличивали превосходство наших учреждений, что, когда наши измышления разоблачаются одно за другим, не приходится удивляться, если другие народы издеваются над нами и спрашивают себя, как только возможно такое лицемерие. Но не английский народ создал такое положение вещей, ибо и его самого околпачили и обманули; вся вина падает на правящие классы и на продажную, паразитическую прессу»...

Coercion Bill [законопроект об отмене конституционных свобод] для Ирландии, внесенный в четверг вечером, является гнусной, мерзкой и отвратительной мерой. Этот законопроект гасит последнюю искру национальной свободы в Ирландии и затывает рот прессе этой несчастной страны, чтобы помешать ей протестовать против политики, составляющей повор и скандал нашей эпохи. Правительство овлблено против всех газет, не выразивших восторга перед его жалким *Land Bill* [земельным законопроектом], и оно мстит за себя. Действие *Habeas corpus act* будет фактически приостановлено, ибо отныне можно будет посадить в тюрьму на шесть месяцев и даже на всю жизнь лиц, которые не смогут объяснить своего поведения удовлетворительным для властей образом.

Ирландия отдана во власть шайки хорошо выдрессированных шпионов, которых для благозвучия величают «детektивами».

Никогда Николай Российский не издавал против несчастных поляков более свирепого указа, чем этот билль г. Гладстона против ирландцев. Это — мера, которая снискала бы г. Гладстону благоволение знаменитого короля Дагомеи. И, однако, Гладстон с безмерной наглостью смеет хвастаться перед парламентом и нацией великодушной политикой, которую его правительство намерено проводить в отношении Ирландии. В заключительной части своей речи, произнесенной в четверг, Гладстон позволил себе высказывать сожаление, сделав это с ханжеской и слезливой торжественностью, достойной его преподобия мистера Стиггинса. Но напрасно он хнычет — он не обманет ирландский народ.

Мы повторяем: билль — поворная мера, достойная *Кестльри*; эта мера обрушит проклятия всех свободных наций на голову тех, кто ее выдумал, и на тех, кто ее санкционирует и одобряет. Наконец, это — мера, которая покроет вполне заслуженным повором министерство Гладстона и приведет, мы искренно надеемся на это, к его скорому падению. Как только может министр-демагог г. Брайт молчать хотя бы в течение самого короткого срока?

Мы без колебаний заявляем, что г. Гладстон показал себя самым остервенелым врагом и самым безжалостным из властителей, которые когда-либо душили Ирландию со времени гнусного *Кестльри*.

Хотя чаша министерского повора и без того была полна до краев, но в четверг вечером, — в тот самый вечер, когда был внесен *Coercion Bill*, — в палате общин было сообщено, что Борк и другие заключенные фении доведены на английской каторге пытками до сумасшествия; однако даже перед лицом этого страшного факта Гладстон и его шакал Брюс громко утверждали, что с политическими арестантами обращаются со всем возможным вниманием. Когда г. Мур объявил в палате общин об этом влвешем факте, его на каждом слове прерывали взрывами

грубого хохота. Какой крик негодования поднялся бы у нас, если бы подобная отвратительная и возмутительная сцена произошла в американском конгрессе!

«*Reynolds's Newspaper*», «*Times*», «*Daily News*», «*Pall-Mall*», «*Telegraph*» и пр. все еще продолжают приветствовать *Coercion Bill* диким радостным ревом; особенный восторг вызывают меры, направленные к уничтожению ирландской прессы. И это происходит в Англии, в этом признанном святилище прессы! Но в конце концов нельзя же слишком многого требовать от всех этих новоявленных писателей. Как не признать, что им было невозможно видеть, как «*Irishman*» каждую субботу разрывал ткань лжи и клеветы, над которой эти Пенелопы трудились в поте лица в течение шести дней в неделю; как не признать вполне естественными неистовые аплодисменты, которыми они награждали полицию, только что сковавшую руки их страшного врага. Эти молодцы, по крайней мере, сами знают себе цену.

Между Брюсом и Мак-Карти Даунингом¹ завязалась характерная переписка о полковнике Ричарде Борке. Прежде чем представить вам эти письма, я замечу мимоходом, что г. Даунинг — ирландский депутат палаты общин.

Этот честолюбивый адвокат вступил в министерскую фалангу с возвышенной целью сделать карьеру. Следовательно, мы здесь имеем дело не с каким-нибудь подозрительным свидетелем.

* * *

22 февраля 1870 г.

Милостивый государь!

Если меня информировали правильно, Ричард Борк, один из заключенных фениев, содержавшийся прежде в Чатамской тюрьме, был переведен в Уокинг в состоянии умопомешательства. В марте 1869 г. я ввлял на себя смелость обратиться Ваше внимание на его болезненное состояние, и в июле того же года г. Блэк, бывший член парламента от Уотерфорда, и я сообщили Вам наше мнение, что в случае, если режим, которому он подвергается, не будет изменен, то следует опасаться самых тяжелых последствий. На это письмо я не получил ответа. Когда я писал Вам, я исходил из соображений гуманности, из надежды добиться освобождения Борка, чтобы его семья получила утешительную возможность помочь ему и облегчить его страдания. В моем распоряжении имеется письмо, написанное этим заключенным 3 декабря своему брату; он пишет, что его систематически *отравляли*; это, по моему мнению, была одна из фаз его болезни. Искренно надеюсь, что добрые чувства, которые Вам свойственны, побудят Вас удовлетворить эту просьбу.

Примите и пр.

М.-Карти Даунинг.

Министерство внутренних дел.

25 февраля 1870 г.

Милостивый государь!

Ричард Борк был переведен из Чатама в связи с его фантазией, будто он подвергается отравлению или жестокому обращению со стороны медицинского персонала тюрьмы. Вместе с тем, хотя у него не было какой-либо определенной болезни, его здоровье ухудшилось. Поэтому я распорядился перевести его в Нокинг и поручил осмотреть его доктору Мейеру из Бродмурской больницы для душевнобольных; последний был того мнения, что мания Борка исчезнет вместе

¹ Во французском тексте ошибочно напечатано «*Doroning*» вместо «*Downing*». *Ред.*

с улучшением его здоровья. Его здоровье быстро улучшилось, и обыкновенный наблюдатель не заметил бы его психической ненормальности. Я очень хотел бы иметь возможность подать Вам надежду на его скорое освобождение, но сделать этого не могу. Преступление Борка и последствия, которые имела попытка его освобождения, слишком серьезны, чтобы я мог внушать подобные надежды. А пока будет сделано все, что могут сделать наука и хорошее обращение, чтобы вернуть ему умственное и физическое здоровье.

Г. О. Брюс.

28 февраля 1870 г.

Милостивый государь!

Получив Ваше письмо от 25 февраля в ответ на мою просьбу о том, чтобы Борк был отдан на попечение своего брата, я надеялся найти случай переговорить с Вами по этому поводу в палате общин, но Вы были так заняты в четверг и пятницу, что о свидании с Вами не могло быть и речи. Я получил письма от друзей Борка. Они с тревогой ожидают исхода моей просьбы. Я еще не сообщил им, что она не имела успеха. Прежде чем разочаровать их, я считаю себя «в праве» написать Вам еще раз по этому поводу. Мне кажется, что я могу позволить себе, как человек, всегда и притом не без некоторой опасности для себя осуждавший фенианство, дать правительству беспристрастный и дружеский совет.

Без всякого колебания я заявляю, что освобождение политического заключенного, впавшего в умопомешательство, не вызовет критики, а тем более осуждения со стороны общественности. В Ирландии скажут: «Что же, правительство вовсе не так жестоко, как мы думали». С другой стороны, если Борк останется в тюрьме, это даст национальной прессе новый материал для нападок против правительства; его будут выставить более жестоким, чем были неаполитанские правители в их худшие времена, и, признаюсь, я не могу себе представить, каким образом люди умеренных убеждений могли бы защищать акт отказа в подобном случае...

М.-Карти Даунинга.

Милостивый государь!

Сожалеею, что не могу просить об освобождении Борка.

Это правда, что у него обнаружили симптомы умопомешательства и что в обычном деле я считал бы себя «в праве» возбудить ходатайство перед короной о помиловании. Но его дело не принадлежит к числу обычных, так как он не только был самым закоренелым заговорщиком, но его участие в кларкенуэлском взрыве, который в случае успеха имел бы еще более бедственные последствия, чем это было в действительности, делает его «не подлежащим помилованию» (*improper recipient of pardon*).

Г. О. Брюс.

• • •

Что за беспримерная подлость! Брюс прекрасно знает, что если бы во время процесса по делу о кларкенуэлском покушении имелась хотя бы тень подозрения против полковника Борка, то последний был бы повешен вместе с Барретом; последний был приговорен к смерти на основании показаний человека, перед этим ложно уклавшего на трех других людей как на виновников этого преступления, причем не было принято во внимание свидетельство восьми граждан, специально приехавших из Глазго, чтобы подтвердить, что Баррет, когда произошел взрыв, находился там. Англичане не стесняются (г. Брюс может подтвердить это фактами), когда дело идет о том, чтобы повесить человека, в особенности фения.

Но все эти бесчисленные жестокости не в состоянии сломить неукротимый дух ирландцев. Они только что праздновали в Дублине — более демонстративно, чем когда-либо, — свой национальный праздник св. Патрика. Дома были декорированы знаменами, на которых красовались слова: «Ирландия для ирландцев», «Свобода», «Да здравствуют политические заключенные!», — и воздух был полон звуками национальных песен и *марсельезы*.

Написано Жемми Маркс на французском языке.

*Напечатано в «La Marseillaise» № 99
от 29 марта 1870 г.*

За подписью: Дж. Вильямс.

Шестая статья.

Аграрные преступления в Ирландии.

Лондон, 2 апреля 1870 г.

В Ирландии ограбление, даже истребление земледельца и его семьи лэндлордом именуется правом собственности, тогда как восстание отчаявшегося земледельца против своего безжалостного палача называется аграрным преступлением. Эти аграрные преступления (agrarian outrages) — весьма редкие, но умноженные до бесконечности и преувеличенные в калейдоскопе английской прессы, действующей по приказу свыше, — послужили, как Вам известно, предлогом к воскрешению в Ирландии режима белого террора. С другой стороны, этот террористический режим дает собственникам возможность безнаказанно усиливать свой гнет.

Я уже писал Вам, что Land Bill [земельный билль] под предлогом помощи земледельцам укрепляет лэндлордизм. Тем не менее, чтобы пустить пыль в глаза и очистить свою совесть, Гладстон был вынужден санкционировать это новое продление существующих в сельском хозяйстве деспотических порядков лишь под условием выполнения некоторых юридических формальностей. Достаточно сказать, что в дальнейшем, как и раньше, произвол *лэндлорда* будет иметь силу закона, если он сумеет навязать своим годовым арендаторам (tenants at will) фантастическую арендную плату, которую нельзя выплатить, или, в случае сдачи земли на договорных началах, заставит своих фермеров подписывать договора о добровольном рабстве!

И как же ликуют помещики! Дублинская газета «*The Freeman*» печатает письмо священника П. Левеля, автора «*Irish Landlord since the Revolution*» [«Ирландский помещик после революции»], в котором он говорит: «Я видел целые горы писем, адресованных арендаторам их лэндлордом, бравым капитаном, «absentee»¹, живущим в Англии; в этих письмах он уведомляет их, что впредь их арендная плата повышается на 25%. Это равносильно объявлению о выселении! И это исходит от человека, оказывающего земле лишь ту услугу, что он из года в год съедает ее плоды!»

С другой стороны, «*Irishman*» публикует новые арендные договора, продиктованные лордом Дэфферинном, членом гладстоновского кабинета, который инспирировал Land Bill [земельный билль] и внес Coercion Bill [билль об отмене конституционных свобод] в палату лордов. Прибавьте к наглости феодала хищ-

¹ Ирландские абсентеисты (absentees) — крупные землевладельцы, прокучивавшие свои доходы вне страны, жившие почти непрерывно вне своих поместий («absentee» — значит «отсутствующий»). *Ред.*

ный расчет опытного ростовщика и подлое крючкотворство адвокатишки — и Вы получите приблизительное представление о новых арендных договорах, изобретенных этим благородным Дэфферином!

Легко понять теперь, что режим террора пришелся весьма кстати для введения режима *Land Bill*'а [земельного билля]! Предположите, например, что в каком-нибудь из графств Ирландии фермеры либо отказываются допустить повышение арендной платы на 25%, либо не желают подписать *дэффериновский* арендный договор! В таком случае лэндлорды графства, как это уже неоднократно бывало, заставят своего лакея или каких-нибудь полицейских послать им, лэндлордам, анонимные письма с угрозами. Ведь это уже и составляет «аграрное преступление». Лэндлорды донесут об этом факте вице-королю лорду Спенсеру. Лорд Спенсер объявит округ подлежащим действию *Coercion Act* [закон об отмене конституционных свобод], после чего те же лэндлорды, в качестве официальных представителей власти, приведут его в действие против своих собственных фермеров!

А неосторожные журналисты, которые поднимут протест, не только подвергнутся преследованию за мятеж, но у них еще будет конфисковано все типографское оборудование без какой бы то ни было юридической процедуры!

Теперь, пожалуй, не трудно будет понять, почему глава вашей исполнительной власти повдравил Гладстона с реформами, которые он ввел в Ирландии, и почему Гладстон вернул комплимент, повдравив вашу исполнительную власть с ее конституционными уступками. «Роланд за Оливье!» — скажут ваши читатели, знакомые с Шекспиром, но другие, более искушенные в чтении *«Moniteur»*, чем Шекспира, вспомнят о письме, посланном главой вашей исполнительной власти покойному лорду Пальмерстону; в этом письме были следующие слова: «Не будем действовать, как жулики!» («N'agissons pas en larrons!»)

Теперь я возвращаюсь к вопросу о политических заключенных — и возвращаюсь не без причины.

В Англии первое письмо Россы, напечатанное в *«La Marseillaise»*, произвело большой эффект; следствием его явится расследование.

В Соединенных Штатах все газеты опубликовали следующее сообщение: *«La Marseillaise»* утверждает, что О'Донована-Россу раз в сутки раздевают донага и обыскивают, что его морят голодом, что его сажают в темный карцер, что его запрягают в тележку, что смерть его товарищей вызвана холодом, в котором их держали. *Нью-иоркский* корреспондент *«Irishman»* сообщает: *«La Marseillaise»* Рошфора открыла глава американскому народу на страдания заключенных фениев. Мы обяваны *«La Marseillaise»* долгом признательности, который, я надеюсь, будет вскоре оплачен.

Немецкие газеты также перепечатали письмо Россы.

Отныне английское правительство уже не сможет совершать свои подлости среди всеобщего молчания. Напрасно г. Гладстон будет стараться заткнуть рот ирландской прессе; от этого он ничего не выиграет. На смену одному журналисту, посаженному в тюрьму в Ирландии, явится сотня журналистов во Франции, в Германии, в Америке.

Что может сделать г. Гладстон, с его ограниченной и отсталой политикой, против международного духа XIX века?

Написано Женни Маркс на французском языке.

*Напечатано в «La Marseillaise» № 113
от 13 апреля 1870 г.*

За подписью: Дж. Вильямс.

Седьмая статья.

Смерть Джона Линча.

Гражданин редактор!

Препровождаю Вам выдержки из письма, адресованного в «*Irishman*» одним ирландским политическим заключенным во время его пребывания на каторге в Австралии (теперь он на свободе).

Я ограничусь передачей эпивода с Джоном Линчем.

Письмо Джона Кэйси.

«Вот краткий и беспристрастный отчет о том обращении, которому подвергались мы, мои собратья по ссылке (в числе 24 человек) и я, во время нашего заточения в этой мрачной яме, в этой живой могиле, которая называется Портландской тюрьмой.

«Прежде всего я считаю своим долгом отдать дань уважения и справедливости памяти моего друга Джона Линча, который был осужден чрезвычайным трибуналом в декабре 1865 г. и умер в тюрьме Уокинг в апреле 1866 г.

«Какими бы причинами судебные власти ни объясняли его смерть, я утверждаю — и могу представить доказательства, — что смерть его была ускорена жестокостью тюремщиков.

«Быть заключенным в течение 23 часов из 24, среди вьмы, в холодной камере; быть плохо одетым; спать на голых досках, имея вместо подушки полено и два изношенных одеяла, весом приблизительно в десять фунтов, в качестве единственной защиты от убийственного холода; не иметь даже возможности, вследствие беспримерной, утонченной жестокости тюремщиков, прикрыть мерзнувшее тело своим платьем, которое нас заставляли класть на пороге нашей камеры; питаться нездоровой и скудной пищей; для моциона иметь лишь одну сорокапятиминутную прогулку в сутки в клетке длиной около 20 футов при 6 футах ширины и предназначенной для самых подлых негодяев, — такие муки и лишения должны сломить и железный организм. Не приходится удивляться, что такой хрупкий человек, каким был Линч, почти немедленно изнемог.

«По прибытии в тюрьму Линч попросил позволения оставить на себе свое теплое белье. Ему было грубо отказано в этой просьбе. «Если вы мне отказываете, то больше трех месяцев я не проживу», — заявил он тогда. Я и не подозревал, что это станет пророчеством; я не представлял себе, что Ирландия скоро потеряет одного из самых преданных, самых пылких и самых благородных своих сынов, что мне предстоит потерять испытанного друга.

«В начале марта я заметил, что у моего друга чрезвычайно болезненный вид; и вот однажды, воспользовавшись кратковременным отсутствием тюремщика, я спросил его о состоянии здоровья. Он мне ответил, что он чахнет, что он несколько раз обращался к врачу, но тот не обратил никакого внимания на его жалобы. Кашлял он так сильно, что, хотя я находился в очень отдаленной от него камере, я днем и ночью слышал этот кашель, отдававшийся в пустынных коридорах. Сам тюремщик сказал мне: «Скоро номера 7-го не будет в тюрьме; еще месяц тому назад он должен был бы находиться в больнице. Я много раз видел там обыкновенных арестантов, во сто раз здоровее его».

«Однажды, в апреле, я увидел из своей камеры какой-то призрак со смертельно бледным лицом, с потухшими глазами, с свалившимися щеками; он с тру-

дом передвигался, опираясь на решетки, чтобы не упасть. Это был Линч. Я не узнавал его, пока он не взглянул на меня, улыбаясь и показывая на землю, словно желая сказать: «Со мной — дело конченное».

«Это была моя последняя встреча с Линчем».

То же самое сообщает о Линче и Росса, и его показание подтверждает Кэйси. Не следует забывать, что Росса писал свое письмо в тюрьме в Англии, тогда как Кэйси писал в каторжной колонии в Австралии; следовательно, какие бы то ни было сношения между ними были невозможны. И все же правительство недавно уверяло, что утверждения Россы — ложь. Брюс, Поллок и Нонкс заявляют даже, что «теплое белье было выдано Линчу даже прежде, чем он попросил об этом».

С другой стороны, г. Кэйси утверждает столь же решительно, как решительно отрицает г. Брюс, что Линч жаловался на то, что «даже тогда, когда он не в силах был ходить и был вынужден оставаться в страшном уединении своей камеры, в его просьбе было отказано».

Но, — как сказал г. Лорие в своей прекрасной речи, — «оставим в стороне показания людей и заставим говорить свидетелей, которые не лгут, немых свидетелей». Ведь это — факт, что Линч вошел в Пэнтонвильскую тюрьму во цвете лет, полный жизни и надежд, и что три месяца спустя этот молодой человек стал трупом.

Пока гг. Гладстон, Брюс и сонмище его полицейских не докажут, что Линч не мертв, они напрасно будут терять время на клятвы.

Написано Женни Маркс на французском языке.

Напечатано в «La Marseillaise» № 118

от 17 апреля 1870 г.

За подписью: Дж. Вильямс.

Восьмая статья.

Письма из Англии.

Лондон, 19 апреля 1870 г.

«Не пускать в политику попов» — таков клич, раздающийся в настоящее время по всей Ирландии.

Великая партия, которая со времени «*disestablishment*» [отделения от государства] протестантской церкви всеми силами противилась деспотизму католической церкви, растет со дня на день с изумительной быстротой и только что на-голову разбила духовенство.

На выборах в Лонгфорде г. Гревилль Ньюджент, кандидат духовенства, вял верх над кандидатом народа Джоном Мартином; но националисты опротестовали его избрание ввиду незаконных приемов, которыми оно было достигнуто, и они победили своих противников. Выборы Ньюджента были кассированы судьей Фитцджеральдом, который объявил агентов Ньюджента, т. е. попов, виновными в том, что они подкупали избирателей, наводняя страну — не святым, а винным духом. Повидимому, за один только месяц, с 1 декабря по 1 января, предподобные отцы израсходовали 3 500 фунтов стерлингов на водку!

«*Standard*» позволяет себе довольно любопытные замечания по поводу лонгфордских выборов. «За свое превращение к поповским застрашиваниям, — говорит орган «глупой партии», — националисты заслуживают похвал»...

«Одержанная ими большая победа побудит их выставить новых кандидатов против г. Гладстона и его католических союзников».

«Times» пишет: «Все средства, которыми только располагает церковная власть, начиная с римских указов и кончая темными интригами сельских попов, пушены в ход против фенианства и националистов. К несчастью, этот пыл не сопровождался благоразумием и будет иметь своим результатом вторую Лонгфордскую битву».

«Times» прав. Битва в Лонгфорде возобновится, за нею последуют битвы в Уотерфорде, Мэллоу и Типперери, так как националисты и этих трех провинций подали петиции о кассировании выборов официальных депутатов. В Типперери первоначально был избран О'Донован-Росса, но так как парламент объявил его избрание недействительным, то националисты выдвинули на его место Кикхэма, одного из фенианских патриотов, только что освободившегося из английской каторжной тюрьмы. В настоящее время избиратели, подавшие голоса за Кикхэма, утверждают, что их кандидат был избран правильно, хотя кандидат Герон получил больше на четыре голоса.

Вы должны знать, что один из четырех избирателей, подавших голоса за Герона, — несчастный *маньяк*, приведенный к избирательной урне преподающим отцом; вам известна слабость попов к нищим духом, ибо их есть царствие небесное. Второй избиратель — *трун!* Да, почтенная и умеренная партия осмелилась осквернить имя человека, скончавшегося за две недели до выборов, заставив его голосовать за гладстоновца. Кроме того, избиратели-патриоты заявляют, что 11 их голосов признаны недействительными потому, что первая буква имени Кикхэма написана неравборчиво, что их телеграммы уничтожались, что власти подкупали направо и налево и что практиковалась гнусная система застраживания.

Давление, оказанное на избирателей в Типперери, является неслыханным даже в истории Ирландии. Судебный пристав и полицейский, эти олицетворения исполнительных листов на выселение, осаждали лачуги арендаторов, чтобы запугать их женщин и детей. Бараны, в которых должны были происходить выборы, были окружены полицией, солдатами, чиновниками, помещиками и попами.

Эти последние избивали камнями людей, расклеивавших воззвания Кикхэма. Чтобы вконец запугать избирателей, в самом баране поместили ростовщика, который пожирал главами своего несчастного должника, когда тот голосовал. Но правительство ничего от этого не выиграло. 1668 мелких арендаторов не побоялись открыто (тайна голосования не охранялась) отдать свои голоса Кикхэму!

Этот акт мужества напоминает героическую борьбу поляков.

После битв, разыгравшихся в Лонгфорде, Мэллоу, Уотерфорде и Типперери, пусть посмеет кто-нибудь сказать, что ирландцы — жалкие рабы поповщины.

Написано Женни Маркс на французском языке.

Напечатано в «La Marseillaise» № 125

от 24 апреля 1870 г.

За подписью: Дж. Вильямс.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — РОМАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ¹.

Лондон, 29 июня 1870 г.

Принимая во внимание:

что хотя новый Романский федеральный комитет был избран на конгрессе в Шо-де-Фон большинством голосов, это большинство было только номинальным;

что так как Романский федеральный комитет в Женеве всегда выполнял свои обязательства по отношению к Генеральному совету и к Международному товариществу рабочих и всегда действовал в соответствии с уставом Товарищества, Генеральный совет не имеет права лишить этот комитет его названия, —

Генеральный совет, на заседании 26 июня 1870 г., единогласно постановил, что Романский федеральный комитет, имеющий местопребывание в Женеве, сохранит свое название, и что федеральный комитет, имеющий местопребывание в Шо-де-Фон, изберет любое название, которое найдет для себя подходящим.

От имени и по поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих

Г. Юнг,
секретарь для Швейцарии.

Напечатано в «Le Mirabeau» № 53
от 24 июля 1870 г.

¹ По своему содержанию настоящее письмо совпадает с предложением, сформулированным Марксом на заседании Генерального совета 28 июня 1870 г. *Ред.*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

- Агосса, Дж.* (Agossa) — итальянец, член I Интернационала, в мае—июне 1870 член Генерального совета, секретарь-корреспондент для Италии — 379.
- Александр I* (1777—1825) — русский император (1801—1825) — 191, 192.
- Александр Гессен - Дармштадтский*, принц (Alexander prinz von Hessen) (1823—1888) — австрийский генерал, в 1866 командующий немецким союзным корпусом — 176, 185.
- Альдрованди* (Aldrovandi) — итальянец, член «Итальянской рабочей ассоциации совместного прогресса» в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865 — 16, 22.

Б.

- Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — 355, 356, 357, 358, 365, 366, 367.
- Бандя, Янош* (Bangya) (1817—1868) — венгерский журналист, полковник венгерской революционной армии в 1848—1849, в эмиграции доверенное лицо Кошута и одновременно шпион австрийской, французской и прусской полиции, впоследствии полковник и начальник полиции на турецкой службе — 86, 87.
- Баньягатти, Г. Д.* (Bagnagatti) — итальянец, секретарь «Итальянской рабочей ассоциации совместного прогресса» в Лондоне, сторонник Мадзини, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865 — 22.
- Бара, Жюль* (Bara) (1835—1900) — бельгийский министр юстиции в 1865 — 1870 и 1878—1884, либерал — 276.
- Баррет, Майкл* (Barret) (1841—1868) — ирландский фений, казнен в 1868 — 424.
- Барри, Джордж* (Barry), он же Ричард Борк (Burke) и Эдуард Уинслоу (Winslow) (род. в 1833) — ирландский фений, полковник в американской армии, в декабре 1865 возвратился в Ирландию, привлекался по делу о взрыве тюрьмы в декабре 1867, был приговорен к 10 годам тюремного заключения — 406, 413, 417, 419, 420, 422, 423, 424.
- Барри* (Barry) — сестра ирландского фения Барри — 417.
- Бартон, Джон* (Barton) — английский буржуазный экономист конца XVIII и начала XIX ст. — 146.
- Бастиа, Фредерик* (Bastiat) (1801—1850) — французский вульгарный экономист, защитник идей экономического либерализма, проповедник «гармонии» интересов труда и капитала — 28, 29, 89, 214, 269, 270.
- Бауэр, Эдгар* (Bauer) (1820—1886) — публицист, младогегельянец, брат Бруно Бауэра; после революции 1848 эмигрировал в Лондон, в 1859 редактор лондонской «Neue Zeit», возвратился в Германию после амнистии 1861 — 286.
- Беккер, Бернгард* (Becker) (1826—1882) — немецкий публицист, участник баденского восстания в 1849, позже эмигрант в Лондоне, возвратился в Германию в 60-х годах, примыкал к лассальянцам и по завещанию Лассалья был назначен председателем «Всеобщего германского рабочего союза» (1864—1865), позднее примкнул к эйзенахцам, в 1868 выступил с сенсационными «Разоблачениями о трагической кончине Ф. Лассалья», в 1872 делегат Гаагского конгресса I Интернационала — 86, 87, 88, 89, 90, 283.
- Беккер, Иоганн Филипп* (Becker) (1809—1886) — немецкий рабочий-щеточник, участник демократического движения 30-х годов в Германии и Швейцарии, в 1848—1849 участник революции в Германии, один из военных руководителей баденско-пфальцского вос-

- стания, затем эмигрант в Швейцарии, с 1864 член Интернационала, до 1869 руководил немецкой секцией Интернационала, в 1866—1871 редактор «Vorboten», участник Лондонской конференции (1865) и всех конгрессов Интернационала; несмотря на значительные колебания, в основном проводил линию Маркса и Генерального совета — 88, 350, 356, 357, 365, 397, 399.
- Бекли, Джеймс** (Buckley) — английский рабочий-маляр, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1869, член «Лиги реформы» — 16, 22, 94, 285, 310.
- Белюз, Жан Пьер** (Beluze) (1821—1908) — французский рабочий-краснодеревщик, в 1848—1863 один из пропагандистов идей Кабэ во Франции, основатель и директор «Société du Crédit au Travail», один из основателей газеты «L'Association», член I Интернационала, находился под влиянием мелкобуржуазных республиканцев, после 1868 отошел от рабочего движения — 398.
- Бем, Иосиф** (Bem) (1794—1850) — генерал польской революционной армии в 1830, руководитель обороны революционной Вены в 1848, генерал венгерской революционной армии в 1849, позже губернатор Алеппо (в Турции) под именем Амурат-Паши — 191.
- Бенедек, Людвиг** (Benedek) (1804—1881) — австрийский генерал, командующий австрийской северной армией во время австро-прусской войны 1866 — 169, 171, 175, 180, 182, 183, 185, 186, 187, 188.
- Берви, Василий Васильевич** (псевдоним — Флеровский) (1829—1918) — русский публицист-народник, автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869) — 353, 354.
- Бергер** (Berger) — член «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне — 391.
- Бернар, П.** (Bernard) — бельгийский рабочий-маляр, член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Бельгии в 1868—1869 — 292, 308, 311.
- Бессон, Александр** (Besson) — французский рабочий-слесарь, эмигрант в Лондоне, член комитета якобинско-бланкистской организации «Comité Révolutionnaire», член Генерального совета I Интернационала в 1866—1867, секретарь-корреспондент для Бельгии, один из руководителей французской секции в Лондоне, ведшей клеветническую кампанию против Генерального совета — 262, 404.
- Билльс, Эдмонд** (Beales) (1803—1881) — английский юрист, буржуазный радикал, «фактический посредник между рабочими и буржуазией» (Маркс), председатель «Национальной лиги независимости Польши» (1863), активный деятель движения за избирательную реформу — 91.
- Бискамп, Элард** (Biskamp) — немецкий публицист, демократ, соредaktor журнала «Hornisse» в 1848—1849, позднее эмигрант в Лондоне — 286.
- Бисмарк, Отто** (1815—1898) — 59, 71, 169, 223, 279, 280, 328, 397.
- Блекмор, Эдуард** (Blackmore) — английский рабочий-булочник, в начале 60-х годов член Лондонского совета тред-юнионов, член Генерального совета I Интернационала в 1864, член «Лиги реформы» — 16, 22.
- Блинд, Карл** (Blind) (1826—1907) — немецкий демократ, журналист, участник революции 1848—1849, затем один из вождей мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, позднее национал-либерал — 17, 18, 19, 20.
- Блэк, Дэйсон** (Blake) — член парламента от Уотфорда (Ирландия) в 1859—1868, либерал — 423.
- Блэквуд, Фредерик Темпл** (Blackwood), маркиз Дефферин и Ава (1826—1902) — английский политический деятель, товарищ министра по делам Индии (1864—1866), товарищ военного министра (1866), вице-король Индии (1884—1888), автор книги «Mr. Mill's Plan for the Pacification of Ireland Examined» (1868) — 421, 425, 426.
- Блюхер, Гебхард** (Blücher), князь Вальштадтский (1742—1819) — прусский фельдмаршал во время кампании 1815—1819.
- Бокке, Жан Батист** (Bocquet) (1818—1900) — французский учитель, республиканец, друг Герцена, участник революции 1848 во Франции, затем эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, участник Парижской коммуны, позже радикал — 16, 22.
- Боллетер, Генрих** (Bolleter) — владелец «локала» (помещения) лондонского «Немецкого рабочего просветительного союза», член комитета этого союза, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865 — 16, 22, 94, 391.
- Бора Л. Джуованни** (Bora) — член Ге-

- нерального совета I Интернационала в 1870, секретарь-корреспондент для Италии — 379.
- Бордаж** (Bordage) — француз, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1866, на Лондонской конференции 1865 голосовал вместе с прудонистами — 16, 22, 94.
- Борк, Ричард** (Burke) — см. Барри, Джордж.
- Борк, Ричард Саутуэлл** (Bourke), граф Майо (1822—1872) — секретарь для Ирландии в 1852, 1858, 1866—1868, вице-король Индии с 1869, консерватор — 407, 420.
- Борк, Томас** (Burke) — генерал — 406.
- Боркейм, Сигизмунд Людвиг** (Borkeim) (1826—1885) — немецкий демократ, участник революции 1848—1849, позднее эмигрант в Швейцарии и Англии, коммерсант и публицист — 87.
- Брайт, Джон** (Bright) (1811—1889) — английский фабрикант, либерал, «буржуазный демагог» (Маркс), один из вождей фритредерского движения, основатель «Лиги борьбы против хлебных законов», министр торговли в министерстве Гладстона (1868—1870) — 372, 406, 422.
- Брейдтшвердт** (Breidtschwerdt) (псевдоним — Отто Л.) (1836—1890) — немецкий журналист, в 1864 член Генерального совета I Интернационала — 16.
- Бриссо, Жак Пьер** (Brissot) (1754—1793) — один из вождей жирондистов во время французской буржуазной революции XVIII в. — 25.
- Броннер, Эдуард** (Bronner) — врач, баденский демократ, эмигрант в Бредфорде — 18.
- Брюс, Генри Остин** (Bruce) (1815—1895) — английский либерал, министр внутренних дел в 1869—1873 — 333, 406, 417, 419, 421, 422, 423, 424, 428.
- Бун, Мартин Джеймс** (Boon) — английский механик, сторонник чартиста О'Брайена, почетный секретарь и вице-председатель «Лиги земли и труда», член Генерального совета I Интернационала в 1869—1872, член английского Федерального совета — 310.
- Бутт, Исаак** (Butt) (1813—1879) — ирландский юрист и политический деятель, член английского парламента (1852—1865 и 1871—1879), защитник фениев в 1865—1869 — 338.
- Бутс, Джон Уилькс** (Booth) (1839—1865) — американский актер, убийца президента США А. Линкольна, сторонник южан во время гражданской войны в Америке — 93.

В.

- Вальтье А.** (Valtier) — член Генерального совета I Интернационала в 1865 — 94.
- Варлен, Луи Эжен** (Varlin) (1839—1871) — видный деятель французского рабочего движения 60-х годов, рабочий-переплетчик, прудонист-коллективист, участник профессионального движения в Париже, подписал «Манифест 60-ти», один из организаторов секций I Интернационала во Франции, делегат Лондонской конференции (1865), Женевского (1866) и Базельского (1869) конгрессов, участник второго процесса I Интернационала в Париже, член Коммуны, сторонник «меньшинства», расстрелян версальскими войсками 28 мая 1871 — 398.
- Везинье, Пьер** (Vesinier) (1826—1902) — французский журналист, республиканец, с 1851 эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1865—1866, делегат на Лондонской конференции 1865; в конце 1865 вместе с Ле Любе организовал «Французскую секцию» Интернационала в Лондоне, боровшуюся против Генерального совета, организатор клеветнической кампании против Маркса и Генерального совета, в 1866 г. был исключен из Генерального совета, а в 1868 г. Комиссией Брюссельского конгресса — из рядов Интернационала — 395.
- Вейдемейер, Иосиф** (Weydemeyer) (1818—1866) — прусский офицер, затем журналист, член «Союза коммунистов», участник революции 1848, в 1851 эмигрировал в Америку, где издавал журнал «Revolution» (1852), один из основателей «Немецкого рабочего союза» в Нью-Йорке, участник гражданской войны на стороне северян, член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса — 19, 20, 312.
- Веллингтон, Артур** (Wellington), герцог (1769—1852) — английский фельдмаршал, главнокомандующий в период наполеоновских войн, консерватор, премьер-министр (1828—1830, 1832 и 1834) — 393.
- Венкхейм, Бела, фон** (Wenkheim) (1811 — 1879) — венгерский министр

внутренних дел в 1867—1869, либерал — 332.

Вестфален, Женни — см. Маркс, Женни.

Вестфален, Людвиг, фон (Westphalen) (1770—1842) — отец Женни Маркс, прусский регистратор в Трире в 1816—1835 — 318.

Вестфален, Фердинанд (Westphalen) (1799—1876) — сводный брат Женни Вестфален, прусский министр внутренних дел в реакционном министерстве Мантейфеля в 1850—1858 — 318.

Вие, Иоганн Фридрих (Wiehe) — наборщик в типографии Холлингера в Лондоне — 18, 19.

Виктор-Эммануил II (1820—1878) — король Сардинии и Пьемонта с 1849, король объединенной Италии с 1861 — 177, 178.

Виктория I (1819—1901) — английская королева (1837—1901) — 416.

Вильгельм I (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888) — 168, 182.

Вильерс, Джордж Вильям (Villiers), граф Кларендон (1800—1870) — английский министр иностранных дел в 1853—1858, 1865—1866 и 1869—1870, либерал — 287, 288.

Вильямс, Джс. — см. Маркс, Женни.

Вильямс (Williams) — член Генерального совета I Интернационала в 1866—1867 — 285.

Виндшгрец, Альфред (Windischgrätz) (1787—1862), князь, австрийский фельдмаршал, крайний реакционер, в июне 1848 подавил восстание в Праге, в октябре 1848 взял штурмом революционную Вену, руководил борьбой против венгерской революционной армии в 1848—1849 — 192.

Вирт, Макс (Wirth) (1822—1900) — немецкий вульгарный экономист, сторонник Кэри — 218.

Вольтер, Франсуа Мари Аруэ, де (1694—1778) — 30, 159, 160.

Вольф (Wolff) — немец из Люксембурга, член Генерального совета I Интернационала в 1864 — 16, 22.

Вольф, Людвиг (Wolff) — адъютант Гарибальди, сторонник Мадзини, участник революции 1848—1849 в Италии, член «Итальянской рабочей ассоциации совместного прогресса» в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, делегат на Лондонской конференции Интернационала в 1865, впоследствии оказался бонапартистским шпионом — 46, 22, 391, 395, 398.

Г.

Габленц, Людвиг (Gablentz), барон, фон (1814—1874) — австрийский генерал, во время войны 1866 командовал 10-м корпусом — 187.

Ганзemann, Давид (Hansemann) (1790—1864) — рейнский банкир, автор ряда книг по экономическим и конституционным вопросам, прусский министр финансов в марте—июне 1848, возглавлял прусский совет министров в июне—сентябре 1848, либерал — 298.

Гарибальди, Джузеппе (1807—1882) — 405.

Гаррис, Джордж (Harris) — английский рабочий-маляр, последователь чаргиста О'Брайена, член Генерального совета I Интернационала в 1869—1872 — 379.

Гасорн-Харди, Гасорн (Gathorne-Hardy), граф Кранбрук (1814—1906) — английский министр внутренних дел в 1867—1868 — 261.

Гатцфельд, София (Hatzfeldt), графиня (1805—1881) — друг и сторонница Лассалля — 80, 88, 283.

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 23, 258, 317.

Гейб, Август (Geib) (1842—1879) — книготорговец в Гамбурге, первоначально лассальянец, в 1869 один из основателей «Социал-демократической рабочей партии Германии», в 1874 — 1876 член рейхстага — 268.

Гейдт, Август, фон дер (Heydt von der), барон (1801—1874) — прусский министр финансов в 1862 и 1866—1869 — 267.

Гельвеций, Клод Адриен (Helvétius) (1715—1771) — французский философ-материалист — 28.

Герварт фон-Биттенфельд, Карл Эберхард (Herwarth von Bittenfeld) (1796—1884) — прусский генерал, во время войны 1866 командовал Эльбской армией — 183, 186, 187.

Гервег, Георг (Herwegh) (1817—1875) — немецкий революционный поэт, демократ, с 1843 эмигрант в Швейцарии и Франции, в 60-х годах примкнул к Лассалю — 79.

Герлах, Георг Даниель (Gerlache) (1798—1865) — датский генерал-лейтенант, во время войны 1864 командовал 1-й дивизией — 392.

Герон, Дени Колфилд (Heron) (1824—1881) — ирландский профессор политической экономии, член парламента в 1870, либерал — 429.

- Герцен, Александр Иванович* (1812—1870) — 366.
- Гизо, Франсуа Пьер Гильом* (Guizot) (1787—1874) — французский государственный деятель и историк, связанный с крупной финансовой буржуазией; министр внутренних дел (1830—1831), просвещения (1832—1837), иностранных дел (1840—1848) и премьер (1847—1848) — 318.
- Гильом, Жюзеф* (Guillaume) (1844—1917) — швейцарский учитель, анархист, основатель секции I Интернационала в Локле (1866), участник Женевского (1866), Лозаннского (1867), Базельского (1869) и Гаагского (1872) конгрессов I Интернационала, один из руководителей бакунистского тайного Альянса, редактор газет «*Progress*» и «*Solidarité*», редактор «*Bulletin de la Fédération Jurassienne*», на Гаагском конгрессе (1872) был исключен из Интернационала, после чего стал одним из вождей анархистского Интернационала, автор четырехтомной анархистской истории I Интернационала, в 1914—1917 социал-патриот — 357, 358.
- Гириш, Макс* (Hirsch) (1832—1905) — немецкий экономист, видный член буржуазной «партии прогрессистов», после поездки в Англию для ознакомления с тред-юнионами организовал в 1868 г. вместе с Дункером так называемые гириш-дункеровские профсоюзы — 284, 285.
- Гладстон, Вильям Юарт* (Gladstone) (1809—1898) — с конца 50-х годов вождь либеральной партии, премьер-министр в 1868—1874, 1880—1885, 1886 и 1892—1894, автор ряда произведений по богословским, экономическим и политическим вопросам, опубликовал сенсационные разоблачения о жизни политических заключенных в неаполитанских тюрьмах (1851) — 5, 7, 287, 339, 406, 407, 408, 410, 412, 414, 415, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 425, 426, 428, 429.
- Глегле* (Gléglé) — «король» негритянского государства Дагомеи в 1858—1859 — 422.
- Гоббс, Томас* — 125.
- Гоенцоллерны* — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918) — 193.
- Гондрекур, Леопольд*, граф (Gondrecourt) (1816—1888) — австрийский генерал, во время датской войны 1864 командовал бригадой, получившей название «железной», впоследствии фельдмаршал — 392.
- Гостеттен, Иоганн Баптист*, барон фон (Hofstetten) (ум. в 1887) — ласальенец, вместе с Швейцером основатель и редактор «*Social-Demokrat*» — 263, 265, 268.
- Гревиль, Нюдженс, С.* (Greville) — ирландский член парламента от Лонгфорда, либерал — 428.
- Грей, Роджер В.* (Gray) — английский рабочий-каменщик, член Генерального совета I Интернационала в 1864, член «Лиги реформы» — 16.
- Гроссмит* (Grossmith) — участник английского рабочего движения, член Генерального совета в 1864—1865 — 16, 22.
- Грюн, Карл* (Grün) (1817—1887) — немецкий публицист, один из представителей так называемого «истинного социализма» — 25.
- Гюго, Виктор* (1802—1885) — 312.

Д.

- Дарвин, Чарлз* (1809—1882) — 220, 222.
- Делл, Вильям* (Dell) — английский рабочий-драпировщик, заместитель председателя «Национальной лиги независимости Польши», член Генерального совета I Интернационала в 1864—1868 и его казначей в 1865—1867, делегат Лондонской конференции в 1865, один из руководителей «Лиги реформы» — 16, 22, 94, 285, 404.
- Делла Рокка* — см. Мороццо.
- Денуаль, Жюль* (Denoual) — французский республиканец, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, вышел из состава Совета в связи с отстранением Лефора — 16, 22, 395.
- Де-Пап, Сеаар* (De Paere) (1842—1890) — бельгийский наборщик, затем врач и публицист, прудонист-коллективист, один из руководителей бельгийского рабочего движения, одно время находился под сильным влиянием Маркса, член I Интернационала с 1864, один из организаторов секций I Интернационала в Бельгии, участник Лондонской конференции (1865), Лозаннского (1867), Брюссельского (1868), Базельского (1869) конгрессов и второй Лондонской конференции (1871) I Интернационала, затем примкнул к анархистскому Интернационалу, в 1885 один из основателей

- «Бельгийской рабочей партии» — 399.
- Дерби, Эдуард Джордж Джексоффри*, граф Стенли (Derby) (1799—1869) — английский консерватор, премьер-министр в 1852, 1858, 1859 и 1866—1868 — 407, 420.
- Деркиндерен* (Derkinderen) — член Генерального совета I Интернационала и секретарь-корреспондент для Голландии (1867) — 262.
- Дженкс, А.* (Jenks) — член Генерального совета I Интернационала в 1865 — 94.
- Джонс, Ричард* (Jones) (1790—1855) — английский экономист, преемник Мальтуса по кафедре политической экономии в университете Хейлбери — 146.
- Джонсон, Эндрию* (Johnson) (1808—1875) — президент США в 1865—1869, один из вождей республиканской партии — 93, 94.
- Дидро, Дени* (1719—1784) — 159.
- Дизраэли, Бендисамен*, лорд Биконсфильд, граф (Disraeli) (1804—1881) — вождь английской консервативной партии, один из идеологов и организаторов британской колониальной экспансии, премьер-министр в 1868 и 1874—1880 — 407, 420.
- Дик, Александр* (Dick) — английский рабочий-булочник, член Лондонского совета тред-юнионов, в 1864 член Генерального совета I Интернационала, в 1865 переселился в Новую Зеландию — 16, 22.
- Динтер, И. Г.* (Dinter) — рабочий-рудокоп, основатель (1864) и руководитель товарищества горняков в Цвикау — 302.
- Дормус* (Dormus) — австрийский генерал, во время датской войны 1864 командовал бригадой, входившей в состав 6-го армейского корпуса — 393.
- Дронке, Эрнст* (Dronke) (1822—1891) — член «Союза коммунистов» и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» (1848—1849), позднее эмигрант в Лондоне, купец в Англии — 86.
- Дункер, Франц Густав* (Dunker) (1822—1888) — германский политический деятель, один из основателей буржуазной «партии прогрессистов» (1861), публицист и издатель, в 60-х годах вместе с М. Гиршем основал так называемые гирш-дункеровские профсоюзы — 215, 218.
- Дурандо, Джуакопо* (Durando) (1807—1894) — итальянский генерал и государственный деятель — 178.
- Дэвис, Джексофферсон* (Davis) (1808—1889) — американский генерал, плантатор, один из лидеров селессионистов, президент Южных штатов во время гражданской войны в Америке 1861—1865 — 93.
- Дэффери* (Dufferin) — см. Блэквуд.
- Дэффи, Эдуард* (Duffy) (1840—1868) — ирландский фений, в 1867 приговорен к 15 годам каторжных работ — 415.
- Дюма, Александр* (Dumas) (1803—1870) — французский писатель-романист — 418.
- Дюмениль-Мариньи, Жюль* (Dumesnil-Marigny) (1810—1885) — французский экономист и публицист, член I Интернационала, делегат Лондонской конференции 1865 — 398.
- Дюнуайе, Бартелеми Шарль* (Dunoyer) (1786—1862) — французский экономист, после революции 1830 префект, затем государственный советник — 28.
- Дю-Плат, Клод* (Du-Plat) (1809—1864) — датский генерал, во время войны 1864 командовал 2-й дивизией — 392.
- Дюпон, Эжен* (Dupont) (1831—1881) — французский рабочий, мастер музыкальных инструментов, участник июньского восстания 1848, затем эмигрант в Лондоне, сторонник Маркса, в 1864—1872 член Генерального совета I Интернационала, в 1865—1871 секретарь-корреспондент для Франции, делегат Лондонской конференции (1865) и Женевского конгресса (1866), в 1871 находился в Манчестере, где принимал участие в работе секции Интернационала, председатель Лозаннского (1867) и вице-председатель Брюссельского (1868) конгрессов, делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872), в 1873 переселился в Америку — 46, 22, 94, 262, 292, 308, 310, 379, 404.

Е.

- Екатерина II* (1729—1796) — русская императрица (1762—1796) — 159, 192.
- Елачич, Иосиф* (Jellachich) (1801—1859) — австрийский генерал и хорватский бан, в 1848 присоединился к реакционной австрийской армии Виндишгреца для подавления венгерской революции — 192.

Ж.

- Жабицкий, Антон* (Zabicki) — польский революционер, по профессии наборщик, во время венгерской революции

- 1848—1849 капитан польского легиона, входившего в венгерскую революционную армию; после 1848 эмигрировал в Лондон, где примыкал к левому крылу польской эмиграции; после восстания 1863 секретарь «Польского национального комитета» в Лондоне; член Генерального совета I Интернационала в 1865—1871, секретарь-корреспондент для Польши с 1866, сторонник Маркса — 262, 292, 308, 311, 379, 404.
- Жерар, Бальтазар** (Gérard) (1558—1584) — французский католик-фанатик, убийца герцога Вильгельма Оранского во время войны между Испанией и Нидерландами — 93.
- Жоаннар, Жюль** (Johannard) (1843—1888) — рабочий-литограф, в 1868—1869 член Генерального совета I Интернационала, в 1869 секретарь-корреспондент для Италии, участник процесса Интернационала в Париже в 1870, член Парижской Коммуны, сторонник «большинства», после падения Коммуны эмигрировал в Лондон и вошел снова в Генеральный совет, делегат Гаагского конгресса I Интернационала (1872) — 292, 308, 310.
- Жуффруа, Анри** (Jouffroy) — буржуазный экономист и правовед, в 20-40-х годах XIX ст. перевел на французский язык ряд произведений немецких экономистов — 270.
- Журден, Гюстав** (Jourdain) — французский эмигрант в Лондоне после революции 1848, член комитета якобинско-бланкистской организации «Com-mune Révolutionnaire», член Генерального совета I Интернационала в 1864 — 16, 22.
- К.**
- Кабэ, Этьен** (1788—1856) — 28.
- Камп** (Camp) — мэр города Серена (Бельгия) — 305.
- Камперо, Филипп** (Camperio) (1810—1882) — швейцарский политический деятель, профессор уголовного права, занимал различные руководящие посты в высших судебных учреждениях — 383.
- Кант, Иммануил** (1724—1804) — 24, 26.
- Карамзин, Николай Михайлович** (1766—1826) — русский писатель, автор реакционной «Истории Государства Российского» — 191.
- Карл X** (1757—1836) — французский король (1824—1830) — 190.
- Картер, Джеймс** (Carter) — рабочий-парфюмер, в 1864—1867 член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Италии, делегат Женевского (1866) и Лоаннского (1867) конгрессов I Интернационала — 16, 22, 94, 404.
- Кастелло** (Castello) — ирландский фений, в 1867 приговорен к 12 годам тюремного заключения — 418.
- Кауб, Карл** (Kaub) — немецкий рабочий-эмигрант в Лондоне, позднее в Париже, сторонник Маркса, член Генерального совета в 1864—1865, участник Лондонской конференции в 1865 — 16, 22, 94.
- Келли, Иеремия Хьюберт** (Kelly) — врач тюрьмы на острове Спайк-Айленде, в которой в 60-х годах содержались заключенные фении — 409, 410.
- Кестъери** — см. Стюарт, Роберт.
- Кикхэм, Чарльз Джозеф** (Kickham) (1826—1882) — ирландский фений, один из сотрудников «Irish People», в 1866 был приговорен к 14 годам тюремного заключения, в 1869 амнистирован — 405, 418, 429.
- Киселев, Павел Дмитриевич**, граф (1788—1872) — русский генерал и государственный деятель, участник русско-турецкой войны 1828—1829, после которой на него была возложена организация управления в Молдавии и Валахии — 253.
- Клаам Галлас, Эдуард** (Clam Gallas). граф фон (1805—1891) — австрийский генерал, во время войны 1866 командовал 1-м (богемским) армейским корпусом — 186.
- Клапка, Георг** (Klapka) (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии в 1848, впоследствии эмигрировал в Швейцарию — 86.
- Кларендон, лорд** — см. Вильерс.
- Клариоль** (Clariol) — делегат общества парижских наборщиков на Лондонской конференции I Интернационала в 1865 — 398.
- Климш** (Klimosch) — немец, член Генерального совета I Интернационала в 1865 — 94.
- Клинсг, Карл** (Klings) — рабочий-металлист из Золингена, член «Союза коммунистов», позже уполномоченный лассальянского «Всеобщего германского рабочего союза», в 1865 эмигрировал в Америку, где принимал участие в деятельности секции Интернационала — 88.
- Кокериль, Джон** (Cockerill) (1790—

- 1840) — английский капиталист, владелец металлургических заводов в Серене (Бельгия), впоследствии заводы перешли в ведение акционерной компании — 304, 305.
- Колачек, Адольф** (Kolatschek) — австрийский демократический публицист, член Франкфуртского национального собрания в 1848—1849, издатель «Deutsche Monatschrift» в 1850—1851, затем эмигрировал, в 1857 по амнистии вернулся в Вену, издавал «Stimmen der Zeit» — 87.
- Кох, Джозеф** (Cohn) — рабочий-сигарочник, председатель Лондонской ассоциации сигарочников, в 1867—1871 член Генерального совета I Интернационала, в 1870—1871 секретарь-корреспондент для Дании, делегат Брюссельского конгресса (1868) и Лондонской конференции (1871) I Интернационала — 285, 311, 379.
- Кондильяк, Этьенн Бонно де** (Condillac) (1715—1780) — французский философ-сенсуалист и экономист, в основном примыкавший к физиократам — 242.
- Коп, Джеймс** (Cope) — рабочий-сапожник, член Лондонского совета тред-юнионов, член Генерального совета I Интернационала в 1865—1867, делегат Лондонской конференции (1865) I Интернационала — 398.
- Копленд** (Copeland) — член Генерального совета I Интернационала в 1868, деятель атеистического движения — 285.
- Корнелиус, Д.** (Cornelius) — член Генерального совета I Интернационала в 1865 — 22.
- Король - Бомба** — см. Фердинанд II.
- Король Дагомеи** — см. Глегле.
- Косшут, Лайош** (Kossuth) (1802—1894) — венгерский буржуазный политический деятель, глава революционного правительства во время революции 1848 г., после подавления революции — в эмиграции, бонапартист — 86.
- Кример, Вильям Рейндел** (Cremer) (1828—1908) — плотник, тред-юнионист, один из основателей «Объединенного союза плотников и столяров» (1860), один из руководителей «Национальной лиги независимости Польши» (1863), член Генерального совета и генеральный секретарь его (1864—1866), делегат Лондонской конференции (1865) и Женевского конгресса (1866) I Интернационала, в 1867 вышел из состава Генерального совета, в последующие годы принимал активное участие в буржуазно-патристских организациях, окончательно примкнул к либералам, был членом английского парламента (1886—1895 и 1900—1908) — 16, 22, 94, 398.
- Крюгер** (Krüger) — член «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне — 391.
- Крюгер, В.** (Krüger) — один из акционеро-руководителей Нидершурнитц-Кирхбергской каменноугольной компании — 301.
- Куккиари, Доменико** (Cucchiari) (1806—1900) — итальянский генерал, командовал 2-м корпусом во время войны 1866 — 178.
- Кулсон, Эд.** (Coulson) — рабочий-каменщик, секретарь Союза лондонских каменщиков, один из руководителей тред-юнионистского движения в 60-х годах, член Генерального совета I Интернационала в 1865—1866 — 94, 398.
- Кэйси, Джон** (Casay) — ирландский фений, в 1866 приговорен к 5 годам тюремного заключения — 427, 428.
- Кэри, Мартин Хэнли** (Carey) — ирландский журналист, фений, в 1866 приговорен к 5 годам тюремного заключения — 406, 413.

Л.

- Лайонс, Роберт Спенсер** (Lyons) (1826—1886) — врач в Дублине — 414.
- Лама, Доменико** (Lama) — доктор, председатель «Итальянской рабочей ассоциации совместного прогресса» в Лондоне, сторонник Мадзини, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, вышел из состава Совета в связи с отстранением Лефора (1865) — 16, 22.
- Лаплас, Пьер Симон** (Laplace) (1749—1827) — французский астроном, математик и физик — 220.
- Лассаль, Фердинанд** (1825—1864) — 19, 20, 79, 80, 85, 88, 89, 210, 214, 218, 219, 222, 280, 283, 314, 397.
- Лассаси Ф., де** (Lassassie) — француз, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1866, участник Лондонской конференции 1865 — 94.
- Лафайет, Мари Жозеф** (La Fayette) (1757—1834) — французский политический деятель, один из вождей либеральной буржуазии, в 1789 начальник национальной гвардии, в 1792 изменил революции и бежал за границу, в 1830 содействовал воцарению Луи Филиппа — 190.

- Лафарг, Поль* (1842—1911) — 262, 292, 310, 404.
- Лавель, П.* (Lavelle) — священник, автор «Irish Landlord since the Revolution» — 425.
- Левerson, Монтэю* (Leverson) — участник польского митинга в Лондоне 1 марта 1865 — 91.
- Леви, Дэжовейф* (Levy) (1812—1888) — основатель и издатель газеты «Daily Telegraph» — 417.
- Лейк, Джорджис* (Lake) — английский рабочий — столяр, член Генерального совета I Интернационала в 1864 — 16, 22.
- Лекрафт, Бенджамин* (Lucraft) (1809—1897) — английский рабочий-столяр, тред-юнионист, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1871, один из активных деятелей движения за реформу избирательного права, делегат на Брюссельском (1868) и Базельском (1869) конгрессах I Интернационала, отказался подписать обращение Генерального совета «Гражданская война во Франции» и вышел из Интернационала (1871), впоследствии примкнул к либералам — 16, 22, 94, 285, 310, 311, 379, 384.
- Ле Любе, П. В.* (Le Lubez) (род. ок. 1830) — учитель музыки и французского языка, ученик Леру, жил в Лондоне, в 1864 член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Франции в 1864—1865, в 1865 вышел из Генерального совета и участвовал в создании в Лондоне «Французской секции» Интернационала, от имени которой вел борьбу против Генерального совета; Женевским конгрессом (1866) был исключен из Генерального совета за клеветническую кампанию против руководителей парижской секции Интернационала; позднее примкнул к «Французской федеративной секции 1871» — 16, 22, 91, 395, 396.
- Ленге, Симон Никола Анри* (Linguet) (1736—1794) — французский адвокат, публицист, историк, автор «Théories des lois civiles» (1767) и других работ — 29.
- Леру (Leroux)* — француз, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865 — 16, 22.
- Лесснер, Фридрих* (Lessner) (1825—1910) — немецкий рабочий-портной из Веймара, член «Союза коммунистов», участник революции 1848—1849, на Кельнском процессе коммунистов был приговорен к 3 годам крепости, с 1856 в эмиграции в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1871, делегат Лондонской конференции (1865), Лозаннского, Брюссельского, Базельского и Гаагского конгрессов I Интернационала, защищал в I Интернационале линии Маркса, член английского Федерального совета, позднее деятель тред-юнионов — 16, 22, 94, 311, 379, 391.
- Лефор, Анри* (Lefort) (1835—1917) — французский журналист, республиканец, в 1864—1865 соредaktor «Association», член I Интернационала; в начале 1865 Генеральный совет выделил его для связи с французской прессой; в связи с борьбой, которую он повел против руководства парижской секции Интернационала, клеветнически обвиняя ее в бонапартизме, Лефор был отстранен с поста официального представителя Генерального совета и вышел из Интернационала — 396.
- Либкнехт, Вильгельм* (1826—1900) — 88, 283, 349, 350, 359, 365.
- Лимбург, В.* (Limburg) — немецкий эмигрант, сапожник, член комитета «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала (1868—1869) — 311, 391.
- Лимузен, Шарль* (Limousin) — французский рабочий-типограф, прудонист, секретарь газеты «Association», делегат Лондонской конференции 1865, в 1870 член Парижского федерального совета I Интернационала — 398.
- Линден* (Linden) — член «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне — 391.
- Линкольн, Авраам* (1809—1865) — президент США в период гражданской войны (1861—1865), руководитель республиканской партии, вождь Северных штатов в борьбе против рабовладельческого Юга, был убит в театре актером-южанином Бутсом — 21, 22, 93, 44, 309.
- Лино* (Leno), Джон Бедфорд (род. в 1826) — английский рабочий-типограф, чартист, позднее владелец типографии, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, один из руководителей «Лиги реформы» — 16.
- Линч, Джон* (Lynch) (1832—1866) — ирландский фений, в 1865 приговорен к 10 годам тюремного заключения — 415, 427, 428.
- Лист, Фридрих* (List) (1789—1846) —

- немецкий буржуазный экономист, сторонник системы протекционизма — 214.
- Лонгмейд, Джон* (Longmaid) — англичанин, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, один из руководителей «Лиги реформы», член комитета «Лиги земли и труда» — 16, 22, 94.
- Лорие, Клеман* (Laurier) (1832—1878) — французский юрист и политический деятель, в марте 1870 произнес обвинительную речь на сенсационном процессе принца Пьера Бонапарта, убившего журналиста Виктора Нуара, в том же году выступал на процессе французских секций Интернационала — 428.
- Лоу, Гарриэт* (Law) (1832—1897) — участница английского атеистического движения, член Генерального совета I Интернационала в 1867—1872, делегат на Лозаннском конгрессе, в 1876—1879 издавала журнал «The Secular Chronicle» — 285, 310.
- Лохнер, Георг* (Lochner) — немецкий рабочий-столяр, член «Союза коммунистов», с 1852 в эмиграции в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1866 и 1871—1872, сторонник Маркса, делегат на Лондонских конференциях (1865 и 1871) I Интернационала — 16, 22, 94.
- Луи Бонапарт* — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп* (Louis Philippe) (1773—1850) — французский король (1830—1848) — 9.
- Люнинг, Отто* (Lüning) (1818—1868) — немецкий врач, публицист, сторонник так называемого «истинного социализма», издавал в 1845—1848 «Westphälisches Dampfboot», в 1848—1850 — «Neue Deutsche Zeitung», позднее национал-либерал — 19.
- Льюис, Дэсфордс Корнуол* (Lewis) (1806—1863) — английский канцлер казначейства (министр финансов) в 1855—1858, либерал — 287.
- М.**
- Майо* — см. Борк, Ричард Саутгуэлл.
- Мак-Доннель* (Mac Donnel) — врач Маунтджойской каторжной тюрьмы в Дублине — 407, 409, 420.
- Макиавелли, Николо* (Machiavelli) (1469—1527) — флорентийский политический деятель и историк, идеолог передовой итальянской буржуазии эпохи Возрождения — 328, 415.
- Мак-Карти Даунинг* (Mac Carthy Downing) — член парламента от Корна (Ирландия) с 1868, либерал — 423, 424.
- Мальтус, Томас Роберт* (Malthus) (1766—1834) — английский пастор, экономист, автор теории «перенаселения», имеющей целью оправдать нищету рабочего класса в капиталистическом обществе — 24, 139.
- Мантейфель, Отто Теодор*, барон фон (Manteuffel) (1805—1882) — прусский министр внутренних дел в 1848—1850, премьер в 1850—1858 — 55, 56, 63, 71, 267.
- Мантейфель, Эдвин*, граф фон (Manteuffel) (1809—1885) — прусский генерал-фельдмаршал — 185.
- Маркс, Женни* (1844—1883) — старшая дочь Маркса, с 1872 жена Шарля Лонге, написала под псевдонимом «Вильямс» ряд статей в защиту фений в газете «Marseillaise» — 412, 413, 419, 421, 425, 426, 428, 429.
- Маркс, Женни* (урожд. фон-Вестфален) (1814—1881) — жена К. Маркса — 318.
- Маркс, Карл* (1818—1883) — 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 78, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 94, 97, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 126, 128, 130, 131, 134, 136, 141, 142, 148, 163, 205, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 224, 225, 227, 228, 230, 231, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 247, 250, 251, 255, 262, 263, 266, 268, 269, 273, 283, 289, 292, 308, 311, 313, 314, 317, 318, 319, 320, 321, 353, 354, 355, 367, 368, 369, 379, 389, 401, 404.
- Мартин, Джон* (Martin) (1812—1875) — участник ирландского национально-освободительного движения, основатель «Национальной лиги» (1864), член парламента в 1871—1875 — 428.
- Маураг* (Matzraih) — член «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне — 391.
- Мейер* (Meuer) — доктор из больницы для душевнобольных в Бродмуре (Англия) — 423.
- Мейснер, Отто* (Meissner) — гамбургский издатель, издал «Капитал» и «18 Брюмера» Маркса, «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» Ф. Энгельса — 77, 83, 210, 214, 217, 219, 221, 224, 227, 319.
- Мелкехи, Дени Доулинг* (Mulcahy) — ирландский журналист, фений, член

- редакции «Irish People» в 1863—1865, приговорен в 1866 к 10 годам тюремного заключения, амнистирован в 1871 — 405.
- Менений, Агриппа* (ум. в 493 до н.э.) — римский патриций — 100, 101.
- Милнер, Джордж* (Milner) — портной, член Генерального совета I Интернационала в 1868—1872, делегат Лондонской конференции (1871) Интернационала, член английского Федерального совета и комитета «Лиги земли и труда» — 285, 310, 379.
- Мольтке, Гельмут Карл Бернгардт*, граф (Moltke) (1800—1891) — германский фельдмаршал и военный писатель, начальник генерального штаба (1858—1888), член рейхстага, консерватор — 168.
- Монталамбер, Шарль*, граф де (Montalambert) (1810—1870) — французский публицист и политический деятель, орлеанист, в 1848—1849 член Учредительного и Законодательного собрания — 194.
- Морган, М.* (Morgan) — английский рабочий-сапожник, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1867, член комитета «Лиги реформы» — 16, 22, 94, 398.
- Морис* (Maurice) — член Генерального совета I Интернационала, представитель английских тред-юнионов — 285.
- Мориссо* (Morrissot) — француз, член Генерального совета I Интернационала в 1864 — 16, 22.
- Мороццо дельла Рокка, Энрико*, граф (Morozzo della Rocca) (1807—1897) — итальянский генерал — 178.
- Мортон, Джон* (Morton) (1781—1864) — английский агроном — 107.
- Моттерсhead, Томас* (Mottershead) — английский рабочий-ткач, чартист, член Генерального совета I Интернационала в 1869—1872, секретарь-корреспондент для Дании в 1871—1872, делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872), на котором примкнул к антимарксистскому меньшинству, принимал участие в борьбе английского Федерального совета против Генерального совета (1872—1873) — 379.
- Мур, Джон* (Moore) — коронер Мидлтонского округа (Англия) — 409.
- Мур, Джордж Генри* (Moore) (1811—1870) — ирландский член парламента в 1847—1857 и 1868—1870 — 406, 412, 417, 419, 420, 422.
- Мэгайр* (Maguire) — ирландец, арестованный в 1867 по обвинению в том, что он участвовал в подготовке побега заключенных фениев из тюрьмы, был освобожден по ходатайству представителя английской и иностранной прессы — 261.
- Мэррей, Джон* (Murray) — инспектор Маунтджойской каторжной тюрьмы в Дублине — 407, 420.
- Мэррей, Чарлз* (Murray) — сапожник, чартист, сторонник О'Брайена, член и позже секретарь «Лиги реформы», член Генерального совета I Интернационала в 1870—1871, член комитета «Лиги земли и труда», член английского Федерального совета, во время борьбы Хейлза против Генерального совета стоял на стороне Генерального совета — 379.
- Мюллер, Антон* (Müller) — швейцарский рабочий-часовщик, член Генерального совета I Интернационала в 1869 — 311.
- Мюльбе, фон* (Mülbe) — прусский генерал, во время войны 1864 командовал гвардейской дивизией — 393.
- Мюнцер, Томас* (Münzer) (1490—1525) — вождь революционного крестьянского движения в Германии в 1525 — 368.

Н.

- Наполеон I* (1769—1821) — французский император (1804—1814) — 168, 192, 393.
- Наполеон III* (Луи Бонапарт) (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 29, 30, 70, 80, 155, 156, 275, 301, 305, 312, 313, 319, 369, 372.
- Нерон, Клавдий* (37 — 68) — римский император (54—68) — 8.
- Нессельроде, Карл Роберт* (Карл Васильевич), граф (1780—1862) — русский министр иностранных дел в 1816—1856 — 191.
- Ниасс, Джон Д.* (Nieass) — английский рабочий-штукатур, член комитета «Национальной лиги независимости Польши» (1863), член Генерального совета I Интернационала в 1864—1866, член комитета «Лиги реформы» — 16, 22, 94.
- Николай I* (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 190, 191, 422.
- Нокс, Александр Эндрью* (Кнох) (1818—1891) — английский журналист и полицейский судья (1860—1878) — 414, 419, 421, 428.
- Ностлиц* (Nostitz) — австрийский гене-

- рал, во время войны 1864 командовал бригадой — 393.
- Нусперли, Дж.* (Nusperly) — член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Швейцарии в 1864 — 16, 22.
- Напир, Вильям* (Napier) (1785—1860) — английский генерал и военный историк, автор «History of the War in the Peninsula and in the South of France» (1828—1840) и «English Battles and Sieges in the Peninsula» (1852) — 48.
- Ньюмен, Фрэнсис Вильям* (Newman) (1805—1897) — английский ученый и публицист, профессор классической филологии, автор ряда работ по лингвистике, теологии и политической экономии — 105.
- Ньюмарч, Вильям* (Newmarch) (1820—1882) — английский экономист и статистик, совместно с Т. Туком издавал «A History of Prices» — 105.
- О.**
- О'Брайен, Джеймс (Бронтерр)* (O'Brien Bronterre) (1803—1864) — один из лидеров чартистского движения, издатель «The Poor Man's Guardian» (1831—1837), «Bronterre's National Reformer» (1838) и «The Operative» (1839) — 285.
- Оджер, Джордж* (Odger) (1820—1877) — сапожник, секретарь лондонского совета тред-юнионов (1862—1872), один из руководителей «Национальной лиги независимости Польши» (1863), член Генерального совета в 1864—1871, председатель Генерального совета (1864—1867), делегат на Лондонской конференции (1865) и Женевском конгрессе (1866) I Интернационала, член редакционного комитета газеты «Beehive» (1866), один из редакторов «Commonwealth» (1866); в 1871 отказался подписать обращение Генерального совета «Гражданская война во Франции» и вышел из Интернационала — 16, 22, 94, 284, 310, 379, 397, 398, 404.
- О'Доннель* — см. Мак-Доннель.
- О'Донован-Росса, Иеремия* (O'Donovan Rossa) (1831—1915) — один из вождей ирландских фениев, издатель газеты «Irish People» (1863—1865), в 1865 был приговорен к пожизненному заключению, спустя несколько лет амнистирован и эмигрировал в Америку, где возглавлял местную колонию ирландских фениев и издавал газету «The United Irishman» — 405, 406, 412, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 426, 428, 429.
- О'Донован-Росса* (O'Donovan Rossa) — жена Иеремии О'Донована Россы — 414.
- О'Коннель, Мартин* (O'Connell) — аптекарь на острове Спайк-Айленде — 410.
- О'Лири, Джон* (он же Мэрфи) (O'Leary) — ирландский фениев, за агитацию среди солдат-ирландцев был приговорен к 10 годам тюремного заключения — 405, 413.
- Осборн, Джон* (Osborne) — англичанин, рабочий-шугукатур, участник чартистского движения, затем тред-юнионист, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1866, член комитета «Лиги реформы» и «Лиги земли и труда», позже входил в «Лигу рабочего представительства» — 16, 22, 94.
- Отто* — см. Брейдтшвердт.
- Оуэн, Роберт* (1771—1858) — 11, 105, 230.
- О'Ши* (O'Shea) — участник ирландского национально-освободительного движения — 339.
- П.**
- Павел I* (1754—1801) — русский император (1796—1801) — 192.
- Пальмерстон, Генри Джон*, виконт (Palmerstone) (1784—1865) — английский либерал, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1851), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1856—1858 и 1859—1865) — 12, 151, 426.
- Паскевич, Иван Федорович*, князь Варшавский (1782—1856) — русский генерал-фельдмаршал, главнокомандующий армией, подавившей восстание в Польше в 1831, командующий армией, подавлявшей революцию в Венгрии в 1849 — 190.
- Перре, Анри* (Perret) — швейцарский рабочий-гравер, член I Интернационала с 1866, член Альянса (1868), позднее в качестве секретаря комитета Романской федерации в Женеве возглавил борьбу против Бакунина в Швейцарии, делегат Женевского (1866), Базельского (1869) конгрессов и Лондонской конференции (1871) Интернационала — 366.
- Перрон, Шарль* (Perrou) — художник по эмали, бакунист, член центрального бюро Альянса в Женеве, делегат Лозаннского (1867) и Брюссельского (1868) конгрессов I Интерна-

- ционала, позже один из руководителей Юрской Федерации — 357.
- Петерсен* (Petersen) — член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865—22, 94.
- Петр I* (1672—1725) — русский император (1682—1725) — 29, 192.
- Пиа, Феликс* (Puat) (1810—1889) — французский мелкобуржуазный журналист, «якобинец», участник революции 1848, член Учредительного и Законодательного собраний, позднее эмигрировал в Англию, в 1871 член Коммуны, сторонник «большинства», после разгрома Коммуны вновь эмигрировал в Англию, вел клеветническую кампанию против Генерального совета, после амнистии вернулся во Францию (1880) — 271.
- Пиготт, Ричард* (Pigott) (около 1828—1889) — ирландский журналист, издатель «Irishman» (1858—1879) — 412.
- Пиджин, В.* (Pidgeon) — английский рабочий-булочник, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, позже член «Лиги реформы» — 16, 22.
- Пиль, Роберт* (Peel) (1788—1850) — английский государственный деятель, возглавлял торийскую группу «пили-тов», премьер-министр (1834—1835 и 1841—1846), провел билль об отмене хлебных пошлин — 287, 288, 289.
- Пирме, Эдвар* (Pirmez) (1830—1890) — бельгийский министр внутренних дел (1869—1870), либерал, директор Национального банка — 305.
- Поллок, Джордж Д.* (Pollock) — английский полицейский чиновник — 414, 419, 421, 428.
- Поттер, Джордж* (Potter) (1832—1893) — английский рабочий-плотник, тред-юнионист, основатель и редактор газеты «Beehive», член Лондонского совета тред-юнионов, член исполнительного комитета «Лиги реформы», в 1869 один из основателей «Лиги рабочего представительства» — 285.
- Поццо ди-Борго, Шарль Андре*, граф (1764—1842) — русский посол во Франции в 1814 и 1815—1835 и в Англии в 1835—1839—191.
- Поэрио, Карло* (Poerio) (1808—1867) — итальянский либерал, участвовал в заговорах против неаполитанских Бурбонов, во время революции 1848 министр в Неаполе, в 1849—1859 находился в тюрьме; в 1851 Гладстон выступил с разоблачениями о жестоким обращении, которому подвергался П. в тюрьме; в 1859 П. бежал в Англию, где ему была устроена торжественная встреча — 407.
- Прудон, Пьер Жозеф* (1809—1865) — 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 80, 152, 218, 269, 312, 313, 318.
- Пти, Женни* — (Petit) (ум. в 1869) — 12-летняя девочка, убитая солдатами во время стачки в Рикамари (Франция) — 329.
- Пульц Людвиг*, барон фон (Pulz) (род. 1823) — австрийский генерал, во время войны 1866 командовал кавалерийской бригадой на итальянском фронте — 179.
- Пфендер, Карл* (Pfähnder) (1818—1876) — немецкий живописец-миниатюрист, член «Союза коммунистов», эмигрант в Лондоне, один из руководителей «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1872, сторонник Маркса — 16, 22, 94, 379.

Р.

- Радецкий, Иосиф*, граф (Radetzky) (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, в 1848—1849 руководил подавлением революционного движения в Ломбардии и Венеции — 178, 192.
- Рамминг, Вильгельм* (Ramming), барон фон Ридкирхен (1815—1876) — австрийский генерал, во время войны 1866 командовал 6-м армейским корпусом — 185, 186, 187.
- Рамсей, Джордж* (Ramsay) (1800—1871) — английский философ и экономист — 146.
- Распайль, Франсуа* (Raspail) (1794—1878) — французский политический деятель, участник революций 1830 и 1848, в 1869 был избран в Законодательный корпус как представитель лево-республиканской оппозиции — 325.
- Рау, Карл Генрих* (Rau) (1792—1870) — немецкий вулгарный экономист — 214, 218.
- Раумер, Фридрих*, фон (Raumer) (1781—1873) — немецкий буржуазный историк, профессор Берлинского университета в 1819—1853 — 29.
- Рикардо, Давид* (Ricardo) (1772—1823) — 26, 89, 116, 146, 214, 215, 222.
- Рихтер, Ф. В.* (Richter) — один из акционеров — руководителей Нидервюршнитц-Кирхбергской каменноугольной компании — 301.

- Робеспьер, Максимилиан* (1758—1794) — 105.
- Родбертус-Ягецов, Иоганн Карл* (Rodbertus-Jagetzov) (1805—1875) — немецкий экономист, «катедер-социалист» — 214.
- Роза, Дэвид* (Rose) (1744—1818) — английский министр финансов в 1782—1783 и 1784—1801 — 144.
- Роон, Альбрехт Теодор Эмиль*, граф фон (Roop) (1803—1879) — прусский фельдмаршал, военный министр в 1859—1873 — 42, 46, 50.
- Росс* (Ross) — английский рабочий-сапожник, член Генерального совета I Интернационала в 1869 — 310.
- Россель, Дюсон* (Russell) (1792—1878) — лорд, один из вождей либеральной партии, премьер-министр (1846—1852, 1865—1866), министр иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865) — 287.
- Розов, Густав Адольф*, фон (Rochow) (1792—1847) — прусский министр внутренних дел в 1834—1842, крайний реакционер — 302.
- Росшер, Вильгельм* (Roscher) (1817—1894) — немецкий буржуазный экономист, представитель вульгарной экономики в ее «последней профессорской форме» (Маркс) — 214, 218.
- Рошфор, Анри*, маркиз (Rochefort) (1830—1913) — французский публицист и политический деятель, один из вождей мелкобуржуазных республиканцев во время Второй империи, издатель «La Lanterne» (1868—1869), основатель и редактор «La Marseillaise» (1869), неоднократно подвергался преследованиям за свои статьи, после революции 4 сентября 1870 вошел на некоторое время в «правительство национальной обороны», сочувствовал Коммуне, после падения Коммуны был сослан на каторгу, во время дела Дрейфуса был в реакционном лагере — 412, 426.
- Руге, Арнольд* (Ruge) (1802—1880) — немецкий демократ, левый гегельянец, издавал вместе с Марксом «Deutsch-Französische Jahrbücher», участник революции 1848, в начале 50-х годов был одним из руководителей мелкобуржуазной эмиграции, позже перешел на сторону Бисмарка — 318.
- Руссо, Жан Жак* (1712—1778) — 29, 30, 159.
- Руз, Эжен* (Rouher) (1814—1884) — французский министр внутренних дел в 1863—1870 — 274, 275.
- Рыбчинский* (Rybczynski) — польский эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—16, 22.
- Рюль* (Ruhl) — член «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1870—1872 — 379.
- Рüstов, Фридрих Вильгельм* (Rüstow) (1821—1878) — немецкий офицер и военный писатель, демократ, эмигрант в Швейцарии, друг Лассалы, в 1863 примкнул к «Всеобщему германскому рабочему союзу» — 79.

С.

- Сальвателла, Нарцисс* (Salvatella) — член Генерального совета I Интернационала в 1865 — 94.
- Семере, Берталан* (Szemere) (1812—1869) — венгерский министр внутренних дел в революционном правительстве 1848, в 1849 премьер-министр, позднее эмигрант в Париже, возглавлял левое крыло венгерской эмиграции, стоявшее в оппозиции к Кошуту; в 1865 возвратился в Венгрию — 87.
- Сениор, Вильям* (Senior) (1790—1864) — английский буржуазный экономист, профессор политической экономики в Оксфордском университете — 10, 104, 105, 251.
- Сетаччи, К.* (Setacci) — один из руководителей «Итальянской рабочей ассоциации совместного прогресса» в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865, вышел из состава Совета в связи с отстранением Лефора (1865) — 16, 22.
- Сен-Симон, Клод Анри*, граф де (1760—1825) — 23, 230, 337.
- Серрайе, Огюст* (Serraillier) (род. в 1840) — французский рабочий по выделке обувных колодок, жил в Англии, член Генерального совета I Интернационала с 1869, корреспондент для Франции в 1871—1872, сторонник Маркса, в 1870 был послан Генеральным советом в Париж в качестве уполномоченного, член Коммуны, принадлежал к «меньшинству», после падения Коммуны вернулся в Англию, делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) I Интернационала — 379.
- Силвис, Вильям* (Sylvis) (1828—1869) — американский рабочий-литейщик, председатель американского «Национального рабочего союза», сторонник присоединения этого союза к I Интернационалу — 334.

Сисмонди, Жан Шарль Леонард де (Sismondi) (1773—1842) — швейцарский экономист и историк, идеолог мелкой буржуазии — 146, 215, 313.

Смейлс, Томас (Smales) — член Генерального совета I Интернационала в 1865 — 22.

Смит, Адам (1723—1790) — 89, 116, 123, 146, 222.

Смит, Эдуард (Smith) (ок. 1818—1874) — английский врач, консультант правительства по вопросам законодательства о бедных — 6.

Солюстри, Т. (Solustri) — секретарь «Итальянской рабочей ассоциации совместного прогресса» в Лондоне, сторонник Мадзини, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865 — 16, 22.

Спенсер, Джон, граф (Spencer) (1835—1910) — лорд-лейтенант Ирландии в 1868—1874, либерал — 426.

Стансен Н. П. (Stansen) — член Генерального совета I Интернационала в 1865 — 94.

Стейнби, Д. (Stainsby) — английский портной, член Генерального совета в 1864—1867 — 16, 22, 94.

Стемман (Stemman) — датский генерал, во время войны 1864 командовал 3-й дивизией — 392.

Степни, Кауел Вильям Фредерик (Stepney) (1820—1872) — англичанин, в 1868—1872 член Генерального совета I Интернационала, делегат на Брюссельском (1868) и Базельском (1869) конгрессах I Интернационала и на Лондонской конференции (1871), один из деятелей «Лиги реформы» — 285, 308, 310, 311, 335.

Стакпуль, Вильям (Stacpoole) — член палаты общин в 1868 — 414.

Стэнли, Эдуард Генри (Stanley), граф Дерби (1826—1893) — британский министр иностранных дел в 1866—1868 и 1874—1878, консерватор до 1880, затем либерал — 274.

Стьюарт, Джемс (Stewart) (1712—1780) — английский экономист, меркантилист — 238.

Стьюарт, Роберт (Stewart), маркиз Лондондерри и виконт Кестльри (1769—1822) — английский государственный деятель, консерватор, в 1797—1798 подавил восстание в Ирландии, в 1799—1801 главный секретарь по делам Ирландии, в 1807—1809 военный министр, в 1812—1822 министр иностранных дел — 422.

Сьюард, Вильям Генри (Seward) (1801—1872) — американский государствен-

ный секретарь (министр иностранных дел) при Линкольне (1861—1865), подвергался травле со стороны сторонников рабовладения, во время убийства Линкольна (1865) был (вместе со своим сыном) тяжело ранен — 94.

Т.

Таландье, Альфред (Talandier) (1828—1890) — французский адвокат и журналист, республиканец, позднее бакунист, участник революции 1848 во Франции, после переворота 1851 эмигрировал в Англию, член Генерального совета I Интернационала в 1865, возвратился во Францию во время Парижской Коммуны, в 70-х годах примыкал в палате депутатов к крайней республиканской левой — 16, 22.

Таунсенд (Townshend) — член Генерального совета I Интернационала в 1869—1872 — 379.

Тачки (Tatschky) — один из руководителей «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне — 391.

Терберт, Майкл (Terbert) (1834—1870) — ирландский фений, в 1866 приговорен к 7 годам тюремного заключения — 407, 409, 410.

Толен, Анри Луи (Tolain) (1828—1897) — французский рабочий-гравер, прудонист, один из руководителей «Общества взаимного кредита бронзовщиков» в Париже, подписал «Манифест 60-ти» (1863), один из организаторов секции I Интернационала в Париже, участник Лондонской конференции (1865), Женевского (1866), Лозаннского (1867), Брюссельского (1868) и Базельского (1869) конгрессов I Интернационала, на Базельском конгрессе голосовал против резолюции о коллективной собственности на землю и против доклада Генерального совета о праве наследования, после 4 сентября 1870 ренегат, враг Коммуны, депутат Национального собрания в Версале, в 1871 исключен из Интернационала, с 1876 — сенатор — 395, 396, 397, 398.

Томас (Thomas) — австрийский генерал, во время датской войны 1864 командовал бригадой, входившей в состав 6-го армейского корпуса — 393

Торнтон, Вильям Томас (Thornton) (1813—1880) — английский экономист, секретарь общественных работ в управлении по делам Индии, сторонник Дж. Ст. Милля — 143.

- Трименхир, Хьюз Сеймур* (Tremenheer) (1804—1893) — английский публицист и чиновник, автор ряда отчетов о положении детей и подростков в английской промышленности — 8.
- Тук, Томас* (Тооке) (1774—1858) — английский буржуазный экономист и статистик — 105, 123, 238.
- Тупс* (Тоупс) — член «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне — 391.
- Турнейзен, Эдуард* (Thurneysen) (1824—1890) — швейцарский юрист и политический деятель — 323.
- Турго, Роберт Жак* (Turgot) (1727—1781) — французский экономист-физиократ, ученик Кенэ, министр финансов при Людовике XVI—238.
- Тюрр, Иштван* (Türr) (1825—1908) — венгерский офицер, в 1849 участник итальянской революции и баденского восстания, затем эмигрант в Лондоне, в 1860 генерал в армии Гарибальди, в 1867 амнистирован австро-венгерским правительством и вернулся в Венгрию — 86.
- Тьер, Луи Адольф* (Thiers) (1797—1877) — 28.

У.

- Уилер, Джордж Вильям* (Wheeler) — деятель английского рабочего движения, чартист и член «Общества братьев демократов», затем — главный управляющий «Общества взаимного страхования жизни», член Генерального совета I Интернационала в 1864—1866 и его казначей в 1864—1865, делегат на Лондонской конференции (1865), в 1872 член английского Федерального совета — 16, 22, 94, 398.
- Уитлок, Э.* (Whitlock) — английский рабочий, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1865 — 16, 22, 94.
- Ундервуд* (Underwood) — защитник ирландских фениев, в 1869 обратился с письмом к министру иностранных дел, требуя расследования тюремного режима — 417.
- Уолтон, Альфред А.* (Walton) (1816—1883) — английский архитектор, чартист, в 1867—1870 член Генерального совета I Интернационала, делегат Лованнского конгресса (1867), автор ряда работ по вопросу о земельной ренте — 285.
- Уоррен, Дж.* (Warren) — английский рабочий-чемоданщик, член Генераль-

ного совета I Интернационала в 1869 — 310.

- Уорли, Вильям К.* (Worley) — английский рабочий-печатник, один из руководителей «Национальной лиги независимости Польши» (1863), член Генерального совета I Интернационала в 1864—1868 — 16, 22, 94.
- Уоткин, Эдуард Вильям* (Watkin) (1819—1901) — английский капиталист, директор ряда железнодорожных компаний, член парламента в 1857 и 1864—1868, либерал — 288.
- Уркхарт, Давид* (Urquhart) (1805—1877) — английский дипломат, секретарь посольства в Константинополе в 1836, туркофил, член парламента в 1847—1852, противник руссофильской политики Пальмерстона — 108.
- Уэд, Бенджамин Франклин* (Wade) (1800—1878) — американский сенатор, радикал, временно исполнял обязанности председателя сената в 1867—403.
- Уэстон, Вильям* (Weston) — деятель английского кооперативного движения, член Генерального совета I Интернационала в 1868 — 285.
- Уэстон, Джон* (Weston) — английский рабочий, оуэнист, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1872, делегат Лондонской конференции 1865, с 1873 председатель «Лиги земли и труда», один из руководителей «Лиги реформы» — 16, 22, 94, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 145, 262, 310, 379, 384.

Ф.

- Фегеле, Август* (Vögele) — наборщик в типографии Холлингера в Лондоне — 19.
- Фейербач, Людвиг* (Feuerbach) (1804—1872) — 23, 193.
- Фердинанд II* (1810—1859) — король обеих Сицилий; получил прозвище «короля-бомбы» за бомбардировку Палермо и Мессины (1848) — 407, 418.
- Филипп, граф Фландрский* (1837—1905) — сын бельгийского короля Леопольда I — 305.
- Филипп II* (1527—1598) — испанский король (1556—1598) — 93.
- Фитцджеральд, Джон Давид* (Fitzgerald) (1816—1889) — судья королевского суда в Ирландии в 1860—1882, либерал — 428.
- Фландрский, граф* — см. Филипп, граф Фландрский.

- Флеровский* — см. Берви.
- Флис, Эдуард, фон* (Flies) (1802—1886) — прусский генерал, во время войны 1866 командовал сперва кавалерийской бригадой, входившей в состав корпуса Мантейфеля, затем — дивизией — 185.
- Фогт, Карл* (Vogt) (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист, вульгарный материалист, в 1848—1849 член Франкфуртского национального собрания, в эмиграции был одним из лидеров мелкобуржуазных демократов, агент Наполеона III, разоблачен Марксом в памфлете «Господин Фогт» (1860) — 18, 19, 319.
- Фокс, Питер* (Fox) (ум. в 1869) — английский журналист, в 1863 один из руководителей «Национальной лиги независимости Польши», один из издателей «National Reformer», в 1864—1867 член Генерального совета I Интернационала, входил в редакцию «Commonwealth», в которой отстаивал линию Генерального совета, в 1866—1867 секретарь-корреспондент для Америки, в сентябре—ноябре 1866 генеральный секретарь — 16, 22, 91, 94, 404.
- Фонтана, Джузеппе* (Fontana) (1840—1876) — итальянский рабочий, заместитель председателя «Итальянской рабочей ассоциации совместного прогресса» в Лондоне, сторонник Мадзини, член Генерального совета I Интернационала и секретарь для Италии в 1864—1865, вышел из Совета в связи с делом Лефора, позднее бакунист, член Альянса в Лиссабоне — 16, 22.
- Франклин, Бенджамин* (Franklin) (1706—1790) — американский политический деятель и ученый, играл видную роль в борьбе северо-американских колоний Англии за независимость — 119.
- Фрибур, Э.* (Fribourg) — французский рабочий-гравер, позднее купец и фабрикант, прудонист, в 1864—1868 один из руководителей секции I Интернационала в Париже, делегат Лондонской конференции (1865) и Женевского конгресса (1866), автор прудонистской истории I Интернационала — 395, 396, 397, 398.
- Фридрих III* (1831—1888) — прусский король и германский император (март — июнь 1888), как кронпринц носил имя Фридрих-Вильгельм, во время войны 1866 командовал 2-й прусской армией — 169, 187.
- Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840) — прусский король (1797—1840), отец прусского короля Вильгельма I — 168, 169.
- Фридрих-Вильгельм IV* (1795—1861) — прусский король (1840—1861) — 317.
- Фридрих-Карл* (1828—1885) — принц прусский; во время датской войны 1864 командовал прусской армией, затем главнокомандующий союзными прусской и австрийской армиями; во время австро-прусской войны 1866 командовал I прусской армией — 169, 183, 186, 187, 393.
- Фурье, Шарль Франсуа* (1772—1837) — 23, 218, 230.

X.

- Хансен Н. П.* (Hansen) — член Генерального совета I Интернационала в 1864—1867, секретарь-корреспондент для Голландии и Дании в 1866—1867 — 22, 404.
- Хартуэлл, Роберт* (Hartwell) — английский рабочий-типограф, участник чартистского движения, один из руководителей «Национальной лиги независимости Польши» (1863), издатель «Beehive», член Генерального совета I Интернационала с 1864, один из руководителей «Лиги реформы», в 1872 секретарь «Парламентского комитета тред-юнионов» — 16, 22.
- Хауфе, Альберт Ф.* (Haufe) — портной, член Генерального совета I Интернационала в 1866 — 163.
- Хауэлл, Джордж* (Howell) (1833—1910) — английский рабочий-каменщик, участник чартистского движения, секретарь Лондонского совета тред-юнионов в 1861—1862, член Генерального совета I Интернационала в 1864—1868, участник Лондонской конференции, секретарь «Лиги реформы» в 1865—1869, противник Маркса, автор клеветнической истории I Интернационала — 16, 22, 94, 284, 398.
- Хейлз, Вильям* (Hales) — член Генерального совета I Интернационала в 1869—1872 — 379.
- Хейлз, Джон* (Hales) — английский рабочий-ткач, тред-юнионист, председатель союза рабочих трикожного производства, один из руководителей «Лиги реформы», член Генерального совета I Интернационала в 1866—1872, секретарь английского Федерального совета Интернационала и Генерального совета (1871—1872), де-

легат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872), выступал против создания политической рабочей партии и отстаивал независимость английского Федерального совета от Генерального совета, со времени Гаагского конгресса вел клеветническую кампанию против Генерального совета и руководства Маркса — 285, 310, 379.

Холлингер, Фиделио (Hollinger) — владелец типографии в Лондоне, где печаталось большинство эмигрантских немецких газет — 18, 19.

Холторп, Дюж. Эмиль (Holtorp) — польский эмигрант в Лондоне, в 1864—1865 член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Польши, делегат Лондонской конференции (1865) I Интернационала, противник Маркса, член основанного Мадзини «Интернационального республиканского комитета» — 16, 22, 94.

Худ, Ганнер (Hood, Gunner) — ирландский фений — 413.

Хэй Питер (Hay) — начальник тюрьмы на острове Спайк-Айленде — 409, 410.

Ц.

Циммерман, Вильгельм (Zimmermann) (1807—1878) — немецкий пастор и историк, профессор Штутгартского университета, в 1848—49 гг. член Франкфуртского парламента, где примыкал к мелкобуржуазному левому крылу, автор «Geschichte des grossen Bauernkriegs» — 368.

Ч.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1899) — 354.

Чиальдини, Энрико (Cialdini) (1811—1892) — итальянский генерал, во время войны 1866 командовал войсками на правом берегу По — 177, 180.

Ш.

Шанценбах, Александр (Schantzenbach) — член Генерального совета I Интернационала в 1864 — 22.

Шаллер, Карл (Schaller) (1813—1870) — немецкий революционер, в 30-х и 40-х годах эмигрант в Париже и Лондоне, один из руководителей «Союза справедливых», затем член ЦК «Союза коммунистов», участник германской революции 1848—1849, в 1850 вместе с Виллихом стоял во главе

«левой» антимарксистской фракции «Союза коммунистов», позже, будучи председателем «Немецкого рабочего просветительного союза» в Лондоне, вновь сблизился с Марксом, в 1865 был членом Генерального совета I Интернационала — 94.

Шаррас, Жан Батист Адольф (Charras) (1810—1865) — французский полковник, автор работы «Histoire de la campagne de 1813» (1863) — 313.

Швамкруз Ф. В. (Schwamkrug) — один из акционеров-руководителей Нидершнитц-Кирхбергской каменно-угольной компании — 301.

Швейцер, Иоганн Батист (Schweitzer) (1833—1875) — франкфуртский адвокат, лассальянец, вскоре после смерти Лассаля стал во главе «Всеобщего германского рабочего союза», основатель берлинской газеты «Social-Demokrat» (1865), на которую, как обнаружилось впоследствии, получал субсидию от Бисмарка; после 1871 отошел от политической жизни — 23, 30, 79, 80, 81, 85, 349, 350, 359, 365.

Шекспир, Вильям — 426.

Шенбург (Schönburg), князь — саксонский аристократ, владелец угольных копей в Ольснице в 60-х годах — 298, 299, 300.

Шербюлье, Антуан Элизе (Cherbuliez) (1797—1869) — швейцарский экономист, ученик Сисмонди — 146.

Шерман (Shearman) — англичанин, член Генерального совета I Интернационала в 1864 — 16.

Шили, Виктор (Shily) (1810—1875) — немецкий адвокат, в 1848 один из руководителей демократического движения в Трире, участник баденского восстания 1849, позже эмигрант в Париже, член I Интернационала, делегат на Лондонской конференции (1865) — 88, 398.

Шмальц, Теодор Антон Генрих (Schmalz) (1760—1831) — немецкий профессор права, ректор Берлинского университета, крайний реакционер — 270.

Шоу, Роберт (Shaw) (ум. в 1869) — английский рабочий-маляр, в 1864—1869 член Генерального совета I Интернационала, в 1867—1868 казначей совета, в 1867—1869 секретарь-корреспондент для английских секций в США, делегат Лондонской конференции (1865) и Брюссельского конгресса (1868) I Интернационала — 16, 22, 94, 262, 285, 292, 308, 310, 398, 404.

Штибер, Вильгельм (Stieber) (1818—1882) — директор прусской политической полиции, один из организаторов Кёльнского процесса коммунистов (1852), возглавлял военную полицию во время войн 1866 и 1870—1871—86.

Шульце-Делич, Франц Герман (Schulze-Delitsch) (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист, один из вождей буржуазной «партии прогрессистов», в 60-х годах выступал с пропагандой производственных товариществ, организуемых за счет «сбережений» рабочих, проповедник «гармонии труда и капитала» — 54, 89, 214, 284, 397.

Ә.

Эдельсгейм-Дьюлай, Леопольд Вильгельм, барон фон (Edelsheim Gyulay) (1826—1893) — австрийский генерал, во время войны 1866 командовал кавалерийской дивизией — 183, 187.

Эдуард III (1312—1377) — английский король (1327—1377) — 255.

Эзоп (VI ст. до хр. эры) — древнегреческий баснописец — 20.

Эйр, Эдуард Джон (Eyre) (1815—1901) — английский губернатор Ямайки в 1864—1866, подавил восстание негров на Ямайке в октябре 1865 — 306.

Эккартус, Иоганн Георг (Eccarius) (1818—1889) — немецкий рабочий-портной, с 1846 эмигрант в Лондоне, член «Союза коммунистов», позднее участник английского тред-юнионистского движения, один из активных участников организации I Интернационала, член Генерального совета в 1864—1872, генеральный секретарь Совета в 1867—1871, секретарь-корреспондент для Америки в 1868—1872, участник всех конгрессов и конференций I Интернационала; в 1871, в связи с опубликованием обращения Генерального совета по поводу гражданской войны во Франции, сложил с себя обязанности генерального секретаря Генерального совета и на Гаагском конгрессе примыкал к антимарксистскому меньшинству; в 1872 примкнул к «большинству» английского Феде-

рального совета, выступившему против решений Гаагского конгресса; в 1873—1874 участник конгрессов анархистского Интернационала — 16, 22, 91, 92, 94, 262, 292, 308, 311, 335, 389, 391, 404.

Энгельс, Фридрих (1820—1895) — 32, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 89, 161, 279, 280, 282, 283, 368, 369, 370, 379, 393.

Эппельгарт, Роберт (Applegarth) (1834—1924) — английский рабочий-плотник, генеральный секретарь союза плотников и столяров (1862—1871), член Лондонского совета тред-юнионов, в 1868—1872 член Генерального совета I Интернационала, в 1871 отказался подписать обращение Генерального совета «Гражданская война во Франции» и вышел из Интернационала, в дальнейшем журналист и капиталист-предприниматель — 284, 308, 310, 335, 379.

Эрлангер, Рафаэль, фон (Erlanger) — франкфуртский банкир — 61.

Эрнест (Ernest) (1824—1899) — эрцгерцог австрийский, во время войны 1866 командовал 3-м корпусом — 187.

Ю.

Юнг, Герман (Jung) (1830—1901) — часовщик, родом из Швейцарии, с середины 50-х годов эмигрант в Лондоне, в 1864—1872 член Генерального совета I Интернационала, секретарь-корреспондент для Швейцарии (1864—1869) и казначей Генерального совета (1871—1872), до 1872 сторонник Маркса, на конгрессах проводил линию Генерального совета, участник Лондонской конференции (1865), председатель Женевского (1866), Брюссельского (1868), Базельского (1869) конгрессов и Лондонской конференции (1871) I Интернационала, член английского Федерального совета, в 1872 выступил против решений Гаагского конгресса и вел активную борьбу против Генерального совета — 16, 22, 91, 92, 94, 262, 292, 308, 311, 365, 379, 395, 400, 404, 430.

Юр, Эндрю (Ure) (1778—1857) — английский химик и экономист — 10, 104, 105.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.

- Абсолютная монархия в Пруссии* — 38, 55, 56, 61.
Австрия — 152, 153, 154, 155, 161, 192, 193, 369, 370;
— и Пруссия — 369, 370, 373.
См. также *Австро-прусская война, Рабочее движение в А.*
Австро-прусская война (1866) — 167—189.
Альянс социалистической демократии — см. *Бакунизм и бакунисты*.
Америка — 21—22, 93—94, 145, 309—310; см. также *Гражданская война в Америке*.
Американская война за независимость — 22.
Амнистия ирландским заключенным в английских тюрьмах (борьба за нее) — 339, 346, 347, 362, 363, 364, 405—411, 412—429.
Анархисты в I Интернационале — см. *Бакунизм и бакунисты, Прудонизм и прудонисты*.
Англия — 5—13, 65, 70, 153, 155, 193, 194, 225, 317, 345—346, 361—363;
— и Ирландия — 192, 347—348, 361—364;
— и Россия — 153, 190, 194, 272, 287—289;
— и Соединенные Штаты Америки — 309—310;
— ее промышленное развитие — 345—346, 361, 362;
— и Польша — 190, 272.
См. также *Армия, Пролетариат, Рабочее движение, Чартизм*.
Антиякобинская война — 144, 193.
Армия — английская — 48, 49;
— австрийская — 167—189, 392—393;
— датская — 171, 392;
— итальянская — 177—181, 182;
— прусская — 38—52, 58—61, 83, 167—189, 393;
— французская — 47, 51;
— и государственный переворот — 50, 58—61, 64;

- постоянная — 203, 363;
— кадровая система А. — 47, 48, 83;
— конскрипционная система А. — 41, 48;
— срок службы в А. — 49—52.
См. также *Артиллерия, Всеобщая воинская повинность, Кавалерия, Ландвер, Пехота*.
Артиллерия — 40, 49, 50, 167.

Б.

- Бакунизм и бакунисты* — 290—292, 295—296, 343—350, 355—367.
Банки — 109, 110, 287—289, 385.
Баррикадная борьба — 50.
Безработица — см. *Промышленная резервная армия*.
Белоруссия — 158, 161.
Бельгия — 156, 318.
Бельгийские избиения 1869 г. — 304—308, 325—326, 332.
Бонапартизм — 56, 69—70, 71, 72, 81, 154—157, 274, 275, 276, 279;
— декабрьский переворот 1851 г. — 155, 312—313, 319.
Бурсазия — 53—54, 62, 65, 66, 67, 68, 74, 153, 372;
— английская — 53, 54, 62, 347, 363;
— немецкая — 37, 53—68, 71, 74, 77, 83, 369, 370, 372;
— французская — 53, 62, 372.

В.

- Венгрия* — 154, 155, 191, 192, 331—332.
Венский конгресс 1815 г. — 154, 191.
Военный вопрос в Пруссии в 60-х годах — 33—77, 83;
— и рабочая партия — 37, 64—76, 77, 83, 279—280.
«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса — 312—313, 319, 369.
Воспитание детей — 198—199.
Восьмичасовой рабочий день — см. *Рабочий день*.
Всеобщая воинская повинность — 40—41, 46, 47, 48, 52, 59, 64, 82, 83.
Всеобщее вооружение народа — 204.

Всеобщее избирательное право — 70, 71, 72, 73, 74—75, 210, 235, 279, 280, 281, 282, 283, 370, 373.

Всеобщий германский рабочий союз — 79, 81, 86—90, 263, 273, 276, 277, 279—283, 332, 349, 350, 365.

Всеобщий закон капиталистического накопления — 213, 230, 236, 255.

Германия — 65, 154, 155, 225, 281, 315, 317, 371;

— воссоединение Г. — 64, 91, 154, 155, 184, 370, 371;

— и Польша — 193, 203;

— и Россия — 190, 191, 203.

См. также *Пруссия*, *Рабочее движение в Г.*, *Лассальянство и лассальянцы*, *Эйзенхарты*.

Г.

Горнорабочие в Саксонии — 297—303.

«*Господин Фогт*» *Маркса* — 18, 19, 86, 319.

Государство — 317, 342.

Гражданская война в Америке (1861—1865) — 6, 13, 19, 21—22, 93—94, 108, 267, 304, 309—310, 319.

Д.

Датская война (1864) — 58, 88, 169, 171, 392—393.

Дворянство (юнкерство) в Германии — 32, 37, 53, 57, 62, 65—74, 80—81, 222, 281, 283.

Демократия буржуазная — 66, 71, 73—76, 273, 282; см. также *Всеобщее избирательное право*, *Свободы буржуазно-демократические*.

Деньги — 28, 109, 211, 215, 221, 238—240, 246, 320;

— и их функции — 109—112;

— и капитал — 238, 239, 240, 250, 258, 259;

— и заработная плата — 108—112, 138.

Десятичасовой билль в Англии — см. *Рабочий день*.

Детский труд в капиталистическом производстве — 8, 140, 198—199, 228, 235, 256, 267.

Диалектика — 26, 29, 215, 220;

— и софистика — 29.

Диктатура пролетариата — 12, 13, 200.

Е.

Естествознание — 220, 222.

Ж.

Женский труд в капиталистическом производстве — 8, 140, 198, 228, 235, 256, 322—323.

З.

Законодательство о рабочем дне — см.

Рабочий день.

Зарботная плата как цена рабочей силы — 119—120, 124—127, 131, 133, 143, 213, 232;

— реальная и номинальная — 9, 105;

— и национальное производство — 97—108;

— и цены товаров — 9, 101, 102, 103, 104, 114—116;

— и норма прибыли — 102, 103, 104, 115, 142, 144, 148;

— и деньги — 108, 112, 138;

— и прибыль — 98, 113, 115, 134—136;

— и стоимость товаров — 114—118;

— и борьба рабочих за ее повышение — 146—148, 326, 329.

Земельная собственность — 8, 68, 345, 362, 385, 421.

И.

Интернационал I (Международное товарищество рабочих) — 12—13, 89, 91—92, 195—196, 261, 274—278, 284—285, 290—291, 295—296, 306—308, 321, 322—335, 355—367, 378—379, 380, 381, 395—399;

— Генеральный совет (до 1866 г. — Центральный совет) — 15—16, 22, 195, 261, 271—272, 275, 285, 290, 295, 308, 336, 343—350, 356—367, 377, 380, 381, 395—399;

— Учредительный манифест — 5—13, 309, 396;

— Устав — 13—16, 195, 291, 295, 332, 364, 378, 396;

— и профсоюзы — 201—202;

— и война — 275, 309, 310, 334;

— борьба с сектантством — см. *Бакунизм и бакунисты*, *Прудонизм и прудонисты*, *Лассальянство и лассальянцы*.

Секции I Интернационала:

— в Америке — 278;

— в Англии — 277, 284—286;

— в Бельгии — 276, 306—308, 385;

— в Германии — 276, 277, 332, 397;

— в Голландии — 332;

— в Испании — 332;

— русская секция — 353—354, 366;

— во Франции — 201, 202, 274—275, 327, 378—379;

— в Швейцарии — 277, 323—324.

Конгрессы и конференции I Интернационала:

— Лондонская конференция (1865) — 394, 396, 397—399;

— Женевский конгресс (1866) — 195—204, 274, 290, 385, 399, 400;

- Лозаннский (1867) — 290, 360, 403—404;
 — Брюссельский (1868) — 273, 274—278, 290, 291, 307, 342, 355;
 — Базельский (1869) — 322—335, 358, 360, 375, 381.

Интернационализм пролетарский — 12, 13, 14, 15, 195—196, 202, 284, 295, 308, 309, 327, 402.

Ирландия и ирландский вопрос — 5, 192, 203, 261—262, 275, 339, 347—348, 359, 362—364, 405—429.

Испания — 154, 155.

Италия — 154, 155, 156, 161, 192; см. также *Итальянская война*.

Итальянская война (1859) — 39, 169, 319.

К.

Кавалерия — 40, 50, 167, 188, 189, 304, 305.

Капитал — 201, 211, 215, 217, 218, 227, 230, 336, 401;

— накопление К. — 98, 146, 213, 235, 236;

— основной — 146;

— постоянный — 250, 251;

— переменный — 250, 251, 256;

— и деньги — 238, 239, 240, 250, 258, 259;

— и труд — 67, 68, 230.

«*Капитал*» Маркса — 209—260, 263—270, 320.

Капитализм — 200, 210, 213, 219, 222, 230, 233, 237, 246, 247, 248, 345; см. также *Капитал*.

Кёльнский процесс коммунистов (1852) — 314.

«*К критике политической экономии*» Маркса — 28, 89, 215, 218, 319.

Классы и классовая борьба — 65—68, 74, 160, 193, 256, 313, 349, 368—373; см. также *Буржуазия*, *Пролетариат*, *Уничтожение классов*.

Конкуренция — 115, 216, 220, 234, 255.

Конституционализм — 56, 71.

Конституционный конфликт в Пруссии — 37, 61—63, 64—76, 83.

Концентрация капитала — 8, 9, 213, 236.

Кооперативное движение — 11, 12, 200, 285.

Кооперация — 212, 216, 221, 224.

Кредит — 28.

Крепостничество — 11, 67, 130, 159—160, 193, 215, 217, 220, 233, 252, 253.

Крестьянская война в Германии (1525) — 369.

«*Крестьянская война в Германии*» Энгельса — 368—376.

Крестьянская война в Дании — 31—32.

Крестьянство — 31—32, 69, 160, 192—193, 216, 341—342, 373, 374—375;

— как союзник пролетариата — 374—376;

— немецкое — 68, 69, 72, 280—281, 374—376;

— французское — 69, 72, 281, 341;

— русское — 193.

Кризисы экономические — 9, 76, 111, 141.

Крымская война (1854—1856) — 47, 153, 192.

Л.

Ландвер — 38, 39, 40, 47, 48, 52, 83, 167.

Лассальянство и лассальянцы — 19, 20, 30, 67, 73, 77—82, 85, 88, 89, 210, 219, 222, 223, 279—283, 314, 349, 350, 365; см. также *Всеобщий германский рабочий союз*.

«*Лига мира и свободы*» — 291, 331, 355—366.

Локауты — 196, 323, 382—384.

Люмпенпролетариат — 374.

М.

«*Манифест коммунистической партии*» — 318.

Малороссия (Украина) — 158, 160, 161.

Мануфактура — 213, 216, 221, 224.

Материалистическое понимание истории — 221, 317, 336, 369.

Машины и крупная промышленность — 9, 67—68, 121, 145, 213, 216, 221, 224, 255.

Международная политика рабочего класса — 13, 151—161; см. также *Ирландия и ирландский вопрос*, *Национальный вопрос*, *Польский вопрос*, *Россия*.

Международное товарищество рабочих — см. *Интернационал I*.

Мелкая буржуазия — 24, 27, 28—30, 66, 68, 69, 373—375.

Мелкое крестьянское хозяйство — 341—342, 374—376; см. также *Крестьянство*.

Милиция — 52, 204.

Н.

Наемный труд — 11, 126—127, 130, 215, 220—230, 233; см. также *Капитал*, *Капитализм*, *Пролетариат*.

Налоги — 38, 54, 57, 202—203, 212, 233, 318.

Наука — 26, 27, 220.

Научный социализм — см. *Социализм научный*.

Национализация земли — 340—342, 375.

Национальный вопрос — 151—161, 331, 362—364; см. также *Ирландия и ирландский вопрос*, *Польский вопрос*.
«Ницета философии» Маркса — 25—27, 269.
«Новая Рейнская Газета» — 217, 318, 319.
«Новая эра» в Пруссии — 52, 53, 56, 279, 317.
Норма прибавочной стоимости — 129, 251, 256, 257, 258.
Норма прибыли — 102, 103, 104, 115, 134, 135, 137, 142, 144, 215.

О.

Обнищание пролетариата при капитализме — 5—9, 140, 230, 235, 236, 300, 310.
Общественно-необходимый труд — 118, 123, 248, 269.
«Освобождение» крестьян в России (1861) — 192, 193.

П.

Панславизм — 157, 192, 366.
Парламентаризм — см. *Демократия буржуазная*.
Парламентская реформа 1832 г. в Англии — 75.
Партия пролетарская — 9, 12, 37, 54, 63—70, 77, 79, 83—84, 278, 314, 346; см. также *Интернационал I*.
Первоначальное накопление капитала — 126.
Песня датская народная — 31—32, 80—81.
Пехота — 40, 50, 167, 188.
Политическая экономия буржуазная — 11, 24, 25, 26, 27, 28, 104—105, 138, 211, 214, 215, 216, 217, 218, 230, 231, 314, 317, 318, 319, 400;
 — вульгарная — 211, 215, 216, 269—270;
 — классическая — 26, 115, 215, 216, 222;
 — пролетариата — 11, 211, 219, 220, 317—318, 320; см. также *«Капитал» Маркса*.
Польский вопрос — 91—92, 151, 152, 203, 205, 390—391, 399—400.
Польша — 91, 151—161;
 — и Россия — 13, 29, 91, 151—161, 190—194, 272, 353, 390.
 См. также *Польский вопрос*.
Право гражданское — 336.
 — наследования — 336—338.
 — наций на самоопределение — 155, 156.

Прибавочная стоимость — 127—134, 211—213, 215, 231, 232—234, 240—243, 248, 250, 260.
Прибавочный продукт — 127.
 — труд — 127—129, 139, 212, 232—234, 251, 252, 253, 254, 264, 266.
Прибыль — 98, 113, 115, 124, 129, 130—131, 132, 133, 134, 135, 212, 230, 231, 233, 234.
Производительность труда — 9, 105, 136, 137.
Производительные силы — 9, 68, 98, 105, 146, 237.
Производительные товарищества рабочих — 54, 67.
Производственные отношения — 24—25, 26; см. также *Классы*.
Пролетариат — 65—68, 74, 236, 237, 273, 278, 310, 313;
 — американский — 22, 278, 309—310, 334, 363;
 — английский — 5, 10, 13, 68, 320;
 — германский — 32, 65, 66, 68, 72, 74—75, 280, 297—303, 321, 390—391, 401;
 — русский — 153;
 — французский — 28, 72, 280.
 См. также *Партия пролетарская*, *Рабочее движение*, *Сельскохозяйственный пролетариат*, *Обнищание пролетариата*, *Пролетарская революция*.
Пролетарская революция — 12, 13, 126, 192, 193, 194, 200, 201, 202, 213, 219, 237, 295, 336, 337, 346, 361, 363.
Промышленная революция — 65; см. также *Машины и крупная промышленность*.
Промышленная резервная армия — 213, 236, 254.
Профессиональные союзы — 81, 148, 162—163, 201—202, 327, 332, 383.
 — в Англии — см. *Тред-юнионы*;
 — во Франции — 326, 327;
 — в Германии — 302, 332.
Прудонизм и прудонисты — 23 — 30, 152.
Пруссия — 38, 57, 61, 152—153, 161, 193, 221, 286;
 — и Польша — 91, 152, 153, 161, 193;
 — и Россия — 153, 193, 221;
 — и Франция — 193.
 См. также *Австро-прусская война*, *Военный вопрос в Пруссии*.

Р.

Рабочая сила — 125—130, 136, 143—147, 201, 211, 215, 232, 244, 245, 247, 249, 250, 263, 264, 265, 266;
 — цена и стоимость р. с. — 125—130, 136, 143—147, 211, 233, 244—245, 247, 249, 263.

Рабочее движение:

- в Австрии — 277, 331;
- в Англии — 75, 162—163, 212, 235, 277, 284—285, 304, 332—334, 346, 359—362, 396, 397, 398, 402; см. также *Чартизм*;
- в Америке — 278, 304, 309, 310, 334, 402;
- в Бельгии — 276, 304—308, 325—326, 397, 399, 402;
- в Венгрии — 331—332;
- в Германии — 55, 63, 68, 73, 75, 276—277, 278, 279, 314, 332, 376, 397, 402;
- во Франции — 75, 274—275, 326—330, 333, 395, 396, 397, 398, 402;
- в Швейцарии — 277, 322—325, 382—384, 397, 399, 402;
- Интернациональный характер р. д. — см. *Интернационализм пролетарский*.
- См. также *Интернационал I, Пролетариат*.
- Рабочий день (и борьба за сокращение рабочего дня)* — 10, 11, 74, 145, 216, 225, 227, 228, 234, 251, 252, 254, 263—268, 273, 320, 382—384;
- восьмичасовой р. д. (борьба за него) — 197, 267, 278, 403;
- закон о десятичасовом р. д. в Англии — 10, 11, 67, 104, 105, 212, 235, 255, 266.
- Рабочий класс* — см. *Пролетариат*.
- Рабство* — 11, 130, 142, 215, 220, 233, 252, 313, 336.
- в Америке — 13, 21, 22, 93—94, 267, 310.
- Разделение труда* — 118, 213, 216, 221, 224.
- Революция буржуазная конца XVIII в. во Франции* — 21.
- Революция 1830 г. во Франции* — 75, 154, 190.
- Революция 1848 г. во Франции* — 9—10, 28, 151, 154, 190;
- июньское восстание — 28, 69, 274, 373.
- Революция 1848—1849 гг. в Германии* — 9—10, 28, 53, 68, 151, 154, 190, 191, 192, 194, 274, 308, 314, 318, 369, 370, 371, 372, 373.
- Революция пролетарская* — см. *Пролетарская революция*.
- «Рейнская Газета»* — 317.
- Религия и религиозный вопрос* — 29, 160, 204, 428—429.
- Рента земельная* — 65, 131, 132, 212, 233, 336.
- Романский федеральный совет I Интернационала* — 343—350, 356—360, 430.
- Россия* — 151—161, 193, 203, 223, 353—354;

- и Англия — 10, 192, 194, 287—289;
- и Германия (Пруссия) — 152, 153, 193;
- и Польша — 13, 91—92, 151—161, 190—194, 272, 353, 390;
- внешняя политика Р. — 13, 91—92, 151—161, 190—194, 272, 353, 390, 401.

С.

- Свободы буржуазно-демократические* (свобода печати, союзов, собраний и т. д.) — 56, 66, 69, 70, 73, 74, 75, 76, 153, 235, 273, 276, 279, 280, 283, 331; см. также *Всеобщее избирательное право*.
- «Священный союз»* — 193, 203.
- Сектанство* в рабочем движении — см. *Бакунизм, Лассальянство, Прудонизм*.
- Сельское хозяйство при капитализме* — 341—342.
- при коммунизме — 342, 375.
- Сельскохозяйственный пролетариат* — 5, 9, 72, 73, 104, 106—107, 375, 376, 385;
- в Германии — 32, 72, 73, 281, 283, 375—376.
- Синие книги* — 5, 8, 241.
- Собственность:*
- античная — 24;
- буржуазная — 23, 24, 25, 375, 401;
- общественная — 336—337, 342, 375, 385;
- частная — 336—338, 375, 385, 401;
- феодальная — 24.
- Соединенные Штаты* — см. *Америка*.
- Социал-демократическая рабочая партия Германии* — см. *Эйзенгацц*.
- Стачки и стачечное движение рабочих* — 162—163, 196, 274, 277, 278, 304—305, 306, 308, 322—330, 382, 383.
- Стоимость* — 116—124, 131, 135, 136, 230, 231, 238, 239, 269;
- меновая — 26, 103—104, 114—120, 211, 239, 249;
- потребительная — 211, 239, 241;
- и цена — 113—114, 123, 141—142;
- рабочей силы — см. *Рабочая сила*.
- Социализм мелкобуржуазный* — 24, 26—30, 318.
- научный — 26, 210, 217, 230, 237, 314, 320, 346.
- утопический — 11, 12, 23, 26—27, 105, 222, 230, 337.
- Социалистическое общество* — 11, 198, 200, 219, 237, 342.
- Социалистическая революция* — см. *Пролетарская революция*.
- «Союз коммунистов»* — 314.

Т.

- «Тамозженный союз» — 225.
Теория трудовой стоимости — 116—120, 230, 238, 239. См. также *Стоимость*.
Товар и товарное производство — 28, 211, 215, 232, 238, 242, 245, 246.
Труд — см. *Общественно-необходимый труд*, *Прибавочный труд*.
Тред-юнионы — 89, 277, 284, 285, 327, 334, 361, 402.
Турция — 192.

У.

- Уничтожение классов* — 13, 295, 296, 342, 349, 364.
Утопический социализм — см. *Социализм утопический*.
Устав I Интернационала — см. *Интернационал I*.
Учредительный манифест I Интернационала — см. *Интернационал I*.

Ф.

- Феодалные пережитки в Пруссии* — 32, 55—56, 62, 65, 66, 67, 68, 71, 72, 281, 301, 302.
Фениш — см. *Ирландия и ирландский вопрос*.
Философия — 23—26, 193, 317; см. также *Диалектика*.
Франция — 29, 30, 70, 72, 155, 156, 192, 193, 194, 203, 281, 317, 318, 371; см. также *Рабочее движение*, *Революция 1848 г. во Франции*.
Французские просветители XVIII в. — 29, 159.

Х.

- Хлебные законы в Англии* — 107, 138.

Ц.

- Цена и стоимость* — 113—118, 122—125, 138, 142—143;
 — рабочей силы — см. *Рабочая сила*;
 — труда — 129—130;
 — рыночная — 101, 107, 108, 113—114, 122—124, 142—143;
 — «естественная» — 123—124.
Цеховые товарищества горнорабочих в Саксонии — 297—303.

Ч.

- Чартизм* — 10, 151.

Ш.

- Швейцария* — 156; см. также *Рабочее движение*.
Частная собственность — см. *Собственность частная*.

Э.

- Эйзенахцы* — 210, 277, 283, 331, 332, 349.
Экономическая и политическая борьба рабочего класса — 13, 199, 201—202, 348—349, 364; см. также *Профессиональные союзы*.
Эксплуатация рабочего класса — 5—10, 134, 140, 253—254, 255, 256; см. также *Прибавочная стоимость*, *Прибавочный труд*, *Прибавочный продукт*.

СОДЕРЖАНИЕ

**К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи, корреспонденции, документы
Интернационала.
1864—1870 гг.**

	<i>Стр.</i>
ПРЕДИСЛОВИЕ. <i>В. Адоратский</i>	VII
1864 г.	
<i>К. Маркс.</i> УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ	1—13
<i>К. Маркс.</i> ВРЕМЕННЫЙ УСТАВ ТОВАРИЩЕСТВА	13—16
<i>К. Маркс.</i> [ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ВЕОВАСНТЕР».]	17
<i>К. Маркс.</i> РЕДАКТОРУ «ВЕОВАСНТЕР» в Штутгарт	18—20
1865 г.	
<i>К. Маркс.</i> ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ АВРААМУ ЛИНКОЛЬНУ	21—22
<i>К. Маркс.</i> О ПРУДОНЕ (письмо Швейцеру)	23—30
<i>Ф. Энгельс.</i> БАРИН ТИДМАН (старо-датская народная песня)	31—32
<i>Ф. Энгельс.</i> ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РА- БОЧАЯ ПАРТИЯ	33—76
I.	38
II.	53
III.	64
<i>Ф. Энгельс.</i> [ЗАМЕТКА О БРОШЮРЕ «ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ».]	77
<i>Ф. Энгельс, К. Маркс.</i> В РЕДАКЦИЮ «SOCIAL-ДЕМОКРАТ»	78
<i>К. Маркс.</i> ЗАЯВЛЕНИЕ	79—82
<i>К. Маркс.</i> [РЕЦЕНЗИЯ НА БРОШЮРУ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ВОЕН- НЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ».]	83—84
<i>К. Маркс.</i> В РЕДАКЦИЮ «REFORM»	85
<i>К. Маркс.</i> ПРЕЗИДЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	86—90
<i>К. Маркс.</i> ПОПРАВКА	91—92
<i>К. Маркс.</i> ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ К ПРЕЗИДЕНТУ ДЖОНСОНУ	93— 94
<i>К. Маркс.</i> ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ	95—148
[Предварительные замечания.]	97
I. [Производство и заработная плата.]	—
II. [Производство, заработная плата, прибыль.]	100

	<i>Стр.</i>
III. [Заработная плата и деньги.]	108
IV. [Предложение и спрос.]	112
V. [Заработная плата и цены.]	114
VI. [Стоимость и труд.]	116
VII. Рабочая сила	124
VIII. Производство прибавочной стоимости	127
IX. Стоимость труда	129
X. Прибыль получается при продаже товара по его стоимости	130
XI. Различные части, на которые распадается прибавочная стоимость.	131
XII. Общее соотношение между прибылью, заработной платой и ценами	134
XIII. Главные случаи попыток повысить заработную плату или противодействовать ее падению	136
XIV. Борьба между капиталом и трудом и ее результаты	142
1866 г.	
<i>Ф. Энгельс.</i> КАКОЕ ДЕЛО РАБОЧЕМУ КЛАССУ ДО ПОЛЬШИ?	149—161
I. Редактору газеты «Commonwealth»	151
II.	154
III. Доктрина национальности в применении к Польше	158
<i>К. Маркс.</i> ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ	162—163
<i>Ф. Энгельс.</i> ЗАМЕТКИ О ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ	165—189
I.	167
II.	172
III.	177
IV.	182
V.	186
<i>К. Маркс.</i> РЕЧЬ О ПОЛЬШЕ	190—194
<i>К. Маркс.</i> ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ	195—204
1867 г.	
<i>К. Маркс.</i> В РЕДАКЦИЮ «ZEITUNG FÜR NORDDEUTSCHLAND»	205
<i>Ф. Энгельс.</i> РЕЦЕНЗИИ НА «КАПИТАЛ», ТОМ I	207—260
Рецензия для «Rheinische Zeitung»	210
» » «Die Zukunft».	214
» » «Elberfelder Zeitung».	217
» » «Düsseldorfer Zeitung».	219
» » «Der Beobachter».	221
» » «Gewerbeblatt aus Württemberg»	224
» » «Neue Badische Landeszeitung».	227
» » «Demokratisches Wochenblatt».	230
» » «Fortnightly Review».	238
<i>К. Маркс.</i> [ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ФЕНИИ В МАНЧЕСТЕРЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.]	261
<i>К. Маркс.</i> ПЛАГИАТОРЫ	263—268

	<i>Стр.</i>
1868 г.	
<i>К. Маркс.</i> МОЙ ПЛАГИАТ У Ф. БАСТИА	269
<i>К. Маркс.</i> [РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 7 ИЮЛЯ 1868 г. ПРОТИВ Ф. ПИА.]	271
<i>К. Маркс.</i> [РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 14 ИЮЛЯ 1868 г. О ПОВЕДЕНИИ БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ.]	272
<i>К. Маркс.</i> ПРЕЗИДЕНТУ И ПРАВЛЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО ГЕРМАНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА	273
<i>К. Маркс.</i> [ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА БРЮССЕЛЬСКОМУ КОНГРЕССУ М. Т. Р.]	274—278
<i>Ф. Энгельс.</i> К РОСПУСКУ ЛАССАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА	279—282
<i>Ф. Энгельс.</i> К РОСПУСКУ ЛАССАЛЬЯНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА [заметка вторая]	283
<i>К. Маркс.</i> [ЗАМЕТКА О М. ГИРШЕ.]	284—286
<i>К. Маркс.</i> КАКИМ ОБРАЗОМ ПИСЬМО Г-НА ГЛАДСТОНА БАНКУ В 1866 г. ДОСТАВИЛО РОССИИ ЗАЕМ В 6 МИЛЛИОНОВ ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ	287—289
<i>К. Маркс.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ И АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	290—292
1869 г.	
<i>К. Маркс.</i> ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ — ЦЕНТРАЛЬНОМУ БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	295—296
<i>Ф. Энгельс.</i> ДОКЛАД О ЦЕХОВЫХ ТОВАРИЩЕСТВАХ ГОРНЯКОВ В УГОЛЬНЫХ КОПЯХ САКСОНИИ	297—303
<i>К. Маркс.</i> БЕЛЬГИЙСКИЕ ИЗБИЕНИЯ	304—308
<i>К. Маркс.</i> ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНОМУ РАБОЧЕМУ СОЮЗУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ	309—311
<i>К. Маркс.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «ВОСЕНАДЦАТОГО БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА»	312—313
<i>Ф. Энгельс.</i> КАРЛ МАРКС	314—321
<i>К. Маркс.</i> ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ЧЕТВЕРТОМУ ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ	322—335
<i>К. Маркс.</i> ДОКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [О ПРАВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ]	336—338
<i>К. Маркс.</i> [РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПОЛИТИКЕ ГЛАДСТОНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ИРЛАНДСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ.]	339
<i>К. Маркс.</i> [НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ.]	340—342

1870 г.

<i>К. Маркс.</i> ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ В ЖЕНЕВЕ	343—350
<i>К. Маркс.</i> ГЛАВНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ — ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЖЕНЕВЕ	353—354
<i>К. Маркс.</i> КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ	355—367
<i>Ф. Энгельс.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ»	368—376
<i>К. Маркс.</i> [РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 26 АПРЕЛЯ 1870 г. ПРОТИВ ГАЗЕТЫ «ВЕЕНИВЕ».]	377
<i>К. Маркс.</i> [О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ ФРАНЦУЗСКИХ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.]	378—379
<i>К. Маркс.</i> [РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 10 МАЯ 1870 г. ПРОТИВ «ЛОНДОНСКОЙ СЕКЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».]	380
<i>К. Маркс.</i> [РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ ОТ 17 МАЯ 1870 г. О СОЗЫВЕ КОНГРЕССА В МАЙНЦЕ.]	381
<i>Л. Маркс.</i> ЛОКАУТ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ В ЖЕНЕВЕ	382—384
<i>К. Маркс.</i> [ПРОЕКТ ПОВЕСТКИ ДНЯ КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛА В МАЙНЦЕ.]	385

ПРИЛОЖЕНИЯ

[Заметка в «Berliner Reform».]	389
[Воззвание Лондонского немецкого рабочего просветительного союза.]	390—391
<i>Ф. Энгельс.</i> Численность армий в Шлезвиге	392—393
[Порядок дня Лондонской конференции 1865 г.]	394
[Письмо в редакцию «Echo de Verviers».]	395—400
[Отчет о речи Маркса на юбилейном празднике Лондонского немецкого рабочего просветительного союза 28 февраля 1867 г.]	401
Обращение Генерального совета Международного товарищества рабочих к членам, местным организациям и ко всем рабочим	402—404
<i>К. Маркс.</i> Английское правительство и заключенные фении	405—408
<i>К. Маркс.</i> Английское правительство и заключенные фении. Вторая статья	409—411
<i>Женни Маркс.</i> Статьи по ирландскому вопросу	412—429
Первая статья	412
Вторая статья	414
Третья статья	416
Четвертая статья	419
Пятая статья	422

	<i>Стр.</i>
Шестая статья. Аграрные преступления в Ирландии	425
Седьмая статья. Смерть Джона Линча	427
Восьмая статья. Письма из Англии	428
Генеральный совет — Романскому федеральному комитету	430

УКАЗАТЕЛИ

<i>Именной указатель</i>	433
<i>Предметный указатель</i>	453

ИЛЛЮСТРАЦИИ

— Титульный лист первого издания Учредительного манифеста и временного устава Международного товарищества рабочих	3
— Обложка брошюры Ф. Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия»	35
— Черновик написанного К. Марксом письма Генерального совета Альянсу социалистической демократии	293
— Первая страница рукописи Энгельса «Карл Маркс» 1869 г.	315
— Письмо Маркса членам комитета русской секции в Женеве, напечатанное в «Народном Деле» 1870 г.	351

Техред *А. Лавров.*

Под наблюдением *В. Степановой.*

Корректор *А. Кретищенко.*

Книга сдана в набор 21/VІ—1935 г.

Подписана к печати 1/VІ—20/VІІ 1936 г.

Партиздат № 345.

Главлит № 21049.

Заказ № 154.

Формат бумаги 68×100¹/₁₆. Печ. л. 29¹/₂ (86 400 тип. зн. в 1 бум. листе). Бум. листов 14³/₄. Тир. 36000 экз.
Бумага Каменской фабрики. Коленкор Щелковской фабрики.

Фабрика книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б). Москва, Краснопролетарская, 16.